РУССКАЯ ЭЛЕГИЯ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

✲

ИЗДАНИЕ
ТРЕТЬЕ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

РУССКАЯ ЭЛЕГИЯ

XVIII - НАЧАЛА XX ВЕКА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1991

ББК84.Р1
Р89

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев *(главный редактор)*

И. В. Абашидзе, А. Н. Болдырев, Р. Г. Гамзатов,
Н. С. Гилевич, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, А. М. Малдонис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Б. И. Олейник, А. И. Павловский

Вступительная статья,
составление, подготовка текста,
примечания и биографический справочник
Л. Г. ФРИЗМАНА

Редактор В. С. Киселев

Р $\frac{4702010102—046}{083(02)—91}$ 421—90

ISBN 5-265-01483-7

© *Л. Г. Фризман: вступ. статья, составление, биограф. справочник, 1991.*

ДВА ВЕКА РУССКОЙ ЭЛЕГИИ

1

Что такое элегия? Попытки ответить на этот вопрос предпринимались многократно, но по сей день мы не имеем и вряд ли будем когда-нибудь иметь исчерпывающее определение. Это объясняется в первую очередь самой спецификой жанровых дефиниций. Определить, как показывает этимология этого слова,— значит указать пределы, границы данного явления. Жанровые же определения таких границ обычно не указывают, и это связано не столько с недостатками тех или иных формулировок, сколько с особенностями жанров как специфических литературных категорий.

«Жанр,— говорил Б. В. Томашевский,— это сфера тяготения к одному центру...» Жанр «надо было бы обозначить как некую точку, вокруг которой группируются отдельные произведения. Эти произведения могут и в большей степени приближаться к этому абсолютному типу жанра, могут и удаляться от него. Где предел, после которого произведение перестает принадлежать к данному жанру,— определить довольно трудно». Поэтому исследователь обоснованно утверждал, что жанровые определения не могут носить характер «юридических формул»: «...как бы мы точно ни определяли, всегда найдется такое произведение, которое встанет на самую границу, и мы не скажем, куда оно относится...» [1] Сходную точку зрения высказывал и Ю. Н. Тынянов. «Мы склонны называть жанры по *второстепенным результативным признакам,* грубо говоря, по величине,— писал он.— Названия «рассказ», «повесть», «роман» для нас адекватны определению количества печатных листов». [2] И делал обоснованный вывод, что «давать *статическое* определение жанра, которое покрывало бы все явления жанра, невозможно...». [3]

---

[1] Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 502—503.

[2] Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 275.

[3] Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Там же. С. 256.

Тем большими были трудности, возникавшие при попытках дать определение элегии, где опереться на «второстепенные результативные признаки» не представлялось возможным. Уже И. С. Рижский в «Науке стихотворства», «учебной книге», которая, по словам А. Х. Востокова, «по полноте своей, по систематическому порядку может почесться первою в нашем языке»,[1] сетовал по поводу того, что «некоторые оды не будут иметь различия от элегии. Баттио говорит о сем еще более, и, впрочем, основательно, то есть что не только некоторые оды, но даже некоторые идиллии... можно назвать элегиями, а Мармонтель, как бы дополняя, говорит, что выдают элегии под именами других стихотворений». [2]

Тем не менее попытки дать определение элегии возникали неоднократно. Как бы мы ни расценивали их продуктивность, это часть истории жанра: художественная практика влияла на литературную теорию и в свою очередь испытывала обратное воздействие.

В XVIII и начале XIX века разные теоретики поэзии по-разному определяют жанровое своеобразие элегии. Одни акцентируют печальное содержание, которое непременно должно быть ей присуще, другие считают уделом элегии выражение смешанных чувств. Порою обе точки зрения перекрещиваются, одни и те же авторы «отдают должное» и той и другой. Феофан Прокопович говорит, что элегия «есть некое печальное поэтическое произведение».[3] Тредиаковский также определяет элегию как «стих плачевный и печальный». «Подлинно, хотя важное, хотя что любовное пишется в элегии, однако всегда плачевною и печальною речью то чинится».[4] Сумароков слышит в ней «плачевной музы глас».[5] Это мнение преобладает до начала XIX века.

Несколько иную позицию занимал хорошо известный в России эстетик Шарль Батте. «Элегия ограничивается тихими чувствами печали и радости,— отмечает он и тут же оговаривается: — Я не знаю даже, входит ли радость в понятие об элегии такой, какой она у нас ныне находится» [6]. В дальнейшем сходные суждения выска-

---

[1] В. [Востоков А. Х.]. Наука стихотворства, сочиненная Иваном Рижским... // «Санктпетербургский вестник». 1812, ч. 1, № 3. С. 347.

[2] Рижский И. С. Наука стихотворства. Спб., 1811. С. 264.

[3] Прокопович Ф. О поэтическом искусстве. М.; Л., 1961. С. 439.

[4] Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов // Избр. произв. М.; Л., 1963. С. 395 (Б-ка поэта, БС).

[5] Сумароков А. П. Наставление хотящим быти писателями // Избр. произв. Л., 1957. С. 136 (Б-ка поэта, БС).

[6] Батте Ш. Начальные правила словесности. М., 1807. Ч. 3. С. 330.

зываются уже более уверенно. «Чувствительное сердце,— пишет И. С. Рижский,— огорченное несчастьями собственными или других, находя некоторое как бы облегчение в том, чтобы излить из себя угнетающие чувствования горести, изобрело для того сей особливый род стихотворения; но со временем нежные и даже веселые ощущения сделались содержанием элегии».[1] «Истинный характер ее, кажется, состоит в том, что стихотворец совершенно объят бывает тихим чувством печали или кротким веселием, соединенным с нежностью, причем выражает их привлекательным и несколько подробным языком».[2] «...Естественно, что они ⟨любовники⟩ после стенаний печали начали употреблять элегию как бы из благодарности, для изображения радости и для воспевания побед».[3] «Элегия есть пиитическое, большей частью описательное изображение различных чувствований, приятных вместе и неприятных, но всегда в существе своем тихих и умеренных».[4] «Элегия, как тоскливое и веселое пение, возбужденное воспоминанием, относится своей поэзией к былым или минувшим страдательным состояниям души, которые охладели теперь до того, что мы можем уже представлять себе оные в мыслях, не чувствуя дальних потрясений, и, напр⟨имер⟩ хотя со слезами еще на глазах, но уже с расцветающею на устах улыбкою, воспевать блага, которых лишаемся»,— писал А. Галич.[5] Почти те же слова повторяет Н. И. Греч, говоря, что элегия изображает «сладостное уныние, возбуждаемое в душе воспоминанием о безвинно утраченном благе».[6]

В 1841 году появилась известная статья В. Г. Белинского «Разделение поэзии на роды и виды», где нашло себе место и определение элегии — «песня грустного содержания».[7] Белинский не случайно назвал элегию не «стихотворением грустного содержания», но именно «песней». Он ощущал родство этих двух лирических жанров. И в другом месте своей статьи заметил, что в пушкинскую эпоху «элегия-песня сделалась исключительным родом лирической поэзии».[8] По-видимому,

---

[1] Рижский И. С. Наука стихотворства. С. 262.

[2] Бередников Я. Об элегии и героиде (Из Сульцеровой Теории изящных искусств // «Благонамеренный». 1818, № 7. С. 70.

[3] Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии. Спб., 1821. Ч. 1. С. 360—361.

[4] Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. С. 170.

[5] Галич А. Опыт науки изящного. Спб., 1825. С. 177—178.

[6] Греч Н. И. Учебная книга русской словесности: Изд. 2-е. Спб., 1830. Ч. 3. С. 160.

[7] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 50.

[8] Там же. С. 52.

критик стремился подчеркнуть присущую элегии мелодичность, напевность.

Спустя несколько лет после появления статьи «Разделение поэзии на роды и виды» свое определение элегии выдвинул Гоголь. Элегия, писал он,— «это сердечная история — то же, что дружеское откровенное письмо, в котором выказываются сами собою излучины и состояния внутренние души... Подобно сердечному письму, она может быть и коротка, и длинна, скупа на слова и неистощимо говорлива, может обнимать один предмет и множество предметов, по мере того как близки эти предметы ее сердцу. Чаще всего носит она одежду меланхолическую, чаще всего в ней слышатся жалобы, потому что обыкновенно в такие минуты ищет сердце высказаться и бывает говорливо».[1] Здесь существенно указание на то, что определение элегии не может строиться на учете лишь формальных признаков (пространности или лаконичности стихотворения) или избранных тем («предметов»), но на том, как эти темы осмысливаются, т. е. на исповедальном характере элегии.

Определение Белинского было без существенных изменений принято советской литературной наукой. Современные специалисты либо повторяют его, либо предлагают близкие к нему варианты. Те дефиниции, которые содержатся в новейших зарубежных терминологических справочниках и монографиях по проблемам поэтики, также близки к определению Белинского: «печальное, меланхолическое стихотворение», «погребальная песнь» и т. п. Нередко определения элегии базируются на перечислении характерных для нее тем (смерть, разлука, прощание и др.) или настроений (тоска, печаль, скорбь, безнадежность и т. п.).

Как уже говорилось, поиски определения элегии были тесно связаны с поэтической практикой. В эпоху классицизма элегия понималась почти исключительно как жалобное размышление о жизненных утратах. Это понимание уходило своими корнями в художественную природу классицизма с присущими ему канонами и системным подходом к изображению действительности. Классицистическое понимание элегии не было утрачено и впоследствии, но оно обогатилось новыми идеями и настроениями, обрело более емкий и сложный смысл.

Расцвет жанра в первой четверти XIX века отразился и в новых его определениях. Элегиями стали называть стихотворения, выражающие тихие, нежные, умеренные чувства, как меланхолические, так и радостные, носящие интимный, исповедальный характер, воплощающие размышления о жизни и человеке, о судьбе и истине.

---

[1] Гоголь Н. В. Учебная книга словесности для русского юношества // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 476.

Мир элегической поэзии не укладывался ни в какие дефиниции критики и литературной теории, им удавалось лишь с некоторой степенью определенности наметить его очертания.

2

Первые русские элегии создавались в эпоху классицизма и по-своему отразили своеобразие его философии. Как известно, мировоззренческим фундаментом классицизма явился рационализм, убежденность в величии и всесилии человеческого разума. Та правда, верность природе, которой требовал от искусства классицизм, «была не реально-эмпирическая правда живой, противоречивой, стихийной жизни, а правда высокая, разумная, логически организованная, правда должного, а не сущего».[1] Нормативность творческих установок этого метода, надличность утверждаемых им идеалов изначально обрекали элегию на периферийное положение в системе классицистических жанров.

Ближайшей предшественницей русских элегиков была французская поэтесса, графиня де ла Сюз, активно культивировавшая этот жанр и писавшая элегии, которые пользовались значительным успехом. Ее знали и на нее ссылались и Тредиаковский, и Сумароков. Однако стилевые особенности элегий де ла Сюз, прециозный слог, придававший им «специфический тон галантной болтовни», «сплошные острия (pointe), игра слов, игра мыслей, всевозможные элегантные запутанности, необыкновенные гиперболы и антитезы»[2] — все это не получило развития на русской почве.

Намного более соответствовали творческой практике русских элегиков XVIII века установки Буало, который писал:

> В одеждах траурных, потупя взор уныло,
> Элегия, скорбя, над гробом слезы льет.
> Не дерзок, но высок ее стиха полет.
> Она рисует нам влюбленных смех, и слезы,
> И радость, и печаль, и ревности угрозы.[3]
>
> *(«Поэтическое искусство». Пер. Э. Линецкой)*

От утверждений Буало, что «лишь поэт, что сам любви изведал власть, Сумеет описать правдиво эту страсть», что «элегия сильна

---

[1] Макогоненко Г. П. Пути развития русской поэзии XVIII века // Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 11 (Б-ка поэта, БС).
[2] Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 50.
[3] Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 68.

лишь чувством непритворным», тянется нить к программному четверостишию Сумарокова, которое поэт предпослал своей книге «Элегии любовные» (1774):

Противняе всего элегии притворство,
И хладно в ней всегда без страсти стихотворство,
Колико мыслию в него не углубись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.

Характерные особенности русской элегии эпохи классицизма воплощены уже в элегиях Тредиаковского, приложенных автором к его «Новому и краткому способу к сложению российских стихов». Элегии XVIII века посвящались почти исключительно двум темам: это были либо любовные стихотворения, либо стихотворения на смерть. Тредиаковский разрабатывал обе названные темы: первая элегия, помещенная в «Новом и кратком способе»,— любовная, вторая объединяет и ту, и другую тему: автор изображает в ней горе «вымышленного супруга», который «неутешно крушится о том, что уведомился он подлинно о смерти своей Илидары, а, однако, любить ее и по смерти перестать не может».[1]

Хотя Тредиаковский «пускал в свет» свои элегии «по примеру многих древних и нынешних стихотворцев», он счел необходимым извиниться перед читателем за их любовную тему и объяснить, что описывает «в своих двух элегиях не зазорную любовь, но законную, то есть таковую, какова хвалится между благословенно любящимися супругами», и что в упоминаемом им «Купидине» следует видеть не «поганского Венерина выдуманного сына», а «пристрастие сердечное», которое «хулимо быть никогда нигде еще не заслужило».[2]

Сорок лет спустя, выпуская собрание своих любовных элегий, и Ф. Козельский выражал опасение, не помыслит ли иной читатель, что «сие сочинение... никакой пользы обществу принести не может», и оправдывал его издание тем, что и в нем может быть «полезное нравоучение скрыто». «Проходя самые бесполезнейшие с виду книги, взяв предводителем разум, и в тех находить можно драгоценное сокровище».[3]

Тредиаковский тоже берет «предводителем разум». Горе, терзающее героя, предстает в его стихах как бунт неразумных страстей против разума:

---

[1] Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ... С. 396.
[2] Там же. С. 395—396.
[3] Козельский Ф. Соч.: 2-е изд. Спб., 1778. Ч. 2. С. 5—6.

Мысли, зря смущенный ум, сами вся мятутся,
Не велишь хотя слезам, самовольно льются...

(Элегия II)

Глубинный оптимизм философии и эстетики классицизма в основе своей противостоял элегической установке на печальное освещение событий жизни, грустные размышления и т. п. В бедах и несчастьях, изображенных в элегиях классицизма, их авторы видят не закономерность, а единичное по своей природе вторжение зла в разумно и справедливо устроенное бытие. Герою Тредиаковского, например, случившееся с ним представляется событием уникальным: ничье сердце «не впадало... в равные напасти». Нормальным и закономерным было бы его счастье с «драгою» Илидарой, но «прежестока смерть уже ссекла ту косою», ее «нельзя любити», она «хладна ныне пребывает», «нагла жара моего та не ощущает», и поэт стремится к тому, чтобы «сей жар» «не горел».

Илидара описана в элегии со множеством деталей ее внешности: «вся белейша снега», «долговатое лицо и румяно было», «очи светлы у нее, цвета же небесна», «алость на устах», «перловы зубы», «черностью ее власы соболю подобны» и т. п. И поэт гордится тем, что описал ее «всяка без урону» (т. е. без всякого урона). Это свидетельство того, что он действительно «любил... ону несравненно». Но и его страсть должна подчиниться разуму, примириться с непоправимостью свершившегося. Мертвая возлюбленная может остаться в памяти, но не в сердце. В этом смысл двустишия, которое повторяется в элегии шесть раз и завершает ее, служа своеобразным рефреном:

О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!

(Элегия II)

Наиболее интересные в типологическом отношении элегии эпохи классицизма писал Сумароков. Как и у Тредиаковского, но полнее и разностороннее воплотилось в его стихах рационалистическое мировоззрение, воплотилось в самом осмыслении печального события, избранного объектом изображения. Когда Сумароков в стихотворении на смерть скорбит о кончине, часто безвременной, какого-нибудь достойного человека, он уверяет нас, что события приняли ненормальный ход: умерший должен был быть жив и счастлив.

Когда в любовной элегии он сокрушается из-за измены своей возлюбленной или горюет в разлуке с ней, то за его сожалениями, слезами и жалобами на судьбу чувствуется убеждение, что мир, хоть и не достиг совершенства, в основе своей хорош, устои его разумны. Несмотря на горести, которые порой потрясают его, нормальным

ощущением является все-таки осознание исконной гармонии мироустройства, удовлетворение жизнью и вера в грядущее счастье. Любая элегия той поры — стихотворение о власти случая над человеческой судьбой, случая, который вторгается в жизнь и нарушает присущую ей гармонию. Сколь ни велики горести, описываемые элегиком, он никогда не забывает, что они не суть проявление некоего общего закона, по которому жизнь дурна, а добро обречено на страдания и унижение. Нет, они лишь результат неудачного стечения обстоятельств, случая. Отсюда — одно из ключевых слов в элегиях Сумарокова — «случай» или, как он иногда писал, «случа́й»:

Терпи, моя душа, терпи различны муки,
Болезни, горести, тоску, напасти, скуки,
На все противности отверзлось сердце днесь,
Хоть разум омрачен и огорчен дух весь!
Веселой мысли нет, все радости сокрылись...

В чем же причина этих «мук» и «противностей»?

Все злые случаи на мя вооружились...
(«Терпи, моя душа, терпи различны муки...»)

Если человек несчастен, из этого вовсе не следует, что людям вообще свойственно страдать и бедствовать. Просто так сложилась участь конкретного лица: «такой мне век судьбою учредился», «несчастливее всех людей на свете я». Не жизнь плоха, а то печальное, что случилось с отдельным человеком. Отсюда один из сквозных мотивов в элегиях Сумарокова: просьба, мольба избавить героя этих стихотворений от мук и горестей, от «злых случа́ев».

Элегия Сумарокова — это всегда или почти всегда взволнованная речь, обращенная к кому-то или к чему-то. Наиболее характерный адресат — конечно, женщина, предмет страсти и источник горестей поэта: «дорогая», «дражайшая», «любезная», «неверная». Но в этих стихах немало и других разнообразных обращений: «о рок», «о время грозное», «о вы, плачевны дни», «о сладкая моя надежда», «о мой несчастный век», «о лютая напасть», а также «Россия», «Москва», «Екатерина», «Елисавета», «Вольтер» и т. п. Элегия Сумарокова предрасположена к слиянию с эпистолой (посланием). И такое слияние действительно происходит. Появляются элегии «К г. Дмитревскому. На смерть Ф. Г. Волкова», «Ко Степану Федоровичу Ушакову, губернатору Санктпетербургскому, на преставление графа Алексея Григорьевича Разумовского», «К г. Дмитревскому. На смерть Татианы Михайловны Троепольской...».

В творчестве поэтов сумароковской школы элегия претерпевает заметные изменения.[1] В ней усиливается повествовательный элемент, появляется предыстория, рассказ о предшествующих событиях, иногда поглощающий значительную часть стихотворения. Элегии уделяют все больше внимания деталям лирической ситуации, конкретным происшествиям, влияющим на взаимоотношения и судьбы действующих лиц. Наряду с главными персонажами (герой, его возлюбленная) появляются и второстепенные: безжалостный отец героини, ее ревнивый муж и т. п. Элегия становится более занимательной, порой приближается к небольшой стихотворной новелле. Но философская, мировоззренческая подоснова жанра в существе своем остается прежней.

Последователям Сумарокова присуща убежденность в исконной разумности жизни, в которую вторгаются отдельные «злые случаи», единичные печальные факты и трагические события:

Хотя напасти нас и часто утесняют
И нам мучения нередко причиняют,
Но с временем тоска проходит завсегда,
А мне отрады уж не будет никогда.

(С. Нарышкин. «Лишенный вольности, терзаемый тоскою...»)

Как ни безрадостна ситуация, в которой оказался отвергнутый или разлученный со своей любимой герой, достаточно благоприятного поворота фортуны — и горести уступят место покою и счастью:

...Сердце верное тебе я поручаю.
Коль не гнушаешься владеть ты им навек,
Я буду счастливей всех в свете человек...
О счастье в свете сем! О счастье беспримерно!
Когда б достигнути я мог опять тебя,
В веселье бы я жил, печали истребя.

(П. Фонвизин. «Чтобы избавиться жестокого мученья...»)

Когда б, неверного, тебя я не видала,
То б жизнь моя теперь спокойно протекала.
Не знала б я тоски, не знала б грусти сей...

(В. Санковский. «К чему ты привела меня, судьбина гневна...»)

---

[1] Подробнее об этом см. в упоминавшейся книге Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века». С. 67—102.

Глубокое убеждение в поправимости, так сказать, единичности, «случайности» всех несчастий и горестей пронизывает творчество поэтических наследников Сумарокова.

Одним из наиболее оригинальных и плодовитых элегиков XVIII века был А. Ржевский. Он реформировал жанр во многих аспектах, включая ритмику и систему рифмовки. Но особого внимания заслуживает то, что именно Ржевский широко вводит в элегию образы природы. Пейзаж, контрастирующий с настроением героя,— с чем мы будем часто встречаться в поэзии на протяжении последующих эпох — станет достоянием виднейших мастеров, которые будут обновлять его, открывать в нем новые возможности! Все они в известном смысле явятся последователями Ржевского, который писал:

Приятная весна места уж оживляет,
Река прозрачные струи уж открывает,
Усыпанны песком, означились брега,
Лес ли́стом кроется, цветут сады, луга,
По рощам соловьи приятно воспевают
И радость чувств своих сердечных возвещают.
Но нет еще конца злой горести моей,
И нет утехи днесь ни в чем в стране мне сей...

(«Ничто моей тоски не может утолить...»)

Наряду с обычными и для предшественников Ржевского обращениями к «неверной», к «гневной судьбе», к «грозному року», мы видим в его элегиях и такие:

Струи прохладных вод, я вам лишь открываю...
О ветры! Вы мой стон сей горестно внимайте...

(«При сих морских брегах жизнь в скуке провождая...»)

Чем богаче становилась образная палитра элегиков XVIII века, чем большего достигали они в способности передать правду чувства, тем ощутимее давало себя знать коренное и неустранимое противоречие: эмоциональность интимного свойства, присущая элегии как жанру, противоречила рационалистическим основам эстетики классицизма с его культом разума и приматом разума над чувством. В романтическую эпоху ситуация кардинально меняется. Иными становятся и сама элегия, и ее место в литературе.

3

Характеризуя процесс перехода от классицизма к романтизму, Г. А. Гуковский писал: «Новые (буржуазные в своей основе) явления европейских литератур второй половины XVIII века обычно обозначают терминами «сентиментализм» или «предромантизм». Я не считаю

нимало эти термины порочными так же, как я не вижу основания протестовать против разграничения предромантизма от романтизма. Но это разграничение может сохранить силу только при частном изучении самой этой переходной эпохи,— для России, например, 1770—1790-х годов. В плане же общего стадиального движения литературы (русской, как и всякой другой), как мне кажется, можно говорить о едином периоде, едином стиле, противопоставленном классицизму, с одной стороны, и реализму — с другой, о стиле романтизма и предромантизма, его предвестия...» [1]

Этот подход заслуживает особого внимания, когда речь идет об истории элегии. Конечно, выделить некий пласт поэтического материала, который определялся бы как элегия сентиментализма, возможно: это прежде всего стихи Н. М. Карамзина и его непосредственных последователей. Но и в количественном отношении, и с точки зрения своего философского и эстетического своеобразия она несопоставима ни с элегией классицизма, ни с элегией романтизма. Сентиментализм отказывается от культа разума в пользу культа чувства, но само представление о чувстве во многом остается рационалистическим. Проникновение в диалектику чувства, в сложность и противоречивость эмоционального мира оказалось для сентименталистов недоступным. Все же сентименталистская элегия была предвестьем романтической элегии. В ней складывались идеи, мотивы, образы, которые достигли расцвета в элегиях развитого романтизма.

В романтическую эпоху элегия занимает ведущее место в ряду лирических жанров. Ни один из них не соответствовал в такой мере мироощущению поколения, не оказался столь пригоден для выражения идей времени, как этот. «Грустное содержание», обычно бывшее смысловой доминантой элегии, становится для романтиков признаком общего отношения к действительности, на все налагающего свой отпечаток. «...Непосредственный характер чувства и выражения,— писал о романтической элегии Гегель,— достигает здесь опосредствования рефлексии и повсюду направляющего свой взор созерцания, подводящего единичные моменты созерцания и сердечного опыта под более общие точки зрения...» [2]

Романтическая элегия — это стихотворение не о неразделенной любви, не о болезни, не о смерти, не о каком-либо «злом случае», а о неправедном устройстве жизни, об извечных и неустранимых пороках бытия. Поэт-классик даже в горе, даже в разлуке твердо верил в ограниченные масштабы несчастий. Путь к счастью, казалось, был

---

[1] Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 19.

[2] Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике // Соч. М., 1958. Т. 14. С. 319.

ему известен. Обращаясь к своей «любезной», он предлагает ей четкую программу действий:

...Любезная, отдай
Обратно мне себя. Препятства побеждай,
Поссорься за меня с домашними своими.
Скажи, что жить тебе назначено не с ними.

(Ф. Козельский. Элегия I)

Для романтика же «препятства», как правило, неодолимы. Он не способен наслаждаться счастьем, ибо не верит в него. Даже «владеющи возлюбленных сердцами» не могут быть счастливы: «Блаженство мыслию конца отравлено».

Что самая любовь, сей жизни упоенье?
Восторги пламенны в слиянии сердец
Не столько сладостны, как страшно разлученье —
Страшнейшее для нас, чем самый наш конец.[1]

В истории литературы редко можно датировать рубеж, когда зародилось или сошло на нет то или иное художественное явление. Но русская романтическая элегия имеет свой год рождения — 1802-й. В этом году были созданы два стихотворения, ознаменовавшие собою важнейшую веху в эволюции жанра, и не только потому, что речь идет о замечательных произведениях, вошедших в золотой фонд отечественной лирики, но и потому, что каждое из них являло собой образец, тип романтической элегии, оказавший значительное влияние на поэтов последующих эпох. Одно из них — «Сельское кладбище» В. А. Жуковского, другое — «Элегия» («Угрюмой Осени мертвящая рука...») А. И. Тургенева.

«Сельское кладбище» было переводом прославленной элегии английского поэта Т. Грея «Elegy written in a Country Churchjard», причем отступления от оригинала, которые мы видим в стихах Жуковского, не следует воспринимать как изолированные друг от друга переводческие «вольности»: в их основе лежит единая тенденция, последовательно воплощаемая в образной и стилистической структуре стихотворения.[2] Перевод «Сельского кладбища» возник в иную эпоху, чем та, в которую был написан оригинал. Жуковский же ориентировался на современные читательские запросы, и в создаваемой им новой художественной системе даже те места элегии Грея, которые

---

[1] Милонов М. В. Монастырь // Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения. Спб., 1819. С. 103.

[2] См. об этом: Reissner E. Żukowskij und Gray. Übersetzung — Bearbeitung — Umfunktionierung // «Zeitschrift für Slawistik». 1972. Bd. 17, N 4. S. 504—514.

были переведены без существенных изменений, приобретали иное звучание, оказывали иное воздействие на читателя.

Элегия Грея была одним из вершинных произведений английского сентиментализма, уделявшего, как известно, много внимания «социальному вопросу, обострению имущественного неравенства и другим последствиям быстрого развития английского капитализма после революции».[1] В ней прозвучал призыв сочувствовать простому человеку, скромному сельскому труженику, которому бедность и трудные условия жизни не позволили свершить то, на что он, может быть, был способен. Эмоциональным аргументом, к которому прибегает поэт, обосновывая этот тезис, является тема смерти. Смерть равняет всех — и тех, чей удел — скромные, неукрашенные могилы, и тех, кто покоится под величавыми монументами.

Жуковский-переводчик обошел социальную проблематику стихотворения. Тезис Грея не был для него существен, но аргумент, к которому обращался английский поэт, оказался выдвинут на центральное место в смысловой структуре переводного стихотворения. Сумрачный пейзаж, гробовая сень, скорбные памятники «в приюте сосн густых, С непышной надписью и рѣзьбою простою» — все это нужно Жуковскому, чтобы развить глубоко романтическую в своей сущности идею о всесилии судьбы, воплощенном во всесилии смерти:

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет, грозная... и некогда найдет;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

На кладбище познается подлинная мудрость жизни. Надпись на могильной плите учит познанию высших истин, изображает «библейскую мораль», «по коей мы должны учиться умирать».

«Сельское кладбище» выразило философию эпохи, ознаменовавшейся становлением романтизма. Этим стихотворением Жуковский ответил на насущные читательские запросы. Его трактовка элегии Грея оказала огромное влияние на русскую поэзию, а появившийся через год и в некоторых отношениях более точный перевод П. Голенищева-Кутузова [2] был едва замечен.

Именно Жуковский ввел тему кладбища в русскую элегическую поэзию. В элегиях эпохи классицизма — у А. Сумарокова, С. Нарышкина, А. Нартова, А. Аблесимова, П. Фонвизина, А. Ржевского, Ф. Козельского — этой темы не было, и, видимо, не случайно. «Связь между композиционными и тематическими элементами данного жан-

[1] История английской литературы. М.; Л., 1945. Т. 1. Вып. 2. С. 502.

[2] Стихотворение Грея, с английского языка переведенное Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1803.

рового единства,— писал В. М. Жирмунский,— не является априорной, теоретически необходимой: это *индивидуально данная, исторически обусловленная комбинация* таких элементов». [1] Жуковский нашел именно ту комбинацию, которая выразила философию эпохи, ознаменованной становлением романтизма.

В первые десятилетия XIX века в русских журналах и альманахах появляется большое количество произведений с описанием кладбищ, могил, надгробий — произведений, в которых сказалась зависимость от знаменитой элегии Жуковского («Кладбище» Ф. Рындовского, «Могильная плита» А. Буниной, «К сельскому погосту» Н. Иванчина-Писарева, «Надгробие» В. Кюхельбекера, «Полночь у кладбища» Е. Алипанова, «Кладбище» В. Горчакова и многие другие). Недаром противники романтизма обвиняющим тоном восклицали: «Посмотрите на наш Парнас: это кладбище, где валяются черепы, кости, полуразвалившиеся гробницы и кресты могильные...» [2] Популярность «Сельского кладбища» своеобразно проявилась и в том, что оно неоднократно использовалось в полемических, пародийных целях — и современниками Жуковского, и поэтами следующего поколения.

«Элегия» А. И. Тургенева не привлекла к себе такого внимания, как «Сельское кладбище». Но по своему значению в истории русской элегической поэзии она вряд ли уступает стихотворению Жуковского. Тургенев впервые показал, какие выразительные возможности заключает в себе сопоставление осеннего угасания природы с угасанием человека и человеческого счастья. Позднее этот прием найдет необычайное распространение в романтической поэзии.

Пейзаж в «Элегии» — одушевленный, очеловеченный. Грань между повествованием о природе и о человеке зыбка, затемнена.

Где тени мирные доселе простирались,
Беспечной радости где песни раздавались,—
Поблекшие леса в безмолвии стоят...

«Тени мирные» — это не объективный признак предмета, а слово, которое характеризует, скорее, видящего эти тени человека. Кто пел песни «беспечной радости»? Птицы? Но и в этом случае рассказ о пении птиц сливается с рассказом о человеческих чувствах. И конечно, описание осеннего пейзажа переходит в повествование о бренности счастья, о гибели всех радостей земли:

Смотри, как сохнет всё, хладеет, истлевает;
Смотри, как грозная, безжалостная *смерть*
Все ваши радости навеки поглощает!

---

[1] Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 224.

[2] Житель Бутырской слободы [Глаголев А. Г.]. Еще критика (Письмо к редактору)//«Вестник Европы». 1820, № 11. С. 213—214.

Картины увядающей природы вступают в таинственную и нерасторжимую связь с душой человека. Они отвечают его чувствам, всему его мировосприятию.

Здесь бурной осенью Природа обнаженна
Разделит с нежностью грусть сердца твоего;
Печальный мрак ее с душой твоей сходнее,
Тебе ли радости в мирском шуму *найти?*

В последних строфах образы природы еще более удаляются от своего предметного значения и эмоционально подкрепляют основную идею элегии — мысль об отсутствии подлинного счастья в этом мире, о тщете человеческих надежд. Здесь уже «луч» — это не свет в предметно-логическом смысле, а проблеск веры в жизнь и счастье, а мрак — подавляющее эту веру всесильное зло, которое царит на земле.

Что счастье? Быстрый луч сквозь мрачных туч *осенних:*
Блеснет — и только лишь несчастный в *восхищенье*
К нему объятия и взоры устремит,
Уже сокрылось всё, чем бедный веселился;
И он, обманутый, растерзанный, стоит
И небо горестной слезою укоряет!
Так! счастья в мире нет; и кто живет — страдает.

Стихотворение А. Тургенева обозначило один из характерных и продуктивных типов элегической лирики. К нему можно отнести «Осень» и «Осеннее чувство» В. Красовского, «Осенний вечер» С. Саларева, «Осенний вечер» П. Шкляревского, «Осень» Н. Тепловой, «Осеннюю грусть» Ф. Глинки и многие другие.

Подобно излюбленному времени года авторы романтических элегий находят и наиболее соответствующее их настроениям время суток: сумерки, вечер, ночь («Вечер» Жуковского, «Вечер» Батюшкова, «Вечер» А. Глебова, «Ночь» Я. Севостьянова, «Ночь» С. Саларева, «К ночи» В. Григорьева и другие). Одним из самых распространенных элегических «штампов» становится луна — почти обязательная принадлежность ночного пейзажа.

Когда Кюхельбекер в известной статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» подверг уничтожающей критике элегиков школы Жуковского, то первой в числе самых избитых штампов этой поэзии оказалась «луна», которая — разумеется — «уныла и бледна...».[1] Значительно менее изве-

[1] Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 194.

стно, что моду на луну в современной лирике высмеял пятью годами ранее сам Жуковский. Речь идет о его шутливом послании «Государыне императрице Марии Федоровне». Готовя заказанное ему «донесенье» о луне, романтический поэт тщетно скитается ночами, пытаясь «присмотреть» за ускользающим от него светилом. Вместо луны приходится писать о солнце («...Надобно отдать и солнцу справедливость!»). Неудача, постигшая романтика, объясняется весьма прозаически:

И ежели моим стихам
Не много удалось сказать о лунном свете,
То не моя вина:
В июне месяце луна,
Как я уже донес, едва-едва сияет;
Ее сонливый свет
Воображения совсем не возбуждает,
И, глядя на нее, лишь сердится поэт.[1]

Казалось бы, избитый элегический штамп осмеян и дискредитирован. Но Жуковский счел необходимым высказать и другую, шутливо выраженную, но очень важную мысль: есть ли луна на небе или нет, поэту-романтику без нее не обойтись:

...Если истинной луной
(Застенчивой или упорной)
Мы любоваться не могли,
Зато замену мы нашли
В луне прекрасной *стихотворной.*
Небесную в небесной мгле
Оставив странствовать с звездами,
Мы стихотворную, в столе
Между летучими листками
Открывши, вызвали на свет.[2]

Читателю важна — и Жуковский это великолепно понимает — не луна сама по себе, а атмосфера ночного таинства, переживание беспредельности пространства. В этом-то и есть правда романтической поэзии, подлинный предмет ее изображения. Ведь, как сказал сам Жуковский, «красота не в природе, а в душе человека».[3]

---

[1] Жуковский В. А. Государыне императрице Марии Федоровне // Собр. соч. Спб., 1902. Т. 3. С. 8.

[2] Там же. С. 9.

[3] Цит. по кн.: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918. С. 446.

Подлинно поэтическое описание луны, предполагавшее выражение смутных, противоречивых чувств, требовало расширения поэтической палитры. И авторам, и читателям все труднее было мириться с бедностью и однообразием художественных средств. Вместе с тем в 1820-е годы элегию так часто упрекали в подражательности, узости тематического круга и других подобных грехах, что может создаться впечатление, что элегический жанр был главным рассадником эпигонства. В подобных упреках была доля истины, но и немалая доля заблуждения. Среди элегиков действительно было много эпигонов. Но создавались элегии и подлинно новаторские, между тем тонкие черты оригинальности в них, своеобразная трактовка привычных мотивов и ситуаций либо не замечались, либо не получали справедливой оценки.

Сходство поэтических структур, обнаруживаемое в романтических элегиях, не может быть объяснено лишь эпигонством. «...Эта повторяемость, эта «штампованность» элементов стиля сама по себе вовсе не была результатом упрощенческой работы эпигонов. Наоборот, она была органически свойственна самому стилю в целом...»[1] Когда Кюхельбекер в 1824 году сказал, что, «прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все»,[2] он был не прав, потому что не увидел того нового и своеобразного, что было достигнуто упомянутыми им поэтами в обогащении сложившегося жанрового канона. Но он был глубоко прав, полагая, что элегия в силу специфичности своего содержания предрасполагает к повторяемости стилевых приемов, элементов лирической композиции, устойчивых образов.

Вспомним стихотворение П. А. Плетнева «Ночь» — один из колоритных образцов русской романтической элегии. Подлинное содержание и смысл «Ночи» сосредоточены, конечно, в двух последних строках:

Туда в забвении несусь, покинув землю,
И здесь я не живу, не вижу и не внемлю.

Это исконно романтическое стремление в «очарованное Там». Но для того, чтобы читатель проникся этим стремлением, его воображение исподволь готовится к этому соприкосновением с неясными, туманными и вместе с тем знакомыми смыслами, которыми полны предшествующие стихи.

Уже первый эпитет — «задумчивая ночь» — многозначителен и красноречив. Это не только ночь, это — пора размышлений, фило-

---

[1] Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 236.

[2] Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии... С. 194.

софского созерцания и самоанализа. Этот эпитет готовит читателя к тому, что картины, которые пройдут перед ним, будут не просто пейзажной зарисовкой, но — как говорил Белинский — *«романтической природой,* дышащей таинственной жизнию души и сердца, исполненной высшего смысла и значения».[1] Потому ночь эта «на всё набросила таинственную тень» — снова эпитет, переключающий читательское воображение на волну романтического восприятия реалий. Антипод «задумчивой ночи» — «мятежный день»,— и здесь одним словом охвачен целый комплекс явлений, на этот раз навязчивых, ненавистных романтику, мешающих свободному полету его раскрепощенного духа.

Не случайно местом действия избран город. И эта деталь подчинена пронизывающему всю элегию стремлению — «покинуть землю». То, что эта земля — не скат горы, не берег ручья, не излюбленный романтиками уединенный уголок, усиливает основную антитезу стихотворения. Мельком упомянутый «город» больше не появится в тексте. Поэт на него не смотрит и не видит («здесь я не живу, не вижу и не внемлю»). Зато подробно описана небесная «лампада» — разумеется, «унылая», без блеска, без лучей освещающая мир, творимый воображением поэта,— «беспредельные лазурные равнины». Не ночное небо видит он, а «поэзии страну», и ночь, дающая возможность эту страну увидеть, наделяется теперь новым эпитетом «священная». Происходит полное слияние природы с душой человека: он впивает ее в душу, и душа «исполняется» «в этот миг небесной красоты». И лишь теперь звучит призыв покинуть землю, ощутить раскованность человеческого духа, как писал Шеллинг,— «противополагать всему существующему свою действительную свободу».[2]

4

Русская элегия создавалась и развивалась с учетом колоссального опыта, накопленного элегиками предыдущих эпох. Большое значение имела для русских романтиков английская «кладбищенская поэзия» XVIII века: «Жалоба, или Ночные думы» Э. Юнга — поэма, пронизанная скорбью о бренности жизни, мыслями о смерти, ощущением обреченности, и уже упоминавшаяся «Элегия, написанная на сельском кладбище» Т. Грея, и французская элегическая поэзия, из представителей которой особенно популярны были Э. Парни, Ш. Миль-

---

[1] Белинский В. Г. Статьи о Пушкине: Статья вторая // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 219.

[2] Цит. по статье: Берковский Н. Я. Эстетические позиции немецкого романтизма // Литературная теория немецкого романтизма. Документы. Л., 1934. С. 12.

нуа.[1] Б. В. Томашевский говорил даже, что «элегии Парни были своего рода типом, определяющим общие свойства жанра. Недаром новейших элегиков Пушкин называл „Наследники Тибулла и Парни“».[2] Но есть еще одно имя, которое должно быть названо в этой связи,— имя А. Ламартина.

Ламартин испытал значительное влияние английских предромантиков, особенно Грея, но он обогатил их художественные достижения собственными и создал собственную разновидность жанра, которая была воспринята и русскими поэтами. Меланхоличность стихов Ламартина обусловлена тем, что на всем существующем лежит печать обреченности. Радости и наслаждения любви омрачены горечью неизбежных утрат. Фривольный тон Парни и чувственность Мильвуа чужды Ламартину. Он углубляется в воспоминания, ибо прошлое для него предпочтительнее настоящего. Картины природы в его стихах — лишь средство выражения душевных переживаний. Из русских элегиков Ламартин особенно близок к Жуковскому, с его стремлением в «очарованное Там».

Пристальное внимание привлекала к себе в начале XIX века римская элегия: Катулл, Тибулл, Проперций, Овидий.[3] В их стихах русские романтики ценили непосредственность в выражении страсти, правду чувства. Катулл и Овидий, писал Батюшков, «столь любезны сердцу нашему», потому что они «так жили, как писали. Тибулл не обманывал ни себя, ни других».[4] Молодой Пушкин восклицал в послании «Батюшкову» (1815), что он «во имя Аполлона Тибуллом окрещен», но позднее ему стали ближе Катулл и Овидий. В годы ссылки в Бессарабии он сравнивал себя с изгнанником Овидием, жившим поблизости. «Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! — писал он об «Элегиях с Понта».— Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!»[5] С Катуллом для Пушкина связано представление об «искренности», которая «драгоценна в поэте», ибо дает возможность «видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творче-

---

[1] Большой, ценный, убедительно интерпретированный материал, делающий зримым восприятие французской элегической поэзии в России, собран в книге: Французская элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры: Сборник/Сост. В. Э. Вацуро. Вступ. статьи и примеч. В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной. М., 1989.

[2] Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 119—120.

[3] См.: Корш Ф. Римская элегия и романтизм. М., 1899.

[4] Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии // Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 24.

[5] Пушкин А. С. Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836 // Полн. собр. соч. [М.], 1949. Т. 12. С. 84.

ской души: в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств».[1] Проперций меньше интересовал поэтов начала XIX века, но позднее к нему обратились А. Майков, создавший два вольных подражания его элегиям «Цинтии» и «Туллу», и С. Дуров, который перевел одну из элегий римского поэта.

Никто из русских элегиков не избежал более или менее ощутимого влияния своих западных предшественников. Но, кажется, никто не был к ним так восприимчив, как Батюшков. Ему была близка традиция римской элегии, он переводил Тибулла. Его многократные обращения к французской элегической поэзии побудили Кюхельбекера упрекнуть его в том, что «Батюшков взял себе в образец двух пигмеев французской словесности — Парни и Мильвуа».[2] Наряду с этим на элегическое творчество Батюшкова наложили значительный отпечаток образы и мотивы Оссиана.[3] Здесь могут быть названы и целиком пронизанная оссианическим духом элегия «На развалинах замка в Швеции», и запечатлевшие влияние Оссиана элегии «Переход через Рейн» и «Тень друга».

Это сочетание и переплетение в творчестве Батюшкова разных традиций не случайно. Оно связано с тем, что элегическое наследие Батюшкова было многообразно, что раздел элегий, вошедший в его книгу «Опыты», представлял собой поле смелых экспериментов. «Мне хотелось бы дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить»,[4] — писал Батюшков Жуковскому в 1817 году и намерение это осуществил. Мы встречаем у него стихи, совершенно лишенные традиционных «элегических» чувств: тоски, меланхолии, скорбной задумчивости: «Надежда», «Мой гений», «Веселый час». Несомненно полемический характер носит элегия «Выздоровление».

Как известно, болезнь, страдания сраженного недугом, подчас умирающего поэта были одной из самых популярных элегических тем и в русской и в западной лирике. Она породила такой поток стихов, что альманах «Французская муза» счел нужным специальной редакционной заметкой уведомить авторов, что «эксплуатация предсмертной агонии для поэтического обращения запрещена на продол-

---

[1] Пушкин А. С. Путешествие В. Л. П. // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 93.

[2] Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии... С. 193.

[3] См. об этом: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII — первая треть XIX века. Л., 1980. С. 94—96.

[4] Батюшков К. Н. Письмо к В. А. Жуковскому // Соч. Спб., 1887. Т. 3. С. 448.

жительное время».[1] Элегия Батюшкова начинается мрачной картиной именно этой «запрещенной» предсмертной агонии:

Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.

Но вместо неизбежной, казалось бы, смерти юного страдальца следует иная, неожиданная развязка. Приблизилась любимая:

И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали,
От Орковых полей, от Леты берегов
Для сладострастия призвали.

Но несмотря на все совершенство таких элегий, как «Выздоровление» или «Мой гений» (обе высоко ценил Пушкин), расширить «область элегии» за счет стихотворений, выражающих радость, надежду, оптимистические настроения, Батюшкову не удалось. Сколько-нибудь заметной традиции эти произведения не создали, в элегиях по-прежнему выражались преимущественно грустные чувства, неудовлетворенность жизнью, меланхолические размышления о судьбе человека.

Зато первостепенное значение для будущей эволюции жанра имели написанные Батюшковым элегии на военные, гражданские, легендарные и исторические темы, разработка в его элегиях сюжета в том смысле, в каком его не было ни у Жуковского, ни у его предшественников. Эти элегии явились действительно новым видом элегической лирики, новым не только по темам, но и по подходу к ним, по их художественному воплощению, по формам выражения в них авторского сознания. Как отметил Белинский, Батюшкову принадлежит заслуга создания элегий «особого рода»: «Поэт вводит здесь даже событие под формою воспоминания, проникнутого грустью».[2]

У Жуковского подлинным предметом изображения было не событие, а вызванное им чувство. «Тебе не нужно ⟨объяснять⟩ мне того чувства, которое произвело эти стихи,— писал он А. И. Тургеневу 6 февраля 1821 года.— Оно не любовь, но родное ей чувство, высокое

---

[1] Цит. по статье: Савченко С. Элегия Ленского и французская элегия // Пушкин в мировой литературе: Сборник статей. Л., 1926. С. 66.

[2] Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Поли. собр. соч. Т. 5. С. 50.

и чистое...».[1] Чувство везде одно: ощущение бессилия перед судьбой, мимолетность и неверность счастья и т. п. Но события, вновь пробудившие в душе эти чувства, различны. О них нужно говорить отдельно: стихи «требуют объяснения». Отсюда готовность Жуковского сопровождать свои элегии («Славянка», «На кончину ее величества королевы Виртембергской») обширными примечаниями: в них читатель находил описание событий, бегло обозначенных в стихотворении или только подразумеваемых в нем. Отсюда и отмечавшееся исследователями поэта стремление Жуковского в процессе работы над своими элегиями заменять черточки действительной жизни, конкретные детали образами туманными и обобщенными, но способными воплотить чувство, поглощающее душу поэта.

В элегиях Батюшкова событие является непосредственным предметом изображения. Такова элегия «Умирающий Тасс». «...Вот что Тасс,— писал Батюшков Вяземскому.— Он умирает в Риме. Кругом его друзья и монахи. Из окна виден весь Рим, и Тибр, и Капитолий, куда папа и кардиналы несут венец стихотворцу. Но он умирает и в последний раз желает еще взглянуть на Рим,

...на древнее Квиритов пепелище.

Солнце в сиянии потухает за Римом и жизнь поэта... Вот сюжет».[2] Можно ли представить себе элегию до Батюшкова — будь то элегия Сумарокова или элегия Жуковского,— рассказанную таким образом? Как отлично это письмо от тех комментариев к своим элегиям, которые давал Жуковский! Жуковский говорил о событиях, не нашедших себе места в поэтическом тексте.

В элегиях Батюшкова проступают контуры социальных проблем, порожденных тлетворным влиянием «железного века». Кстати, именно Батюшков был одним из первых русских поэтов, в стихах которого мы встречаем сам образ — «железный век». Восходящий к «Трудам и дням» Гесиода, он получает значительное распространение, своеобразно отразившее острую неприязнь русских романтиков к развитию буржуазных общественных отношений. Дыхание «железного века» ощущал уже Андрей Тургенев. Среди его автографов сохранился интересный фрагмент, посвященный этой теме:

Но где чувствительность, но где любовь святая?
Везде лишь Эгоизм всю мощь распространяет.

---

[1] Цит. по кн.: Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т. 1. С. 383.

[2] Батюшков К. Н. Письмо к П. А. Вяземскому от 4 марта 1817 г. // Соч. Спб. Т. 3. С. 429.

И тьму и хлад в сердца лиет,
Невинности души и радости уж нет.[1]

Позднее подобные жалобы занимают все большее место в романтической поэзии.

Белинский отметил, что особый род исторической, или эпической, элегии возник в нашей литературе, «по преданию, от Батюшкова».[2] Это верное и точное наблюдение. Действительно, создание данной жанровой модификации неразрывно связано с именем Батюшкова, написавшего самые совершенные эпические элегии и потому оказавшего наиболее существенное влияние на последующую историю жанра. Но было бы неверно считать, что эта жанровая разновидность возникла в итоге творческих поисков одного поэта. Ее разрабатывали также и другие авторы, и без учета их опыта мы не получим разностороннего представления о путях эволюции жанра.

В 1815 году в «Вестнике Европы» появилась элегия Андрея Раевского «К Эмине» [3]— симптоматичная попытка ввести в традиционную любовную элегию определенный общественный и исторический подтекст. Герой разлучен с «любезной» не только «властью судьбы», но и «гласом родины святой», «гласом чести», «любовью пламенной к Отечеству», во имя которого идет на брань. В нем борются противоположные чувства: скорбь разлуки («Ах! горько дни влачить от милых в отдаленье!») и радость от сознания, что он служит отчизне: «Мне скорбь моя мила, мне сладко слезы лить, Мне *весело любовь Отчизне* посвятить». И все же традиция любовного элегического послания, а не своеобразие ситуации определяет ведущую тональность и стилевые средства стихотворения. «Лагерь под Дрезденом», где, по указанию автора, написано стихотворение, предстает в традиционно-элегическом орнаменте.

Ни Эльбы тихия величественный ток,
Ни скалы предо мной, рассеянны грядами,
Ни замки в пепеле (величию урок!),
Холмы, одетые богатыми садами,—
В разлуке с милою ничто не веселит! [4]

---

[1] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 286, оп. 2, № 330. По положению среди автографов предположительно датируем этот фрагмент временем работы А. Тургенева над «Элегией». Не исключено, что он предназначался для этого стихотворения,— ритмически они совпадают.

[2] Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 50.

[3] «Вестник Европы». 1815, № 5/6. С. 34—36. Подписано: Андр. Ра...ский. Авторство А. Ф. Раевского установлено М. П. Залесским (см.: Ученые записки Московского обл. пед. ин-та. 1949. Т. 13. С. 137).

[4] «Вестник Европы». 1815, № 5/6. С. 35.

Влияние традиционных стилевых средств отчетливо ощущается и в элегии Туманского «Поле Бородинского сражения». Здесь и «мшистый холм», на который пришел певец «с растроганной душою», чтобы «в уединенье» размышлять о бренности всего земного. Сквозь исторический фон стихотворения проступают привычные контуры любовной элегии:

Твой образ носится ль, твой глас ли то унылый,
Девица красная, лишенная всего?
Погиб твой юноша, погиб надежда — милый,
И тщетно при луне здесь ищешь ты его!

Щиты, мечи, шлемы, панцири соседствуют со свирелью и журчанием ручья. Багратион предстает в стихотворении как «Витязь» и «Арея грозный сын», а его могила описана совершенно в стиле «кладбищенских» элегий («И пусть, незыблемый веками, дуб ветвистый Своею тению могилу осенит»). Разностильность стихотворения «Поле Бородинского сражения», неумение Туманского найти поэтические средства, соответствующие новой для элегической лирики теме, становятся особенно очевидны, если сравнить это произведение с другим, написанным позднее на ту же тему,— с элегией Д. Давыдова «Бородинское поле», лаконичным, цельным монологом, с которым поэт-воин обращается к своим друзьям в «день вековечной славы». И все-таки поиски Туманского шли в перспективном направлении. Характерно, что Кюхельбекер, перечитывая в 1833 году старый номер «Сына отечества», где появилась элегия «Поле Бородинского сражения», отметил в дневнике, что она «истинно хороша», и противопоставил ее собственным стихам на традиционные темы «отцветшей молодости», «разочарования» и т. п.[1]

Из всех элегий, написанных в 1810-х годах и включающих общественную проблематику, к наиболее новаторским и оказавшим значительное влияние на последующие судьбы жанра следует причислить элегию Батюшкова «К Дашкову» с ее напряженной гражданственностью, высоким чувством патриотического долга. От отказа Батюшкова «петь любовь и радость» «среди военных непогод» прямая дорога к элегиям, которые создавали поэты-декабристы.

Не подлежит сомнению, что декабристы многое восприняли у поэтов психологического романтизма. Тихое уныние, скорбь о непрочности земного счастья, стремление возвыситься душой над злом, царящим в мире,— все эти мотивы, столь неразрывно слитые в нашем представлении с поэтическим обликом Жуковского, можно обнару-

[1] Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 266.

жить и у В. Раевского, и у Кюхельбекера, и у других декабристских поэтов. Но существенно меняется их смысловая окраска. Те антагонизмы, те диссонансы действительности, которые поэтам психологического романтизма представлялись вечными, исконно присущими бытию, осознаются гражданскими романтиками как следствия пороков и дисгармонии окружающего общества, социальной действительности.

Читая первые строфы элегии Вяземского «Уныние», нельзя не ощутить, сколь многое роднит ее с поэзией психологического романтизма. Но источник грустных размышлений поэта — глубокое разочарование в действительности, представшей его взору — взору человека и гражданина.

Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом;
Пред алтарем души в смиренье клятву дал
Тирану быть врагом и жертве верным другом.

Эта клятва, данная «пред алтарем души»,— символ единения интимного, личного начала с гражданским, общественным, витийственным. Но особенно плодотворным и органическим было слияние традиций психологического и гражданского романтизма в творчестве Пушкина.

5

Элегии Пушкина являются предметом давних и продолжающихся по сей день споров между исследователями поэта. С одной стороны, бытует точка зрения, согласно которой Пушкин якобы безразлично относился к жанрам лирики, что в его творчестве жанровая система исчезает, жанры смешиваются и что все это будто бы неразрывно связано со становлением пушкинского реализма. Другие исследователи поэта говорят, и, на наш взгляд, с полным основанием, о том, что «понятие жанра, в его существенном, а не формальном смысле, никогда не отрицалось Пушкиным: содержание лирических стихотворений в ряде очень значительных произведений определяет их композицию и заставляет относить к тому или иному жанру»,[1] что «свобода, с какой Пушкин расширял и порою стирал традиционные границы между родами и жанрами, никогда не переходила у него в эстетический нигилизм, в беспринципное и по сути неосуществимое отрицание всех вообще норм, определяющих различие между родами и жанрами», а напротив, «практическим тактом гениального худож-

[1] Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 8.

ника» он «был постоянно побуждаем к размышлениям о границах между родами и жанрами, о своеобразии каждого из них и о наиболее целесообразном использовании этого своеобразия». [1]

И действительно, хотя рамки жанра никогда не сковывали новаторских устремлений Пушкина, он был далек от недооценки значения жанровых дифференциаций. Известна глубокая мысль, высказанная им в статье «О поэзии классической и романтической»: «Если вместо *формы* стихотворения будем брать за основание только *дух*, в котором оно написано,— то никогда не выпутаемся из определений». В контексте этой статьи форма — значит жанр. Поэт говорит в ней о том, в каких формах, в каких жанрах воплощает себя дух эпохи, как изменения в духе эпохи стимулируют эволюцию жанров.

С пробуждением поэзии «под небом полуденной Франции» родилась «игра рифмою», трубадуры «изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились virelai, баллада, рондо, сонет и проч.». [2] Преимущественное внимание к формам имело обратное воздействие на дух произведений: «...произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним; мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться триолетами. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времен». [3] Но это в свою очередь порождает бунт «духа». Потребности «ума», «новые источники вдохновения», новые темы: «любовь и война», обращение к народным преданиям приводят к появлению новых жанров — родился ле, романс и фаблио.

Показательна позиция, занятая Пушкиным в отношении статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». В этой статье Кюхельбекер выступил против Жуковского и его школы, заявив, что ее поэтика выродилась в обессмыслившее себя повторение элегических штампов. Вину за неудовлетворительное, по его мнению, состояние современной литературы он возложил на элегию, вытеснившую с «русского Парнаса» оду, которая якобы «одна совершенно заслуживает название поэзии лирической». Пушкину, несомненно, импонировало выступление Кюхельбекера против подражателей, «наших унылых рифмачей», «элегических ку-ку», тем не менее он решительно заявил, что «многие из суждений его ⟨Кюхельбекера⟩ ошибочны во всех отношениях». [4] «Ныне вошло в моду порицать элегии,— писал он позднее,— как

---

[1] Асмус В. Ф. Эстетика Пушкина // «Знамя». 1937, № 2. С. 246—247.

[2] Пушкин А. С. О поэзии классической и романтической // Полн. собр. соч. [М.], 1949. Т. 11. С. 36—37.

[3] Там же. С. 37.

[4] Там же. С. 41.

в старину старались осмеять оды; но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии».[1]

Пушкину была чужда и даже смешна мысль Кюхельбекера, что проблемы современного литературного развития можно решить, вытеснив один жанр во имя распространения другого — «сбросить элегии венок убогий». Стоит Кюхельбекеру, иронически именуемому в IV главе «Евгения Онегина» «критик строгой», заявить, что

...всё в элегии ничтожно;
Пустая цель ее жалка;
Меж тем цель оды высока
И благородна...—

как он тотчас получает в ответ пушкинскую реплику:

Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу:
Два века ссорить не хочу.

Среди нескольких десятков стихотворений, которые сам Пушкин называл элегиями либо включал в раздел элегий в сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» (1826), такие шедевры его лирики, как: «Я пережил мои желанья...», «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Погасло дневное светило...», «Сожженное письмо», «Ненастный день потух...», «Андрей Шенье», «Редеет облаков летучая гряда...», «Надеждой сладостной младенчески дыша...», «Под небом голубым страны своей родной...», «К Овидию», «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»). Достаточно осознать, как много выношенных, сокровенных чувств и помыслов было вложено Пушкиным в эти стихи, чтобы понять, почему он не мог принять безапелляционный приговор, вынесенный Кюхельбекером элегическому жанру. Как справедливо утверждал Ю. Н. Тынянов, элегия у Пушкина перестает быть жанром, противопоставляемым большим задачам и большим жанрам литературы, в ней осуществляется разработка средств овладения действительностью в ее конкретных чертах, которые будут позднее применены поэтом в его эпосе и драме.[2]

Среди перечисленных здесь пушкинских элегий есть два стихотворения, в которых правомерно видеть важные вехи в эволюции жанра. Это «Андрей Шенье» и «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»,

---

[1] Пушкин А. С. [Стихотворения Евгения Баратынского] // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 50.

[2] См.: Тынянов Ю. Н. Безыменная любовь // Пушкин и его современники. М., 1968. С. 210.

1830). Первое из них — образец той разновидности элегической лирики, которая может быть определена как политическая элегия. Истоки ее восходят к элегии Батюшкова «Умирающий Тасс». Это стихотворение, не будучи крамольным в прямом смысле слова, представляло собой жанровую форму, готовую для воплощения оппозиционных идей. Под явным влиянием «Умирающего Тасса» была написана элегия П. Габбе «Бейрон в темнице». Монолог заключенного Байрона гораздо острее в политическом отношении, чем исповедь Тассо, и включает строки, явно связанные с вольномыслием декабристских кругов:

Я счастлив был, когда поэзией высокой
Слезу участия мог из очей извлечь,
Исхитить из души глас совести глубокой
Иль из руки тиранской меч.

«Бейрон в темнице» был шагом на пути преобразования элегии в том же направлении, в котором этот жанр эволюционировал и у Рылеева. Первая из рылеевских дум — «Курбский» — имела в журнальной публикации подзаголовок «Элегия». Но Рылеев вскоре ощутил, что стихи создаваемого им цикла выходят за рамки того, что он понимал под элегическим жанром, и дал им новое наименование — думы.

Как известно, Пушкин резко критиковал думы, утверждая, что «все они на один покрой»: «...описание места действия, речь героя и нравоучение».[1] И тем не менее он придал созданной тогда же элегии «Андрей Шенье» именно этот «покрой», сходное композиционное построение. Этот факт, который на первый взгляд может показаться удивительным, получает закономерное объяснение с учетом сложности пушкинского замысла. Популярность рылеевских дум в немалой мере объяснялась тем, что читатель улавливал в них второй, глубинный смысл, перекличку с актуальными проблемами современности. Композиционное сходство дум и «Андрея Шенье» побуждало к поиску и в пушкинской элегии аллюзий, намеков на то, о чем нельзя было написать прямо,— о судьбе самого Пушкина, гонимого и преследуемого, как и его герой, лишенного свободы и обличающего своих палачей.

«Андрей Шенье» может быть не только сопоставлен с «Умирающим Тассом», но и противопоставлен ему. В центре элегии Батюшкова глубоко романтическая тема судьбы, исконно враждебной человеку, художнику. Шенье, тоже поэт, у Пушкина — жертва не рока, а определенной политической ситуации. Он гибнет от рук палачей, но гибель

[1] Пушкин А. С. Письмо к К. Ф. Рылееву (май 1825) // Полн. собр. соч. [М.], 1937. Т. 13. С. 175.

его не фатальна («Постой, постой; день только, день один: И казней нет, и всем свобода...»). Пушкин привлекает конкретные и исторически изменчивые обстоятельства, обусловившие судьбу его героя.

Стихотворение «Безумных лет угасшее веселье...» — образец другой разновидности элегической лирики — философской элегии. Философская элегия получила значительное распространение как в европейской предромантической и романтической поэзии, так и в России. Появилось большое количество стихотворений, содержащих раздумья о жизни и смерти, о бренности человеческих стремлений, всесилии судьбы и т. п. Традиционные мотивы не были чужды и элегической поэзии молодого Пушкина. Но в «Элегии» (1830) они подверглись принципиальному переосмыслению. Это станет особенно очевидным, если мы сравним пушкинское стихотворение с одним из шедевров романтической лирики — созданной в 1828 году элегией Баратынского «Под бурею судеб, унылый, часто я...».

Такое сравнение особенно показательно потому, что оба произведения во многом разительно сходны. Оба состоят из 14 строк с парной рифмовкой, причем двустишия с мужскими рифмами чередуются с двустишиями с женскими рифмами. Сходство обнаруживается и в развитии поэтической темы, и в стержневых образах: «унылый...» — «мой путь уныл», «под бурею судеб» — «грядущего волнуемое море», «тягостная неволя» — «мне тяжело». Оба поэта не хотят видеть избавления от горькой участи в смерти. Обоим видится надежда на радость творчества.

Но нужно видеть и другое. Определяющая черта лирического героя элегии Баратынского — это его слабость, душевная усталость, неспособность противостоять «буре судеб». Слабость побуждает его желать смерти («нести ярмо мое утрачивая силу...»), слабость удерживает и от того, чтобы «отряхнуть» с себя цепи. Эта слабость — более чем черта индивидуального облика, она прямо связана с романтической идеей всесилия судьбы, извечно торжествующей над помыслами и устремлениями человека.

Безысходность, тяжелая тоска пронизывают первые шесть стихов пушкинской элегии. Но вместо ожидаемого смирения, покорности перед судьбой звучат совсем иные слова, исполненные силы, выражающие протест против уготованной и, казалось бы, неизбежной участи:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

Да, грядущее сулит «труд и горе», «заботы и треволненья», «закат печальный». Но жизнь не исчерпывается только горестями, она богаче и многообразнее. Ее тяжесть способен снести тот, кому доступна радость познания.

Пушкин высоко ценил элегическое творчество Баратынского. «Первые произведения Баратынского,— писал он,— были элегии, и в этом роде он первенствует». Пушкин отмечал в этих стихах «стройность и зрелость необыкновенную». [1] Своеобразие исканий Баратынского видится в том, что он, ощущая симптомы приближающегося кризиса жанра, пошел не путем обогащения элегии новыми темами, как делали некоторые его современники. Он перестраивает в духе новых требований любовную элегию. Суть этой перестройки — в разработке на материале элегического жанра одной из центральных проблем современного Баратынскому литературного развития — человек и обстоятельства, личность и воздействие на нее окружающего мира, влияние среды на формирование духовного и эмоционального облика героя.

«...Еще в 1820-х годах,— отмечал Г. А. Гуковский,— реалистическая проблематика, может быть, и не совсем четко, но все же прояснялась сознанию столь мощного поэта, как Баратынский». [2] И действительно, в таких стихах, как «К Креницыну», «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...», «Пора покинуть, милый друг...», «Приятель строгий, ты не прав...», «Товарищам» и многие другие, вновь и вновь по-разному ставится одна и та же проблема — роль «опыта», действительности, обстоятельств в формировании «рассудка», взглядов, мироощущения людей. Вероятно, ни в одном стихотворении Баратынского эти идеи не выразились с такой законченностью и совершенством, как в его знаменитой элегии «Притворной нежности не требуй от меня...», в первой публикации озаглавленной — «Признание». Высокая оценка этого стихотворения Пушкиным («„Признание“ — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий» [3]) во многом объясняется тем, что, создавая свое «Признание», Баратынский предпринял одну из первых и успешных попыток открыть нарождающемуся реализму дорогу в элегическую лирику. Это стихи о том, что человек живет иначе, чем хотел бы жить, делает не то, что желал бы делать, что поступки и свойства диктуются не его волей, но обстоятельствами, в которых он оказался. Жизненные бури и годы разлуки угасили чувства, которые он стремился сберечь. Это сделало несчастным и его, и любимую им женщину. Это источник грядущих горестей той, кому он подает руку «на брак обдуманный», подчинившись влиянию среды, приняв ее этические нормы. Судьбы людей связаны, и никто не властен в своей судьбе, потому что он не свободен от влияния на нее других судеб и всей совокупности условий, опреде-

[1] Пушкин А. С. [Стихотворения Евгения Баратынского] // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 50.

[2] Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 16.

[3] Пушкин А. С. Письмо к А. А. Бестужеву (12 января 1824) // Полн. собр. соч. Т. 13. С. 84.

ляющих его жизненный путь. Пушкин заметил однажды, что в элегии поэт может изобразить «свои настоящие чувствования в настоящих обстоятельствах»,[1] и в «Признании» он увидел образец именно такой элегии.

Такими, вероятно, считал Пушкин и элегии Языкова.

Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь бог ведает кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.
(«Евгений Онегин»)

Сегодня, когда «свод элегий» Языкова перед нами, можно оценить пророческую глубину этих слов. В элегиях выразил себя Языков-вольнолюбец, проклявший «адскую силу самовластья», «веское ярмо», скорбевший о том, что

...долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут,—
И не пробудится Россия!
(«Еще молчит гроза народа...»)

В элегиях Языков воспел красоту возлюбленной, «огонь и живость» «лазоревых очей», «златистый шелк кудрей», «пурпурны ланиты» и «сладостны уста». А в конце жизни, проводя долгие месяцы за границей и тоскуя по родине, которую он любил больше всего на свете, он и любовь эту и эту тоску воплотил в элегиях.

В относительно немногих элегиях Языкова, прочитанных Пушкиным в 1825 году, он не мог не оценить ту свободу, с которой их автор раздвигал рамки жанра, обращаясь к опыту римской элегии и обогащая его за счет нетрадиционных мотивов и компонентов стиля. Языков озаглавил элегиями многие свои стихотворения, в том числе такие, которые далеко не каждый читатель того времени отнес бы к этому виду лирики. В новой европейской поэзии ближайшими предшественниками Языкова были французские элегики Парни, Шенье и другие, что не помешало ему создать оригинальные образцы собственной элегии.

---

[1] Пушкин А. С. О народной драме и драме «Марфа Посадница» // Поли. собр. соч. Т. 11. С. 177.

Языковские элегии — как правило, небольшие по объему стихотворения, порою миниатюры размером в 8—12 строк и даже меньше. Герой Языкова — «поэт радости и хмеля», любовь, которую он поет, сулит «жар лобзаний» и наслаждения красотой возлюбленной. «Печаль от сердца отошла»,— говорит он. Он ощущает в себе «избыток мужественных сил» и веру в будущее. «...Его поэзия,— писал о Языкове Белинский,— была самым сильным противоядием пошлому морализму и приторной элегической слезливости. Смелыми и резкими словами и оборотами своими Языков много способствовал расторжению пуританских оков, лежавших на языке и фразеологии».[1] Традиционно-элегические мотивы, которые тоже налицо в стихах Языкова, сосуществуют с прозаизмами и разговорными интонациями («Теперь что вздумаю — пустое, Теперь стихи мои — хоть брось!..», «И он — в Управу посылает Сказать о важном воровстве...», «Я разгулялся понемногу — И глупость страсти роковой В душе исчезла молодой...»). Эти качества по-новому и все более многообразно реализовались в позднейшем творчестве Языкова.

Для его стихов последних лет характерно несовпадение синтаксического членения речи со стиховым. Настойчивые переносы существенно влияют на тональность этих элегий.

Есть много всяких мук — и много я их знаю;
Но изо всех из них одну я почитаю
Всех горшею: она является тогда
К тебе, как жаждою заветного труда
Ты полон и готов свою мечту иль думу
Осуществить; к тебе без крику и без шуму
Та мука входит в дверь — и вот с тобой рядком
Она сидит! Таков был у меня, в моем
Унылом странствии в чужбине, собеседник...
(«Есть много всяких мук — и много я их знаю...»)

Эти стихи — примечательная, по-своему уникальная страница в истории элегической лирики. Традиционные элегические чувства выражены здесь так, как их еще не выражал никто. Своеобразие этих стихов объясняется не только особенностями творческой эволюции Языкова и его психологического состояния в конце 1830-х и начале 1840-х годов. Они объясняются и временем, когда ведущее место в литературе переходило к прозе. Прозаизм проникал в поэзию и в известной мере менял ее облик. Эти перемены не обошли стороной и элегическую лирику.

---

[1] Белинский В. Г. Русская литература в 1841 году // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 560—561.

6

Решающее значение для дальнейшей судьбы жанра имели элегии Лермонтова. Два своих ранних стихотворения 1829—1830 годов («О! если б дни мои текли...» и «Дробись, дробись, волна ночная...») поэт назвал элегиями, другие получали заголовки, характерные для элегий романтической эпохи: «Опасение», «Разлука», «Одиночество», «Раскаяние» и т. п. На них сказалось заметное влияние школы Карамзина — Жуковского. Они пронизаны настроениями меланхолии и разочарованности, мечтательно-грустными воспоминаниями, неясными желаниями и предчувствиями. И фон, на котором предстает герой, и поза, в которой он изображен, и характер подбираемых поэтом метафор и сравнений предуказаны элегической традицией. Герой «стоит близ моря на скале... задумчивость питая» («Элегия», 1830), бродит, как «путник в темноте ночной» («К...», 1829).

Но уже в эти годы вместо абстрактного элегического «я» в лермонтовской элегии появляется герой, наделенный индивидуальными чертами, которые объясняются особенностями его жизненного пути. В центре внимания поэта не чувство или переживание вообще, а психологический облик *этого* человека. Герой «Элегии» (1829) ощущает, что для него «весь мир и пуст и скучен», «любовь невинная не льстит» его душе, он «ищет измен» и новых чувствований,

Которые живят лишь колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей.

Но и его эмоциональный мир, и устремления могли быть совсем другими, он мог быть «с весельем неразлучен», если бы иначе сложилась его жизнь, если бы в прошлом его дни текли

На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья.

Истоки его трагедии в том, что ему не довелось родиться в месте, «где не живет среди людей коварность», что он «рано свет узнал» («Элегия», 1830).

Конкретная лирическая ситуация воссоздана в элегии «Сон» (1830). Герою приданы определенные черты: «ребенок, может быть», рано познавший любовь, «страдалец молодой», «с привязчивой душой», человек, не сумевший прочесть в глазах возлюбленной женщины пророческой «судьбы завет» — предстоящие ему «мучение, заботы многих лет, Болезнь души, потоки горьких слез», свою погибель, таящуюся во «взгляде тех очей...».

Молодой Лермонтов разрабатывал и другую разновидность жанра — историческую элегию (или думу), воспринявшую традиции эпических элегий Батюшкова («На развалинах замка в Швеции», «Умирающий Тасс»), Баратынского («Финляндия», «Рим») и дум Рылеева. Самая ранняя из элегий, написанных Лермонтовым на историческую тему,— «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой...», 1829). Многое роднит ее с историческими элегиями предыдущей эпохи: и открывающий ее пейзаж, описание места, где развернется действие: «камень одинокой, и дуб возвышенный, и волн прибрежных стон»; и персонажи: рыбак, который «усталою стопой идет... брегов на тихий склон», «певец возвышенный, но юный», который «пришел мечтать» над могилой; и монолог певца, выражающий мысли и чувства автора. Но это сходство лишь оттеняет внутреннее, принципиальное отличие этой ранней, во многом ученической элегии Лермонтова от образцовых в своем роде элегий его предшественников.

Для Батюшкова «судьба Тассо была, так сказать, образцом несчастий поэта, вынужденного творить в чуждой и враждебной обстановке».[1] Наполеон в элегии Лермонтова — не атрибут, использованный для воплощения философской или политической идеи, но личность, в неповторимой судьбе которой таится ключ к познанию интересовавших поэта проблем. В дальнейшем развитии исторической элегии или думы у Лермонтова снижается роль экспозиции и других традиционных компонентов стиля. Связь лермонтовских элегий с батюшковскими становится малоощутимой. Зато нарастает преимущественное внимание к изображаемому материалу, увиденному в его конкретности и индивидуальной неповторимости.

Элегии Лермонтова второй половины 1830-х годов содержат новое качество, которое позволяет видеть в них явление, отличное от всего известного ранее и определяющее лермонтовский этап в истории русской элегии,— у Лермонтова элегия любовная, политическая и философская сливаются воедино. Разумеется, между любовной и политической лирикой и до Лермонтова не существовало какой-то непреодолимой стены. Но все-таки даже у Пушкина можно говорить о политических элегиях («Кто, волны, вас остановил...»), о философских элегиях («Дар напрасный, дар случайный...») и о любовных элегиях («Я думал, что любовь погасла навсегда...», «Для берегов отчизны дальной...»). К элегиям Лермонтова такая классификация неприменима. Любовные ли стихи «И скучно и грустно...» или «Как часто, пестрою толпою окружен...»? В них много места занимает любовная тема, но, несомненно, здесь подняты и более широкие проблемы — и философские, и общественные.

Одним из наиболее значительных результатов эволюции элеги-

---

[1] Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 200.

ческого жанра в творчестве Лермонтова явилась «Дума», в которой исследователи (Б. М. Эйхенбаум, Д. Е. Максимов, С. С. Наровчатов, С. Н. Иконников) видели сочетание элегии с сатирой. Думается, что более точным было бы другое определение — элегия-инвектива. Оно отразило бы жанровое своеобразие и таких стихотворений, как «Смерть поэта», «Последнее новоселье», «Как часто, пестрою толпою окружен...» и некоторые другие.

В русской лирике середины и второй половины XIX столетия этот жанр получил значительное распространение. «Поражена потерей невозвратной...» Н. А. Некрасова, «Дума» А. Н. Плещеева, «Как весело... идти вослед толпы...» С. Ф. Дурова, «В тяжелый час» К. К. Случевского, «Обделенные» и «Когда с душой, страданьем охлажденной...» П. Ф. Якубовича — вот лишь некоторые из стихотворений, которые можно отнести к элегии с достаточным основанием.

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

(«Поражена потерей невозвратной...»)

В этих некрасовских стихах, вызванных к жизни, по собственным словам поэта, личными обстоятельствами — потерей ребенка, герой корит себя за отсутствие сугубо гражданских качеств — «веры», «гордости», за «постыдное бессилие раба». Это перерастание интимного в общественно значимое, нерасторжимость личного и философского, социального начал — типично лермонтовские. Как наша реалистическая проза вышла, по известному высказыванию, из гоголевской «Шинели», так элегическая поэзия русской демократии во многом вышла из лермонтовской «Думы».

Элегии Некрасова создавались в «неэлегическую», так сказать, эпоху, когда этот жанр оказался оттеснен от магистральных путей историко-литературного развития. Если Некрасов обращался к элегии и называл свои стихи элегиями, то в известной степени он шел против «веяний времени», и причины, его на то побуждавшие, должны быть правильно поняты и оценены по достоинству. Некрасов несомненно ощущал себя продолжателем традиций, сложившихся в ту пору, когда элегия была ведущим лирическим жанром.

Когда в 1853 году он назвал свой первый элегический цикл «Последними элегиями», он акцентировал этим именно преемственную связь своих стихов с элегиями предшественников. «Последние» — значит следующие за теми, которые писались раньше, продолжающие и завершающие собою ряд прежних элегий. Осознанная, демонстративная ориентация «Последних элегий» на традицию нашла отчетли-

вое проявление в их стиле, в обращении к типичной элегической фразеологии, к характерным элегическим образам и композиционным конструкциям. Но, конечно, не только это побудило Добролюбова написать весьма едкую пародию на вторую элегию цикла — «Я рано встал, недолги были сборы...». Недостаток социального оптимизма, искони присущий элегии и сказавшийся в стихотворении Некрасова,— такова главная причина появления добролюбовской пародии.

В 1874 году Некрасов создает новый цикл элегий, и в них, по справедливому наблюдению Б. М. Эйхенбаума, «опять появляются традиционные стиховые формы как в отдельных стихах, так и в целых периодах», «необычный для прежнего Некрасова тип элегического романса». В «Элегии (А. Н. Еракову)» — «типичное для старых медитативных элегий ритмико-синтаксическое построение».[1]

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье...

Здесь нет ни одного слова, ни одного оборота, который был бы чужд сложившейся в конце XVIII и начале XIX века стилистической структуре «руссоистских» элегий. Это язык Жуковского, язык Баратынского... Но о чем же она, слагаемая на нем «песнь»?

На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!

И «громка» она потому, что посвящена проблемам, которые не поднимались в элегической поэзии предыдущих эпох. «Тайные вопросы, кипящие в уме»,— о «народных судьбах», о счастье и труде, «рабстве и свободе» крестьянства.

В конце XIX века место, принадлежавшее элегии в художественном процессе, существенно меняется. Отчасти она оплодотворяет другие жанры, отчасти синтезируется с ними, растворяется в них. Это была эпоха, когда ведущая роль в литературе перешла к прозе, более глубоко и всесторонне анализировавшей проблемы времени. Поэтов, сопоставимых по масштабу дарования с Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Н. С. Лесковым,

[1] Эйхенбаум Б. М. Некрасов // О поэзии. Л., 1969. С. 59—60.

В. Г. Короленко, А. П. Чеховым, в России не было. Но поэзия была. Выходило огромное количество стихотворных сборников, они находили читателей и пользовались значительным успехом. Он объяснялся тем, что поэты 80—90-х годов XIX века отразили настроения своего времени: понижение общественной активности, растерянность, неверие в будущее.

Причины этих настроений хорошо известны. Народничество исчерпало себя и выявило неспособность решить задачи, стоявшие перед страной. Его революционное ядро было раздавлено молотом правительственных репрессий. Царствование Александра III ознаменовалось тяжелой реакцией, давившей все живое. Либеральное движение, говорил об этом периоде В. И. Ленин, «сменилось *реакцией*, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать».[1] Отсюда распространение в поэзии 80—90-х годов мотивов отчаяния, тоски, скорби, неудовлетворенности жизнью, сетования на судьбу и горестные воспоминания о былом. «Оплакивали» сложившуюся ситуацию не только либеральные, но и консервативные поэты. Знаменательно, отмечает современный исследователь, что и они «не воспели эту действительность, не стали бардами этой эпохи. Это была еще отнюдь не оппозиция, но уже известное „уклонение“».[2]

Все это следует учитывать при объяснении того факта, что элегическая традиция в рассматриваемый период была жива и активно воздействовала на лирическую поэзию, на творческие искания ее создателей. Элегические темы, мотивы, настроения налицо во многих сотнях стихотворений. Показательно нарастание (в сравнении с предшествующей эпохой) интереса к творчеству выдающихся элегиков прошлого. Предшественники символизма и сами символисты ощущают Жуковского и Баратынского своими учителями, тянутся к ним, воскрешают и толкуют их произведения, проводят параллели между их и своими собственными творческими устремлениями.

Вместе с тем продолжаются процессы, которые были налицо уже в середине XIX века: постепенно, но неуклонно у поэтов уменьшается потребность определять свои стихи как элегии и выделять разделы элегий в поэтических сборниках, элегия все более растворяется в лирическом море стихотворений, лишенных определенных жанровых очертаний. Применительно к этой эпохе правильнее, видимо, говорить об элегиях не как о разряде или разновидности лирики, а как о стихах, в которых сильнее, чем в других, проявилось элегическое начало: присущие элегии темы, мотивы, стилевые приемы, тональность и т. п.

---

[1] Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 45.

[2] Бикбулатова К. Ф. Русская поэзия 80-х годов // История русской поэзии. Л., 1969. Т. 2. С. 236.

О жанровой природе и жанровых потенциях элегии размышлял Брюсов. В предисловии к сборнику «Urbi et Orbi» (1903) он, в частности, писал: «Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страничка из связного рассуждения. Отделы в книге стихов — не более как главы, поясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно... Некоторые названия отделов, напр. «Элегии», «Оды», взяты не в обычном значении этих слов. Но значение, придаваемое им учебниками, идет от времен французского лжеклассицизма и тоже отличается от первоначального смысла, какой они имели у античных поэтов».[1]

Блок говорил о себе нечто очень сходное: «Каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы*; из нескольких глав составляется *книга*, каждая книга есть часть *трилогии*; всю трилогию я могу назвать „романом в стихах"...»,[2] но в отличие от Брюсова ни одну такую главу он циклом элегий не ощущал. Он дал название «Осенняя элегия» лишь двум своим ранним стихотворениям, хотя «песни грустного содержания» писал всю жизнь.

Брюсов не случайно противопоставил заглавие «Элегии» в своем сборнике «обычному значению этого слова». Лозунг «свободного искусства» был, как известно, основой эстетических взглядов Брюсова начала 1900-х годов. Он побуждал к свободному обращению и с традиционными представлениями о жанрах и апелляции к античности через голову «лжеклассицизма». Жанровые каноны, восходящие к «лжеклассицизму», проходят, по Брюсову, через весь XIX век и доживают до XX. Противопоставляя им «античность», он ратовал за широту понимания элегии, которая действительно налицо у древних, но которая в эпоху Брюсова вела к размытому представлению о жанре и ликвидации сколько-нибудь определенной его специфики. Элегии Брюсова зримо отличаются друг от друга и по темам, и по характеру их трактовки, и по выбору художественных средств. Лирическое «я» стихотворений «Женщинам» или «Свидание» совсем иное, чем, скажем, «Одиночества». Не случайно, очевидно, и ритмико-мелодическое разнообразие этого небольшого цикла. Поэт переходит от трехстопного дактиля к шестистопному ямбу, от четырехстопного хорея к трехстопному амфибрахию, а от него — к пятистопному ямбу.

Понятно, почему «обычное значение» слова «элегия», т. е. определение ее как «песни грустного содержания», не могло удовлетворить Брюсова. Но и то, почему одну из глав своей поэтической книги

---

[1] Брюсов В. Я. Urbi et Orbi. М., 1903. С. V.

[2] Блок А. А. Предисловие к «Собранию стихотворений» // Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 559.

он назвал «Элегии», тоже понятно. Брюсов ощущал то, чего не ощущало большинство его современников,— значение элегической традиции, опыта, накопленного поэтами прошлого и необходимого поэтам настоящего и будущего.

7

Наше рассмотрение истории русской элегии страдало бы существенной неполнотой, если бы мы пренебрегли попыткой проследить, как отразилась судьба этого жанра в зеркале пародий. Во-первых, нельзя забывать, что элегии иронические и пародийные — это тоже элегии, это пласт интересующего нас литературного материала. Во-вторых, они позволяют расширить наше представление о том, как воспринималась элегия в разные эпохи, на разных ступенях своей эволюции. Ведь неприятие — это тоже восприятие. В историю жанра закономерно входит и борьба, которую он вызывал. Пародии запечатлели те претензии современников к жанру, которые влияли на его эволюцию, на дальнейшие творческие искания, на облик его новых образцов.

Что привлекает к себе внимание, когда мы обращаемся к пародийным элегиям XVIII века? Прежде всего то, что их относительно немного. Как известно, в эпоху классицизма элегия не принадлежит к числу «главных жанров». Меньше внимания к ней — меньше и пародий на нее. Для XVIII века нехарактерно пародирование конкретных элегий или элегиков. Пародируется жанр в целом, его определяющие стилевые признаки. Элегия Ф. А. Эмина на Сумарокова («Пришел желанный час! Прошло уж время злое!..») — случай особый. Это одно из проявлений той травли, которой подвергли поэта за то, что он разошелся с женой и, пренебрегая «общественным мнением», женился на простой девушке, своей крепостной. Родственники первой жены затеяли против него изматывающий судебный процесс, и пародист помогал им своими средствами, распространяя сплетни, порочащие Сумарокова.

Другие же пародии конкретных адресатов, очевидно, не имели, во всяком случае уверенно указать их не представляется возможным. Здесь играет роль и то, что пародии, написанные разными авторами в XVIII веке, гораздо более сходны друг с другом, чем это стало позднее — в пору, когда писали Жуковский и Батюшков, Баратынский и Пушкин. Мишень этих пародий XVIII века — такие характерные приметы жанра, которые можно встретить и у Тредиаковского, и у Сумарокова, и у Ржевского, и у Козельского и других элегиков.

Например, многие из них имели обыкновение рассекать фразу междометием «ах!»: «Не возможно сердцу, ах! не иметь печали...», «Тени в памяти живут только, ах! простые...» (Тредиаковский),

«Но, ах! покорствуя случáям и судьбине...», «На что ты, ах! меня, на что в свой плен брала...» (А. Сумароков), «Но, ах! лишаяся любви моей предмета...» (П. Фонвизин), «И, ах! безвинную в презрении оставить...» (С. Нарышкин), «За то, что, ах! ко мне любовию пылает...» (И. Дмитревский), «Пишу к возлюбленной, но, ах! уже к неверной...», «И клятвы, ах! мои другому поверяет...» (В. Санковский), «Но, ах! К чему сие бесплодно вспоминанье...» (Ф. Козельский), «О рок, ах, не видать премены мне уж вечно...» (А. Ржевский). М. Попов, стремясь добиться комического эффекта, предельно нагнетает эти «ахи» в своей пародии:

Но, ах! не можно мне дыханья испустить,
Доколе буду, ах! прекрасну, ах! любить,
И, ах! как весть сию она внимать, ах! станет,
Ах! с грусти, ах! она, как роза, ах! увянет.

(«Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне...»)

То же можно показать и на других примерах. Какой бы пародийный «удар» мы ни обследовали, окажется, что он метит не в конкретного элегика, а в броские приметы жанра как такового.

В XIX веке ситуация принципиально меняется. Пародию на Жуковского никак не спутаешь с пародией на Баратынского. Жанр, занимающий какое-то время главенствующее положение в литературе и, как следствие, привлекающий к себе первостепенное внимание пародистов, становится многообразнее, отчетливей индивидуализируется разными, и особенно выдающимися, поэтами. Конечно, и в это время не каждая пародия метит в конкретного адресата, но, во-первых, таких становится большинство, во-вторых, пародисты зачастую сосредоточивают внимание на индивидуальных особенностях элегий, присущих их авторам.

Пародисты обращаются преимущественно к двум типам элегий, снискавшим особую популярность и вызвавшим наибольшее количество последователей. Один из них — пространное стихотворение вроде «Сельского кладбища» Жуковского. Его пародировали С. Т. Аксаков («Элегия в новом вкусе»), Н. А. Полевой («Книжная лавка»), И. И. Панаев («Сельская тишина»). Второй — любовная элегия Батюшкова — Баратынского. Известна пародия на нее — «Разуверение», очевидно также принадлежащая Полевому. Под стать ей — анонимная «Вдохновительность ночи».

Еще более показательно другое — взлет творческой энергии пародистов в 1820-е годы. Он по-своему отразил своеобразный кризис жанра, нарастание претензий к элегии, которые с наибольшей прямотой и резкостью выразил Кюхельбекер в уже упоминавшейся

статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие».[1] Кюхельбекер обвинял элегию в том, что в ней «стихотворец говорит об самом себе, об своих скорбях и наслаждениях». «Трудно не скучать,— насмешливо писал он,— когда Иван и Сидор напевают нам о своих несчастиях...»[2] Судя по ироническим и пародийным элегиям, появившимся в 1820-е годы, эти мысли находили поддержку современников. Одна из них написана Языковым. Заключительные строки этого стихотворения, представляющие собой характерное для Языкова и вообще для лирики того времени развернутое сравнение, таковы:

Так ратник в поле боевом
Свою судьбину проклинает,
Когда разбитое врагом
Копье последнее бросает:
Его руке не взять венца,
Ему не славиться войною,
Он смотрит вдаль — и взор бойца
Сверкает первою слезою.

(«О деньги, деньги! Для чего...»)

В чем же причина его печали? Почему засверкала слеза в глазах бойца? Что вынудило славного ратника проклинать свою судьбину? На эти вопросы отвечает начальная часть элегии:

О деньги, деньги! Для чего
Вы не всегда в моем кармане?..
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!

Перед нами излюбленный прием пародии — снижение значительной, высокой темы, переключение ее в утилитарно-бытовой, прозаический план. Тяжело приходится и герою другой, анонимной пародии:

Как часто в горести, поднявшись с изголовья,
Я дни прошедшие на память привожу...

На этот раз дело в неутихающей зубной боли:

---

[1] Подробнее об этом см.: Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973. С. 60—76.

[2] Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии... С. 192.

Лежу, недугом злым к постели пригвожденный,
С распухшею, платком обвязанной щекой.
Все средства испытал — нет пользы никакой!
Вот третий день уже одним питаюсь чаем!

(«Напрасно изливал я миро пред богами...»)

За этими насмешками стояли серьезные и глубокие претензии к элегическому жанру. Пародисты как бы спрашивали у элегиков: что стоит за вашими жалобами на судьбу, за вашими скорбными стенаниями о неправедности мироустройства? Не в том ли дело, что у одного болят зубы, а другому не хватает денег на подорожную?

Не забудем, что к пародированию элегических тем и мотивов обращался и Пушкин. Элегия Ленского «Куда, куда вы удалились?..» была, как уже не раз показано исследователями «Евгения Онегина», сгущением примет элегического стиля.[1] Все эти пародии содействовали внутреннему обновлению элегии.

В начале XIX века появляется не пародийная, а комическая элегия, где предметом снижения и осмеяния является уже не жанр, а жизненное явление, которое избрал своей мишенью сатирик. Такова «Элегия» А. Н. Нахимова («Восплачь, канцелярист, повытчик, секретарь...»). Поэт иронически описывает скорбные стенания чиновников, которым придется учиться, и обращение к элегическому словарю и стилю усиливает его сарказм.

Именно этот тип комических элегий преобладает во второй половине XIX — начале XX века, и нетрудно понять, почему. Элегия к тому времени давно лишилась престижной роли в литературе, того места «почетного жанра», которое ей когда-то принадлежало. Она не была уже сама по себе противником, на которого стоило острить стрелы. Но элегическая традиция была жива, память о жанре существовала и использовалась в интересах общественной и литературной борьбы.

П. Вейнберг избрал мишенью своей сатиры взяточничество. И обратился к знакомым контурам пушкинской элегии «Безумных лет угасшее веселье...». Но это была уже не пародия, а сатирический перепев, язвительность которого направлена была не против Пушкина, конечно, а против современного сатирику социального зла. Проекция на пушкинский текст лишь рельефнее оттеняла антиэстетическую природу и пошлость разоблачаемого явления:

Мой путь уныл: страшиться ежечасно,
И ждать истцов, и их терять напрасно.

[1] См.: Бродский Н. Л. «Евгений Онегин», роман А. С. Пушкина. М., 1950. С. 241—242; Савченко С. Элегия Ленского и французская элегия // Пушкин в мировой литературе: Сборник статей. Л., 1926. С. 64—98; Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 322.

Но не хочу от взяток я отстать,
Я брать хочу, с живых и с мертвых брать,
И ведаю: среди лихой невзгоды
Мне новые откроются доходы.
Порой опять, как опытный судья,
Спасу мошенника, сирот ограблю я;
И, может быть, судьба за эти ухищренья
Мне ниспошлет кресты, награды, повышенья.

(«Старинных дней подьяческие взятки...»)

«Элегия» Шумахера — о преградах, мешающих желанной «свободушке» проникнуть в Россию:

Я бы рада к вам, ребятушки,
Да дорожка мне заставлена:
Во судах нет правды-матушки,
Речь свободная придавлена.

Интересно задумана «Элегия» Апухтина — ироническая рецензия на оперу О. Дютша «Кроатка, или Соперница».

Но не исчезают, конечно, и элегии, пародирующие то, что было неприемлемо в творчестве представителей одних общественно-литературных направлений с точки зрения других (например, пародия Ломана на Случевского). Были пародии, отразившие расхождения в позициях идейно близких писателей (пародия Добролюбова на Некрасова). Это и другие подобные им стихотворения своими средствами продолжали то, что делала современная им литературная критика.

* * *

Перед нами прошли два века истории русской элегии. В нее вписаны имена и великих поэтов, и литераторов второго и третьего ряда. Мы имели возможность видеть и своеобразие исканий отдельных авторов, и значение их творческих открытий, и действие закономерностей, которые лежат в основе жанровой эволюции. Это прежде всего зависимость развития жанра от общественного движения, от социальной истории. Потребности жизни и общественной борьбы выдвигают новые задачи перед литературой в целом, изменения, происходящие в литературе, влекут за собой перемены в удельном весе жанра и его положении в жанровой системе, в его взаимоотношениях с другими жанрами. В связи с этим складывается новый подход к материалу, овладение новыми темами и новым арсеналом художественных средств. Такая зависимость существует всегда, но в разные пе-

риоды проявляется по-разному. Ведущий литературный жанр теснее и прямее связан с идеями времени и полнее воплощает их, чем жанр периферийный. Об этом свидетельствует и история русской элегии.

Вместе с тем было бы глубокой ошибкой видеть в жанровой эволюции лишь отпечаток эволюции общественной. Жанровая эволюция обладает относительной самостоятельностью. Наиболее совершенные образцы жанра влияют на последующие творческие искания, восхищают потомков мудростью и эмоциональной силой. Эстетические программы исчерпывают себя сравнительно быстро. Воздействие эстетических ценностей не угасает никогда.

Л. Фризман

ЭЛЕГИИ

В. К. Тредиаковский

1. ЭЛЕГИЯ I

Невозможно сердцу, ах! не иметь печали;
Очи такожде еще плакать не престали:
Друга милого весьма не могу забыти,
Без которого теперь надлежит мне жити.
Вижу, ах! что надлежит, чрез судьбу жестоку,
Язву сердца внутрь всего толь питать глубоку:
С Илидарою навек я уж разлучился
И в последние тогда весь в слезах простился;
Отнят стал быть от нее чрез страны́ далеки
И неверные моря, купно многи реки;
Темны лесы видеть ту се не допускают,
Холмами же от меня горы закрывают;
Скоры ветры донести к ней не могут речи,
Слезны горько проливать нуждно мне есть течи.
Счастие прешедше! Уж что невозвратимо!
Мучимою только мне мыслию что зримо!
Для чего, тя потеряв ныне в Илидаре,
Памяти не потерял о драгой я паре?
Лучше б оныя о той вовсе не имети,
Сердцем нежели всяк день муку злу терпети:
Все к концу дела мои ныне не приходят,
С Илидары бо драгой мысли все не сходят;
Илидара иногда седша подымает,
А ходить когда начну, спать та полагает;
Прикоснулся же бы лишь телом до кровати,
Память Илидары мя тотчас нудит встати.
Тем не зная, что чинить, и себя не знаю,
Самого себя не сам, токмо стень бываю.
Тако дерзостный корабль море на пространном,
Вихрями со всех сторон страшно взволнова́нном,
Порывается в страну, а потом в другую,

И, теряючи свой путь, страждет беду злую,
То на север несучись, то и на востоки,
Ломящимся же волнам отворяет боки,
То к полудню устремлен, к западу и темну,
С гор ныряет водных вниз, в пропасть как подземну.
Нет пристанища нигде, нет нигде предела;
Воды, пропасть, и, шумя, пена кипит бела.
Отдается наконец вихрей тех на волю
И в известнейшу корысть жидкому весь полю.
О, кто сча́стливый еще не бывал в разлуке!
Непрерывно веселясь с другом любви в туке!
О, всё время есть сему сладко и приятно!
О, благополучен сей в жизни многократно!
Сердце горести его никогда не знает,
В красном цвете весел дух на лице играет;
В сладком и приходят сне тихи ему ночи,
Токи проливать и слез не умеют очи;
Ум всегда цел, так же здрав и в прямом порядке,
Сокрушения себя быть не зрит в упадке;
Ложны виды не страшат в сне его покойном,
Часто видит госпожу в образе всё стройном;
Видит, будто иногда с нею он смеется,
Иногда будто дружком от нее зовется;
Зрит, гуляет что в садах с нею он веселых,
Там плодов себе веля много принесть спелых.
Выбирает лучший плод видом и ей вкусом,
Потчивает то своим та его, зрит, кусом.
То, ходя по цветникам, розы рвет, лилеи
И, связав пучки пестря складны чрез затеи,
Украшает ей главу, грудь и теми также;
Линточку то на руке вяжет туже, слабже;
Лучшему то в ней всему, ах! дивясь, целует,
То пылиночку с грудей, приклоняся, дует;
Сдув, великою чинит ей свою работу,
Поцелуев в плату с ней требуя без счету.
Гонится то бегучи иногда за нею,
Спрятывается то сам в густую аллею;
Ходят в месте иногда при водах текущих,
Инде слушают потом гласы птиц поющих;
То, под сению сидя, сами петь заводят,
Свищущих тем соловьев в мног задор приводят;
То приходят о речах в небольшие споры,
То склоняются они в мирны разговоры;
Иногда, но ни за что, будто впрямь бранятся,

А спустив минуты с две, слез в струях винятся.
Слезы, о дражайший перл! веселейши смеха!
О, горящим от любви вы сердцам утеха!
Воды пламень не гасят ваши тем сердечный,
Возбуждают еще жар любящимся вечный.
Таковые видит сны кто, всё не разлучен
От любимыя живет, с радости не скучен.
С милою что наяву у него чинится,
Почивающу ему тот же вид и снится.
Мне же, бедному, теперь от сея разлуки
Все несносные страдать нуждно стало муки;
Нуждно стало по драгой, ах мне! Илидаре:
Не сгораю, весь горя в толь любовном жаре.
В вещи всякой ту найти я хочу напрасно:
Нет, чтоб ею возмогло всех в вещах быть власно;
Видеть думаю ее, сердце льстя, повсюду,
Но, не видя, огорчен, прочь бегу оттуду.
Всё хочу, что оком зрю, было чтобы ею,
Вещь на всякую смотря, изумлен, медлею.
Илидары нет нигде! Нет нигде драгия!
Тени в памяти живут только, ах! простыя.
Те однажды мне во сне ону показали,
Плачущую всю по мне видеть приказали;
Думав правдою то быть, с ней хотел схватиться,
Крепко и прижать к грудям, чтоб не разлучиться.
Но движение всего толь мя устремленна
Учинило, ах! от сна в горесть пробужденна.
Отдалением моим потерял самую,
Потерял, от сна вспрянув, тако стень пустую.
Льяся токмо я тогда горькими слезами,
Убежавшу проводил, ей крича словами:
«Свет любимое лице! чья и стень приятна!
И речь мнимая ко мне в самом сне есть внятна!
Чаще по ночам хотя спящему кажися
И ходить к лишенну чувств, мила, не стыдися».

1735

2. ЭЛЕГИЯ II

Кто толь бедному подаст помощи мне руку?
Кто и может облегчить, ах! сердечну муку?
Мягкосердыя на мя сын богини злится,
Жесточайшим отчасу тот мне становится:

Неисцельно поразив в сердце мя стрелою,
Непрестанною любви мучит, ах! бедою.
Сердце равныя ничье не имело страсти,
Не впадало тем ничье в равные напасти:
Без надежды б чье когда лютый жар страдало?
Ах! невинное мое в лютость ту попало.
Прежестокая болезнь всяк час то съедает,
Несравненная печаль, как зверь лют, терзает;
Мысли, зря смущенный ум, сами вся мятутся,
Не велишь хотя слезам, самовольно льются;
Вдруг безмолвствую, и вдруг с стоном воздыхаю,
Сам не вем, чего желать и чего желаю.
Безнадеждие, мятеж, горесть и печали
И несносная тоска ввек на мя напали.
В сем смятении моем что чинить имею?
Сердце рвется, а целить чем то не умею.
Мысль тотчас одну с ума гонит прочь другая,
Разум от меня бежит, страсть же мучит злая.
Внутренний покой никак мне сыскать неможно,
Что б я в помощь ни взывал, всё в удаче ложно.
Никому принесть нельзя жалобу сердечну:
Купидин мя осудил к молчанию вечну.
Нерассудный и слепой, Купидин пресильный,
И который толь ко мне ныне не умильный!
Я какую тебе мог дать к сему причину,
Что ты вечну напустил на меня кручину?
Ты велишь мне то любить, нельзя что любити,
С света, знатно, ты сего хочешь мя сгонити:
Илидары нет уж, ах! нет уж предрагия!
Больше Илидары зреть не могу младыя!
Прежестока смерть уже ссекла ту косою!
Ранить больше мя по ней что ж любви стрелою?
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Неповинну мне за что кажешь ты немилость?
В преглубокую за что вводишь мя унылость?
Сердце ти мое когда было не покорно?
Оно ты к себе видал быть когда упорно?
Быть готово то всегда, ей, в любовном жаре,
Но к другой бы красоте, а не к Илидаре.
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Что крушиться мне о той, где надежды нету?
Как велишь мне ты любить мертву, без ответу?

И молчу я, и горю, и стражду невольно,
А не может никогда сердце быть довольно:
Илидара ввек хладна ныне пребывает!
Нагла жара моего та не ощущает!
Обрати во мне сей жар к красоте приличной,
К Илидаре б не горел толь мой необычный.
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
О жар! язва! о и страсть! страсть толь нестерпима!
Наглость о моей любви толь неутолима!
Больше не могу терпеть; ах! весь пропадаю.
Небо! в жизни я пока чуть жив пребываю.
Лучше вовсе умереть, нежели страдати
И, не умирая всё, только обмирати.
Но скажи мне, Купидин, ты начто питаешь
Толь сей жар всяк час во мне и воспламеняешь?
Ты не мнишь ли, что, любив ону я живую,
Мог по смерти позабыть мне всегда драгую?
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Правда, Илидара как зрилася во свете,
Младости своей была как в прекрасном цвете,
Я любил, могу сказать, ону несравненно,
В мысли ж ныне содержу право незабвенно.
Будь не веришь, Купидин, опишу ту живо,
Та коликое была в жизни всем здесь диво.
О изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Илидара здесь жила вся белейша снега,
А на теле всем ее са́ма зрилась нега,
Долговатое лицо и румяно было,
Белизною же своей всё превосходило.
Будь на белость зришь лица — то лилеи зрятся;
На румяность буде зришь — розы той крася́тся;
Обе превосходно в ней краски те играли,
Обе несравненно ту в жизни украшали.
Очи светлы у нее, цвета же небесна,
Не было черты в лице, чтоб та не прелестна;
Круглое чело, чтоб мог в оное вселиться
Разум, данный с небеси, и распространиться.
Алость на устах весьма мягкость украшала,
А перловы зубы в ней видеть не мешала;
Черностью ее власы соболю подобны,
Паче шелку те рукам мягкостью угодны.

Всё б ее перстам иметь с златом адаманты,
Груди всё б ее носить чистые брильянты.
Ни велика, ни мала, схожа на богиню,
Поступью же превзошла всякую княгиню;
Со всего, но и всегда зрилась благородна,
И богам, богиням быть та казалась сродна;
Голос свой имела тих, нрав во всем учтивый,
К добрым добр у ней прием, к злым же был спесивый;
Ласкова и у́мна речь, сладка и приятна,
Рассудительна, остра, в произносе внятна.
Чист и строен та хотя свой убор носила,
Больше же, однак, собой оный весь красила.
Всяка не могла тогда красота сравниться
Илидаре, о моей! купно надивиться.
Ум ее мне описать нельзя есть никако;
Надо равный мне ее возыметь ум всяко.
Как мне словом изъявить остроту велику
И догадку, что была в ней всегда, толику?
Рассуждение и смысл здрав и преглубокий,
Разум, зрел весьма и тверд, мысльми же высокий?
Словом токмо заключу, что та Илидара
Многих лучше всем была, никому не пара.
Видишь, о ты Купидин! помню как я ону,
Что всю живо описал всяка без урону.
Будь доволен только сим, что ту не забуду,
В гробе затворен пока червиям в снедь буду.
О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!

1735

А. П. Сумароков

3

Лишась, дражайшая, мне взора твоего,
Уж не осталося на свете ничего,
Уже меня ничто в нем больше не прельщает,
На что ни погляжу, всё дух мой возмущает,
Все ныне радости рассеяны судьбой,
Спокойствие мое сокрылося с тобой.
Горячностью к себе мою ты грусть исчисли
Когда предстану я в твои, драгая, мысли,

Воображай меня, любезная, в глазах
В моей злой горести, в стенанье и слезах.
Я только в те часы тебя позабываю,
Когда, всех дум лишась, в беспамятстве бываю.
Как помню о тебе, я пламенно горю
И в самой крайности себя мучений зрю.
Нельзя изобразить моей напасти ясно,
И все мои слова теряются напрасно,
Лишь может сердце то мое изобразить,
Как жестоко́ возмог твой взор его пронзить,
Что я тебе теперь, страдая, ни вещаю,
Всё менее того, что в сердце ощущаю.
Неисцелима скорбь! Неутолима страсть!
Мучительнейший жар! Несносная напасть!
Нашли вы крайние в груди моей успехи;
И сей уже себе не вижу я утехи,
Чтоб горести своей пристойну речь сыскать,
И тем уж не могу теперь себя ласкать.
Коль равный жар ко мне имеешь ты, любезна,
Ты знаешь то одна, как жизнь моя мне слезна.
Ты знаешь! Только что мне пользы из того,
Ты знаешь! Ах, не знай ты лучше ничего!
Лишь множится мое мученье тем сердечно,
Забудь меня, мой свет, забудь, драгая, вечно!
Забудь меня! Ах, нет, воспоминай о мне!
Как помню о тебе в печальной я стране,
Я всё то чувствую, что быти может злобно;
Мученья моего умножить неудобно.
Удобно, ежели, той клятвы не храня,
Котору я слыхал, забудешь ты меня.
В каком огне, о рок, в каком огне пылаю!
Не знаю сам, чего в смятении желаю.
Несчастнейшему мне, вот все плоды любя,
Ах! ежели когда, драгая, до тебя
Дойдут пресказаны сей жалкой речи строки,
Так знай, что по тебе текли из глаз потоки.
Не усумнися ты, что речь сия к иной;
Едина в свете ты владеешь только мной.
Великодушия я больше не имею,
Без слез тебя, мой свет, я вспомнить не умею.
Как имя я твое хоть в мысли нареку,
В минуту к сердцу ту все скорби привлеку.
Все прежни радости тогда вообразятся,
И слезы из очей неволей покатятся,

Мученьи от любви остались мне одни,
О время грозное! О вы, плачевны дни!
Осталось ли мне что, чем я на свете льстился,
Что в жизни льстило мне, всего того лишился.
А ты, плачевнейший час жизни моея,
В которой разлучен с моей любезной я,
Не вспоминайся мне, довольно знаю муки
От нестерпимого мне бремени разлуки.
Как отнимался луч от возмущенных глаз,
Мой свет, как я тебя в последний видел раз,
Как пресекалися надежные желаньи,
Ты зрела то сама, в каком я был страданьи,
Кончались радости, ввергая в плач приязнь,
Я чувствовал тогда жесточе смерти казнь.
Как я в последние с тобой поцеловался,
Казалось мне, в тот час с душою я расстался.
По разлучении полдневный свет стал мрак,
Во мне вся стыла кровь, не двигался мой зрак:
Как пораженна грудь живот свой ощущала,
Лишь только то, что нет тебя со мной, вещала.
Прости, любезная, прости, прости, мой свет,
Я всё уж потерял: тебя со мною нет.

1759

4

Чего ты мне еще, зло время, не наслало!
И где ты столько мук и грустей собирало!
Судьба, за что ты мне даешь такую часть?
Куда ни обращусь, везде, везде напасть.
Бывал ли кто когда в такой несносной муке,
И столько беспокойств имел ли кто в разлуке?
Опасности и страх, препятствия, беды
Терзали томный дух все вдруг без череды,
И, в обстоятельства меня низвергнув злые,
Отъяли наконец и очи дорогие.
О случай! О судьба! Возможно ли снести!
Расстаться с тем, кто мил, и не сказать прости!
Утехи! радости! в которых вы летали,
Где делись вы теперь? И что вы ныне стали?
О град! в котором я благополучен был,
Места! которые я прежде толь любил,
Вы кажетесь теперь мне пусты и немилы,
Не ймут больше в вас приятны рощи силы,

Долины и река, текуща возле гор,
Привлечь мои глаза и усладить мой взор.
Как слышу, что струи журчат и воды льются,
Тогда печальный дух и мысли все мятутся.
Во изумлении услыша водный шум,
Любезну привожу неволею на ум,
С которою при сих водах знакомство стало,
Где сердце много раз пресладко воздыхало,
Где многажды мой дух был ею восхищен,
И плачу, что уже драгих тех дней лишен.
На что ни погляжу, я всем воспоминаю,
Что уж любезной нет, и слезы проливаю.
Я инде с нею был, в иных местах видал,
В иных, не зря ее, дух мыслью услаждал,
В который день не зрел, вчерашним утешался
И радостей своих назавтра дожидался.
И так в моем уме уже то время вобразил,
Что нет во дни часá, чтоб я его забыл;
И нет убежища во всем пространном граде,
В несносной горести, к малейшей мне отраде.

1759

5

Терпи, моя душа, терпи различны муки,
Болезни, горести, тоску, напасти, скуки,
На все противности отверзлось сердце днесь,
Хоть разум омрачен и огорчен дух весь!
Веселой мысли нет, все радости сокрылись.
Все злые случаи на мя вооружились,
Великодушие колеблется во мне.
К которой ни воззрю, тоскуя, стороне,
Я помощи себе не вижу ниотколе,
От всех сторон беды, и нет надежды боле.
И сон, дражайший сон, страдающих покой,
От глаз моих бежит, гоним моей тоской.
Дни красные весны природу обновляют
И очи жителей земных увеселяют.
Не веселятся тем мои глаза одни:
Мне всех времен равны мучительные дни.
Противная судьба повсюду мной владает,
И яд моей крови всю внутренну съядает.
Начто ты кажешься, жизнь, в радостях кратка,
И долговременна, кому не так сладка?

Когда велит судьба терзаться неотложно,
Сноси печали, дух, сноси их сколько можно!
И если их уже ничто не отвратит,
Отваживайся! Смерть их вечно прекратит.

1759

6

Я чаял, что свои я узы разрешил,
И мыслил, что любовь я в дружбу переменил;
Уж мысли нежные меня не восхищали,
Заразы глаз драгих в уме не пребывали,
И скука и тоска из сердца вышли вон.
Я радостны часы как сладкий помнил сон,
А дни, в которые расстался я с тобою,
Драгая, почитал я страшною мечтою.
Но только лишь сей взор, что сердце мне пронзал,
Который тмы утех и грустей приключал,
В глаза мои сверкнул, вся мысль моя смутилась,
Жар в кровь мою вступил, и страсть
возобновилась,
Усилились твои присутственны красы,
Вообразились те места и те часы,
Которые тебя мне в очи представляли
И пламенный мой дух и сердце прохлаждали.
Я чувствую опять твою, драгая, власть:
Хоть пламень был и скрыт, не исчезала страсть.
И может ли кому то вечно быть забвенно,
Чем мысль наполнена, чем сердце напоенно,
Что столько радостей и грустей нанесет?
Еще тебя люблю, еще люблю, мой свет.
Еще ль и ты меня, драгая, не забыла?
Или толь нежная любовь уже простыла?
Твой зрак драгих тех мест, где я с тобой бывал,
По возвращении моем не посещал?
Как зрелась ты со мной, огнем любви пылая!
Воспомни, ах, те дни, воспомни, дорогая!

1759

7

В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи
Без крайней горести воззрети на тебя.
Восплачьте вы, мои, восплачьте, смутны очи,
Пустите токи слез горчайших из себя!
Рок лютый, умягчись, ты паче мер ужасен,
Погибни от моих отягощенных дум
И сделай, чтобы страх и трепет был напрасен!
Пронзенна грудь моя, и расточен весь ум.
О яростны часы! Жестокой время муки!
Я всем терзаюся, что в мысли ни беру.
Стерплю ли я удар должайшия разлуки,
Когда зла смерть... И я, и я тогда умру.
Такою же сражусь, такою же судьбою,
В несносной жалости страдая и стеня.
Умру, любезная, умру и я с тобою,
Когда сокроешься ты вечно от меня.

1760

8. К г. ДМИТРЕВСКОМУ

НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Котурна Волкова пресеклися часы.
Прости, мой друг, навек, прости, мой друг любезный!
Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай, и растрепли власы!
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о россы, вам;
Богиня, а тебе поставил пышный храм;
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется,
Се смысла моего и тщания плоды,
Се века целого прилежность и труды!
Что, Дмитревский, зачнем мы с сей теперь судьбою?!
Расстался Волков наш со мною и с тобою,
И с музами навек. Воззри на гроб его,
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас, потомство не забудет!
Переломи кинжал; театра уж не будет.
Простись с отторженным от драмы и от нас,
Простися с Волковым уже в последний раз,

В последнем как ты с ним играний прощался,
И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пустив днесь горькие струи из смутных глаз:
«Коликим горестям подвластны человеки!
Прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки!»

1763

9

Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!
Несча́стливее всех людей на свете я!
Я счастья пышного сыскать себе не льстился
И от рождения о нем не суетился;
Спокойствием души одним себе ласкал:
Не злата, не сребра, но муз одних искал.
Без провождения я к музам пробивался
И сквозь дремучий лес к Парнасу прорывался.
Преодолел я труд, увидел Геликон;
Как рай, моим очам вообразился он.
Эдемским звал его я светлым вертоградом,
А днесь тебя зову, Парнас, я мрачным адом;
Ты мука фурий мне, не муз ты мне игра.
О, бедоносная, противная гора,
Подпора моея немилосердной части,
Источник и вина всея моей напасти,
Плачевный вид очам и сердцу моему,
Нанесший горести бесчисленны ему!
Несчастен был тот день, несчастнейша минута,
Когда по строгости и гневу рока люта,
Польстив утехою и славою себе,
Ногою в первый раз коснулся я тебе.
Крылатый мне там конь был несколько упорен,
Но после стал Пегас обуздан и покорен,
Эрата перва мне воспламенила кровь,
Я пел заразы глаз и нежную любовь;
Прелестны взоры мне сей пламень умножали,
Мой взор ко взорам сим, стихи ко мне бежали.
Стал пети я потом потоки, берега,
Стада и пастухов, и чистые луга.
Ко Мельпомене я впоследок обратился
И, взяв у ней кинжал, к театру я пустился.
И, музу лучшую, к несчастью, полюбя,
Я сей, увы! я сей кинжал вонжу в себя,
И окончаю жизнь я прежнею забавой,
Довольствуясь одной предбудущею славой,

Которой слышати не буду никогда.
Прожив на свете век, я сетую всегда,
Когда лишился я прекрасной Мельпомены
И стихотворства стал искати перемены,
Де-Лафонтен, Эсоп в уме мне были вид.
Простите вы, Расин, Софокл и Еврипид;
Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет,
Уж нежная любовь ея меня не тронет.
Орестова сестра пусть варвара клянет,
Движения, Софокл, во мне нимало нет.
С супругом, плача, пусть прощается Альцеста,
Не сыщешь, Еврипид, в моем ты сердце места,
Аристофан и Плавт, Терентий, Молиер,
Любимцы Талии и комиков пример,
Едва увидели меня в парнасском цвете,
Но всё уж для меня кончается на свете.
Не буду драм писать, не буду притчей плесть,
И на Парнасе мне противно всё, что есть.
Не буду я писать! Но, о несчастна доля!
Во предприятии моя ли этом воля?
Против хотения мя музы привлекут
И мне решение другое изрекут.
Хочу оставить муз и с музами прощаюсь,
Прощуся с музами и к музам возвращаюсь:
Любовницею так любовник раздражен,
Который многи дни был ею заражен,
Который покидать навек ее печется
И в самый оный час всем сердцем к ней влечется.
Превредоносна мне, о музы, ваша власть!
О бесполезная и пагубная страсть,
Которая стихи писать меня учила!
Спокойство от меня ты вечно отлучила,
Но пусть мои стихи презренье мне несут
И музы кровь мою, как фурии, сосут,
Пускай похвалятся надуты оды громки,
А мне хвалу сплетет Европа и потомки.

1768

10

Отчаянье мой дух, как фурия, терзает,
Тоска моя на всё, на саму смерть дерзает,

Вся кровь тревожится, смущается мой зрак,
И в чувствах и в уме дымится адский мрак:
Все мысли он мои, всё сердце он тревожит,
И муки всякий час мои стократно множит.
О состояние несчастнейшей души!
Хотя мне смерть уже способствуй и спеши
С отягощенного снять сердца злое бремя!
Пересеки мне жизнь и прекрати мне время!
Я рвуся и стеню, я стражду день и ночь,
И не отходит грусть ни на минуту прочь;
Не можно больше жить с толикою тоскою;
Подай мне руку, смерть, и приведи к покою!

1769

11

Все меры превзошла теперь моя досада,
Ступайте, фурии, ступайте вон из ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
В сей час, в который я терзаюсь, вопию,
В сей час среди Москвы «Синава» представляют
И вот как автора достойно прославляют:
«Играйте,— говорят,— во мзду его уму,
Играйте пакостно за труд назло ему!»
Сбираются ругать меня враги и други.
Сие ли за мои, Россия, мне услуги?
От стран чужих во мзду имею не сие.
Слезами я кроплю, Вольтер, письмо твое.
Лишенный муз, лишусь, лишуся я и света.
Екатерина, зри! Проснись, Елисавета!
И сердце днесь мое внемлите вместо слов!
Вы мне прибежище, надежда и покров;
От гроба зрит одна, другая зрит от трона:
От них и с небеси мне будет оборона,
О боже, видишь ты, колика скорбь моя,
Зришь ты, в коликом днесь отчаянии я,
Терпение мое преходит за границы,
Подвигни к жалости ты мысль императрицы!
Избави ею днесь от варварских мя рук
И от гонителей художеств и наук!
Невежеством они и грубостию полны.
О вы, кропящие Петрополь невски волны,
Сего ли для, ах, Петр храм музам основал.

ЕЛЕГІИ ЛЮБОВНЫЯ.

сочиненіе

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Противнае всево елегѣи притворство,
И хладно вЪ ней всегда безЪ страсти стихотворство,
Колико мысаію вЪ нево ни углубись:
Коль хочешь то писать; такЪ прежде ты влюбись.

*

Печатано вЪ 1774 году
при императорской академіи наукЪ
вЪ санктпетербургѢ.

Я суетно на вас, о музы, уповал!
За труд мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я — наук злодеям жертва.

1770

12. КО СТЕПАНУ ФЕДОРОВИЧУ УШАКОВУ, ГУБЕРНАТОРУ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМУ,

НА ПРЕСТАВЛЕНИЕ ГРАФА АЛЕКСЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКОГО

Пущённое тобой письмо ко сей стране,
Мой друг, уже дошло, уже дошло ко мне.
Дошло и мне во грудь и в сердце меч вонзило,
Как молнией меня и громом поразило.
Хочу ответствовать, ничто на ум нейдет.
Примаюсь за перо, перо из рук падет.
Одну с другою мысль неволею мешаю
И током горьких слез бумагу орошаю.
Прощаюся, о граф, с тобою навсегда
И не увижуся с тобою никогда!
Три месяца прошло, как я с тобой расстался,
Три месяца мне ты в очах моих мечтался,
В болезни, в слабости, сто в день стенящий раз,
И сей в Петрополе последний самый час,
В который у тебя я был перед глазами.
Ты очи наполнял, прощаяся, слезами,
Вручая о себе ко памяти мне знак,
Хотя бы поминал тебя я, граф, и так.
Взирая на него, колико слез я трачу!
Рыдаю и стеню, терзаюся и плачу.
О мой любезный граф! Ты весь свой прожил век,
Как должен проживать честнейший человек.
Любимцы царские в иных пределах света
Пред вышним предстают нередко без ответа.
О, тайные судьбы! Сего уж мужа нет.
И, может быть, еще какой злодей живет
В глубокой старости, в покое и забаве,
Во изобилии и в пышной мнимой славе,
Не числя, сколько он людей перегубил
И сколько он господ, ругаясь, истребил,
Не внемля совести, ни малыя боязни,
И кровью их багрил места от смертной казни,

Во удивление, что бог ему терпел,
И весь народ на то в молчании смотрел.
А сей умерший муж тиранством не был страстен
И сильной наглости нимало не причастен,
С презрением смотря, когда ему кто льстил,
И собственной своей досады он не мстил,
Степéнью высоты вовек не величался
И добродетелью единой отличался.
Екатериною он был за то храним,
И милости ея до гроба были с ним.
Не требовал ему никто от бога мести,
Никто б его, никто не прикоснулся чести.
Как разве некто бы, носящий в сердце яд,
Какого б варвара изверг на землю ад.
Но уж, любезный граф, и он тебя не тронет.
Прости!.. Падет перо, и дух мой горько стонет.

1771

13. К г. ДМИТРЕВСКОМУ

НА СМЕРТЬ ТАТИАНЫ МИХАЙЛОВНЫ ТРОЕПОЛЬСКОЙ, ПЕРВОЙ АКТРИСЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРИДВОРНОГО ТЕАТРА

В сей день скончалася, и нет ея теперь,
Прекрасна женщина и Мельпомены дщерь,
И охладели уж ея младые члены,
И Троепольской нет, сей новыя Ильмены.
Элиза да живет на свете больше лет,
Она осталася, но Троепольской нет.
Живущие игрой к увеселенью света,
Ей память вечная, Элизе многи лета!
Да веселит она игрою наш народ;
И чтобы мир изрек: «Элизе сотый год!»
А ты, мой верный друг, игравший нам Мстислава,
Кем днесь умножилась моя в России слава,
Старайся, чтобы наш театр не пал навек.
А так — как жалостный и добрый человек —
Восплачь, восплачь о той со мной и воспечались,
Которой роли все на свете окончались!

18 июня 1774

14—25. *ЭЛЕГИИ ЛЮБОВНЫЕ*

Противняе всего элегии притворство.
И хладно в ней всегда без страсти стихотворство,
Колико мыслию в него ни углубись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.

I

Престаньте вы, глаза, дражайшею прельщаться,
Уже приходит час с любезною прощаться.
Готовьтеся теперь горчайши слезы лить,
Драгие мысли, вас мне должно удалить.
Приходит ваш конец в несча́стливой судьбине:
Мне тяжко будет всё, о чем ни мышлю ныне,
Как буду разлучен, на что тогда взгляну,
Я всем тебя, я всем, драгая, вспомяну,
Всё будет предо мной тебя изображати
И горести мои всечасно умножати.
Ты к будущей тоске, когда прейдет сей сон,
Мне некогда еще умножила мой стон:
Сказала мне: как ты расстанешься со мною
И будешь полонен любезною иною,
Я буду по тебе терзатися стеня,
А ты, ее любя, не вспомнишь про меня.
Не плачь о том, не плачь, чтоб был иною пле́нен,
Вздыхай, что нет с тобой! Не буду я преме́нен:
Хотя не будет уж минуты мне такой,
В которую б я мог почувствовать покой.
Отчаянье, тоска и нестерпимо бремя,
Отстаньте днесь от нас хотя на мало время!
Хоть на немноги дни престаньте мучить нас!
Еще довольно их останется для вас.
Несчастье, не грози разлукою так строго;
Любовникам одна минута стоит много.
Места, свидетели вздыханий, ах! моих,
Жилище красоты, где свет очей драгих
Питал мой алчный взор, где не было печали
И дни спокойные себя в веселье мчали,
Прекрасных рощей мне, долин, приречных гор
Вовеки не забыть; куда ни вскину взор,
Нигде не возмогу я больше веселиться,
И воды с током слез чрез город будут литься.

Лишаюсь милых губ и поцалуев их.
И, ах! лишаюся я всех утех моих,
Лишаюся, увы! всего единым словом.
Покроется ль земля своим нощным покровом,
Иль солнце жаркий луч на небо вознесет,
Мне всё твердит одно, что уж любезной нет.
Когда представишь ты меня перед глазами
И взглянешь на места, омытые слезами,
В которых я тебя узрю в последний раз,
Где ты упустишь мя, любезная, из глаз,
Вздохни, воспомянув, как мы с тобой прощались
И верность вечную хранити обещались,
И к услаждению сей горести моей
Ты вырони хотя слез каплю из очей.
И если буду мил тебе и по разлуке,
Так помни, что и я в такой же стражду муке,
Помоществуй и ты мне бремя то нести!
Прости, дражайшая, в последния прости.

II

Другим печальный стих рождает стихотворство,
Когда преходит мысль восторгнута в претворство,
А я действительной терзаюся тоской:
Отъята от меня свобода и покой.
В сей злой, в сей злейший час любовь, мой друг, тревожит,
И некий лютый гнев сие смятенье множит.
Лечу из мысли в мысль, бегу из страсти в страсть,
Природа над умом приемлет полну власть,
Но тщетен весь мой гнев: ее ли ненавижу?!
Она невинна в том, что я ее не вижу,
Сержуся, что не зрю! Но кто виновен тем?!
Причина мне случа́й в несчастии моем.
Напрасно на нее рождается досада,—
Она бы всякий час со мной быть купно рада.
Я верен ей, но что имею из того?!
Я днесь от беспокойств терпенья моего,
Лишенный всех забав, ничем не услаждаюсь,
Стараюсь волен быть и больше побеждаюсь,
В отчаянье, в тоске терпя мою беду,
С утра до вечера покойной ночи жду,
Хожу, таская грусть чрез горы, долы, рощи,
И с нетерпением желаю темной нощи,

Брожу по берегам и прехожу леса,
Нечувственна земля, не видны небеса.
Повсюду предо мной моей любезной очи,
Одна она в уме. Дождався тихой ночи,
Глаза хочу сомкнуть во тихие часы,
Сомкну, забудуся. Но, ах! ея красы
И очи сомкнуты сквозь веки проницают
И с нежностью мое там имя восклицают.
Проснувся, я ловлю ея пустую тень
И, осязая мрак, желаю, чтоб был день.
Лишася сладка сна и мояся слезами,
Я суетно ищу любезную глазами.
Бегу во все страны, во всех странах грущу,
Озлюсь и стану полн лютейшия досады,
Но только вспомяну ея приятны взгляды,
В минуту, я когда сержусь, как лютый лев,
В нежнейшую любовь преходит пущий гнев.

III

Судьба, за что ты мне даешь такую часть!
Куда ни обращусь, везде, везде напасть.
Бывал ли кто когда в такой несносной муке,
И столько беспокойств имел ли кто в разлуке?
Долины и река, текуща возле гор,
Престаньте возмущать меня, мрача мой взор!
Как слышу, что струи журчат и воды льются,
Вокруг мя новые сметения виются.
Во изумлении услыша водный шум,
Любезну привожу неволею на ум,
С которою при сей воде знакомство стало,
Где сердце до небес в веселье возлетало,
Где многажды мой жар был ею утешен,
И плачу, что уже других тех дней лишен:
На что ни погляжу, я всем воспоминаю,
Что уж любезной нет, а вспомня, застонаю;
Я инде с нею был или ее видал,
Или, не зря ее, дух мыслью услаждал:
В который день не зрел, вчерашним услаждался
И радостей своих назавтра дожидался,
И столько во уме то время вобразил,
Что ею всю мою и память заразил:
И нет убежища во всем пространном граде,
В несносной горести, к малейшей мне отраде.

IV

Надолго разлучен с тобою, дорогая,
Я плачу день и ночь, грустя, изнемогая.
Минуты радостны возлюбленнейших дней,
Не выйдут никогда из памяти моей.
Моя кипяща кровь страсть люту умножает.
Что сердце чувствует, то мысль изображает.
Во изумлении и в жалости взгляну,
Где ты осталася, в прекрасну ту страну,
Котору горы, лес от глаз моих скрывают
И где твои о мне вздыханья пребывают.
Мне мнити в пламени, что слышу голос твой
В плачевный день, когда расстался я с тобой,
Что ты, любезная, топя прелестны взгляды,
Со мной прощаешься и плачешь без отрады.
Мне кажется тогда, бунтующему кровь,
Что вистинну с тобой я разлучаюсь вновь.
Дух томный чувствует прошедшей точну муку,
Как он терзаем был в действительну разлуку.
Горчайшей предан я мучительной судьбе —
Не вижу никакой отрады я себе.
Куда ни вскину я свои печальны взоры,
В луга или в леса, на холмы иль на горы,
На шумные ль валы, на тихие ль струи,
На пышно ль здание, мне все места сии
Как громкой кажется плачевною трубою,
Твердят: не видишь ты любезной пред собою.
Везде стеню, везде от горести своей.
Так горлица, лишась того, что мило ей,
Не зная, что зачать, древ ветви покидает,
Летит с куста на куст, на всех кустах рыдает.
Когда моя тоска век горький прекратит
И смерть потерянно спокойство возвратит,
Так знай, любезная, что, шествуя к покою,
Я, мысля о тебе, глаза свои закрою.
Не смертью, но тобой я душу возмущу
И с именем твоим дух томный испущу.

V

Уже меня ничто на свете не прельщает,
На что ни погляжу, мне мысли всё смущает.
Веселие мое рассеяно судьбой,
Спокойство прежнее сокрылося с тобой.

Горячностью к себе мою ты грусть исчисли,
Когда предстану я в твои, драгая, мысли,
Воображай меня, любезная, в глазах,
В моей злой горести, в стенанье и слезах.
Я только в те часы тебя позабываю,
Когда, всех дум лишась, беспамятен бываю:
Лишь может сердце то мое изобразить,
Как жестоко́ возмог твой взор его пронзить,
Что я тебе теперь, страдая, ни вещаю,
Всё менее того, что в сердце ощущаю.
Когда тебя хотя я в мысли нареку,
В минуты ону все я скорби привлеку:
Прошедши радости на память возвратятся,
И слезы из очей неволей покатя́тся.
Когда скрывался луч от возмущенных глаз,
Мой свет, как я тебя в последний видел раз,
Как я в последния с тобой поцеловался!
Казалося, что дух мой с телом расставался.
Мне стал полдневный свет по разлученье мрак,
Во мне вся стыла кровь, не двигался мой зрак:
А как разима грудь дыханье ощущала,
Лишь только то, что нет тебя со мной, вещала.

VI

Не вижу я тебя и разлучен судьбою,
Местами, временем надолго я с тобою,
Всечасно я глашу: мой рок тебя унес.
Внимают горы то, луга, потоки, лес,
Которы от очей моих тебя скрывают,
Но мысли никогда тебя не забывают.
Я помню о тебе всяк день и всяку ночь,
От мыслей ты моих не удалилась прочь.
Я всё спокойствие мое тобою рушу:
Хотя тебя не зрю, люблю тебя как душу;
Не столько мышлю я, печася о себе,
Колико думаю, драгая, о тебе.
Заразов я твоих прелестняе не знаю
И всеминутно их, горя, воспоминаю.
Наполнен разум мой приятностию сей,
А счастие мое во верности твоей.
Воспомнив я тебя, как видя, восхищаюсь
И столько ж, как и зря, не зря тобой прельщаюсь.
Ты вид единственный желанья моего.

Мне нет тебя миляй на свете ничего,
Мя больше распалить любовью неудобно:
Не знаю, можно ли любить кого подобно.

VII

Уже ушли от нас играния и смехи...
Предай минувшие забвению утехи!
Пусть буду только я крушиться в сей любви,
А ты в спокойствии и в радостях живи!
Мне кажется, как мы с тобою разлучились,
Что все противности на мя воополчились
И ото всех сторон, стесненный дух томя,
Случа́и лютые стремятся здесь на мя
И множат сердца боль во неисцельной ране.
Так ветры шумные на гордом океане
Ревущею волной пресильно в судно бьют
И воду с пеною в него из бездны льют.

VIII

На все противности отверзлось сердце днесь,
Мой разум омрачен, и огорчен дух весь!
Я помощи себе не вижу ниотколе,
От всех сторон беды, и нет надежды боле.
И сон, дражайший сон, страдающих покой,
От глаз моих бежит, гоним моей тоской.
Дни красные весны природу обновляют
И очи жителей земных увеселяют.
Не веселятся тем мои глаза одни:
Мои всегда равны мучительные дни;
Судьба разлуки злой мной сильно обладает;
И яд моей крови всю внутренну съядает.

IX

Неверная! меня ты вечно погубила:
А мне казалося, что ты меня любила.
Как я тобой горел, ты в самы те часы
Вверяла от меня свои другим красы.
Как я тобой, другой тобою так прельщался
И красотой твоей подобно насыщался.
Легко ли мне сие на мысли привести!

А в мысли то вложив, возможно ль то снести!
Повсеминутно то себе воображаю,
Повсеминутно я и горесть умножаю.
Другой тебе стал мил — целует он тебя,
Объемлешь ты его, взаимственно любя,
Во восхищении ты мыслию летаешь,
И в исступлении, им нежася, ты таешь,
И во объятии его, во всем слаба,
Мне быв владычицей, ему теперь раба.
Достоинств он тоя совсем не примечает,
Которая его пыланью отвечает.
К почтению ты мнишь привесть его вотще,
И уничтожишься ты скоро им еще.
Забыв и честь и стыд, не правя мыслей толком,
За ним ты бегаешь, как агница за волком.
Забыла ты и страх, забыла и себя,
И, недостойного толь жарко ты любя,
Отважилася с ним и днями и ночами
Скрывать бесчестие пред зоркими очами.
Бежишь туда, таясь, не зря себя воспять,
И, возвратясь оттоль, бежишь туда опять.
И вскоре ты его, но вскоре не застанешь
И поздно обо мне, изменница, вспомянешь,
Дождешься от него лютейших самых бед —
Увидишь ты тогда: простыл его и след.
Не будешь видети его перед собою,
А он, довольствуясь, неверная, тобою,
Расскажет о тебе, что ты его была
И что его, любя, своей душой звала.
Хоть он тебя своей любовницей не числил
И лишь тушити жар тобой он крови мыслил,
Моим сокровищем, тобой тушил он жар.
Какой я чувствую несносный мне удар!
Не упражняюся во суетных я пенях:
Тя зрели у него сидящу на коленях,
И обнажала ты свою бесстыдно грудь.
Прости, неверная, и вечно мя забудь,
Забуди те часы, как я тобою таял.
О небо! никогда я этого не чаял.

X

Престанешь ли моей докукой услаждаться?
Могу ли я когда любви твоей дождаться?

Я день и ночь горю, я мучуся любя,
И где тебя не зрю, мне скучно без тебя.
Всегда зрю тень твою и в страсти осязаю:
По всякой час тебя я в мысли лобызаю.
Со взором мысль моя твоим сопряжена:
Неисходимо ты мне в сердце вложена.
Мне твой прелестен вид, прелестны разговоры,
И всё влечет мои к тебе, драгая, взоры.
К несчастию тебя, суровая, спознав,
Лишился я тобой спокойства и забав,
А сердца твоего смягчить не уповаю:
Тревожусь и мятусь, грущу и унываю.
Я время, мысли, ум и всё тобой гублю.
Скажи, драгая, мне: «И я тебя люблю».

XI

Ты только для того любовь уничтожаешь,
Что сладости ее себе не воображаешь;
Вкуси, любезная, вкуси любовну страсть!
Престань употреблять во зло свою мне власть!
Я часто думаю: коль это сердце строго,
Что есть и без тебя красот на свете много;
Но весь рассудок сей поставлю суетой;
Я плѣнен навсегда твоею красотой.
Тобою мысль моя единой возбудилась:
И думается мне, что ты одна родилась,
Котора может мысль мою к себе привлечь,
Прельстить мои глаза и кровь мою зажечь.
Кто любит мучася, так это смерти зляе,
А паче мучиму от той, кто всех миляе.
Насыться зрением мученья моего,
Ищи погибели и смерти ты того,
Кто, чувствуя твою неизреченну злобу,
В тот час, во страшный час, когда идешь ко гробу,
Когда кончается сей жизни суета
И вечности пред ним растворены врата,
Когда ужасный рок тоску его сугубит,
Еще тебя, еще немилосердну любит.
Внемли, жестокая, мой томный глас, внемли
И по конце моем на месте той земли,
Где буду погребен, воззри на гробный камень,
И, вспомнив, как пылал во мне тобою пламень,
Вздохни, вообразив, как рок меня губил,
И молвь: «Я помню то, что он меня любил».

XII

Веселие мое уходит от меня.
Я, в сердце жар любви всегда к тебе храня,
Тебе противен стал; хотя того не знаю,
За что тобою я и рвуся и стонаю.
Или, переменив совсем ты прежний нрав,
Стараешься искать уж новых днесь забав?
В намерении сем имей себе успехи,
Ищи, жестокая, ищи другой утехи;
Как я, другой тебе равно быть может мил;
Но льзя ли, чтобы он, как я, тебя любил!
Как новым жаром ты, забыв мя, тлиться станешь,
Не раз, но многажды о мне тогда вспомянешь.
И будешь воображать нередко те часы,
Как были в области моей твои красы.
Я знаю, что твой дух меня не позабудет,
Да только, может быть, меня уже не будет.
Воспоминание тебя хотя смутит,
Но уж раскаянье меня не возвратит.

1774

А. А. Аблесимов

26. ЭЛЕГИЯ

Сокрылися мои дражайшие утехи,
В жестокую печаль преобратились смехи,
Когда восходит луч вселенну освещать,
Не может мне минут веселых предвещать.
Куда ни обращу свои плачевны очи,
Везде я грусти зрю и мрак печальной ночи.
Ты радости мои пресек, жестокий рок,
Ты ввек определил мне слезный лить поток;
Лишил меня, лишил ты сладкого покою,
Сразил, как молнией, меня ты злой тоскою,
В тяжчайшия любви оковы заключил,
Несносной горести на жертву поручил;
Покрыл мя тучею прегорькия печали,
Чтоб бедства все мои забавы окончали.

Но что я так мятусь, напасть моя, тобой,
Когда уже мне то предписано судьбой!
Но, ах! возможно ли, чтоб я теперь не рвался!
Увы! уж я навек с любезною расстался!
Расстался!.. Вспомню лишь я тот горчайший час,
Как я драгой сказал «прости» в последний раз,
В минуту ону дух прискорбный возмутится,
И, что ни мыслил я, всё в муку превратится.
Лишуся чувствия, в очах померкнет свет,
И помню только то: драгой со мною нет.
О, нестерпима казнь немилосердной части!
О, мой плачевный век! О, лютые напасти!
Возможно ли сего мучительняй страдать,
Как вечно что любить и вечно не видать?
Повсеминутно мне разлука в мысль приходит,
Повсеминутно дух в смятение приводит.
Я рвуся и ни в чем отрады не сыщу.
Но ежели еще и тщетно я грущу
И мне любезная неверна стала ныне,
Какой подвержена ты, жизнь моя, судьбине!
Поверь, драгая, мне: каков бы кто ни был,
Не будет так тебя любить, как я любил.
Но что от ложныя мечты мой дух стонает?
Моя любезная меня воспоминает,
И ту же чувствует она любовь ко мне,
Которую она имела в сей стране.
Но я не зрю ее и рвусь изнемогая.
Уж нет тебя, уж нет со мною, дорогая!

1759

А. А. Нартов

27. ЭЛЕГИЯ

Как только лишь тебя глаза мои узрели,
Так мысли все к любви с стремленьем полетели,
И вдруг тогда познал любови я устав,
Преобратили в грусть мой весь веселый нрав,
Я тяжко воздохнул и вольности лишился,
Тебе мой слабый дух навеки покорился.
Страдаю, и уж жизнь несносна мне моя:
Почто, увы, тебя! почто увидел я!

В жестокой я тоске всечасно пребываю,
И, силы потеряв, я весь изнемогаю.
Почто, любовь, меня ввергаешь ты в напасть;
Или мне суждено имети люту часть?
На то ли, чтоб златой мне вольности лишиться,
Покою моему в мученье перемениться?
Когда ж положено любовью мне страдать
И рок велел меня несчастием карать,
Сберитесь, муки все, и грудь мою терзайте,
И дух, мой томный дух из тела извлекайте!
Умру и прекращу несчастный век я свой,
Не буде пленным я тогда твоей красой,
Не буду я терпеть смертельного мученья
И в плаче ожидать не буду утешенья.
Но может ли сие тебе утехой быть,
Что будешь ты всегда моим убийцей слыть?
Ах нет! прости меня, не так ты в свет родилась,
Чтоб ты, как лютый тигр, безвинно рассердилась.
Воззри на скорбь мою, творимую тобой,
И, видя ону скорбь, ты сжалься надо мной:
Коль стыд претит тебе то сделать разговором,
Подай отраду мне хотя единым взором.
Ты люту смерть мою в жизнь нову претворишь
И всё несчастие с болезнью истребишь.
Но если не возжжен в тебе взаимный пламень
И сердце таково имеешь ты, как камень,
Так лучше я хочу лютейшу смерть вкусить,
Как жизнь лютейшую и горести сносить.
Я время дней моих без страха сокращаю,
Без страха для тебя я душу испущаю.
Приди, желанна смерть, скоряй меня скоси
И страждущей душе спокойство принеси.

1759

Е. А. Княжнина

28. ЭЛЕГИЯ

О ты, которая всегда меня любила,
А ныне навсегда совсем уже забыла!
Ты мне еще мила, мила в моих глазах,

А я уж без тебя в стенанье и слезах
Хожу без памяти, не знаю, что спокойство.
Всё плачу и грущу — моей то жизни свойство.
Как я с тобою был, приятен был тот час;
Но то скончалося и скрылося от нас.
Однако я люблю, люблю тебя сердечно,
И буду я любить тебя всем сердцем вечно,
Хоть и расстался я, любезная, с тобой,
Хотя не вижу я тебя перед собой.
Увы, за что, за что толико я несчастен!
За что, любезная, тобою так я страстен!
Всего ты, рок, лишил, ты отнял всё, злой рок!
Ввек буду я стонать, когда ты так жесток,
И после моего с любезной разлученья
Не буду провождать минуты без мученья.

1759

С. В. Нарышкин

29. ЭЛЕГИЯ

Лишенный вольности, терзаемый тоскою,
К чему я приведен, жестокой рок, тобою!
Не мало ль я и так слез горьких проливал?
Не мало ль томну грудь ты вздохами терзал?
Усугубляешь ты мои мученья люты.
В какие злейшие родился я минуты!
Иль мало тем меня, рок, было наказать,
Чтоб вечно мне мою любезну потерять
И чтобы я в руках того прекрасну видел,
Кого с младенческих я лет возненавидел?
Ты ныне дал еще услышать ту мне весть,
Которой больше мне не можно в жизни снесть.
Я слышал, что злодей прекрасну утесняет
И всеминутно ей он муки причиняет.
Он верность ту, что ей во браке посвятил,
В измену и в обман бесстыдно обратил.
Уже на место той любви, которой клялся
И коей обольстить всех сродников старался,
Свирепость, ненависть вселилися в него,
И больше он уже не мыслит ничего,
Как только чтоб ее пред всеми обесславить,

И ах! безвинную в презрении оставить.
Ее в презрении! Возможно ль в свете жить?
Кого ты более, рок, можешь пощадить,
Когда уж та, кому природа даровала,
Чтоб женской пол она собою украшала
И чтобы сча́стливу имела в жизни часть,
В слезах проводит жизнь и терпит злу напасть?
Но ах! почто тебя, судьбина, обвиняю,
Или неправостей на свете я не знаю.
Не ты единая в сем случае губи́шь:
Алчба имения, ты чаще тем разишь!
Колико дев себе ты в жертву посвящаешь,
И сколько тем ты их любовников терзаешь!
А ты, родитель той, котору я люблю,
Для коей столько я мучения терплю,
Кто в мыслях у меня и в сердце обитает
И, будучи чужой, мной вечно обладает,
Какой на место ты отца мучитель ей!
Ты злато предпочтил, ах! дочери своей.
Прельщен корыстию, соделал ей ты муки,
И предал ты навек ее в тирански руки.
Почто ты, рок, отца такого ей судил,
Который бы ее навеки погубил?
О солнце, ты всяк день вселенну обтекаешь,
И видишь скорбь мою, и вздохи все внимаешь.
Не чаю, чтоб нашло несчастней ты меня!
Не рвется так никто, в страдании стеня.
Хотя напасти нас и часто утесняют
И нам мучения нередко причиняют,
Но с временем тоска проходит завсегда,
А мне отрады уж не будет никогда —
С часами горесть мне претяжкая родится,
И тем несчастие мне важным станови́тся.
Когда ж во всю мне жизнь бесплодно унывать,
Когда, в любви горя, утех ее не знать
И зреть прекрасную навек тому подвластну,
Кто тщится подавать ей муку повсечасну,
Почто желати мне на свете больше жить?
Иль только для того, чтоб горьки слезы лить!
Когда, случа́и, вы веселье мне скончали,
Скончайте мне и жизнь, и с ней мои печали.

1759

И. А. Дмитревский

30. ЭЛЕГИЯ

Предвестия для нас плачевные свершились,
Которых каждый миг, драгая, мы страшились.
Нежалостливый твой и яростный отец,
Мучитель злобнейший влюбившихся сердец,
Узнав, что я к тебе любовию пылаю,
Что всю в тебе я жизнь единой полагаю,
И что твоя ко мне равно пылает кровь,
И равную моей являешь ты любовь,
Подвигнувшись за то на гнев неутолимый
И слышать не хотя, чтоб я был твой любимый,
И небом, и землей, и всем, что в свете есть,
В другой отселе град клялся тебя увесть;
Колико клятвы те казались нам ужасны!
Ужасны были нам и стали не напрасны.
Исполнил то, что он исполнити хотел.
Сердитый рок, к чему несчастных ты привел!
В сей день кончается утеха предрагая,
И совершается судьбина наша злая.
Навек лишаюсь я твоих прелестных глаз,
Ты зришь, любезная, меня в последний раз.
Терзаться вечно нам от дня сего приходит.
Какую казнь тиран, отец твой, нам наводит!
Коликой отягчил нас скорбью и тоской,
Отъемля общий наш в сей грозный день покой!
О день! печальный день, плачевные разлуки!
Неизреченныя день горести и муки!
Страдание сердец хоть мало утиши
И медленно в своем течении спеши.
В последние мне дай драгой налюбоваться,
В последние мне дай с драгой нацаловаться!
Но день кончает бег, и наступает час,
Который разлучит навек, драгая, нас.
Моя дражайша жизнь навеки утекает
И из очей тебя навеки увлекает.
Рок ближится... Увы! приближился... Настал.
Свирепый рок! уже ты всё для нас скончал.
Где я!.. И что я стал!.. Чувств прежних не имею.
Мой дух выходит вон... томлюся, каменею.

Когда теряю я любезную свою,
Возьми, о небо, жизнь остывшую мою!
На что она, когда, лишившися любезной,
Я буду провождать ее в судьбине слезной?
Но мне отъемлется плачевный век судьбой!
Лишь только рок велит расстаться мне с тобой —
О час, противный час! и всех часов горчайший!
Источник вечных слез! о час прежесточайший! —
Воззри, тиран, на скорбь ты дочери своей!
За что ты делаешь сие мученье ей?
За что она тобой толь горестно страдает?
За то, что, ах! ко мне любовию пылает.
О варвар! не женой ты в свет произведен!
Свирепым неким чудищем рожден
И лютой львицею в лесах воспитан темных,
В бессолнечных возрос пещерах ты подземных.
Когда б не зверскую природу ты имел,
И не дал бы в таком мученье ей терзаться,
Вздыхать, стенать, вопить и люто разрываться!
А ты без жалости на муки зришь ея,
Нигде примера нет свирепости сея.
В какой, о небеса, я грусти остаюся!
На жесточайшие я муки предаюся.
Я всё, что есть, гублю, тебя, мой свет, губя,
Всего лишаюсь я, лишаяся тебя.
Противен стал и град, где я с тобой слюбился;
Прекрасный вид его в пустыню превратился,
Ничто уж в нем меня, ничто уж не прельстит,
И красота его с тобою прочь летит.
Противны и места, где мы с тобой видались,
Тобою лишь они приятны мне казались.
Не будет без тебя в них больше красоты:
Места прекрасны те, в которых будешь ты.
Когда ты будешь жить во граде отдаленном,
В жилище, от отца тебе определенном,
И как повеет там Зефир от той страны,
Где мы твоим отцом с тобой разлучены,
И нежно ко́снется главе твоей крылами
Иль сопряжет свои с твоими он устами,
Вообрази в тот час, что я с тобой стою
И жалостным к тебе я гласом вопию:
«Люблю тебя, мой свет, любя не пременюся,
Доколе с жизнию своей не разлучуся».
Вообрази тогда меня в своих глазах,

Что в горьких по тебе я плаваю слезах,
Что нет ни дня, часа́, ниже́ одной минуты,
Когда бы не были со мною скорби люты.
О свет очей моих! Любовь ко мне храня,
Уже в последний раз целуешь ты меня.
Теките из очей горчайши слезны реки,
Прости, любезная, прости, мой свет, навеки.

1759

А. А. Ржевский

31. ЭЛЕГИЯ

Свершилося теперь сердечно предсказанье,
Сбылось уже мое презлое предвещанье.
Но не во сне ль то зрю? Не сон ли мя страшит?
И не мечта ли мне напастию грозит?
Ах, нет! То въяве всё сбылось, о рок, со мною,
Что я забвен моей навеки дорогою!
Я презрен от нее, любим соперник мой!
О гневная судьба! о рок! о час презлой,
В который с ним она к мученью мне спозналась
И ласкою его, забыв меня, пленялась!
В пребедственный мне час страсть о́на родилась:
Моя любезная другому отдалась.
Уже она теперь меня не вспоминает
И с ним в веселостях минуты провождает,
А я, лишась ее, страдаю и грущу
И, тщетно мучася, отрады не сыщу.
Но если б я теперь опять мог быти с нею
И мог бы уверять горячностью своею,
Хотя бы к верности ее не обратил,
Хотя бы новыя любви не истребил,—
Но жар ее ко мне, конечно б, показался,
А я хотя бы тем единым утешался.
Но ах! когда она могла меня забыть,
Так жара в ней ко мне нельзя ни искры быть.
Виною ты всему, о злое разлученье!
Тобою я терплю несносное мученье.
Когда бы я поднесь с ней купно пребывал,
Я знаю то, что б я ее не потерял:
По всякую б она меня минуту зрела,

Взаимственна любовь равно бы в ней горела.
Как от прекрасных я ее сокрылся глаз,
Помалу исчезал в ней жар любви и гас,
И наконец совсем она меня забыла
И, позабыв меня, другого полюбила.
Другого! Словом сим мутится кровь во мне:
Он радуется там, я стражду в сей стране.
Хотя я мнил, что с ней на время я прощался,
Но вижу, в тот я час с ней вечно расставался.
Не тщетно я тогда прегорестно стенал;
Я всё, что льстило мне, навек тогда терял.
Неверная, начто меня ты полюбила?
А полюбив, начто любовь свою открыла?
Начто и ты тогда мне сделалась мила?
На то ли, чтоб ты мне тиранкою была?
Не чаю я, чтоб ты, неверная, забыла,
Как ты по всякую минуту мне твердила,
Что будешь ты меня по смерть свою любить.
И с клятвой всякий час ты тщилась говорить:
«Я прежде с жизнию своею разлучуся,
Ах! нежели в любви к тебе переменюся».
Где делись клятвы те? Уж я тебе не мил,
Другой тобой любим, а я тебе постыл.
Другой любим! Я весь покой изменой рушу,
Но и неверную люблю тебя как душу.

1759

32. ЭЛЕГИЯ

При сих морских брегах жизнь в скуке провождая
И взор ко всем местам прекрасным обращая,
Куда я ни пойду, на что ни погляжу,
Забавы для меня ни в чем не нахожу.
Между ль высоких гор, в лесах ли себя крою,
По всем местам тоска здесь следует за мною.
Прекрасные места противны для меня,
Грусть грудь мою грызет, я мучуся стеня.
Нигде отрады дух себе не обретает,
Ничто моей тоски, ничто не утоляет —
Ни солнечны лучи, ни ясны небеса,
Ни место красотой, ни рощи, ни леса,
Ни холмы на брегах высокими верхами,

Прекрасные сады пахучими цветами,
Приятной по заре фонтанов быстрых шум,
Который для иных приносит нежность дум,
Ни статуй разных вид, каскады возвышенны,
Ни густота аллей, ни гроты украшенны,
Прозрачные струи, морские берега,
Долины, ручейки, пещеры и луга,
Собрание людей, ни общество меж нами,
Ни обхождение всечасно с красотами.
Между людей живу всегда уединен,
Среди забав всегда утехи отчужден,
Не свойственны они мне кажутся нимало,
И только надлежит мне сердце, чтоб страдало,
Отрадою живет единой лишь мне сон,
Хоть в самой редкости ко мне приходит он,
Грустя ложуся спать, в слезах я засыпаю,
И с ними же опять свет дневный я встречаю.
Но ежели когда мученьи и минут
И только лишь опять на мысли мне придут
Любезны те места, где с нею я видался,
В которых я потом со плачем расставался,
Воспомню те слова, которые слыхал
Ответом от нее, в любви как укорял.
Представлю ⟨я⟩, как мне она быть обещалась,
Как твердо в том моя надежда простиралась.
Воображу, что рок утехи те унес
К пролитию моих горчайших ныне слез.
Нигде не встретится она уже со мною,
Расстался я, увы! с своею дорогою,
Застонет бедна грудь, в глазах померкнет свет,
Замерзнет в жилах кровь, и сердце обомрет,
И только лишь одна надежда мя питает,
Что верность впредь ее утехи обещает.
Но что еще за весть мне вал морской несет?
Иная поразить беда меня идет?
Ожесточенный рок! Что слух мой днесь пронзает?
О глас мучительный! Я слышу, мне вещает,
Чтоб я теперь мою надежду оставлял
И больше уж своей драгую не считал,
Совместник мой о мне в ней память низлагает,
И может быть, что страсть к нему в ней возрастает.
Жестокая судьба! Что сталося со мной?
Лишуся я навек, лишуся я драгой.
О солнце! Ты весь свет лучами озаряешь,

Мню, горестней меня нигде не обретаешь.
Носила ли, земля, в которой стороне
Подобного в моем несчастии ты мне?
О щедры небеса! Чему ж осталось верить?
Когда уж и она мне тщилась лицемерить.
Уж не осталося утехи для меня,
Я век буду страдать и мучиться, стеня.
Пустыня, ты лишь мне убежище едина,
Мне жизнь препровождать в тебе велит судьбина.
Тропинки все в тебе слезами омочу
И токи горьких слез с ручьями сообщу,
Наполню стоном я весь воздух и все рощи,
Наскучу я древам и птицам в темной нощи,
Пусть знает только лес, как стражду ныне я,
И будет знать, как жизнь продлится вся моя.
Струи прохладных вод, я вам лишь открываю,
И токи горьких слез я с вами сообщаю.
Вы троньтеся, коль льзя, моею днесь тоской
И, воображая здесь плачевный образ мой,
К местам тем, где живет любезная, теките,
И вид плачевный мой пред нею вобразите,
Представьте, как я здесь в слезах и развращен,
Как стражду я по ней, как мучусь, утомлен.
О ветры! Вы мой стон сей горестно внимайте
И с ним к моей драгой скоряе долетайте,
Вещайте ей мой стон, пронзайте ее слух
И возмутите в ней спокойной ее дух,
Воспомните то, что она мне обещала
И как меня в своей любови уверяла.
Почто, неверная, склонна ты мне была?
К слезам только одним ты стала мне мила,
Как буду зреть тебя, жестокая, чужою,
Я стану воздыхать всечасно пред тобою,
Во всех местах тебя я буду упрекать
И стану слезный взор везде тебе являть.
Хоть сердце тигрово в тебе бы обитало,
Но жалость обо мне и то бы ощущало.
Ах! что я говорю? Лишь льщу себе, маня,—
Она будет, смотря, смеяться на меня.
Кто мил, тот жалостен в несчастии бывает,
Постылый человек лишь смех тем причиняет,
Однако я не дам смеяться над собой.
Неверною назвав, скажу ей грусть с тоской,
И после дни свои тотчас я окончаю,

И с светом все мои мученьи потеряю.
Конечно, небо ей отмстит за смерть мою
И справедливость ей явйт тогда свою.
Увы, о грозный рок! Чего теперь желаю?
Ах! не напрасно ли ее я обвиняю?
Быть может, до меня дошел неправый слух
И ложью возмутил плененный ею дух.
О небо! дай, чтоб се всё пролгало́сь,
И обещание чтоб век не прерва́ло́сь.
А ежели она забыла уж меня,
Не посылай ей бед, не мучь в ней дух, стесня,
Хотя я и просил отмстить ей за неверность,
То, в горести забыв, я учинил предерзость.
Хотя мне неверна, и с тем она мила,
Дай небо, чтоб она в забавах век жила.

1759

33. ЭЛЕГИЯ

Ничто моей тоски не может утолить
И мой потерянный покой мне возвратить.
Приятная весна места уж оживляет,
Река прозрачные струи уж открывает,
Усыпанны песком означились брега,
Лес ли́стом кроется, цветут сады, луга,
По рощам соловьи приятно воспевают
И радость чувств своих сердечных возвещают.
Но нет еще конца злой горести моей,
И нет утехи днесь ни в чем в стране мне сей,
Собрание забав печаль не прогоняет,
Сообщество красот меня не утешает:
Прелестные места, приятны времена
Тягчай чинят моей печали бремена.
Нет горести конца, здесь всё я ненавижу,
Противно всё, когда возлюбленной не вижу,
Без ней ничто меня не может веселить,
Ничто моей тоски не может утолить.
Я только то одно утехой почитаю,
Когда с возлюбленной я вместе пребываю,
И только то мой дух удобно лишь питать,
Чтоб с нею говорить и на нее взирать;
Без ней противно всё, без ней везде вздыхаю,
В ней радости свои и счастье полагаю.

Но ах! здесь нет ее. Возможно ль не грустить!
Нельзя не воздыхать, нельзя ее забыть.
Из памяти моей ее не выгоняют
Ни время, ни места, что с нею разделяют,
И не выходит вон ни на единый час,
А тень ее нейдет прелестная из глаз.
Мысль всякую мою я ею начинаю,
Об ней я думаю и ею мысль кончаю,
На что ни погляжу, чрез всё мне в мысль придет,
И всё мне здесь твердит: с тобой любезной нет.
Когда, простяся с ней, от мест тех отдалялся,
Какою горестью несносной я терзался!
Я только воображал: расстался уж с драгой,
Оставил с ней мое веселье и покой.
Мне всякая ступень печаль усугубляла
И, что расстался я с любезною, вещала.
Я в горести себя надеждою питал
И времем облегчить мученье уповал.
Я мнил, когда ее, расставшись, зреть не буду,
Несклонную в любви со времем позабуду.
Но тщетно, ах! себя надеждою той льстил,
Мой рок мне век о ней вздыхать мне осудил,—
Ничто моей любви, ничто не пресекает,
Разлукою она сильняе возрастает
И горести мои сугубит в сей стране,
Нет облегчения малейшего здесь мне.
Любезная моя, а ты того не знаешь,
Сколь ты несклонностью в разлуке дух терзаешь.
Но что ж? Хотя б судьба ей ведать и дала,
Мучении б она мои не прервала.
Что я ее люблю, она довольно знала,
Но, зная страсть мою, несклонностью терзала
И притворялася, стремясь меня терзать,
Что будто страсть мою не может понимать
И будто моего владетеля не знает,
А слыша, некто есть, что мною обладает,
Старалась, притворясь, совет мне подавать,
Как должно мне свое спокойствие сыскать.
Оно в тебе, лишь ты его меня лишила,
Судьба меня тебе одной лишь осудила.
Ты можешь лишь одна покой мой возвратить,
Ты можешь лишь одна мне счастье учинить.
Коль строки ты сии, любезная, увидишь
Или о них когда ты от кого услышишь,

Не скучь, прекрасная, не скучь их понимать,
Чтоб о несча́стливом любовнике узнать.
Узная обо мне, мои почувствуй муки
И облегчи моей мучение разлуки,
Хотя малейшую отраду мне подай,
Хотя последния надежды не лишай.
Трони́сь, любезная, моею ты тоскою,
Дай знать, что сжалилась уже ты надо мною
И более меня не хочешь уж терзать.
Престань меня, престань любезных мест лишать.
Разлуку прекратить властна ты, если хочешь,
И лаской возвратить опять меня ты можешь.
То в воле есть твоей увидеть дать себя,
Виною стала ты разлуки, не любя.

1760

34—36. *ЭЛЕГИИ*

I

Доколе мучиться, горя в любви, стеня?
Прелестные глаза, сокройтесь от меня:
Мне к гибели одной знакомы ваши взоры.
Престану я вступать с несклонной в разговоры,
Но где ж сокроюся? Куда от ней уйду
И способом каким спокойствие найду?
Возможно ли болезнь не чувствовать больному?
Подвергнут я навек мучению презлому:
Бескровну рану днесь ты в сердце мне дала,
И ум ты мой к себе, драгая, привлекла.
Коль нет тебя в глазах, ты в мысли обитаешь,
Час от часу во мне любовь ты умножаешь:
Осанка, вид, глаза, твой ум, лица черты,—
Прелестно всё, что есть, о, коль прекрасна ты!
Возможно ль, чтобы кто тобою не прельщался?
Но я к мучению с тобою лишь спознался.
Драгая! весь мой ум тобою отягчен.
Но что ж? Кого люблю, от той всегда презрен.
О страсть мучительна! Ты бедством начиналась
И чрез препятствие в груди моей позналась.
Совместник мой счастлив, а я утех лишен;
Его с весельем дни, мой с грустью век сплетен.

В забавах он часы с драгою провождает,
Мой дух, то чувствуя, мятется и страдает.
За вздохи вздохами всегда он заплачен,
За взоры взорами всегда он награжден;
Он вместе с ней сидит, приятну речь внимает,
Он то ей говорит, что сердце ощущает,
О, коль ты тем счастлив, счастливей в свете всех!
Не видишь края ты безмерных сих утех.
Не может в свете так никто счастлив назваться,
И разве я могу несчастьем поравняться?
Безмерно счастлив ты, без мер несчастлив я:
Твоя в забавах жизнь, в слезах течет моя.
А ты, источник слез, вина всегдашней скуки,
Содетель горести, причина нежной муки,
Драгая! зная, что всего ты мне миляй,
Хоть взором ласковым надежду мне подай.
Несчастлив я хотя, но, жить доколе стану,
Равно тебя любить по смерть не перестану.

II

Что делать мне теперь? Весь ум смутился мой,
Две страсти мучат дух и рушат мой покой:
Одни глаза душой и сердцем обладают,
Другие обо мне слез токи проливают.
Миляе жизни мне, миляй души одна,
Другая мне, уже неверному, верна.
Она по мне и днесь, как прежде, воздыхает,
А та за всю любовь несклонность мне являет
И только терпит лишь из жалости меня.
О, как я мучуся, несчастну часть кляня!
Кого мне предпочесть, кого? Теперь не знаю.
Я на несклонную любовницу меняю.
Иль я не вижу слез? Иль я не слышу стон,
И стон любовницы? Влеки, грусть, дух мой вон.
О правосудие! Отмсти мне, как тирану.
Вынь дух мой, я ту месть щедротой ставить стану.
Престану о тебе, несклонная, вздыхать,
Любовнице я мук не буду приключать.
Забуду я тебя, забуду я неложно,
Забуду, но кого? Увы! забыть не можно.
Ей сердце отдано, ей дух мой покорен,
Вся мысль стремится к ней, навеки я пленен.

А ты, которая напрасно воздыхаешь
И о любовнике неверном вспоминаешь,—
Не ставь меня виной: так рок определил.
Он мне с тобой вздыхать бесплодно осудил.
Неверностью моей несчастлива ты стала,—
Утеха вся моя несклонностью пропала.
Я чувствую любовь твою, поверь, не лгу,—
Страсть ум расшибла мой, забыть той не могу.
За ту неверность мне довольное отмщенье,
Что от несклонной я всегда терплю мученье.
По смерть бы я любовь к тебе не променял,
Когда б совместницы твоей я не видал.
Из памяти моей она не вылетает,
И тень ее от глаз один лишь сон скрывает.
Не можешь ты меня, когда я мил, забыть:
Не можно так и мне любовь переменить.
Исправить мне порок мой ум не помогает
И, перед страстию колеблясь, упадает.
Престань меня теперь, престань меня винить,
Нельзя совместницу твою мне не любить.
Судьбой несчастна часть, знать, нам определенна,
Знать, воля век ее пребудет непременна.
Я в дружбу всю любовь к тебе переменю,
А сердце я для ней по гроб мой сохраню.
Но ты, несклонная, тронись моей тоскою,
Узная, сколько я несчастлив стал тобою,
Хоть малую любить себя надежду дай,
Хоть взором ласковым мучение скончай.
Я верну для тебя любовницу теряю,
На свете я всему тебя предпочитаю.
Я всё бы для тебя охотно потерял,
Я весь урон одной тобою б награждал.
Не думай же, чтобы неверен я родился
И для того в любви к другой переменился.
Я первую тебя, драгая, полюбил,
Но, как потом нас рок жестокий разлучил,
Я зреть тебя и быть счастлив тобой не льстился,
Отчаясь наконец, в другую я влюбился;
Но только взор лишь мой опять тебя узрел,
Огнь, крывшийся во мне, опять жар произвел;
Сугубей прежнего опять в тебя влюбился,—
Я для тебя на свет, любезная, родился.

III

Какие мне беды рок лютый посылает?
Не гром ли поразить меня уготовляет?
Какой проступок я, скажи мне, учинил,
И чем, любезная, тебя я рассердил?
Суровы ты ко мне уже бросаешь взоры,
Упорны ты со мной всчинаешь разговоры;
Никак, окончилась твоя ко мне любовь
И тщетно страсть во мне тревожит ныне кровь?
Как сонная мечта минутой лишь прельщает,
Потом тотчас пробуд веселью окончает —
Так склонности твои, утехою взманя,
Низвергнули в напасть и горести меня.
Подобно в жаркий день как тучи отдаленны
Сулят прохладный дождь на нивы иссушенны,
Но только лишь себя они вдали явят
И, мимо пролетев, луга не окропят,—
Так счастие меня надеждой лишь прельщает,
А само от меня всеместно убегает.
Равно как в солнечный приятный летний день
Являет человек свою пустую тень
И только на нее свободно всяк взирает,
Но прочь она бежит, никто ту не поймает,—
Так счастье я поймать стараюсь всякий день,
Но, ах! хватаю лишь одну пустую тень.
О, солнце! Ты когда вселенну озаряешь,
И сколько ты лучей далеко простираешь,
Ты освещало ли несчастнее меня?
И кто б так мучился несчастием, как я?
Нигде утехи я себе не обретаю,
Везде терзаяся, лью слезы и вздыхаю.
Что я утехою считаю и ищу,
В том горесть лишь найду, тем мучусь и грущу.
Нашел, было, в любви желанные утехи,
Но рок к тому скончал, свирепствуя, успехи.
Драгая, я на то тебя лишь полюбил,
Чтобы, прельстясь тобой, я рвался и грустил.
Начто ты склонностью своей меня ласкала?
Начто любить меня ты вечно обещала?
На то ли, чтоб меня утехой той прельстить
И после все слова и взгляды применить?
Конечно, никогда любви той не бывало,
И сердце никогда зараз не ощущало.

Не так любила, знать, как я слыхал, меня,
И только смеючись вещала мне, маня.
Но нет! Ты прежде мне в любови заклиналась,
И в волю ты мою, драгая, отдавалась,—
Так что ж причиною суровости твоей,
И чем я заслужил к себе поступок сей?
Скажи, чем уменьшить могу мои вины,
Которые еще и знать мне не даны?
Ах, сжалься надо мной, престань меня томить,
Коль можешь горесть ты мою изобразить.
Ничто не может с ней на свете поравняться,
Иль хочешь горестью моей ты утешаться?
Невольник мучится в тиранских как руках,
Работой утомлен в мучительских цепях,—
Не столько страждет он, почувствовавши жажду,
Как, зря суровости твои к себе, я стражду;
Не столько он воды холодной хочет пить,
Как я твой гнев к себе желаю умягчить.
Плененна страждет грудь, отрад не обретает,
Мятется мысль моя, и сердце унывает.
Любезная моя, мне легче умереть,
Как нежели тебя к себе сурову зреть.
Престань меня томить, подай в тоске отраду,
Когда достоин я еще приятна взгляду.

1760

37. ЭЛЕГИЯ

От той, которая души миляе,
Досаду мне сносить — что может быти зляе?
Досада такова мучительней всего,
И нет ее горчай на свете ничего.
Жестокая! пусть ты меня не любишь,
Пусть к бедствию тебя смертельно я люблю
И пусть, любя тебя, утехи лишь гублю,
Но ты еще мое мученье и сугубишь!
Несчастлив я судьбой,
Что для ради тебя на свет я жить родился,
Но, ах, еще несчастнее тобой,
Что я тебе не мил, а я в тебя влюбился!
Судьба меня с тобой навеки разлучает,
Твоя несклонность мне мученья приключает.

Я не виню тебя,
Что я не мил, любя:
Судьба моей то бедной части,
Чтобы мне мучиться во тщетной страсти.
Но винен ли и я,
Что вся тобой душа распалена моя?
Твое лице прекрасно
На памяти моей мечтается всечасно:
Вся мысль наполнена и чувство всё тобой,
Рассеян разум мой,
Всечасно мучуся прелютою тоскою,
Ни на минуту нет покою,
Всегда жестокое мучение терплю,
Тоскуя всякий час, ни веселюсь, ни сплю,
А ты еще мое мученье умножаешь,
И сердце ты еще жесточей поражаешь:
Досады мне чинишь, стараяся крушить,
Иль жизни ты меня стараешься лишить?
Лиша меня утех, покою, счастья вечно,
И жалости не знать,
Но и старатися мне муки умножать —
Бесчеловечно!
Мучь сердце ты мое, мучь, можешь ты терзать!
Когда ты в том себе утехи обретаешь,
Мучь сердце то, которым обладаешь!
Однако можешь ли ты после то сказать,
Что ты права передо мною?
Не будет ли тебя в том совесть угрызать,
Как будешь смерти ты моей виною?
Гнусна мне жизнь моя, коль так она бедна!
Я с радостию с нею разлучуся:
Я ею только лишь горчуся.
Коль жизнь мучительна, так смерть сладка одна.

1763

38—39. *ЭЛЕГИИ*

I

Престрогою судьбою
Я стражду огорчен,
И ею я с тобою
Навеки разлучен.

Чем боле я прельщаюсь,
Тем боле я грущу
И боле тем лишаюсь
Того, чего ищу;
Но боле чем лишаюсь
Надежды я судьбой,
Тем боле я прельщаюсь,
Любезная, тобой.
Тебе моей не быти,
Я знаю, никогда,
Тебя мне не забыти,
Я знаю, навсегда.
Лице твое прекрасно
Из мысли вон нейдет,
Мечтаяся всечасно,
Покою не дает.
Когда тебя не вижу,
Смущаюсь и грущу,
Я всё возненавижу,
Везде тебя ищу,
Но ежели с тобою
Когда увижусь я,
Представлю, что судьбою
Плачевна жизнь моя:
Весь ум мой возмутится,
И сердце обомрет,
Всё чувствие затмится,
В глазах померкнет свет.
Я от тебя скрываюсь,
Но, скрывшися, грущу,
И мыслей порываюсь,
Опять тебя ищу.
Опять тебя увижу,
Опять грущу, узря,
Опять возненавижу
Я жизнь, тобой горя.
Нигде мне нет покою,
Я всем ее гублю,
Но, мучася тоскою,
Еще сильняй люблю.
Я знаю, что не буду
Утешен я, любя;
Но вечно не забуду,
Любезная, тебя.

Мне то сужденно частью,
Чтобы, любя, страдать
И чтоб, терзаясь страстью,
Отрады не видать.

II

Иль я столь ненавидим, драгая, тобой,
Что тебе в отягченье и быти со мной?
Лишь с тобою увижусь, ты станешь смущаться,
И стремишься оттуда, где я, удаляться,
И не хочешь на речи мои отвечать.
Что из этого должен, скажи, заключать?
«Убегай повсеместно,— твердишь ты всечасно,—
Мне видаться с тобою, ты ведай, ужасно».
Но когда не увидишь ты долго меня,
Так досаду являешь тогда мне, стеня.
Что я делал, где был я, тогда вопрошаешь;
А увижусь с тобою — меня убегаешь.
Иль намерена этим ты дух мой терзать,
Чрез премену желаний покой отнимать?
Но когда меня любишь, почто то скрываешь
И, сама тем терзаясь, меня разрываешь?
Перестань дух крушити и тайну открой,
И мучение злое ты тем успокой.
Прекрати ты, драгая, мученье сердечно,
Я, любя тебя верно, любить буду вечно.

1763

40. ЭЛЕГИЯ

Не знаю, отчего весь дух мой унывает
И грудь мою тоска несносна разрывает.
Не знаю, что меня смущает и мятет
И сердцу ни на час покоя не дает.
Куда я ни пойду, нигде утех не вижу,
На что ни погляжу, то всё я ненавижу.
Не знаю, отчего скорбит душа моя,
Лишь знаю только то, что повсечасно я
Тоскую, рвусь, стеню, грущу, страдаю, ною,
Вздыхаю, мучуся, печаль владеет мною,
Скучаю, слезы лью, стараюсь и терплю,
Желаю, тщусь, ищу... Неужто я люблю?

Ах, нет!.. Льзя ль быть тому? Любить весьма
опасно.
Любовь... О чувствие приятно и напастно!
Беги ты от меня и духа не смущай
И сердца моего утехой не прельщай,
Чтоб сладости твои мученья не намчали:
За радостьми в любви всегда идут печали...
Но отчего ж сие? Из мысли вон нейдет
Прелестное лице и спать мне не дает,
Сон сладкий от очей всеночно отгоняет
И мысли все мои мятет и утомляет.
Настанет день — встаю, стремлюсь, спешу, ищу
Узреть прелестный взор, и, не нашед, грущу,
И где не зрю его, я там везде скучаю,
И всё мне тягостно, что взором ни встречаю:
Противны зрятся все места душе моей,
И пусто кажется в собрании людей.
Но если зрю его, тут все игры и смехи,
С ним радости мои, с ним сладкие утехи,
С ним рассуждение, с ним мысли, разговор,
Издевки нежные и с ним приятный спор.
Люблю... Конечно так... Но, ах, любить не смею!
Однако не любить, что мило, не умею!
Люблю... Мила... Нельзя, что мило, не любить.
Умела ты мою свободу погубить!
Я сердцем не могу владети и собою,
Оно и я всегда стремимся за тобою.
Уже не властен я стал ныне, полюбя,
И жити не могу на свете без тебя.
Ты будешь мне мила, доколе не увяну,
Доколе буду жить, любити не престану.

1763

М. М. Херасков

41

Начто тебя, начто, Кларида, я узнал?
И для чего любовь сперва не изгонял?
Она, прияв теперь над слабым сердцем силу,
Тревожит весь мой дух, мысль делает унылу.

Могу ли я на час спокойну мысль иметь,
Коль должен в варварских руках любезну зреть?
Как агницу в лесах несытый зверь терзает,
Как ястреб горлицу на воздухе гоняет,
Как камень, над главой что пастуха висит,
Падением своим всегда его страшит:
Так сей свирепый муж, так прелестей владетель
Терзает и страшит невинну добродетель.
Злой ревностью со всех сторон окружена,
Вздыхает, мучится и слезы льет она.
А мне возможно ли, в волнении жестоком,
Любезную мою спокойным видеть оком?
Довольно б муки я и без того терпел,
Хотя б такой тиран любезной не владел,
Довольно бы моя от страсти грудь терзалась,
Хотя б ничьею ты, мой свет, не называлась,
Днесь множество еще излишних мук терплю,
Что обрученную другому я люблю.
Иль должно нежности тому поработиться,
Кто в свет мучителем и без любви родится?
От сопряжений сих источник выдет бед,
Не могут вместе быть безвредны огнь и лед.
Начто вы, небеса, их так совокупили,
Чтоб разностью сердец они весь род страшили?
Начто мучителю прекрасна отдана?
Она невольница ему, а не жена.
Когда в любви сердца согласие имеют,
Друг друга раздражать ни огорчать не смеют.
Всечасны радости всегда питают их,
Нет огорчения и нет печали в них;
Любовна нежит их свобода и в неволе.
Нет сей приятности другой на свете боле!
Когда ж бесстрастные два сердца съединят,
Коль небеса того и случаи хотят:
К спряженью каждый шаг есть краткой шаг к напасти;
Там яд в сердцах растет наместо нежной страсти,
Соединение погибель совершит,
Боязнь в них и печаль, а не любовь кипит.
Таким днесь следствиям подвержена Кларида:
Иметь прескорбный вид на месте красна вида,
Оплакивать свой век, в противный брак вступя,
И свету не видать, в слезах себя топя,
Вздыхать не от любви, вздыхати от мученья,

И кроме мук тонуть в пучине огорченья;
Веселости, в нее врожденныя, забыть;
Казать врагу любовь и, честь храня, любить,
Любить мучителя за все свои напасти,
И уступать ему степе́нь над сердцем власти;
Дух варварской должна за нежный дух считать,
Обоих чтоб зверьми не стали почитать.
С змеею человек в пещере затворенный
И кормщик на́ море волнами разбиенный
Не тако мучатся и входят в страх они,
Как днесь любезная в свои младые дни.
И ярость зверская, и злость, и брань, и пени
Ей видеть не дают веселия ни тени.
Как вырвать из когтей нельзя у льва тельца
Иль птице улететь из сети у ловца,
Любезну так нельзя найти на свете средства
Спасти от горести, неволи мук и бедства.
О! небо, на ее мучение воззри,
Иль добродетели тирану отвори,
Иль сделай, чтоб была Кларида век спокойна,
Чтоб ту имела часть, какой она достойна.

1760

42. ЭЛЕГИЯ

За что любезная, за что меня винит?
За что себя мне зреть прекрасная претит?
Не тем ли я тебе, драгая, досаждаю,
Что я, любя тебя, перед тобой вздыхаю?
Грущу и мучуся, страдаю и люблю,
Спокойство всё свое тобою я гублю.
Когда ты страсть мою виною почитаешь,
Я винен пред тобой; ты право обвиняешь.
Но я ль искал того, тебе чтоб досаждать,
Когда ты рождена на то, чтоб всех прельщать?
Коль меньше б ты была разумна и прекрасна,
То меньше бы душа была тобою страстна;
Всяк будет пред тобой, драгая, виноват,
Лишь только встретится с кем твой прелестный взгляд.
Несклонности твои наносят мне мученье,
Но я готов сносить суровость и презренье:

Лишь только зреть себя, драгая, не прети,
Хоть сим мучение и горесть прекрати.
Дай в жизни мне хоть тем, несчастну, утешаться,
Чтоб мог я взорами твоими наслаждаться;
Позволь хоть сим мою несчастну страсть питать,
Чтоб мог я на тебя, прекрасная, взирать.

1760

43. ЭЛЕГИЯ

Еще мой жар к тебе, драгая, не потух,
Изображает то мой стих тебе и дух,
Изображается он стоном и тоскою,
Когда увижуся, прекрасная, с тобою,
Чрез торопливые я знать даю слова,
Что страсть, как и была сильна,— всё такова.
Но ежели бы ты то ведала подробно,
Как и в разлуке я тобой мятусь подобно,
Нигде твоих, мой свет, не забываю глаз,
А их не видючи, вздыхаю по сту раз,
В минуту по сту раз тебя в мысль представляю,
Тобой стесненну грудь тобою оживляю.
Тобой лишаюся веселий и забав,
Ты мне к веселостям даешь одна устав.
Всем сердцем мучусь я, когда с тобой в разлуке:
Увидяся с тобой, бываю в пущей муке.
Не насыщаюся смотреньем на тебя,
И в новую напасть ввергаю я себя.
Позабываюся, что я ни начинаю,
О чем хочу сказать, я сам того не знаю.
Как непорядочен и искренен мой стих,
Таков и я во всех намереньях моих.
А если ты когда, сии читая строки,
Почувствуешь мои мучения жестоки,
Почувствуешь и им соделаешь конец,
Пресча́стливой тогда слыть буду я творец.

1761

В. Д. Санковский

44. ЭЛЕГИЯ

Пройди моя тоска с текущею минутой,
И не пылай в крови, о! пламень страсти лютой;
Смущенная душа отсель спокойна будь,
Как можно, так скрепись, терзаемая грудь.
И прелестьми глаза уж больше не пленяйтесь,
И мысли нежные навек искореняйтесь.
Мученье, стон и плач на радость пременись,
Потерянный покой и вольность возвратись.
Ах! сносно ли страдать, не ждав за то награды?
И зреть еще при том суровость и досады.
Возможно ли мне ту любезною считать,
Которая оттоль стремится убегать,
Где я ее ищу, где зреть ее желаю,
Где сетую по ней, грущу и воздыхаю,
Которая моих не слушает речей,
И ставит ни во что слезящих ток очей?
Довольно уже я употреблял терпенья,
Чтоб кончились часы лютейшего мученья.
Но ах! терпенье то лишь мой сугубит стон,
Веселье всё мое прошло, как сладкий сон.
Надежды я лишен, котора дух питала,
Клариса днесь ко мне совсем иная стала;
Совсем уже не та, но что тому виной?
Прелестнейшим очам понравился другой.
Несчастного меня Клариса покидает
И о другом уже и мыслит и страдает.
Будь счастлива другим и продолжай свой путь,
На свете счастлив тот, кто мог тебя тронуть.
Ты лучшим веселись, достойна лучшей части,
Меня забудь, оставь томиться в лютой страсти.
Навек меня забудь, коль можешь позабыть,
И, позабыв, скажи: «Престань меня любить».
Я, получив сию неисцелиму рану,
Тобою, взор драгой! прельщаться перестану.
Слезящих ток очей, ты мыслей не смущай,
Скоряе пленный дух свободу возвещай.
Другому сердцу днесь Клариса поверяет
И клятвы, ах! мои другому повторяет.
Что прежде слышал я, ему то говорит,
К нему, увы! моей любовию горит.

Для умножения моей лютейшей муки,
В моих, увы! глазах его целует руки.
Трепещуща рука пиши, скоряй пиши,
И грудь моя себя уж больше не круши.
В отчаянье, в тоске и в горести безмерной
Пишу к возлюбленной, но, ах! уже к неверной.
Ты с сих уже минут уверена в том будь,
Что исцелилася тобой пронзенна грудь:
На вольность променил я тяжкую неволю
И лучшую уже теперь имею долю.
Не чувствую любви, не чувствую зараз,
И не язвят меня прелестных стрелы глаз.
Узрев тебя теперь, как прежде, не мятуся,
И, разлучась с тобой, не плачу, не крушуся,
С тобой и без тебя теперь могу пробыть,
Я перестал уже оковы те носить,
В которых лютая любовь меня держала:
Почто моя душа сего не предузнала,
Что, к счастью моему, сбылось теперь со мной?
Во всех я зрю местах веселье и покой.
Весельем кончу речь, весельем начинаю,
И день равно и ночь спокойно провождаю.
Я сетую, что был доселе помрачен,
И радуюсь, что днесь из мраку извлечен.
Мне кажется, мое все помраченье знают
И страсть бесплодную молчаньем обвиняют.
Куда ни обращусь — всё новое в глазах,
Прошедши времена меня приводят в страх.
И рощи, и луга, и сладко птичек пенье
Пеняют за мое любви порабощенье.
Прости, красавица чужая, не моя,
Прости в последний раз, теперь свободен я.
Места, где ты живешь, меня не привлекают,
И дни мои теперь спокойней протекают.
Теките медленно, приятные часы,
А ты, кто получил по счастью те красы,
Которы называл доселе я своими,
Живи и веселись, владея вечно ими;
Живи и веселись, покой мой погубя,
Живи и веселись, Кларису полюбя,
Но только знай: я сча́стливей тебя.

1764

45. ЭЛЕГИЯ

К чему ты привела меня, судьбина гневна,
Прошел приятный век, настала жизнь плачевна,
О! время лютое, о рок, о! злой удар!
Любовию горю, но ах! мой тщетный жар.
Не вижу за любовь желанныя награды,
Не вижу и того для большей мне досады,
Кто лестию своей навек меня пленил,
Кто мой покой в тоску и горесть пременил.
Мне жизнь моя теперь уже несносна стала,
Питаю страсть в крови, ах! что я предприяла,
Почто я отдалась жестокому во власть?
Почто его люблю? О! лютая напасть,
Почто его в любви уверить я старалась?
Почто с неверным я, несчастная, спозналась?
Приметив он мое лютейшее мученье,
Старался, чтобы жить со мною в разлученье,
Старался от очей моих себя сокрыть,
Чтоб тем в груди моей ран больше растравить.
Невинной я любви в храм сердце посвятила,
И в нем теперь живет сей нежной страсти сила,
Которая всяк час тревожит грудь мою.
Я вместо всех утех лишь только слезы лью.
О! ты, неверный, кем я столько стала страстна,
Кем лишена утех, кем стала я несчастна.
Не извинишь себя, изменник, предо мной,
Несчастья моего один лишь ты виной.
Когда б, неверного, тебя я не видала,
То б жизнь моя теперь спокойно протекала.
Не знала б я тоски, не знала грусти сей,
Ты, страсть мою узнав, ругаться начал ей,
Оставил ты меня, лишилась я покою,
Живу, терзаяся и мучася тоскою.
Ты, слабость зря мою и сердца простоту,
Веселие мое преобратил в мечту.
Не мни, чтоб за сие возмог ты извиниться,
Ты мне велел в любви несчастливой томиться.
Люблю тебя... к чему привел меня, о! льстец,
Но ах! моей любви пришел уже конец.
Жить больше не хочу презренная тобою,
Прости в последний раз, я расстаюсь с душою,
Прости в последний раз, прости уже навек,
Неверностью своей ты жизнь мою пресек.

1764

46. ЭЛЕГИЯ

НА СМЕРТЬ КЛАРИСЫ

Играй, жестокий рок, играй ты мной теперь,
Ты сердце рви и грудь, терзай, как лютый зверь.
Коль всё уже сбылось, что мысли предвещали,
Из тела томный дух гоните, злы печали,
С охотою умру, уж мне противен свет,
На свете для меня теперь забавы нет.
Места, которые мой дух увеселяли,
Навек уже свою приятность потеряли.
Утех не зрю нигде, куда ни обращусь,
Я только слезы лью, вздыхаю и крушусь,
Когда прошедшие часы воображаю,
Когда любезную свою воспоминаю,
Лишаюсь чувств и сил, пускаю тяжкой стон;
Я вижу тень ее и мню, что вижу сон.
О! тень, драгая тень, ты с телом уж рассталась,
Надежды больше нет, и часть моя скончалась.
Отрада горестей, оставила ты свет,
Скончалась часть моя, надежды больше нет,
Чего надеяться? Чего желать мне боле?
Не можно получить отрады ниотколе.
Утеху всю мою, веселье и покой
Любезная моя во гроб взяла с собой.
Коль счастие мое с возлюбленной во гробе,
Пойду ее искать, искать в земной утробе.
Но ах! хотя сыщу, ее не оживлю,
Пойду и ей скажу: почувствуй, сколь люблю,
Живую как любил, равно люблю и мертву,
Сказав так, принесу ей жизнь свою на жертву.
Своей рукой пролью свою при гробе кровь,
Тем верность покажу и кончу тем любовь.
Пойду, куда стремлюсь, намеренье скончаю,
Но ах! куда спешу? И что я начинаю?
Хочу оставить свет и сам себя убить,
Как сам себя убью, что будут говорить?
Мне лучше жить, мне жить... но житие несчастно,
Коль нет на свете, кем душа и сердце страстно.
Любовь мою к драгой, коль буду жить в слезах,
Почувствует, увы! во гробе скрытый прах.
Любовь! почто в моей груди произведенна,
Почто моя душа сим ядом напоенна!

Но можно ль было мне не быть подвластну той,
Котора всех своей пленяла красотой.
От воображений сих все члены цепенеют,
Ручьи текут из глаз и чувства все слабеют,
Перерываются слова... мертвею весь...
Отрада горестей... почто предстала здесь?
Тебя ли вижу я... еще ты не скончалась.
Почто же так, почто моя душа смущалась!
Жива прекрасная... отрада мук жива,
Летите с ветрами, плачевные слова.
В себе ли я теперь! О ты, лицо приятно,
О! хищница душа, ты скрылась невозвратно.
Скончалась ты уже, любезная моя,
Коль дух мой жил в тебе, быть должен мертв и я.
Но смерть, похитивши то, чем я веселился,
Оставила меня, чтоб живучи крушился.
Крушусь, и буду я крушиться всякой час,
Прости, любезная, прости в последний раз.
Когда тень чувствует твоя мое страданье,
Коль видит слезный ток и слышит воздыханье,
То буду ввек страдать, вздыхать и слезы лить,
В знак верности другой не буду я любить.
Плачевные места страны сея оставлю,
К мученью моему я горести прибавлю,
Чтоб тем скоряй прийти в подземные места,
Где скрылась от меня любезной красота.
Я там уже, мой свет, увижуся с тобою,
Мне смерть одна покой, иного нет покою.

1764

П. И. Фонвизин

47. ЭЛЕГИЯ

Что делать я хочу? И что предпринимаю?
Писать с дражайшею разлуку начинаю,
Но чувствую в себе, что сил недостает
И что разлука дух и разум мой мятет.
Сберитесь, мысли все, писать мне помощь дайте,
Намеренье мое вотще не оставляйте.
О, день несчастия, день горести моей!
В сей день расстался я с возлюбленной своей.

Сей день есть сборище жестоких мне мучений,
Сей день всех более терплю я огорчений.
Не приходи на мысль ты мне, жестокий час!
И слез не извлекай неволею из глаз.
Но можно ль позабыть, что в жизни веселило
И что любезнее всего на свете было?
Не знаю, для чего с любезной разлучен,
Разлукой таковой я боле огорчен.
Возможно ль вобразить, что с нею я простился
И что прелестных я очей ее лишился,
Что случай счáстливый судьба открыла мне.
Но, ах! к несчастию то было как во сне,
И в тех веселиях, чем сердце наслаждалось,
Несчастий всех моих собрание скрывалось.
Я страсть свою открыть ей всякий день хотел,
Но, видя всякий день, открыться ей не смел
И думал, что еще довольно будет время,—
Я, мысля так, теперь сношу несносно бремя,
Несчастие свое считаю только в том,
И кроме я сего не мучусь о ином,
Что о любви моей дражайшая не знает,
О том я слезы лью, и дух мой унывает.
Когда б я страсть свою возлюбленной открыл,
Я б ею, может быть, благополучен был.
Но что начну теперь? Куды я обращуся?
В какой я горести и муке нахожуся!
Любезный мне сей град оставила она.
Прекрасная Москва, приятная страна!
В тебе уж никакой утехи не осталось,
И всё веселие с любезной миновалось.
Ничто уже меня к тебе не привлечет,
Коль более в тебе драгая не живет.
Нигде отрады дух себе не обретает,
Москва, прелестный град, меня уж не прельщает.
Когда бывало то, чтоб столько я терпел?
И чтоб в своей любви страданья столько зрел?
Но что я говорю? Я с ней не разлучался.
И в первый раз еще в сей день я с ней расстался.
В сей день простился я с драгой в последний раз.
Минута горестна! О ты, жестокий час,
В который я, ее целуя нежну руку,
Почувствовал в себе еще тем боле муку!
Она в невинности не знала страсти той,
Котора рушила тот сладкий мой покой,

Которым до сего я с нею наслаждался,
Когда с любезной я по всякий день видался.
Далеко ль от меня теперь, драгая, ты?
Надолго ли твои сокрылись красоты?
Того не знаю я. И только буду рваться,—
В разлуке будучи, возможно ль не терзаться?
Не знаю, скоро ли несносный срок пройдет,
Когда надежды мне ничто не подает.
Но, может, уменьшу хоть мало тем страданья,
Когда я буду ждать приятного свиданья;
И тем я пресеку тоску и грусть мою,
Когда увижу здесь любезную свою.
А если буду я с драгою неразлучен,
Одним я тем могу быть век благополучен.

⟨1764⟩

48

Чтобы избавиться жестокого мученья
И чтоб не зреть в любви мне боле огорченья,
Спешу скоряе прочь от мест приятных сих
И удаляюся от прелестей твоих,
Которые мой дух навеки полонили
И пленом сим меня спокойствия лишили.
Не знаю я и сам, снесу ль такой удар?
Могу ль с разлукой сей пресечь любовный жар,
Который ты сама тем боле размножала,
Что страстные слова охотно принимала?
Могу ль тебя тронуть, неверная, теперь?
Иль ты против меня жесточе, нежель зверь?
Подвигнет ли тебя на жалость то мученье,
Которо сделает с тобою разлученье?
Оковы наложа своею красотой
И пользуясь моей свободой отнятой,
Хоть жизни пожалей, к концу уж приведенной,
Спокой смущенный дух, тоской обремененный.
Престань терзати грудь, тиранство отложи,
Хотя тяжеле сих оковы наложи.
Я их носить готов, доколе жизнь скончаю,
И сердце верное тебе я поручаю.
Коль не гнушаешься владеть ты им навек,
Я буду счастливяй всех в свете человек.

Но, если ты меня освободишь неволи,
Ничто не может быть моей жесточе доли.
Все пленники хотят избавиться оков,
А я в оковах быть по смерть свою готов,
Считая оные за счастие безмерно.
О счастье в свете сем! О счастье беспримерно!
Когда б достигнути я мог опять тебя,
В веселье бы я жил, печали истребя.
Но можно ли уж мне тем счастьем наслаждаться?
И можно ль мне твоей любовию ласкаться,
Коль ты любовником другого избрала,
Коль сердце ты его во власть свою взяла,
Имея во своей уж власти сердце верно,
Которо не было в сей страсти лицемерно?
Надеялся ли я то зреть когда-нибудь,
Чтоб к сердцу ты его себе открыла путь?
Чтобы, не чувствуя нимало огорченья,
Смотреть ты возмогла на все мои мученья?
И чтобы наконец, к скончанью муки всей,
Причиною была и смерти ты моей?
Коль ты не тронута несчастного словами,
Коль сердце я твое не умягчил слезами,
Узришь, неверная, отчаянья конец.
Не думай, чтоб я был перед тобою льстец.
От мест сих удалюсь, тебя не буду зреть,
На счастье не могу соперника смотреть.
Из града выехав, расставшися с тобою,
Расстанусь с жизнью я, расстанусь и с душою.

1764

Ф. Я. Козельский

49. ЭЛЕГИЯ I

Свершилось то со мной (о, лютых бед начало!),
Что мысли вещие и сердце предвещало.
Предвестие, в душе подъемлющее брань,
Сбылось, что принесу я злой печали дань,
Что дорого куплю сладчайшие утехи,
Слезами заплачу любви нежнейшей смехи.
Внемли печаль мою, сокровище мое!

Какую нанесло отсутствие твое,
Какие я терплю несносные здесь муки,
Как время провожу мучительной разлуки.
Ничто не веселит, противен день и свет,
Противна жизнь моя: ни в чем отрады нет.
Ничто не веселит, ни место то прекрасно,
Где веселился я с тобою повсечасно,
Ни чистых вод струи, ниже сей пышный град,
Ни рощи, ни сады не принесут отрад.
Сколь зрелище сих мест прекрасно и забавно,
Столь без тебя оно противно и не нравно:
Забавы вместо мне тоски наводят тень,
Печали кажут ночь, веселья кроют день,
И сердце больше тем смущенное терзают,
Коль ласки те на мысль и игры возвращают,
Которые имел, любезная, с тобой,
Питавшие и страсть, и дух плененный мой,
И ныне лишь тоску и скуку мне наводят,
Коль тщетно нежности твои на мысль приводят.
Пернатые, весны почувствовав приход,
Среди прекрасных рощ любви вкушают плод;
А я, увы! своей возлюбленной лишаюсь!
И, зря на их любовь, стеню и сокрушаюсь!..
Пресладкие часы!.. Приятные места!
Тут зрима мной была любезна красота!
Но, ах! К чему сие бесплодно вспоминанье!
Забыть прелестный взор и истребить мечтанье —
То средство, чтоб болезнь сердечну исцелить...
Но средства сил мне нет сего употребить!
Когда б приятности те были мной забвенны,
То были б лютые и раны исцеленны,
Которые в твоей разлуке я терплю,
Но я тебя всегда и помню и люблю
И лютой тем тоски моей не скончеваю.
Когда, несчастный, я тебя, мой свет, теряю,
Теряю я покой, теряю век драгой,
Забавы трачу все любезные с тобой.
Я часто, скорбию безмерной утомленный,
Взвожу на небо взор, слезами орошенный,
Неизмериму зрю там бездну высоты.
Так нет конца моей прискорбной тяготы!..
Конца печали нет! Мне больше жить не можно,
Коль должно мне тебя лишиться непреложно.

Несчастная любовь!.. Любезная, отдай
Обратно мне себя. Препятства побеждай,
Поссорься за меня с домашними своими,
Скажи, что жить тебе назначено не с ними.

50. ЭЛЕГИЯ XVI

Когда тех сладких дум приходит воображенье
И всех тех нежностей приятных возвращенье,
Прекрасная! как я любовию твоей
Желанье услаждал всяк час души моей;
Как я в веселье жил с тобою неразлучно,
И жизнь пресладкую я вел благополучно;
Как страстнейший мой взор твоим я насыщал,
И в мыслях все черты прекрасны описал,
На коих и теперь те суще начертáнны
И в сердце нежности твои навек влиянны.
О, как терзается во мне смущенный дух,
Лишась веселия того и счастья вдруг,
Что лютою теперь разлукой истребленно,
Как бурным вихрем всё навеки похищенно.
О жизнь мучительна! О жизнь, что смерти зляй!
О море лютых мук! Бедам не виден край!
О рок, что разорвал союз сердец ты нежных!
О век, что прелестей наполнен ненадежных!
Уже сокровище драгое потерял,
Которым дни мои всечасно услаждал,
И, видя всякий час прекрасну пред собою,
Приятный разговор ведущую со мною,
Целующу меня, ласкающу всегда,
Каким весельем был я восхищен тогда!
А ныне тех забав и нежностей лишенны
Любезнейших тех дней минуты сокровенны.
Открылись смутные и горестные дни,
И мрачная печаль, и скуки лишь одни,
В которых до конца мой томный дух крушится
И напоенна мысль любовию мутится;
Грусть сердце и тоску в смущенны мысли шлет,
А взор печальный мой прегорьки слезы льет.
Такие я несу в разлуке сей удары,
Как нежна горлица, лишась любезной пары,
Крушится и везде летает по лесам,

Тоскует и грустит, мятется по кустам,
В пустыни страшные полет свой обращает,
Любезныя ища, там нежно воздыхает,
И вздохи отдает ее угрюмый лес;
Немало облетит в тоске своей древес,
Нередко злачные их ветви пременяя,
И бьется он, свою любезную теряя.
Так я, ища тебя, хожу по тем местам,
Которые пред тем приятны были нам;
Отраду ль получу я в тех местах какую?
Нет. Только грусть мою умножу я презлую,
Коль вспомню в жалости забав приятность тех,
Как я покоился с тобой среди утех.
Я часто от тоски места переменяю,
Прекрасная! тебя найти как будто чаю.
Непроходимые места я прохожу,
Хоть страсть сулит найти тебя — не нахожу.
И зрю, одумавшись, что льстит мечта пустая,
Когда уже не здесь живет моя драгая.
Как стоны все мои к тебе, мой свет, дойдут,
Как если тихие зефиры донесут,
Как мучуся и как в разлуке я страдаю,
И как в жестокой сей я грусти умираю,
Любезная! оплачь мою сурову часть,
И знай, что я твою всегда питаю страсть.
О сон! О сладкий сон! Покрой слезящи очи!
И да продлится мрак моей печальной ночи!
Дабы сложить на час сердечну тяготу́
И чтоб забыть во сне мне льстящую мечту.
Но сердцем овладел толь страсти огнь жестокий,
Что лютой не смягчит тоски и сон глубокий;
И в нем и в бдении даю мой тяжкий стон.
Или меня спокой, спокой, о смертный сон!

51. ЭЛЕГИЯ XVII

Несклонности твоей я гордость часто зрю:
Что суетно к тебе любовию горю.
Усердие мое, дар сердца, отвергает,
И искренность мою, плод страсти, презирает.
Я вижу, что меня любовь ведет в напасть,
Не к радости сию во мне зажгла ты страсть.

Что мой напрасен жар, я знаю совершенно,
Что горькие плоды вкушать мне непременно
От сей любви, что мне лишь бедствия сулит
И что цветущи дни мои, круша, затмит.
Но слабости своей скрепить мне невозможно,
Когда я поступил в любви неосторожно,
Когда несклонну в грудь я красоту вселил,
То вольность возвратить уж нет мне больше сил.
Любезная! в моих ты мыслях воцарилась,
И в сердце ты моем плененном водворилась.
Утехи больше нет, нет радости такой,
Как видеться, мой свет, всечасно мне с тобой.
Прекраснее тебя нигде не обретаю:
Тебя единую люблю и обожаю;
Мечтаешься к любви в уме моем всяк час,
В глазах твоя краса, в ушах моих твой глас.
Ах! вспомни, что любовь всегда бывает тщетна,
Как если красота ей будет безответна!
Хотя жестоку страсть сию скрывать потщусь,
Но вовсе истребить из сердца я не льщусь.
Хотя я твоего свиданья удалюся,
Но мысленно с тобой всечасно я узрюся.
Жестокости твои, что кажешь мне не раз,
Потоки горьких слез влекут из смутных глаз.
Коль взор свой отвратишь ты от меня прелестный,
Надежда скроет свой след купно неизвестный.
Я за несклонною спешу напрасно вслед,
Где нежная любовь вотще меня влечет,
Суровость там твоя любовь мою тревожит,
А страсть препятственна свой жар стократно множит.
Противен я за то, что я тебя люблю:
Ты мне мила за то, что я тобой терплю;
Ищу тебя за то, что ты меня терзаешь,
За то, что след твой мил, меня ты убегаешь.
О, страстная любовь! Какой рождаешь плод!
В каких оковах ты стесняешь смертных род!
Ты грудь мою зажгла! Ты кровь мою вспалила!
Что ж в ненависть сию страсть нежну обратила?
Натура учит нас усердных нам любить,
За верность верностью нелестною платить;
Натура так велит; а ты позабываешь,
Едина ты ее уставы отвергаешь.
Сложи, мой свет! Сложи жестокость ты свою!

И нежность восприми и купно страсть мою;
Утехами за то драгими насладишься,
В веселье будешь жить и век не покрушишься.

52. ЭЛЕГИЯ XXI

Рассудок помрачив во мне, слепая страсть
Вотще душе моей сулила сладку часть:
Прельстившись, ни прозреть несклонности упорной,
Ниже́ твоей познать усмешки мог презорной.
Я льстился, что, тебя, прекрасная, любя,
Взаимно сам любим я буду от тебя,—
Но тщетны мысли все и всуе мне манили,
Лишь сердце в вечную неволю заключили.
Какая может быть лютее сердцу казнь,
Как полному любви отказана приязнь?
Чем больше лютых ран, мой свет, мне причиняешь,
Тем в муке на меня спокойнее взираешь,
Иль временем и то я принужден терпеть,
Что в грусти на меня не хочешь и воззреть;
И жалости о мне не чувствуешь нимало,
Усердие мое тебе противно стало.
Любезная! страдать я осужден тобой,
И кажешь мне уже к печали знак такой,
Что время моего покою невозвратно;
И сколько на тебя я ни гляжу приятно,
То чувствую я столь суровости в тебе,
Что я тебе дать знать не смею о себе,
И на любовь мою и склонности стократны
Ты отсылаешь мне лишь взоры неприятны;
Ответствуешь на всё ты гордостью одной,
Жестоко ты всегда обходишься со мной.
Коль путь любви закрыт и сердце толь упорно,
Яви приятство мне свое хотя притворно.
По крайней мере ты возьми забаву в том,
Что тщетным ты моим утешишься трудом.
Увы! коль дороги твои мне и обманы!
Не хочешь ты моей ниже́ коснуться раны!
Не может у тебя несчастный испросить,
Чтоб ты мне снизошла хотя в любви польстить.
Ужель ты потерять жалеешь и минуты,
Себе в веселие, а мне в мученья люты?

Колико можешь ты досады причинять
И тем самы́м, что мне не хочешь досаждать!
Храни и предоставь ты все сии досады
Не мне, но льстивому злодею для награды.
Послужит от тебя мне в казнь и то одно,
Что без успеха я люблю тебя давно.
Я от тебя, мой свет, желаю не инова,
Как только твоего любезного мне слова,
Счастливейших минут и радостнейших нет,
Как если скажешь мне: «Люблю тебя, мой свет!»

М. И. Попов

53—55. *ЭЛЕГИИ*

I

Едва тебя, мой свет, успела полюбить,
Уже свирепый рок спешит меня сгубить,
Отъемлет у меня надежду быть с тобою,
Уже вознес удар сразить меня тоскою...
Ты едешь... едешь прочь! И я тебя лишусь,
Любя, горя тобой, с тобою разлучусь!
Я рвуся — ты грустишь; я плачу — ты рыдаешь,
И, мучась сам, меня на муки покидаешь.
Лютейший рок! почто вспылать нас допустил,
Когда любиться нам спокойно не судил?
Смотри на нашу скорбь, на слезы, на мученье
И, сжалясь, уничтожь ты наше разлученье!
Тронúсь моей тоской, отчаяньем его
И часть хотя убавь из гнева твоего,
Позволь ему еще со мною здесь остаться;
Дай нашим ты устам еще нацеловаться
И нежных имена любовников носить,
Их тающих сердец приятности вкусить.
Оставь нас сладостей досыта их напиться,
По сем готовы мы и в гроб и разлучиться.

II

Прешли ласкания, напасть моя открылась:
Неверность вся твоя, изменница, явилась.

Не та уж стала ты, что прежде ты была,
Другому ты приязнь и сердце отдала.
Другому — можно ль снесть! — ты стала утешеньем,
Другому радостью, а мне презлым мученьем.
Скажи, такия ли награды ожидал,
Когда тебе навек я сердце поручал,
Нелицемерною к тебе любовью льстяся;
И мнил ли, как душа моя тебе далася,
Когда с ласканьями тебя я обымал,
Ласканья от тебя подобные примал,
Желаниям твоим повсюду отдавался
И властью над тобой такою же ласкался,
Чтоб столько лютою изменой был сражен,
Чтоб стал любя́щею тобою толь презрен?
Ах, нет! лице твое тогда мне не являло
Того, что ныне мне к лютейшей муке стало.
Но для чего мне мой совместник предпочтен?
Каким достоинством твой взор в нем стал прельщен?
Сильнее ль страсть его моей, скажи мне, страсти,
Отважнее ль пойдет он для тебя в напасти,
И постояннее ль он верность сохранит?
Нет! нет! не то тебя, неверная, в нем льстит,
К неверности не жар тебя принудил крови,
Ты злато предпочла его моей любови!
Не красотой прельстясь, ты сердце отдала,
Корысть тебя, корысть к другому привлекла!
Она твою ко мне горячность простудила
И совесть наконец из мыслей истребила.
Она причиною моим напастям злым:
Тебе бесчестием и вредом обои́м.
Но что неверной я изменой попрекаю?
Я стоном к жалости ее не привлекаю.
Она моей тоске смеется, может быть,
И мне любовницей уже стыдится слыть.
И веселится тем, что я терзаюсь ныне,
Оставшися в корысть мучительной судьбине.
Ругается тоске, котору я терплю,
А я ее, увы! а я еще люблю.
Свирепствуй, лютая! гордись своею властью
И веселись моей несносною напастью.
Но как вседневна грусть мои скончает дни,
Хотя тогда о мне, жестока, вспомяни.
И молви, что тому, кого как жизнь любила,
За искренность его изменой заплатила.

А он, презренным став, терзался, но любил
И верность до конца к неверной сохранил.

III

Увы! едва я мысль на бедство простираю,
Откроется тьма мук: я рвусь и обмираю,
Смятутся мысли, свет от глаз моих бежит,
Простреется в жилах мраз и сердце задрожит.
Ужасна бедных часть! Вот что твои уставы —
Польстить на миг один, блеснуть лучом забавы,
Лишить всего опять и смертью поразить,
И к злейшей муке всё то в сердце погрузить.
Я всё то от тебя, я всё то испытала:
Польстилась и опять всего лишенна стала.
Лишилась я... увы! Лишь только вображу,
Вскричу, лишуся чувств, оцепенев сижу.
Лютейший смертным дар, любовь! Источник бедства!
Напрасно ты в себе забав являешь следства:
Ты казнь, ты лютый ад несча́стливых сердец!
Обманчивый, презлый, отравоносный льстец!
Твоим мои глаза наполнилися ядом
И, сердце заразя, мне дали сердце адом:
Явили смертного, польстили тьмой утех,
Обещевая дать тщеславию успех,
Представили в нем всё, что мир наш украшает,
Что нам милей всего и что нас в нем прельщает:
Лицо, в нем молодость, приятство, красоту,
И что ввергает нас бесстрастных в суету.
Мой ум был удивлен — уста мои хвалили,
Прельщалось сердце, мысль и чувства подтвердили;
Душа моя, ему престол свой уступя,
Оставила ему, всю власть совокупя,
Правительствовать всем, и сердцем и собою,
И наполнять мой ум одной его красою,
Я в плен его вошла и, мысли покоря,
Поставила его над разумом в царя.
Он власть свою познал, мой жар пред ним открылся:
Он мне поревновал и сам мной заразился.
Почтенье мне его явило то, приязнь,
Ласканье, вздохи, взор, смущение, боязнь
И чувствований тьма, явившихся во взорах,
В желаньях, действиях, поступках, разговорах.

Я восхищалася — он млел и трепетал
И радости свои с моими соравнял.
Восторгу нашему ничто уж не мешало,
Веселья нашего и сердце не вмещало;
Блаженство и приязнь являлись на очах,
Любовь и тьма утех твердилися в устах;
Игры́ и радости нам время составляли,
Сладчайшие часы приятны пременяли:
Пред ними за ничто нам мнился целый свет,
И мыслили, что им и окончанья нет.
Но, о плачевный рок! ты изъявил нам ясно,
Что счастье не всегда с концом своим согласно,
Жестокой участи препагубный удар
Рассыпал в миг един мечтательный наш дар.
Не наши слабости грозы сея виною,
Лютейшею к тому мы суждены судьбою:
Она, завиствуя пылающим сердцам,
Явила, огорчась, свой гнев и ярость нам;
Взгремела, и на нас бед тучу обратила,
И вечный наш союз разлукой превратила
В терзанье, слезы, стон, в исполненну зол часть.
О смертоносный час! Несча́стливая страсть!
Вот к каковой ты нам утехе послужила:
Ты от живущих нас покой наш отлучила;
Нам гробом стал сей мир, собраньем казней век;
Мы мертвы, хоть еще рок жизни не пресек:
Мы чувствами того уже не ощущаем,
К чему желанья все и мысли обращаем.
Успокоенье, ночь нам стала лютый час:
Она к нам муки шлет, а не покоит нас.
Во дни равно беды мы зрим не облегченье,
И только чувствуем мы вечное вспаленье:
Оно осталося в несча́стливых сердцах
Неразлуче́нно нам и в счастье и в бедах:
Оно едино в нас вовеки не прервется,
Доколе память есть и век наш не минется.

1769

56. ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валя́тся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горных пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на хо́лме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая,

Странник печальный, утешься!
Вянет Природа
Только на малое время;
Всё оживится.

Всё обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

1789
Женева

57. МЕЛАНХОЛИЯ

Подражание Делилю

Страсть нежных, кротких душ, судьбою угнетенных,
Несчастных счастие и сладость огорченных!
О Меланхолия! ты им милее всех
Искусственных забав и ветреных утех.
Сравнится ль что-нибудь с твоею красотою,
С твоей улыбкою и с тихою слезою?
Ты первый скорби врач, ты первый сердца друг:
Тебе оно свои печали поверяет;
Но, утешаясь, их еще не забывает.
Когда, освободясь от ига тяжких мук,
Несчастный отдохнет в душе своей унылой,
С любовию ему ты руку подаешь,
И лучше радости, для горестных немилой,
Ласкаешься к нему, и в грудь отраду льешь
С печальной кротостью и с видом умиленья.
О Меланхолия! нежнейший перелив
От скорби и тоски к утехам наслажденья!
Веселья нет еще, и нет уже мученья;
Отчаянье прошло... Но, слезы осушив,
Ты радостно на свет взглянуть еще не смеешь
И матери своей, печали, вид имеешь.
Бежишь, скрываешься от блеска и людей,
И сумерки тебе милее ясных дней.
Безмолвие любя, ты слушаешь унылый
Шум листьев, горных вод, шум ветров и морей.
Тебе приятен лес, тебе пустыни милы;
В *уединении* ты *более с собой*.
Природа мрачная твой нежный взор пленяет:
Она как будто бы печалится с тобой.
Когда светило дня на небе угасает,
В задумчивости ты взираешь на него.
Не шумныя весны любезная веселость,
Не лета пышного роскошный блеск и зрелость
Для грусти твоея приятнее всего,
Но осень бледная, когда, изнемогая
И томною рукой венок свой обрывая,
Она кончины ждет. Пусть веселится свет
И счастье грубое в рассеянии новом
Старается найти: тебе в нем ну́жды нет;
Ты счастлива мечтой, одною мыслью — словом!
Там музыка гремит, в огнях пылает дом;

Блистают красотой, алмазами, умом:
Там пиршество... но ты не видишь, не внимаешь
И голову свою на руку опускаешь;
Веселие твое — задумавшись, молчать
И на прошедшее взор нежный обращать.

1800

И. И. Дмитриев

58. ЭЛЕГИЯ

Коль надежду истребила
В страстном сердце ты моем,
Хоть вздохни, тиранка мила,
Ты из жалости по нем!
Дай хоть эту мне отраду,
Чтоб я жизнь мою влачил,
Быв уверен, что в награду
Я тобой жалеем был!

Если б в нашей было воле
И любить и не любить,
Стал ли б я в злосчастной доле
Потаенно слезы лить?
Нет! на ту, котора к гробу,
Веселясь, мне кажет путь,
За ее жестокость, злобу,
Не хотел бы и взглянуть.

Но любовь непостижима,
Будь злодейкою моей —
Будешь всё боготворима,
Будешь сердцу всех милей.
О жестокая! любезна!
Смейся, смейся, что терплю!
Я достоин... участь слезна!
Презрен, стражду и ... люблю!

1794

59. ЭЛЕГИЯ
Подражание Тибуллу

Пускай кто многими землями обладает,
В день копит золото, а в ночь недосыпает,
Страшася и во сне военныя трубы,—
Тибулл унизился б, желав его судьбы;
Тибулл в убожестве, незнатен... но доволен,
Когда он в хижинке своей, спокоен, волен,
Живет с надеждою, с любовию втроем
И полный властелин в владении своем.
Хочу и делаю: то в скромном огороде
Душисты рву цветы и гимн пою природе;
То тропки по снуру прямые провожу,
То за прививками младых дерев хожу;
То гряды, не стыдясь, сам заступом копаю,
А иногда волов ленивых загоняю,
Иль весело бегу с барашком на руках,
Который позабыт был матерью в лугах.
Богам усердный жрец, я первенцы земные
Всегодно приношу на алтари святые:
Палесе жертвую домашним молоком:
Помоне каждым вновь родившимся плодом;
А пред тобой всегда, Церера златовласа,
Я вешаю венок, сплетенный мной из класа.
О Лары! некогда я в жертву приносил
Прекрасных вам тельцов: тогда... богат я был!
А ныне и овна считаю важным даром.
Но я и в бедности благодаренья с жаром
Любимого из них закланию предам;
Да воскурится пар от жертвы к небесам
При песнях юности беспечной и веселой,
Просящей от небес вина и жатвы зрелой!
Услышьте, боги, наш сердечный, кроткий глас
И скудные дары не презрите от нас!
Первоначальный дар, вам, боги, посвященный,
Простейший был сосуд, из глины сотворенный.

Я о родительском богатстве не тужу;
Беспечно дней моих остаток провожу;
Работаю, смеюсь, иль с музами играю,
Или под тению небесной отдыхаю,
Которая меня прохладою дарит.
Сквозь солнца иногда дождь мелкий чуть шумит:

Я, слушая его, помалу погружаюсь
В забвение и сном приятным наслаждаюсь;
Иль в мрачну, бурну ночь, в объятиях драгой,
Не слышу и грозы, гремящей надо мной.
Вот сердца моего желанья и утехи!
Пускай Мессале льстят оружия успехи,
Одержанные им победы на войне!
Пускай под лаврами, на гордом он коне,
С полками пленников, при плесках в Рим вступает
И славы своея лучами поражает;
А я... пускай от всех остануся забвен!
Пусть скажут обо мне, что робким я рожден,
Но Делии вовек не огорчу разлукой;
Одна ее слеза была б мне тяжкой мукой.
Прочь, слава! Не хочу жить в будущих веках;
Пребудь лишь ты в моих, о Делия, глазах:
С тобой и дика степь Тибуллу будет раем;
С тобою он готов быть зноем пожигаем
И ночи на сырой земле препровождать.
Ах! может ли покой и одр богатый дать
Тому, кто одинок и с пламенной душою?
О Делия! я жизнь лишь чувствую с тобою;
Один твой на меня умильный, страстный взгляд
Бесценней всех честей, триумфов и наград!

Но всё пройдет... Увы! и Делии не станет!
Быть может... нет! пускай твой прежде друг увянет;
Пускай, когда чреда отжить ему придет,
Еще он на тебя взор томный возведет;
Еще, готовяся на вечную разлуку,
Дрожащею рукой сожмет твою он руку,
Вздохнет... и на твоей груди испустит дух.
О Делия! душа души моей и друг!
Ужель на мой костер ни слезки не уронишь?
Нет! сердце у тебя не каменно: ты стонешь,
Рыдаешь, Делия! — и нежные сердца
Желают моему подобного конца!

Исчезни, грустна мысль! Что будет, не минует:
Почто ж душа моя до времени тоскует?
Еще Сатурн моих не осребрил власов;
Еще я крепок, здрав, по благости богов;
Не унывай, Тибулл, и пользуйся годами!

Укрась чело свое ты свежими венками
И посвяти любви сей быстрый жизни час,
В который жаркий спор утехою для нас
И смелый, дерзкий шаг есть подвигом геройства:
Отважность и любовь — то молодости свойства.
Начальствую ль как вождь иль сам я предводим,
Равно я в сей войне велик, неутомим.
Сверни же предо мной знамена, Марс кровавой!
И не прельщай меня бессмертной в мире славой;
Готовь трофеи ты с увечьем для других:
Пред ними все венцы! Я счастлив и без них;
Богатства не хочу, а нужное имею,
И, что всего милей,— я Делией владею!

1795

60. ЭЛЕГИЯ

Возьмите, боги, жизнь, котору вы мне дали!
Довольно с юных лет я втайне воздыхал,
Но вечно горести, всё новые печали...
Конец терпению!.. Я мучиться устал!
Рожденный всех любить без хитрости, без злобы,
Далек от пышности и почестей мирских,
Я счастье полагал во счастии родных,
И что же? — Только их я обнимаю гробы!
Увы, и этой мне отрады не иметь!
Любезный, милый брат, ты в сердце лишь остался,
Не буду твоего и праха даже зреть:
Далеко от своей ты родины скончался.
Супруга, мать, сестры тебя всечасно ждут,
А ты последнее дыханье испускаешь,—
Ни стону вкруг тебя, ни вздохам не внимаешь,
И хладною рукой во гроб тебя кладут.
О, тягостный удар, невозвратима трата!
Что в сердце мне теперь? Одна любовь лишь брата
Могла в него бальзам успокоенья лить...
И брата больше нет... ах, полно, полно жить!

1798

Г. П. Каменев

61—62

I

Вечер любезный! Вечер багряный
В влажном наряде сизой росы!
Друг твой несчастный сердцем тоскует,
В тихой долине слезы лишь льет.

В тихой долине пусто, безмолвно!
Друг твой при речке там быстрой сидит.
Мысли он только к ней устремляет,
К деве любезной здешней страны.

Дева прелестна! Где ты, где ныне?
Где воздух тонкой питает тебя?
Где ты, где зыблешь грудь лебедину?
Где изливаешь пламень очей?

Грудь твоя лучше розы цветущей,
К солнцу раскрывшей свежи листы!
Алые губы прелестны и милы!
Руки белее в поле лилей!

Где Эдальвина? Где ты, где ныне?
Кто твоих видит прелесть ланит?
Кроткой румянец! нежным оттенком
Мило играешь в них для кого?

О, Эдальвина! В горькой печали
Жизнь я несчастну здесь проведу!
Будьте во мраке вечно сокрыты,
Слезные вздохи песни нощной.

II

Бури свирепством роза погибла!
Нежно, душисто на стебле цвела,
Алые листья лишь распустила,
Буря свирепством сгубила ее.

Грозд винограда! Милый, багряный!
Сорван ты жадной и хищной рукой!

Рано ты сорван с гибкого древа!
Сок твой любезный во прахе погиб!

Роза! Почто ты рано завяла?
Грозд виноградный! Почто не дозрел?
Девы, рыдайте! Слезно, печально,
Юноши, плачьте, тоскуйте о том.

О, Эдальвина! В тихом ты гробе,
Тихо, покойно, безмолвно лежишь,
Ветр на могиле воет уныло,
Скоро снег зимний засыплет ее.

Горькой ты смерти юна невеста!
Брачные песни замолкли навек!
Страшен жених твой, страшен и бледен,
Хладно и пусто на брачном одре.

Нежной красою всех была лучше,
Юная дева, ты в жизни своей,
Грудь твоя ныне низко опала,
Очи померкли и мертвы уста.

О, Эдальвина!.. Здесь на могиле,
Густо обросшей травою, сижу.
Ветер холодный мрачныя нощи
Роется бурно в моих волосах.

О Эдальвина!... В горести лютой
Всю здесь проплачу унылую жизнь,
Бледен, как солнце в осень печальну,
Тих и безмолвен, как темный твой гроб.

21 марта 1799

А. Х. Востоков

63. ПОЛЕНЬКА

Пусть другие хвалят Киев-град,
Или матушку Москву белокаменну,
Или Тулу, или Астрахань,
Или Низовски края хлебородные,—
Не прельстит меня ни тихий Дон,
Ниже Волга, сто градов напояюща;
Всех приятнее Нева-река:
На берегах ее живет моя Поленька.
И струи ее лазоревы
Часто Поленьке моей служат зеркалом,—
Днем ли черпает прохладу в них,
Или утром красоте омовение.
Встав с зарей, она к окну идет,
Между розами вдохнуть свежесть утренню;
Днем из терема отцовского
В легком платьице спешит в зелен сад гулять;
Тихим вечером любуется
Вдоль по каменным мосткам. Но охотнее
В тишине тенистой рощицы,
На цветущих островах ходит Поленька,
То с любезными подругами,
То задумчиво одна-одинешенька;
В светло-русых волосах ее,
Перехваченных венком, легкий ре́звится
Ветерочек, навевает их
На прекрасные плеча, на высоку грудь,
Прохлаждает щечки алые
И дерзает — о, когда б ветерком я был! —
Но на травку села Поленька,
Устремила, вздохнув, на Неву свой взор.

Ах, по ком вздыхаешь, милая?
Отчего сия слеза в воду канула?
Не о суженом ли думаешь,
Не гадаешь ли уже о златом кольце?..
Если б мне судьба позволила
Сцеловать с твоих ланит слезы девичьи
И, прижав мое ретивое
Сердце к сердцу твоему, перенять твой вздох!

Март 1802

А. И. Тургенев

64. ЭЛЕГИЯ

Ainsi s'éteint tout ce qui brille un moment sur la terre!..

J.-J. Rousseau

Угрюмой Осени мертвящая рука
Уныние и мрак повсюду разливает;
Холодный, бурный ветр поля опустошает,
И грозно пенится ревущая река,
Где тени мирные доселе простирались.
Беспечной радости где песни раздавались,—
Поблекшие леса в безмолвии стоят,
Туманы стелются над долом, над холмами.

Где сосны древние задумчиво шумят
Усопших поселян над мирными гробами,
Где всё вокруг меня глубокий сон тягчит,
Лишь колокол нощной один вдали звучит,
И медленных часов при томном *ударенье*
В пустых развалинах я слышу стон глухой,—

На камне гробовом печальный, тихий *Гений*
Сидит в молчании с поникшею главой;
Его прискорбная улыбка мне вещает:

«Смотри, как сохнет всё, хладеет, истлевает;
Смотри, как грозная, безжалостная *смерть*
Все ваши радости навеки поглощает!

---

[1] Так угасает все, что мгновенно блистает на земле!.. *Ж.-Ж. Руссо* (фр.).— *Ред.*

Всё жило, всё цвело, чтоб после *умереть!»*
О ты, кого еще надежда обольщает,
Беги, беги сих мест, счастливый человек!
Но вы, несчастные, гонимые Судьбою,
Вы, кои в мире сем простилися навек
Блаженства с милою, прелестною мечтою,
В чьих горестных сердцах умолк веселья глас,
Придите — здесь еще блаженство есть для вас!
С любезною навек иль с другом *разлученный!*
Приди сюда о них в свободе размышлять.
И в самых горестях нас может утешать
Воспоминание минувших дней *блаженных!*

Ах! только им одним страдалец и живет!
Пускай счастливца мир к веселию зовет,
Но ты, во цвете лет сраженная Судьбою,
Приди, приди сюда беседовать с тоскою!
Ни юность, для других заря прекрасных дней,
Ни прелести ума, ни рай души твоей,
Которой всё вокруг тебя счастливо было,—
Ничто, ничто Судьбы жестокой не смягчило!
Как будто в сладком сне узнала счастье ты,
Проснулась — и уж нет пленительной мечты!
Напрасно вслед за ней душа твоя стремится,
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать:
Ах! тот, кого б еще хотела ты прижать
К иссохшей груди — плачь! — уж он не возвратится
Вовек!.. Здесь будешь ты оплакивать его,
Всех в жизни радостей навеки с ним лишенна.

Здесь бурной осенью Природа обнаженна
Разделит с нежностью грусть сердца твоего;
Печальный мрак ее с душой твоей сходнее,
Тебе ли радости в мирском шуму *найти?*
Один увядший лист несчастному милее,
Чем все блестящие весенние *цветы.*
И горесть сноснее в объятиях свободы!
Здесь с ним тебя ничто, ничто не разделит:
Здесь всё тебе о нем лишь будет говорить.
С улыбкой томною отцветшия Природы
Его последнюю улыбку вспомнишь *ты;*
А там, узрев цветов печальные *следы,*
Ты скажешь: где они? Здесь только прах их тлеет,
И скоро бурный вихрь и самый прах развеет!

И время быстрое блаженства твоего,
И тень священная, и образ вечно милый
Воскреснут, оживут в душе твоей унылой.
Ты вспомнишь, как сама цвела в глазах его!
Как нежная рука тебя образовала
И прелестью добра тебя к добру влекла;
Как ты все радости в его любви вмещала
И радостей иных постигнуть не могла;
Как раем для тебя казалась все вселенна,
Хотела вечно жить для счастья, для него;
Хотела — гром гремит — ты видишь... гроб его!..
Что счастье? Быстрый луч сквозь мрачных туч *осенних:*
Блеснет — и только лишь несчастный в *восхищенье*
К нему объятия и взоры устремит,
Уже сокрылось всё, чем бедный веселился;
Отрадный луч исчез, и мрак над ним сгустился,
И он, обманутый, растерзанный, стоит
И небо горестной слезою укоряет!
Так! счастья в мире нет; и кто живет — страдает!
Напрасно хочешь ты, о добрый друг людей,
Найти спокойствие внутри души твоей;
Напрасно будешь ты сей мыслью веселиться,
Что с мирной совестью твой дух не возмутится!
Пусть с доброю душой для счастья ты рожден,
Но, быв несчастными отвсюду окружен,
Но бедствий ближнего со всех сторон свидетель —
Не будет для тебя блаженством добродетель!
Как часто доброму отрада лишь в слезах,
Спокойствие в земле, а счастье в небесах!

Не вечно и тебе, не вечно здесь томиться!
Утешься; и туда твой взор да устремится,
Где твой смущенный дух найдет себе покой
И позабудет всё, чем он терзался прежде;
Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой!

1802

65. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

(Первая редакция перевода из Т. Грея)

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.[1]

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огнь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеяся в слепоте полезным их трудам,

Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лесть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвéль необагренный,
Или Мильтóн немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуну презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и ре́зьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их ле́та, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнию без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами,—
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь,— он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастного несут в могилу положить,
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастие — не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.

Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от творца он друга получил.

Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь всё оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель-бог.

1802

66. ВЕЧЕР

Ручей, вию́щийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием кати́шься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат,—
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов златых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у брега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаяся с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у брега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! Где наш священный круг?
Где песни пламенны и музе и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропою,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливает,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

1806

67. НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКОГО

Еще великий прах... Неизбежи́мый рок!
Твоя, твоя рука себя нам здесь явила;
О, сколь разительный смирения урок
Сия Каменского могила!

Не ты ль, грядущее пред ним окинув мглой,
Открыл его очам стезю побед и чести?
Не ты ль его хранил невидимой рукой,
Разящего перуном мести?

Пред ним, за ним, окрест зияла смерть и брань;
Сомкнутые мечи на грудь его стремились —
Вотще! твоя над ним горе носилась длань...
Мечи хранимого страшились.

И мнили мы, что он последний встретит час,
Простертый на щите, в виду победных строев;
И, угасающий, с улыбкой вонмет глас
О нем рыдающих героев.

Слепцы!.. сей славы блеск лишь бездну украшал;
Сей битвы страшный вид и ратей низложенья
Лишь гибели мечту очам его являл
И славной смерти привиденье...

Куда ж твой тайный путь Каменского привел?
Куда, могущих вождь, тобой руководимый,
Он быстро посреди победных кликов шел?
Увы!.. предел неотразимый!

В сей таинственный лес, где страж твой обитал,
Где рыскал в тишине убийца сокровенный,
Где, избранный тобой, добычи грозно ждал
Топор разбойника презренный...

1809

68. СЛАВЯНКА [1]

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда, в осенний день, в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшия природы.

---

[1] *Славянка* — река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов, и в особенности два памятника, произведение знаменитого Мартоса. Первый из них воздвигнут государынею вдовствующею императрицею в честь покойного императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла; перед ним гробовая урна, к которой

Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг сквозь чащу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;

То вдруг исчезло всё... окрест сгустился лес;
Всё дико вкруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струей сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье

Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,
На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем...

И вдруг пустынный храм в дичи передо мной;
Заглохшая тропа; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.

преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской; на пьедестале изображено в барьельефе семейство императорское: государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в облаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес, навстречу первой.— Спустясь к реке Славянке (сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется семейственною, ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в высоком семействе царском. Посреди рощи стоит уединенная урна Судьбы. Далее, на самом берегу Славянки, под тенью дерев, воздвигнут прекрасный памятник великой княгине Александре Павловне. Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер и безвременный конец ее; вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры и рука ее, подъятые к небесам, как будто говорят: *да будет воля твоя*. Жизнь, в виде юного Гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному Небу — и уже над головой ее сияет звезда новой жизни.

Воспоминанье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Всё к размышленью здесь влечет невольно нас;
Всё в душу томное уныние вселяет;
Как будто здесь она из гроба важный глас
Давно минувшего внимает.

Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу обращенный —
Всё здесь свидетель нам, сквозь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой;
Сей громоносец двоеглавый,

Под шуйцей твердою сидящий на щите;
Сия печальная семья кругом царицы;
Сии небесные друзья на высоте,
Младые спутники денницы...

О! сколь они, в виду сей урны гробовой,
Для унывающей души красноречивы:
Тоскуя ль полетит она за край земной —
Там все утраченные живы;

К земле ль наклонит взор — великий ряд чудес:
Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным,
И мир, воскреснувший по манию небес,
Спокойный под щитом державным.

Но вкруг меня опять светлеет частый лес;
Опять река вдали мелькает средь долины,
То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,
То обращенных древ вершины.

И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна.

Всё здесь оживлено: с овином дым седой,
Клубяся, по браздам ложится и редеет,
И нива под его прозрачной пеленой
То померкает, то светлеет.

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих.

Но солнце катится беззнойное с небес;
Окрест него закат спокойно пламенеет;
Завесой огненной подернут дальний лес;
Восток безоблачный синеет.

Спускаюсь в дол к реке: брег темен надо мной,
И на́ воды легли дерев кудрявых тени;
Противный брег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени;

То отраженный в них сияет мавзолей;
То холм муравчатый, увенчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими ветвями,

Сенистую главу купает в их струях;
Здесь храм между берез и яворов мелькает;
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
Недвижим в сумраке сияет.

Вдруг гладким озером является река;
Сколь здесь ее брегов пленительна картина;
В лазоревый кристалл слиясь вкруг челнока,
Яснеет вод ее равнина.

Но гаснет день... в тени склонился лес к водам;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихим их верхам
Заря багряной полосою;

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате озлащенном,
Как исполин, глядясь в зерцало вод, блестит
В величии уединенном.

Но вечер на него покров накинул свой,
И рощи и брега, смешавшись, побледнели;
Последни облака, блиставшие зарей,
С небес, потухнув, улетели.

И воцарилася повсюду тишина;
Всё спит... лишь изредка в далекой тьме промчится
Невнятный глас... или колыхнется волна...
Иль сонный лист зашевелится.

Я на брегу один... Окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья младых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.

Вхожу с волнением под их священный кров;
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит:
Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;

Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подъемлет голос свой
С моей беседовать душою.

И некто урне сей безмолвный приседит;
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак туманный слит
С туманным мраком полуночи.

Смотрю... и, мнится, всё, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И всё, что жизнь сулит, и всё, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

Но где он?.. Скрылось всё... лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится признанье,
Как будто Гений путь указывает мне
На неизвестное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? Душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
Иль небеса твоя обитель?..

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Всё вокруг молчит... призрак исчез,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобратился;
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.

1815

69. НА КОНЧИНУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ[1]

Ты улетел, небесный посетитель,
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что *здесь* твоя обитель;
Навек *своим* тебя мы нарекли...
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погибло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!

Губителем, неслышным и незримым,
На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грозимым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой грозной Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: *было*!

[1] Некоторые стихи сей элегии покажутся непонятными для читателя, если не будет он знать обстоятельств того печального происшествия, которое в нем описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительно неожиданная: она ужасно напомнила нам о неверности земного величия и счастья. Еще никакое известие о потере нашей не могло до нас достигнуть, а уже какое-то неизъяснимое предчувствие распространило пророческие о ней слухи, и горестная истина скоро их подтвердила.

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь старик с рамен усталых,
Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на прах надежд увялых,
Как званный друг, желанная, идет...
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычный.

Но если вдруг, нежданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых вежд
И Счастие младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд...
Тогда наш дух объемлет трепетанье
И силой в грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно...
Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Внимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды грядущей.

Кого спешишь ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать? [1]
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость — Весть стучится гробовая...
О! подожди сей праг переступать;
Пока ты здесь — ничто не умирало;
Переступи — и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утрат,

---

[1] Автор имел честь находиться у ее императорского высочества великой княгини Александры Федоровны за минуту перед тем, как она узнала о кончине королевы. Вдруг, посреди веселого, спокойного разговора, послышался стук в дверях, потом голос великого князя. Ее высочество с веселым лицом вышла к нему, и за порогом дверей встретило ее страшное известие.

И ты спешишь с надеждой на свиданье...[1]
Ах! удались от входа сих палат;
Отложено навек торжествованье;
Счастливцы там тебя не угостят:
Ты посетишь обитель уж пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Из дома в дом по улицам столицы
Страшилищем скитается Молва;[2]
Уж прорвала́сь к убежищу царицы,
Уж шепчет там ужасные слова;
Трепещет всё, печалью бледны лицы...
Но мертвая для матери жива;
В ее душе спокойствие незнанья;
Пред ней мечта недавнего свиданья.

О Счастие, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,
Спеша от нас: я *вечно*! говоришь;
И к милому, уж *бывшему* на свете,
Нас прелестью нежнейшею манишь?..
Увы! в тот час, как матерь ты пленяло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,

---

[1] Государыне императрице Елисавете Алексеевне определено было испытать весь ужас неожиданной потери. Ее величество, ничего не предчувствуя, ехала в Штутгарт на веселое свидание с королевою: но она должна была воротиться с последней станции; ибо той, которая ждала ее, которую она надеялась обнять, уже не было на свете.

[2] Весь Петербург поражен был ужасною вестью, а сердце матери было спокойно: его еще наполняла свежая радость недавнего свидания; наконец общая печаль и несколько слов, приготовляющих к узнанию неизбежного, пробудили в нем тревогу: оно уже открывалось для принятия скорби, но случай, жестокая игра судьбы, снова его ободрил: пришло письмо из Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ее с жизнью, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы в другой раз умереть для нее и живее разорвать ее душу после мгновенной, мучительно-обманчивой радости.

Дарует жизнь безжизненным чертам,
В них голосу умолкшему внимает,
В них воскресить умершую мечтает.

Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь? [1]
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вожмешь.
На голос чад зовущих недвижима...
О! верь, отец, она невозвратима.

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С полупути ушел он от земного,
От бытия прелестно молодого.

И вот — сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница:
Развенчано величие чела;

---

[1] Король с каким-то упрямством отчаяния долго не хотел и не мог верить своей утрате: долго сидел он над бездыханным телом супруги, сжавши в руках своих охладевшую руку ее, и ждал, что она откроет глаза. Окруженный ее детьми, он шел за ее гробом. Не долго она украшала трон свой, не долго была радостью нового своего отечества, но милая память ее хранима любовью благодарною. Близ Штутгарта есть высокий холм (Rothenberg), на котором некогда стоял прародительский замок фамилии Виртембергской — время его разрушило; но теперь, на месте его развалин, воздвигнуто здание, столь же разительно напоминающее о непрочности всех земных величий, церковь, в которой должны храниться останки нашей Екатерины: прекрасная ротонда с четырьмя портиками. Памятник необыкновенно трогательный: с порога этого надгробного храма восхитительный вид на живую, всегда неизменную природу. В штутгартской русской церкви, в которую приходила молиться Екатерина, все осталось (1821), как было при ней; кресла ее стоят на прежнем своем месте. Нельзя без грустного чувства смотреть на образ, которым в последний раз благословил ее государь император; на нем изображен святый Александр Невский, видны Нева, Зимний дворец, и над ними радуга — светлое, но *минутное* украшение здешнего неба.

На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
В минуту всё, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.

Супруг, зовут! Иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное провожанье
Веди сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей *прости* свое скажите
И в землю с ней все блага положите.

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший,—
Едва зарю успел ты перецвесть.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропала ты, лишь сердце приманивши,
Не дав и дня надежде перечесть,
Простите вы, благие начинанья,
Вы, славных дел напрасны упованья...

Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от промысла принять,
Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной...
В последний час слепцу всё будет ясно.

Земная жизнь — небесного наследник,
Несчастье нам учитель, а не враг;
Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бренных благ,
Великого понятный проповедник,
Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, всё руша перед нами
И скорбию дружа нас с небесами.

Здесь радости — не наше обладанье;
Пролетные пленители земли
Лишь по пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали;

Земли жилец безвыходный — Страданье;
Ему на часть Судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь — страдания питомец.

И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред грозным испытаньем,
Тогда... тогда с сей светлой вышины
Вся промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей бога.

О! матери печаль непостижима,
Смиряются все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом разделима...
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что́ мир с своим презренным утешеньем
Перед ее великим вдохновеньем?

Когда грустишь, о матерь, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издалека,
Из той страны, куда всё манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит ли к душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?

И, в горнее унынием влекома,
Не верою ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущею семьей населена?
Всё тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?

Внемли ж: когда молчит во храме пенье
И вышних сил мы чувствуем нисход;

Когда в алтарь на жертвосовершенье
Сосуд Любви сияющий грядет;
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет;
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным,—

Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задернулось за нею покрывало...
В божественном святилище она,
Незрима нам, но видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Святый симво́л надежд и утешенья!
Мы все стоим у та́инственных врат;
Опущена завеса Провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;
За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:
«Мужайтеся, душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!»

1819

70. МОРЕ

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звезда́ми его.

Когда же сбираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

1822

71. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

⟨Вторая редакция перевода⟩

Греева элегия переведена мною в 1802 году и напечатана в «Вестнике Европы», который в 1802 и 1803 г. был издаваем Н. М. Карамзиным. Это мое первое печатное стихотворение.[1] Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу.[2] Находясь в мае месяце нынешнего (1839) года в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию (оно находится в деревне Stock Poges, неподалеку от Виндзора); там я перечитал прекрасную Грееву поэму и вздумал снова перевести ее, как можно ближе к подлиннику. Этот второй перевод, почти через сорок лет после первого, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу в знак нашей с тех пор продолжающейся дружбы и в воспоминание о его брате.

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает;
С тихим блеяньем бредет через поле усталое стадо;
Медленным шагом домой возвращается пахарь,
уснувший
Мир уступая молчанью и мне. Уж бледнеет окрестность,
Мало-помалу теряясь во мраке, и воздух наполнен
Весь тишиною торжественной; изредка только
промчится
Жук с усыпительно-тяжким жужжаньем, да рог
отдаленный,

[1] Ошибка Жуковского.— *Ред.*
[2] Он умер в 1803 году.

Сон наводя на стада, порою невнятно раздастся;
Только с вершины той пышно плющом украшенной
башни
Жалобным криком сова пред тихой луной обвиняет
Тех, кто, случайно зашедши к ее гробовому жилищу,
Мир нарушают ее безмолвного, древнего царства.
Здесь под навесом нагнувшихся вязов, под свежею
тенью
Ив, где зеленым дерном могильные холмы покрыты,
Каждый навек затворяся в свою одинокую келью,
Спят непробудно смиренные предки села. Ни веселый
Голос прохладно-душистого утра, ни ласточки ранней
С кровли соломенной трель, ни труба петуха,
ни отзывный
Рог — ничто не подымет их боле с их бедной постели.
Яркий огонь очага уж для них не зажжется; не будет
Их вечеров услаждать хлопотливость хозяйки; не будут
Дети тайком к дверям подбегать, чтоб подслушать,
нейдут ли
С поля отцы, и к ним на колена тянуться, чтоб первый
Прежде других схватить поцелуй. Как часто серпам их
Нива богатство свое отдавала; как часто их острый
Плуг побеждал упорную глыбу; как весело в поле
К трудной работе они выходили; как звучно топор их
В лесе густом раздавался, рубя вековые деревья!
Пусть издевается гордость над их полезною жизнью,
Низкий удел и семейственный мир поселян презирая;
Пусть величие с хладной насмешкой читает простую
Летопись бедного; знатность породы, могущества
пышность,
Всё, чем блестит красота, чем богатство пленяет, всё
будет
Жертвой последнего часа: ко гробу ведет нас и слава.
Кто обвинит их за то, что над прахом смиренным их
память
Пышных гробниц не воздвигла; что в храмах,
по сводам высоким,
В блеске торжественном свеч, в благовонном дыму
фимиама,
Им похвала не гремит, повторенная звучным органом?
Надпись на урне иль дышащий в мраморе лик не воротят
В прежнюю область ее отлетевшую жизнь, и хвалебный
Голос не тронет безмолвного праха, и в хладно-немое
Ухо смерти не вкрадется сладкий ласкательства лепет.

Может быть, здесь в могиле, ничем не заметной, истлело
Сердце, огнем небесным некогда полное; стала
Прахом рука, рожденная скипетр носить иль восторга
Пламень в живые струны вливать. Но наука пред ними
Свитков своих, богатых добычей веков, не раскрыла,
Холод нужды умертвил благородный их пламень, и сила
Гением полной души их бесплодно погибла навеки.
О! как много чистых, прекрасных жемчужин сокрыто
В темных, неведомых нам глубинах океана! Как часто
Цвет родится на то, чтоб цвести незаметно и сладкий
Запах терять в беспредельной пустыне! Быть может,
Здесь погребен какой-нибудь Гампден незнаемый,
грозный
Мелким тиранам села, иль Мильтон, немой и неславный,
Или Кромве́ль, неповинный в крови сограждáн.
Всемогущим
Словом сенат покорять, бороться с судьбою, обилье
Щедрою сыпать рукой на цветущую область и в громких
Плесках отечества жизнь свою слышать — то рок
запретил им;
Но, ограничив в добре их, равно и во зле ограничил:
Не дал им воли стремиться к престолу стезею убийства,
Иль затворять милосердия двери пред страждущим
братом,
Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитах
Чистую краску терять, иль срамить вдохновенье святое,
Гласом поэзии славя могучий разврат и фортуну.
Чуждые смут и волнений безумной толпы, из-за тесной
Грани желаньям своим выходить запрещая, вдоль
свежей,
Сладко-бесшумной долины жизни они тихомолком
Шли по тропинке своей, и здесь их приют безмятежен.
Кажется, слышишь, как дышит кругом их спокойствие
неба,
Все тревоги земные смиряя, и мнится, какой-то
Сердце объемлющий голос, из тихих могил подымаясь,
Здесь разливает предчувствие вечного мира. Чтоб праха
Мертвых никто не обидел, надгробные камни с простою
Надписью, с грубой резьбою прохожего молят
почтить их
Вздохом минутным; на камнях рука неграмотной музы
Их имена и лета написала, кругом начертавши,
Вместо надгробий, слова из святого писанья, чтоб
скромный

Сельский мудрец по ним умирать научался. И кто же,
Кто в добычу немому забвению эту земную,
Милую, смутную жизнь предавал и с цветущим пределом
Радостно-светлого дня расставался, назад не бросая
Долгого, томного, грустного взгляда? Душа, удаляясь,
Хочет на нежной груди отдохнуть, и очи, темнея,
Ищут прощальной слезы; из могилы нам слышен
знакомый
Голос, и в нашем прахе живет бывалое пламя.
Ты же, заботливый друг погребенных без славы,
простую
Повесть об них рассказавший, быть может, кто-нибудь
сердцем
Близкий тебе, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелает о том, что случилось с тобой, и,
быть может,
Вот что расскажет ему о тебе старожил поседелый:
«Часто видали его мы, как он на рассвете поспешным
Шагом, росу отряхая с травы, всходил на пригорок
Встретить солнце; там, на мшистом, изгибистом корне
Старого вяза, к земле приклонившего ветви, лежал он
В полдень и слушал, как ближний ручей журчит,
извиваясь;
Вечером часто, окончив дневную работу, случалось
Нам видать, как у входа в долину стоял он, за солнцем
Следуя взором и слушая зяблицы позднюю песню;
Также не раз мы видали, как шел он вдоль леса
с какой-то
Грустной улыбкой и что-то шептал про себя,
наклонивши
Голову, бледный лицом, как будто оставленный целым
Светом и мучимый тяжкою думой или безнадежным
Горем любви. Но однажды поутру его я не встретил,
Как бывало, на холме, и в полдень его не нашел я
Подле ручья, ни после в долине; прошло и другое
Утро и третье; но он не встречался нигде — ни
на хóлме
Рано, ни в полдень подле ручья, ни в долине
Вечером. Вот мы однажды поутру печальное пенье
Слышим: его на кладбйще несли. Подойди,— здесь
на камне,
Если умеешь, прочтешь, что о нем тогда написали:
„Юноша здесь погребен, неведомый счастью и славе;
Но при рожденье он был небесною музой присвоен,

И меланхолия знаки свои на него положила.
Был он душой откровенен и добр, его наградило
Небо: несчастным давал, что имел он,— слезу;
и в награду
Он получил от неба самое лучшее — друга.
Путник, не трогай покоя могилы: здесь всё, что в нем
было
Некогда доброго, все его слабости робкой надеждой
Преданы в лоно благого отца, правосудного бога“».

Май — июль 1839

К. Н. Батюшков

72. ЭЛЕГИЯ

⟨Из Э. Парни⟩

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастли́в — одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

1804 или 1805

73. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали,
От Орковых полей, от Леты берегов
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

1807

74. ВОСПОМИНАНИЕ

Мечты! Повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устилали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала,
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зеркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огнь в часы туманной нощи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,

Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну...
И буря дней моих исчезла как мечта!..
Осталось мрачно вспоминанье...
Между протекшего есть вечная черта:
Нас сближит с ним одно мечтанье.
Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянýло оком милосердным;
Я, Неман переплыв, узрел желанный край,
И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай
И, шага не ступя за хижину убогу,
К себе богиню быстроногу
В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью:
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».

Между 1807 и 1809

75. ИСТОЧНИК

⟨Из Э. Парни⟩

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури,
С ревом и с шумом бежит по полям!
Зафна! Приближься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынный
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любови ты мне повторила;

Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! Прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! Я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмися устами к устам!..
Будь же ты скромен, источник пустынный,
С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!.. Смотри... там, в водах,
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались — цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! Там голубь невинный
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любови — источник пустынный
С ревом и с шумом умчит по полям!

1810

76. ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою,
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,

Вкушает сладкий сон, взамену горьких слез!
А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною!

Когда светило дня потонет средь морей
И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою
И, медленной стопой идя под отчий кров,
Поет простую песнь в забвенье всех трудов;
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают.
Он счастлив — я один с безмолвною тоской
Беседую в ночи с задумчивой луной.

Лишь месяц сквозь туман багряный лик уставит
В недвижные моря, пастух поля оставит,
Простится с нивами, с дубравой и ручьем
И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,
И ты, рыба́рь, спешишь на брег уединенный!
Там, сети приклонив ко утлой ладие
(Вот всё от грозных бурь убежище твое!),
При блеске молнии, при шуме непогоды
Заснул... И счастлив ты, угрюмый сын природы!

Но сей бледнеет там багряный небосклон,
И медленной стопой идут волы в загон
С холмов и пажитей, туманом орошенных.
О песнопений мать, в вертепах отдаленных,
В изгнанье горестном утеха дней моих,
О лира, возбуди бряцаньем струн златых
И холмы спящие, и кипарисны рощи,
Где я, печали сын, среди глубокой нощи,
Объятый трепетом, склонился на гранит...
И надо мною тень Лауры пролетит!

1810

77. К ДАШКОВУ

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!

Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! Талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем,
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

1813

78. ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.

Propertius [1]

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял,
Вечерний ветр, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов,—
Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила севера любезного искал.

---

[1] Души усопших не призрак: не все кончается смертью; Бледная тень ускользает, скорбный костер победив. *Проперций* (лат.). — *Ред.*

Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли,
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенье навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию, над плейсскими струями.
Но вид не страшен был: чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское веселием цвело
И всё небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это?— я вскричал,— о воин вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллониных огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! Ответствуй, милый брат!
Или протекшее всё было сон, мечтанье;
Всё, всё — и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! Молви слово мне! Пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовию сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
И сон покинул очи.

Всё спало вкруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казалися безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны.
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,
Всё гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

1814

79. НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и брега безмолвны.
И всё в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает,
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.

Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.

Всё тихо: мертвый сон в обители глухой,
Но здесь живет воспоминанье,
И путник, опершись на камень гробовой,
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, где вится плющ по лестнице крутой
И ветр колышет стебль иссохшия полыни,
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой,—

Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В боях приморских поседелый,
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,
Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой
И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал,
И к персям прижимал родительские длани,

И в радости, как конь, при звуке новой брани
Кипел и трепетал.

Война, война врагам отеческой земли!
Суда наутро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветр вослед твоим судам,
Герой, победою избра́нный!
Уж скальды пиршество готовят на холмах,
Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о юноша, слезами и мольбой
Богов на милость преклоняет...
Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;
О, вей, попутный ветр, вей тихими устами
В ветрила кораблей!

Суда у берегов; на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;
К нему спешит отец с невестою младой
И лики скальдов вдохновенных.
Красавица стоит, безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает,—
Там чаши радости стучали по столам,

Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и пе́рсты их летали
По пламенным струнам.

Там пели звук мечей, и свист пернатых стрел,
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песне сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Но всё покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Всё время в прах преобратило!
Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
Там ветер свищет лишь уныло!
Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
До утренних лучей.

Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх,
Земель полнощных исполины,
Роальда спутники, на бренных челноках
Протекши дальние пучины?
Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы,
Возникшие в снегах, средь ужасов природы,
Средь копий, средь мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах
Не тщетно камни вопрошает
И руны тайные, преданья на скалах
Угрюмой древности, читает.
Оратай ближних сел, склонясь на посох свой,
Гласит ему: «Смотри, о сын иноплеменный,
Здесь тлеют праотцев останки драгоценны:
Почти их гроб святой!...»

1814

80. МОЙ ГЕНИЙ

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — с любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

81. РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край и грозный океан
Кругом меня роптал и волновался;
Напрасно, от брегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна—
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,

Которой взор один лазоревых очей
Все неба на земле блаженства отверзает
И слово, звук один, прелестный звук речей,
Меня мертвит и оживляет.

1815

82. К ДРУГУ

Скажи, мудрец младой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли,
Мы пили чашу сладострастья.

Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?
Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой Фалерн и розы наши?

Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой;
Но я узнал его; я сердца дань принес
На прах его красноречивый.

На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере, твой друг в тиши ночной
В душе задумчивость питает.

От самой юности служитель алтарей
Богини неги и прохлады,
От пресыщения, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.

Поверишь ли? Я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненье чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:

Минутны странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем,
На крыльях радости летим к своим друзьям —
И что ж?.. Их урны обнимаем.

Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
Всё счастье смертной под луною:

Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты,
Чело открытое одной из важных муз
И прелесть девственной хариты.

Ты сам, забыв и свет и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.

Цветок, увы! исчез, как сладкая мечта!
Она в страданиях почила
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда,
На друге взор остановила.

Но, дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило,
И тень чистейшую дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.

Так всё здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочно!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвьем отвечали.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает,—

Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились:
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись.

Я с страхом вопросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен:
Ногой надежною ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

1815

83. ТАВРИДА

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастием, любовию равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена Фортуны и честей,
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод,—
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары Фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седой туман и мраки,—
О, радость! ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастия с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи

Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор, дивится и немеет.

1815

84. ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА
⟨Из Ш. Мильвуа⟩

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал.
И яркий голос филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Всё новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимый вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И гальционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.

Но если Делия с тоскою
К нему приближится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего:
И Делия не посетила
Пустынный памятник его.
Лишь пастырь в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

⟨1815⟩

85. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН

1814

Меж тем, как воины вдоль йдут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Реин, волны,
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает
Глотает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
Желанной влагой обновляет...

О радость! я стою при реинских водах!
И, жадные с холмов в окрестность брося взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,
Воспоминаньем древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Реин величавый!

Свидетель древности, событий всех времен,
О Реин, ты поил несчетны легионы,

Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священны, Реин, воды.

Века мелькнули: мир крестом преображен,
Любовь и честь в душах суровых пробудились.
Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкой трубадуров лиры.

Так, здесь под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще средь избранных сынов.
Здесь всё питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.

Всё, всё — и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.

Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
С падением народной славы,
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового стенал
И ты уныло протекал
Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичася, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!

Стеклись, нагрянули за честь своих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян,
Где ангел мирный, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.

Мы здесь, о Реин, здесь! Ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
«Ура» победы и взыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставя дол зыбучий.

Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легких всадников рои —
В текучей влаге отраженны!

Там слышен стук секир — и пал угрюмый лес!
Костры над Реином дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают,
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.

Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на береге высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель алтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес,
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся мирные кадилы.

И се подвигнулись — валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется всё войско;
И эхо вторит крик геройской,
Досель неслышанный, о Реин, над тобой!
Твой стонет брег гостеприимный,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
От глаз в дали теряясь дымной!

1816—1817

86. УМИРАЮЩИЙ ТАСС

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!
Che più spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che più giova amicizia o giova amore!
Ahi lagrime! ahi dolore!

«Torrismondo», Trag⟨edia⟩ di T. Tasso[1]

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры сладкий дым,
Душистых трав кругом кошницы полны?
До Капитолия от Тибровых валов,
Над стогнами всемирныя столицы,
К чему раскинуты средь лавров и цветов
Бесценные ковры и багряницы?
К чему сей шум? К чему тимпанов звук и гром?
Веселья он или победы вестник?
Почто с хоругвием течет в молитвы дом
Под митрою апостолов наместник?
Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима?
Кому триумф? Тебе, божественный певец!
Тебе сей дар... певец Ерусалима!

---

[1] ...Подобно быстрому горному потоку,
Подобно зарнице, вспыхнувшей
В ясных ночных небесах,
Подобно ветерку, или дыму, или стремительной стреле
Проносится наша слава; всякая почесть
Похожа на хрупкий цветок!
На что надеешься, чего ждешь ты сегодня?
После триумфа и пальмовых ветвей
Только одно и осталось душе —
Печаль и жалобы и слезные пени,
Что мне в дружбе и что мне в любви!
О слезы! О горе!

«Торрисмондо», трагедия Т. Тассо (ит.).— *Ред.*

И шум веселия достиг до кельи той,
Где борется с кончиною Торквато,
Где над божественной страдальца головой
Дух смерти носится крылатый.
Ни слезы дружества, ни иноков мольбы,
Ни почестей столь поздние награды —
Ничто не укротит железныя судьбы,
Не знающей к великому пощады.
Полуразрушенный, он видит грозный час,
С веселием его благословляет,
И, лебедь сладостный, еще в последний раз
Он, с жизнию прощаясь, восклицает:

«Друзья, о дайте мне взглянуть на пышный Рим,
Где ждет певца безвременно кладбище!
Да встречу взорами холмы твои и дым,
О древнее квиритов пепелище!
Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый!
Лазурь и пурпуры безоблачных небес,
Вы, тополи, вы, древние оливы,
И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костьми граждáн вселенной —
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
Безвременной кончине обреченный!

Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий,
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
Скитаяся, как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насущный хлеб
Слезами скорби не кропился?
Сорренто! Колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,
Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний,—
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!

Увы! с тех пор добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия,
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веси в весь, из стран в страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искал:
Повсюду перст ее неотразимый!
Повсюду молнии, карающей певца!
Ни в хижине оратая простого,
Ни под защитою Альфонсова дворца,
Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей,
Бесславием и славой удрученной,
Главы изгнанника, от колыбельных дней
Карающей богине обреченной...

Друзья! но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет и трепещет?
Откуда я? Какой прошел ужасный путь,
И что за мной еще во мраке блещет?
Феррара... фурии... и зависти змия!..
Куда? куда, убийцы дарованья!
Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья и семья!
Вот слезы их и сладки лобызанья...
И в Капитолии — Вергилиев венец!
Так, я свершил назначенное Фебом.
От первой юности его усердный жрец,
Под молнией, под разъяренным небом
Я пел величие и славу прежних дней,
И в узах я душой не изменился,
Муз сладостный восторг не гас в душе моей,
И гений мой в страданьях укрепился.
Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,
На берегах цветущих Иордана;
Он вопрошал тебя, мятущийся Кедрон,
Вас, мирные убежища Ливана!
Пред ним воскресли вы, герои древних дней,
В величии и в блеске грозной славы:
Он зрел тебя, Готфред, владыка, вождь царей,
Под свистом стрел спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальд, кипящий, как Ахилл,
В любви, в войне счастливый победитель.
Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил,
Как огнь, как смерть, как ангел-истребитель...

И Тартар низложен сияющим крестом!
О, доблести неслыханной примеры!
О, наших праотцев, давно почивших сном,
Триумф святой! Победа чистой веры!
Торквато вас исторг из пропасти времен:
Он пел — и вы не будете забвенны;
Он пел, ему венец бессмертья обречен,
Рукою муз и славы соплетенный.

Но поздно! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий,
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли!»

Умолк. Унылый огнь в очах его горел,
Последний луч таланта пред кончиной;
И умирающий, казалося, хотел
У парки взять триумфа день единый.
Он взором всё искал капитолийских стен,
С усилием еще приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнурен,
Недвижимый на ложе оставался.
Светило дневное уж к западу текло
И в зареве багряном утопало;
Час смерти близился... и мрачное чело
В последний раз страдальца просияло.
С улыбкой тихою на запад он глядел...
И, оживлен вечернею прохладой,
Десницу к небесам внимающим воздел,
Как праведник, с надеждой и отрадой.
«Смотрите,— он сказал рыдающим друзьям,—
Как царь светил на западе пылает!
Он, он зовет меня к безоблачным странам,
Где вечное светило засияет...
Уж ангел предо мной, вожатый оных мест;
Он осенил меня лазурными крылами...
Приближьте знак любви, сей таинственный крест...
Молитеся с надеждой и слезами...
Земное гибнет всё... и слава и венец...
Искусств и муз творенья величавы,
Но там всё вечное, как вечен сам творец,
Податель нам венца небренной славы!
Там всё великое, чем дух питался мой,
Чем я дышал от самой колыбели.

О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Ваш друг достиг давно желанной цели.
Отыдет с миром он и, верой укреплен,
Мучительной кончины не приметит:
Там, там... о счастие!.. средь непорочных жен,
Средь ангелов Элеонора встретит!..»

И с именем любви божественный погас.
Друзья над ним в безмолвии рыдали,
День тихо догорал... и колокола глас
Разнес кругом по стогнам весть печали.
«Погиб Торквато наш!— воскликнул с плачем Рим.—
Погиб певец, достойный лучшей доли!»
Наутро факелов узрели мрачный дым;
И трауром покрылся Капитолий.

1817

87. МЕЧТА

Подруга нежных муз, посланница небес,
Источник сладких дум и сердцу милых слез,
Где ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
К которым ты стремишь таинственный полет?
Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
Где ветр порывистый и бури шум внимаешь?
Иль в Муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит всё любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
Коснуся я струнам,
Тобой одушевленным!
Явися! Ждет тебя задумчивый пиит,
В безмолвии ночном сидящий у лампады!
Явись и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца Аонид,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести — *мечтает*.

То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветр шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
То, с чашей радости в руках,
Он с бардами поет,— и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвно им внимает,
И эхо по горам песнь звучну повторяет.

Или в полночный час
Он слышит скальдов глас,
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.
Могилу указав, где вождь героев спит,
«Чья тень, чья тень,— гласит
В священном исступленье,—
Там с девами плывет в туманных облаках?
Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх,
Днесь падший на сраженье!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты,
Но сам ты пал на грудах тел,
Пал витязь знаменитый
Под тучей вражьих стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С златыми копьями в руках
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... И вдруг —
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовили для сонма храбрых боги
Любовь и вечный пир.

При шуме горных вод и тихострунных лир,
Среди полян и свежих сеней,
Ты будешь поражать там скачущих еленей
И златорогих серн!»
Склонясь на злачный дерн,
С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою
В восторге скальд поет
О славе древних лет,—
Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехою блестят.
Но вечер притекает,
Час неги и прохлад,—
Глас скальда замолкает.
Замолк — и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы младые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яства носят
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед...
Так древний скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый,—
Он счастлив, погрузясь о счастье в сладки думы!

О сладкая Мечта! О неба дар благой!
Средь дебрей каменных, средь ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические воды,
В краях изгнанников... я счастлив был тобой.
Я счастлив был, когда в моем уединенье,
Над кущей рыбаря, в час полночи немой,
Раздастся ветров свист и вой
И в кровлю застучит и град, и дождь осенний.
Тогда на крылиях Мечты
Летал я в поднебесной,
Или, забывшися на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестный,
И, счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!

Волшебница моя! Дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой —
Всё, всё украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь:
За ним во все страны летаешь
И счастием даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! Что нужды для него?
Но с ним задумчивость в день пасмурный, осенний
На мирном ложе сна,
В уединенной сени
Беседует одна.
О, тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердец холодных радость,
Веселый шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под луною,
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!

Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался
И счастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой Мечты?
Теперь любовник, ты
На ложе роскоши с подругой боязливой,—
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливый,
Теперь блаженствуешь и счастлив ты — Мечтой!
Ночь сладострастия тебе дает призра́ки
И не́ктаром любви кропит ленивы маки.
Мечтание — душа поэтов и стихов,
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Анакреона,
Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона;
А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций,

Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал.
Мечтал среди пиров, и шумных и веселых,
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоем уединенье,
Ты ждал Глицерию — и в сладостном забвенье,
Томимый негою на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,
При пляске нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен, в сладкой думе
Мечтал... и вдруг, Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и прекрасной
Победу пел любви
Над юностью беспечной,
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечный,
Счастливец! воспевал,
Цитерские забавы
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от те́рновых кустов;
Для них нет прелести и в прелестях природы.
Им девы не поют, сплетяся в хороводы,—
Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья,
Надежды изменит и рой крылатых снов.
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает
И время старости могилу открывает.

Но ты — пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой —
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златой у мраморных палат,—
Но я и счастлив и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой!
Пусть будет навсегда со мной
Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве Мечтой!
Их сердцу малость драгоценна:
Как пчелка, медом отягченна,
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,—
Так хижину свою поэт дворцом считает,
И счастлив — *он мечтает*!

1817

Н. И. Гнедич

88. СКОРОТЕЧНОСТЬ ЮНОСТИ

Фиалка на заре блистала,
Пред солнцем красовался цвет,
Но в полдень с стебелька упала,—
И к вечеру фиалки нет!

Печальный образ!.. Так умчится
И юность резвая от нас.
Блажен, кто жизнью насладится
В ее быстропролетный час!

Моя уж юность отцветает —
Златое время протекло!
Уже печаль мой дух стесняет,
Задумчивость мрачит чело.

Приходит старость и отгонит
Последние часы утех,
Болезнями хребет мой склонит,
На голову посыплет снег.

Тоска, мрача мой век постылый,
Падет на сердце, как гора;
Застынет кровь в груди унылой,
И смерть воскликнет мне: пора!..

О холм, где, лиру в детстве строя,
С цевницей сёл я соглашал,
Ты будь одром мне вечного покоя!
Сего как счастья я желал.

Всегда желал, чтоб край священный,
Где кости спят отцов моих,
Близ них спокоил прах мой тленный
В своих объятиях родных;

Чтоб там безмолвная могила
Возвысилася надо мной
И только б с ветром говорила
Своей высокою травой.

А ты, для коей я вселенну
Любил и жизнь хотел влачить,
Сестра! когда ты грудь стесненну
Захочешь плачем облегчить,

Когда, печали к услажденью,
Придешь на гроб мой, при луне
Беседовать с моею тенью,
Часов полночных в тишине,—

Мою забвенную цевницу
Воспомни, принеси с собой,—
Чтоб отличить певца гробницу,
Повесь под дубом надо мной.

Она в полночный час унылый
Тебе певца напомянет,
Со стоном ветра над могилой
И свой надгробный стон сольет.

Но если, бурей роковою
В страны чужие занесен,
Покроюсь я землей чужою,
Рукой наемной погребен,

Не усладит и вздох единый
Там тени горестной моей,
И мой надгробный холм пустынный
Лишь будет сходбищем зверей.

В ночи над ним сова завоет,
Воссев на преклоненный крест,—
И сердце путника заноет,
Он убежит от скорбных мест.

Но, может быть, над ним стеная,
Глас томный горлица прольет
И, песнью путника пленяя,
К моей могиле привлечет;

Быть может, путник — сын печали,
И сядет на могилу он,
И склонится на миг, усталый,
В задумчивый и сладкий сон;

Настроя дух свой умиленный
К мечтам и ими пробужден,
Он молвит, крест обняв склоненный:
«Здесь, верно, добрый погребен!»

Быть может... Что ж мой дух томится?
Пускай хоть с чуждою землей,
Хотя с родною прах смесится,
Узрю я вновь моих друзей!

1806

89. ЗАДУМЧИВОСТЬ

Страшна, о задумчивость, твоя власть над душою,
Уныния мрачного бледная мать!
Одни ли несчастные знакомы с тобою,
Что любишь ты кровли лишь их посещать?
Или тебе сча́стливых невступны чертоги?
Иль вечно врата к ним златые стрегут
Утехи — жилищ их блюстители-боги?
Нет, твой не в чертогах любимый приют —
Там нет ни безмолвия, ни дум, ни вздыханий.
Хоть есть у счастливцев дни слез и скорбей,

Их стоны не слышимы при шуме ласканий,
Их слезы не горьки на персях друзей.
Бежишь ты их шумных чертогов блестящих,—
Тебя твое мрачное сердце стремит
Туда, где безмолвна обитель скорбящих
Иль где одинокий страдалец грустит.
Увы! не на радость приходишь ты к грустным,
Как друг их, любезная сердцу мечта.
Витает она по дубравам безмолвным,
Равно ей пустынные милы места,
Где в думах таинственных часто мечтает
И, дочерь печали, грустит и она;
Но взор ее томный отрадой сияет,
Как ночью осенней в тумане луна,
И грусть ее сладостна, и слезы приятны,
И образ унылый любезен очам,
Минуты бесед ее несчастным отрадны
И сердцу страдальца волшебный бальзам:
Улыбкой унылое чело озаряя,
Хоть бледной надеждой она их живит
И, робкий в грядущее взор устремляя,
Хоть призраком счастья несчастному льстит.
Но ты, о задумчивость, тяжелой рукою
Обнявши сидящего в грусти немой
И думы вкруг черны простря над главою,
Заводишь беседы с его лишь тоской,—
Не с тем, чтоб усталую грудь от вздыханий
Надежды отрадной лучом оживить,—
Нет, призраки грозные грядущих страданий
Ему ты заботишься в думах явить
И смотришь, как грустного глава поникает,
Как слезы струит он из томных очей,
Которые хладная земля пожирает.
Когда ж, изнуренный печалью своей,
На одр он безрадостный, на одр одинокий
Не в сон, но в забвенье страданий падет,
Когда в его храмину в час ночи глубокой
Последний друг скорбных — надежда придет
И с лаской к сиротскому одру приникнет,
Как нежная матерь над сыном, стоит
И песни волшебные над ним воспевает,
Пока его в тихих мечтах усыпит;
И в миг сей последнего душ наслажденья
И сна ты страдальцу вкусить не даешь:

Перстом, наваждающим мечты и виденья,
Касаясь челу его, сон ты мятешь
И дух в нем, настроенный к мечтаньям унылым,
Тревожишь, являя в виденьях ночей
Иль бедствия жизни, иль ужас могилы,
Иль призраки бледные мертвых друзей.
Он зрит незабвенного, он глас его внемлет,
Он хочет обнять ему милый призра́к —
И одр лишь холодный несчастный объемлет,
И в храмине тихой находит лишь мрак!
Падет он встревоженный и горько прельщенный,
Но сон ему боле не сводит очей.
Так дни начинает он, на грусть пробужденный,
Свой одр одинокий бросая с зарей,
Ни утро веселостью, ни вечер красами
В нем сердца не радуют: мертв он душой;
При девах ласкающих, в беседе с друзьями,
Везде, о задумчивость, один он с тобой!

1809

90. ОСЕНЬ

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,
Журчание ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дней?
И всё уныло вкруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветр между дерев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завевает,—
Так всё проходит здесь, явление — на миг:
Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
И старость и зима, гроза самой природы;
Они, нещадные и быстрые, умчат,
Как у весны цветы, у нас младые годы!

Но что ж? Крутитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коих низкие надежды и желанья
Лишь пресмыкаются над бренною землей,—
И дух ваш заключат в гробах без упованья.

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
С святой надеждою взор ясный простирает,
С презреньем тот на жизнь, на мрачный мир взирает
И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вечный свой закат?
Нет! новым пурпуром восток воспламенится,
И новою весной дубравы зашумят.

А я остануся в ничтожность погруженный,
Как всемогущий перст цветок животворит?
Как червь, сей житель дня, от смерти пробужденный,
На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
Но некогда весна несменная сойдет!
Жив бог, жива душа! И, царь земной природы,
Воскреснет человек: у Бога мертвых нет!

1819

91. ТЕРЕНТИНСКАЯ ДЕВА

(Из Андр⟨ея⟩ Шенье)

Стенайте, алкионы!
О птицы нежные, любимицы наяд,
Стенайте! Ваши стоны
Окрестные брега и волны повторят.

Не стало, нет ее, прекрасной Эвфрозины!
Младую нес корабль на берег Камарины —
Туда ее Гимен с любовью призывал:
Невесту там жених на праге дома ждал.
При ней, на брачный день, хранил ковчег кедро́вый
Одежды светлые и девы пояс новый,
И перлы для груди, и злато для перстов,
И благовонные мастики для власов.

Но, как Ниобы дочь, невинная душою,
На путь покрытая одеждою простою,
Фиалковым венком и ризою льняной,
На палубе, одна, стояла и мольбой
Звала попутный ветр и мирные светила.
Но вихорь налетел и, грянувши в ветрила,
Невесту обхватил, корабль качнул: о страх!
Она уже в волнах!..

Она уже в волнах, младая Эвфрозина!
Помчала мертвую глубокая пучина.
Фетида, сжаляся, ее из бездн морских
Выносит, бледную, в объятиях своих.

На крик сестры, толпой, сквозь влажные громады,
Всплывают юные поверх зыбей наяды,
Несут, бездушную, кладут под кипарис,—
Там принял девы прах зефиров тихий мыс.
Там нимфы, воплями собрав подруг далеких,
И нимф густых лесов, и нимф полей широких,
И распустив власы над холмом гробовым,
Весь огласили брег стенанием своим.

Увы! напрасно ждал тебя жених печальный:
Ты не украсилась одеждою венчальной,
Твой перстень с женихом тебя не сочетал,
И кудрей девственных венец не увенчал!

1822

В. Ф. Раевский

92. К СЕЛЬСКОМУ УБЕЖИЩУ

Смиренных душ приют, безбедная обитель,
Меня мой гений-покровитель
Под сень твою сокрыл от сильных бурных бед.
Я рано жизнию ненастной утомился,
Встречая пред собой гонений мрачный след,
И посох путничий в руках моих сломился.

Оставя для других блеск пагубных честей,
Под кровлею твоей
Ужель я не найду желанного покою?
Ужели, брошенный на жертву бурных волн
Бесчувственной судьбою,
О ска́лу бедствий злых мой раздробится челн?

Нет, нет! Здесь счастие прямое обитает,
Здесь сон предчувствами меня не устрашает,
Здесь голос петела и трели соловья,
При блеске утреннем природы,
Приятный, легкий сон уносят от меня,
И с каждым днем мой дух живит огонь свободы.

Фортуна в жизни сей
В удел мне не дала ни злата, ни честей
И путь мой иглами терновыми покрыла,
Зато природа в дар мне тайну стройно петь
На лире Фебовой открыла,
Чтоб в ней усладу зреть,
Чтоб ей хвалы греметь.

Природе-матери мое благодаренье,
Фортуне, и чинам, и золоту презренье.
Пускай мечтатели спешат надежд к концу
И прихотливый рок *о благе* умоляют,
Пусть курят фимиам неверному слепцу
И с трепетом его веленья исполняют,—

В уединении моем
Мне чужд тот гибельный ярем,
Который тяготит безумцев ослепленных.
Я видел бурный свет. Я видел в нем людей,
У коих на сердцах, от злобы закаленных,
Таится страшный яд для ближних, для друзей.

Под небом неродным назначено судьбою
Мне примирение с собою
И след поросший зреть к обители отца.
Но будь благословен стократ приют смиренный,
Где нежат радости свободного певца —
Среди природы оживленной!

1810

93. ЭЛЕГИЯ I

Раздался звон глухой... Я слышу скорбный глас,
Песнь погребальную вдали протяжным хором,
И гроб, предшествуем бесчувственным собором.
Увы! То юноша предвременно угас!
Неумолимая невинного сразила
Зарею юных дней
И кров таинственный, неведомый открыла
Для горести отца, родных его, друзей.
Ни плач, ни жалобы, ни правое роптанье
Из вечной тишины его не воззовут.
Но скорбь и горести, как легкий ветр, пройдут.
Останется в удел одно воспоминанье!..

Где стройность дивная в цепи круговращенья?
Где ж истинный закон природы, путь прямой?
Здесь юноша исчез, там старец век другой,
Полмертв и полужив, средь мрачного забвенья,
Живет, не чувствуя ни скорби, ни веселья...
Здесь добродетельный, гонимый злой судьбой,
Пристанища себе от бури и ненастья
В могиле ждет одной...
Злодей средь роскоши, рабынь и любострастья,
С убитой совестью, не знает скорби злой.

Как тучей омрачен свет ранния денницы,
Дни юные мои средь горести текут,
Покой и счастие в преддверии гробницы
Меня к ничтожеству таинственно ведут...
Но с смертию мой дух ужель не возродится?
Ужель душа моя исчезнет вся со мной?
Ужели, снедь червей, под крышей гробовой
Мысль, разум навсегда, как тело, истребится?
Я жив: величие природы, естество
Сквозь мрак незнания, завесу сокровенну,
Являют чудный мир, и в мире — божество!
И я свой слабый взор бросаю на вселенну,
Порядок *общий* зрю: течение светил,
Одногодичное природы измененье,
Ко гробу общее от жизни назначенье —
Которые не кто, как Сильный, утвердил.
Почто же человек путем скорбей, страданья,
Гонений, нищеты к погибели идет?

Почто безвременно смерть лютая сечет
Жизнь юноши среди любви очарованья?
Почто разврат, корысть, тиранство ставят трон
На гибели добра, невинности, покою?
Почто несчастных жертв струится кровь рекою
И сирых и вдовиц не умолкает стон?
Убийца покровен правительства рукою,
И суеверие, омывшися в крови,
Безвинного на казнь кровавою стезею
Влечет, читая гимн смиренью и любви!..
Землетрясения, убийства и пожары,
Болезни, нищету и язвы лютой кары
Кто в мире произвесть устроенном возмог?..
Ужель творец добра, ужели Сильный бог?..

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Но тщетно я стремлюсь постигнуть сокровенье;
Завесу мрачную встречаю пред собой —
И жду минуты роковой,
Когда откроется мрак тайный заблужденья...
Никто не вразумит, что нас за гробом ждет,
Мудрец с унынием зрит в будущем истленье,
Злодей со трепетом истление зовет;
Бессмертие души есть страх для преступленья,
Измерить таинства и Сильного закон
Не тщетно ль человек в безумии стремится?
Круг жизни временный мгновенно совершится,
Там — благо верное, а *здесь* — минутный сон.

1819

94. ЭЛЕГИЯ II

Шумит осенний ветр, долины опустели.
Унынье тайное встречает смутный взор:
Луга зеленые, дубравы пожелтели;
Склонясь под бурями, скрипит столетний бор!
В ущелья гор гигант полночный ополчился,
И в воды пал с высот огнекрылатый змий...
И вид гармонии чудесной переменился
В нестройство зримое враждующих стихий,—
С порывом в берега гранитные плескает
Свирепый океан пенистою волной!

Бездонной пропастью воздушна хлябь зияет,
День смежен с вечностью, а свет его — со тьмой!..

Таков движений ход, таков закон природы...
О смертный! Ты ль дерзнул роптать на промысл твой?
Могущество ума, дух сильный, дар свободы
Не высят ли тебя превыше тьмы земной?..
Скажи, не ты ль дерзнул проникнуть сокровенье?
И Прометеев огнь предерзостно возжечь?
Измерить разумом миров круговращенье
И силу дивную и огнь громов пресечь?
По влаге гибельной открыть пути несчетны,
В пространстве целого атóм едва приметный?
Взор к солнцу устремя, в эфире воспарить?
И искру божества возжечь уразуменьем
До сил единого, до зодчего миров?
О, сколь твой дух велик минутным появленьем!
Твой век есть миг, но миг приметен в тьме веков;
Твой глас струнами лир народам передастся
И творческой рукой их мрак преобразит,
Светильник возгорит!.. Гармония раздастся!..
И в будущих веках звук стройный отразит!..

Но кто сей человек, не духом возвышéнный,
Но властью грозною народа облечен?..
Зачем в его руках сей пламенник возжженный,
Зачем он стражею тройною окружен?..
Отец своих сынов не может устрашиться...
Иль жертв рыдающих тирану страшен вид?
Призрáк отмщения в душе его гнездится,
Тогда как рабства цепь народ слепой теснит.
Так раболепствуйте: то участь унижéнных!
Природы смутен взор, она и вам есть мать;
Чего вы ищете средь братий убиенных?
Почто дерзаете в безумии роптать
На провидение, на зло и трон порока?..
Жизнь ваша — слепота, а смерть — забвенья миг
И к цели слабых душ — ничтожеству — дорога...
. . . . . .

Свирепствуй, грозный день!.. Да страшною грозою
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою...
И в бездну упадет железной злобы трон!

Да яростью стихий минутное нестройство
Устройство вечное и радость возродит!..
Врата отверзнутся свободы и спокойства —
И добродетели луч ясный возблестит!..

Конец 1810-х —
начало 1820-х годов

М. В. Милонов

95. К ДРУГУ

О НАСЛАЖДЕНИИ В ЖИЗНИ

Мой друг, на свете всё пременно,
В нем счастия прямого нет;
Улыбка радости мгновенна,
Мгновенна горечь лютых бед,—
Как в осень служат часто воды
Добычей бурной непогоды,
Так наш непостоянен рок:
Днесь мыслью к небесам несемся,
Заутра внутрь земли простремся —
И сон наш крепок и глубок.

Еще алеют юны розы,
Где в утренний прохлады час,
Под древ благоуханны лозы
От дерзких укрываясь глаз,
Обнявшись с музой, нам приятной,
Мы пили не́ктар благодатный,—
Еще цветут из мирт венки,
Которыми тогда, веселы,
Младые украшались челы
От нежной грации руки.

Еще живет воспоминанье,
Но сколь далек блаженства миг!
Томит вновь алчность и терзанье,
Едва желания достиг;
Утратой благ им знаем цену.
Они поставлены на смену
Печалей тяжких и скорбей;
В несчастных замыслах стремиться,
Но всё ничем не насладиться —
Вот жребий горестный людей!

Ты в самой обретешь природе
Непостоянства тот же чин;
Льзя ль вечно ясной быть погоде
И век цвести лицу долин?
Коль всё на краткий срок созданно,
Казаться ль может постоянно?
Там сохнут токи быстрых вод,
Здесь неба ясный свод мрачится,
И наш подобно лик затмится
Печалей облаком, забот.

Промчится невозвратно время
Забав — веселый, легкий час,
Лет многих отягчится бремя —
И старость, храмля, встретит нас,
Главу сединами посыплет,
Чела в морщинах дни исчислит
И грозною своей клюкой,
Не внемля глас мольбы бессильной,
Укажет путь под кров могильный,
Согнув хребет к земле сырой.

В делах благих путь жизни трудный,
В веселье горесть усладим;
И силой многой неоскудный
Союз мы сердца заключим;
Живи — грядущее забуди
И настоящим счастлив буди —
Вот мудрости закон святой!
Ему вослед кто йдет строго,
С тем радость и веселье много
И сладкий для души покой.

Ужель восстать на провиденье,
Что тленность нам дана в удел,
Что есть от бед успокоенье,
Борьбе, страданиям предел?
Сыны ничтожества и тлена,
Для нас во всем нужна премена,
И радость самая томит.
Блажен, кто мудр в увеселеньях,
В желаньях скуп и в наслажденьях,
Дар неба, здравие хранит;

Кому ни скорби, ни недуги,
Мечты, обманы, суеты,
Ни горести, забот подруги,
Не сократили здесь пути;
Кто мог спокойно парку встретить,
Приход ее не заприметить,
Конца болезненна не ждать,
Но, гостю уподобясь сытну,
Восстать от пиру преизбытну —
И долг хозяину отдать.

Где свет ума, мой друг, слабеет,
Пусть нас ведет надежда там,
Рассудок строгий где робеет,
Там путь открыт ее стопам;
С ним скорбь, боязнь, тщета, сомненья,—
Надежда есть полнаслажденья;
Грядущий жребий наш сокрыт,
Всем умереть судьбы в законе:
Кто спит у матери на лоне,
О пробужденье тот не мнит.

Итак, мой друг, пока поспеет
Пожать тебя судьбины серп,
И волю дух еще имеет,
И нам дает отсрочку смерть,
Прижми на персях, в нежны длани,
Одету в благолепны ткани,
Плениру сердцем и красой,
Сбери друзей и чад любезных,
Ударь во струны лир небесных
И жизни радости воспой!

1810

96. УНЫНИЕ

Люблю в душе моей уныние питать,
Природа всякий час готова нам внимать,
Наставник истинный, товарищ драгоценный!
Но более всего люблю тот час священный,
Как гаснет в облаках, прощаясь с миром, день,
Как длинная с холмов в долины ляжет тень,
Полдневных шум работ умолкнет постепенно
И пение певцов слабеет отдаленно.

Скрываются цветы, чернеют зыби вод,
Как света царь, скончав торжественный свой ход,
Померкшее чело скрывает за туманом,
И теплится заря на западе багряном.
Тогда, мечтается, с прохладным ветерком
Молчание летит под маковым венком.
Друг ночи и о ней желанный возвеститель!
Ты мир и сон ведешь оратая в обитель.
Час вечера в полях — печальный жизни вид!
Струя сокрытых вод вокруг меня журчит,
И аромат с цветов невидимых восходит,
Тогда во глубину свою мой дух нисходит;
Спят чувства — и мечта его оживлена!
Парениям ее вселенная тесна.
Сюда питать ее, под наклоненной ивой,
Сажусь — и углублен в беседе молчаливой,—
Сюда, уныния и мудрости друзья!
Лик месяца блеснул на зеркале ручья!
Пред мною храм села, в очах моих кладбище,
Отшедших от земли пустынное жилище,
Не бронза, не гранит — вещатели похвал!
Полуобрушенный, покрытый дерном вал,
Заросших ряд могил, где мох лишь, поседевший
На камнях гробовых иль вновь зазеленевший,
Почивших время сна являет для очей;
Здесь пепел их свежит извивистый ручей.
Как братья, как друзья, гроб вместе старца, млада,—
Их персти не делит железная ограда!
При них взор странника стремится отдохнуть.
О братья, вместе течь и вместе кончить путь!
О тленности мечта здесь дух мой посещает,
Шаг каждый мой себе подобных попирает,—
Из праха нашего составилась земля.
А там, где день и ночь гремит творцу хвала,
В природной простоте ума неозаренна,
Не хитростью его, а чувством соплетенна,
Где, мнится, сам отец внимает чад своих,
Вселяет в злобных страх и милует благих,
Где древность на стенах секирой твердой стали
Неизгладимые означила скрижали,—
В сем храме мысль моя со трепетом парит,
Приникши к алтарям, поющи лики зрит,
Дух — верою, мольбой — ланиты воспаленны,
Уста несущи песнь, и очи умиленны.

Там молятся, предстать готовясь пред судом,—
Раскаянье, к земле приникшее челом,
В потоке слез свое сретает искупленье;
Благословляя там от мира удаленье,
Согбенный ле́тами, под бременем скорбей,
Желая ускори́ть кончиною своей,
Дом тесный труженик себе уготовляет,
Не кончен зрится труд... а старец истлевает!..
Сюда, в час осени, стекайтеся, друзья!
Как с шорохом листов смесится шум ручья
И ток, рассвирепев, в расширенном стремленье
К окрестным понесет жилищам потопленье;
Как ветер восшумит, внезапный гость лесов,
И обнажит верьхи дряхлеющих дубов;
Когда отцветшие дубравы и долины
Представят взорам вид печальныя картины
И вы не встретите в зерцале мутных вод
Ни утра зарево, ни неба ясный свод;
Феб скроется, узрев природы разрушенье,
И, в скорби, сократит для ней свое теченье;
Когда она, сорвав красот своих венец,
Сама — как старица, сретающа конец,—
Тогда, мои друзья, в сей мрачный лес вступайте,
Свой собственный закат всеобщим услаждайте,—
Смерть менее страшна, коль думаем о ней.
Сидящим вам в мечтах, быть может, вестник сей,
На мшистой высоте повременно звучащий,
Которым говорит нам миг, от нас летящий,
Моленья скажет час... во храме огнь блеснет.
Всяк к месту, в нем себе избранному, придет.
Торжествен час хвалы, предвечному несомый!
Быть может, окружив почивших тесны домы,
Благословения на прах их притекут,
Моление и скорбь свой тихий гимн сольют,
И взыдет фимиам над дремлющим в покое...
Там веры чувствуйте величие простое!
Или всю скорбь в себе стремитеся вместить,
Всю силу ближнего несчастие делить,
Когда, сквозь частый кров, составленный ветвями,
С бледнеющим челом, с померкшими очами,
С власами, падшими в небрежности на грудь,
Вы у́зрите красу, таящу робкий путь
К могиле, где ее отрада заключенна:

Дух скорбью услажден, грудь плачем облегченна!
Склонясь на мшистый крест задумчивым челом,
Уныния она вам будет божеством.

1811

97. ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

⟨Из Ш. Мильвуа⟩

Рассыпан осени рукою,
Лежал поблекший лист кустов;
Зимы предтеча, страх с тоскою
Умолкших прогонял певцов;
Места сии опустошенны
Страдалец юный проходил,—
Их вид во дни его блаженны
Очам его приятен был.
«Твое, о роща, опустенье
Мне предвещает жребий мой,
И каждого листа в паденье
Я вижу смерть перед собой!
О Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мне внятен глас:
«Долин отцветших созерцатель,
Ты здесь уже в последний раз,
Твоя весна скорей промчится,
Чем пожелтеет лист в полях
И с стебля сельный цвет свали́тся».
И гроб отверст в моих очах!
Осенни ветры восшумели
И дышат хладом средь полей,
Как призрак легкий, улетели
Златые дни весны моей!
Вались, валися, лист мгновенный,
И скорбной матери моей
Мой завтра гроб уединенный
Сокрой от слезных ты очей!
Когда ж к нему с тоской, с слезами
И с распуще́нными придет
Вокруг лилейных плеч власами
Моих подруга юных лет,
В безмолвье осени угрюмом,
Как станет помрачаться день,
Тогда буди ты легким шумом
Мою утешенную тень!»

Сказал — и в путь свой устремился,
Назад уже не приходил;
Последний с древа лист сронился,
Последний час его пробил.
Близ дуба юноши могила;
Но, с скорбию в душе своей,
Подруга к ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагих полей,
Порой вечерния зарницы,
Гоня стада свои с лугов,
Глубокий мир его гробницы
Тревожит шорохом шагов.

⟨1812⟩

98. НА КОНЧИНУ ДЕРЖАВИНА

He was a man, take him for all in all,
We shall not look upon his like again.[1]

Шекспир

О ком, зрю, хариты и музы в печали,
О ком умоляют власть грозных судеб?
Но тщетно на урну, взывая, припали:
Ты скрылся, Державин! Ты скрылся, наш Феб!

И глас их не слышит уж сердце поэта!
Цевницы во прахе — нет жизни в струнах...
О бард! и на лиру, пленявшу полсвета,
На лиру ль бессмертья сей падает прах?

Где ж вечность и слава, о коих поведал
И двигал к ним сердце героев, царей?
Кому, песнопевец, кому ты пере́дал
Небесный твой пламень, другой Прометей?

Увы, всё в подлунной на миг лишь созданно!
Кичливости смертных повсюду урок;
Нетленный твой, вижу, злой смертью сорванный,
На гробны ступени катится венок...

---

[1] Он был человеком в полном смысле слова, Мы больше не увидим подобного ему (англ.).— *Ред.*

Венок, кем бессмертна России царица?
Что слава сплетала, тобою гордясь?
Нет, бард наш единый! Прах скрыла гробница —
Но вечность над нею с тобой обнялась!

И, в недра приемля гроб славного праха,
Обитель истленья, святится земля.
Вняв глас твой, о гений! со смертью без страха
Сойдусь — и за гробом увижу тебя:

В сиянье небесном, где днесь, песнопевец,
Ты вновь пред Фелицей — царей образцом,
И севера витязь, ее громовержец,
Склоняет при встрече пернатый шелом.

Сияй между ними, от муз похищённый,
На след твой взираю я с завистью днесь —
И скорбью к могиле несу отягченный
Всё, что лишь имею: и слезы, и песнь!

Там, мнится, твой гений гласит, отлетая:
«Что петь мне: царицы единственной нет!»
Отчизна вещает, твой гроб обнимая:
«С величьем народа родится поэт».

Как дни исчезают, и смертных так племя,—
Гробницей великих их след познаю;
Твой памятник видя, зрю, самое время
Склонилось недвижно на косу свою.

Твой путь был ко славе усыпан цветами,—
Особая участь счастливцу дана:
Ты пел, окруженный бессмертья сынами,—
По отзывам лиры ценят времена.

1816

99. ⟨ЭЛЕГИЯ II⟩

⟨*Из А. де Бертена*⟩

Пусть бога-мстителя могучая рука
На верх гранитных скал, под вечными снегами
За ребра прикует чугунными цепями
Того, кто изобрел ревнивого замка
Заклепы звучные — и хладными стенами
Красавиц оградил в презрении к богам!
Где ты, рожденная к восторгам, торжествам,
И к радостям сердец, и к счастью юной страсти,
Где ты скрываешься во цвете ранних лет,
Ты, дева горести, воспитанница бед,
Смиренная раба неумолимой власти?
Увижу ли тебя, услышу ль голос твой?
И долго ль в мрачности ночной
Мне с думой горестной, душой осиротелой
Угадывать окно обители твоей,
Когда снег вьюгою крутится средь полей
И свищет резкий ветр в власа оледенелы?
Ах, может быть, влекомая судьбой
Или предчувствием, душе неизъяснимым,
Ты крадешься к окну... когда мучитель твой,
Стан гибкий охватя насильственной рукой,
Бросает, трепетну, к подругам торопливым.
Восстань, о бог богов! Да пламенной рекой
Твой гнев жестокий и правдивый
Обрушится с небес на зданье горделиво,
Темницу адскую невинности младой,
Да над строптивою преступника главой
Перуны ярые со треском разразятся!
Ах! кто осмелился бесчувственно касаться
До юных прелестей красавицы моей,
Тот в буйной гордости своей
И лик священный твой повергнет раздробленный,
И рушит алтари, тебе сооруженны!
Но ты, любимица богов,
Ты бедствий не страшись — невидимый покров
Приосенит тебя от бури разъяренной,
Твой спутник — бог любви — стезею потаенной

Он провести прекрасную готов
От ложа горести до ложа наслажденья;
О, не чуждайся ты благого поученья
Бессмертного вождя! Учись, во тьме ночной
Как между стражами украдкой пробираться,
Как легкою стопой чуть до́ полу касаться
И ощупью брести по лестнице крутой;
Дерзни! Я жду тебя, кипящий нетерпеньем!
Тебе ль платить обидным подозреньем
Владыке благ земных? Ты спомни, сколько раз
От ненасытных моих глаз
Твой аргус в трепетном смущенье
Тебя с угрозой похищал
И тайным влек путем обратно в заточенье!..
Всё тщетно: я ему стезю пересекал.
Крылатый проводник меня предупреждал
И путь указывал мне, прежде неизвестный!
Решись без робости, о сердца друг прелестный!
Не медли! Полночь бьет!
И угасающи лампады закурились,
И стражи грозные во мраке усыпились...
И руку бог любви прекрасной подает!

1814 или 1815

100. ⟨ЭЛЕГИЯ IV⟩

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И, судьбой гонимый вечно,
«Счастья нет!» — подумал я...
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!
Пусть теперь другой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Вечным лавром осенится...
О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!

Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
О, тогда мой долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появи́тся,
Еще саблею блеснет,—
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память друга приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

1815

101. ⟨ЭЛЕГИЯ VII⟩

Нет! полно пробегать с улыбкою любви
Перстами легкими цевницу золотую;
Пускай другой поет и радости свои,
И жизни сча́стливой подругу молодую...
Я одинок, как цвет степей,
Когда, колеблемый грозой освирепелой,
Он клонится к земле главой осиротелой
И блекнет средь цветущих дней.
О боги! мне ль сносить измену надлежало?
Как я любил! В те красные лета,
Когда к рассеянью всё сердце увлекало,—
Везде одна мечта,
Одно желание меня одушевляло,
Всё чувство бытия лишь ей принадлежало!
О Лиза! сколько раз на Марсовых полях,
Среди грозы боев, я, презирая страх,
С воспламененною душою
Тебя, как бога, призывал
И в пыл сраженья мчал
Крылатые полки железною стеною...
Кто понуждал меня, скажи,
От жизни радостной на жадну смерть стремиться?
Одно, одно мечтание души,
Что славы луч моей на милой отразится,

Что, может быть, венок, приобретенный мной
В боях мечом нетерпеливым,
Покроет лавром горделивым
Чело стыдливое подруги молодой.
Не я ли, вдохновен, касался струн согласных
И пел прекрасную! Еще Москва полна
Моих, в стихах, восторгов страстных;
И если ты еще толпой окружена
Соперниц, завистью смущенных,
И милых юношей, любовью упоенных,—
Неблагодарная! не мне ль одолжена
Ты торжеством своим? Пусть пламень пожирает,
Пусть шумная волна навеки поглощает
Стихи, которыми я Лизу прославлял!..
Но нет! Изменницу весь мир давно узнал —
Бессмертие ее уделом остается:
Забудут, что покой я ею потерял,
И до конца веков, средь плесков и похвал,
Неверной имя пронесется.
А я?.. Мой жребий пасть в боях
Мечом победы пораженным
И, может быть, врагом влеченный на полях,
Чертить кремнистый путь челом окровавленным.
Так! Я паду в стране чужой,
Далеко родины, изгнанником невинным;
Никто не окропит холодный труп слезой,
И разбросает ветр мой прах с песком пустынным!

1817

102. БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь Гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:

О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

1829

Н. Ф. Остолопов

103. К ТАНИРЕ

Танира милая! расстался я с тобою!
В ужасной горести, с мучительной тоскою
Смотрю я на сии, мне чуждые, места,—
Скитаюсь в них один, как бедный сирота.
Проходит целый день в стенаниях напрасных,
Отрады — сна ищу, но сон бежит несчастных.
Иду рассеять грусть, и грусть всегда со мной!
О друг моей души! я счастлив лишь с тобой,
С тобой спокойствие и радость обретаю!
Теперь об них, теперь совсем и не мечтаю,
И что приятного тоска произведет?
Одно печальное на мысль ко мне идет.
Вчера испуган был я страшною мечтою:
Ты мне представилась отчаянно больною...
И бледность на челе, и смерть уже в глазах!
Малютки близ тебя, недвижимы, в слезах,
Взирали на твое ужасное страданье,
Касались рук твоих, и жалость и терзанье
Одним безмолвием старались изъявить...
И ты их не могла, мой друг, благословить!
Я слышал голос твой, пронзительный, унылый...
Казалось мне, что ты уже с последней силой
«Прости» сказала мне... Я вздрогнул и вскричал,
Хотел бежать, хотел, но сил не обретал.
О друг мой! не ропщи, что стал я малодушен!
Ты знаешь, я бывал всегда судьбе послушен,
Ее жестокости с терпением сносил,
Я чувствовал в себе еще довольно сил
И впредь без ропота быть властным над собою,

Но мыслил ли когда расстаться я с тобою?
Одно отчаянье теперь владеет мной.
О вы, которые разлуки сей виной!
Вы смерти моей безвременной хотите!
Скорей с Танирою меня соедините!
Тогда мы счастие и радости найдем,
В могилу вместе мы с улыбкою сойдем!

⟨1816⟩

А. С. Пушкин

104—118. *ЭЛЕГИИ*

I

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Всё те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот... невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек — и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Веселие рассталося с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой —
Я всё забыл; печали молчаливой
Покров лежит над юною главой...
Напрасно вы беседою шутливой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкий сон хотите перервать:
Всё кончилось — и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.
Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне:
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет;
Пойду в леса, в которых жизни нет,

Где мертвый мрак,— я радость ненавижу,
Во мне застыл ее минутный след.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей.
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

II

ОСЕННЕЕ УТРО

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный,—
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной,
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее вдали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный,—
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.
Уж нет ее!.. До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых,
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.

Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

III

К МОРФЕЮ

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

IV

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мучение сердец:
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету,
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал
И в дар послал огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость,—
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте,
Стихи любви тихонько воздыхайте!..
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли,
Вы свой конец с волненьем призывали;
Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,—
И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен:
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье,—
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю,— он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. Но к ней уж не коснется
Страдальца глас, она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? Под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

V

МЕСЯЦ

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И строгим разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный за́вес проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назад?
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

VI

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведет в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!

Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений:
Увял надежды ранний цвет,
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

VII

РАЗЛУКА

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся,—
Да! помню всё,— я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой муза встретит;
Утешусь я — и дружбы тихий взгляд
Души моей холодной мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною,
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я всё тебя, прелестный друг, ищу.
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — твой голос слышен мне.
Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь любви ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая бряцание твое,
Пускай вздохнут задумчивые девы.

VIII

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.

Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный:
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

IX

СЛОВО МИЛОЙ

Я Лилу слушал у клавира:
Ее прелестный, томный глас
Волшебной грустью нежит нас,
Как ночью веянье зефира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Волшебен голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Волшебней нежных песен Лилы».

X

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас
мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.

Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! Но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле —
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»
Но что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в вечерней тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. Я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я всё еще горел — и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.
Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний,—
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

XI

Я видел смерть; она в молчанье села
У мирного порогу моего
Я видел гроб; открылась дверь его,—
Душа, померкнув, охладела...

Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.
. . . . . .
Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!

Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
Безмолвие таинственного леса,
И всё... прости в последний раз.
А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! Минýло всё... Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда, лишенный сил,
Едва дыша в болезненном боренье,
Скажу я вам: «О други! я любил!..» —
И тихий дух умрет в изнеможенье,
Друзья мои,— тогда подите к ней,
Скажите: взят он вечной тьмою...
И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою.

XII

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,

И одинокой
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

XIII

ЖЕЛАНИЕ

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

XIV

ОКНО

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь,
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.

«Я здесь!» — шепнули торопливо,
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темнотой.
«Счастливец! — молвил я с тоскою.—
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

XV

НАЕЗДНИКИ

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.
При умирающих огнях,
В неверной темноте тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченных высотах.
Всё спит; лишь волн мятежный ропот
Разносится в тиши ночной,
Да слышен из дали глухой
Булата звон и конской топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой;
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.
Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкой,
Коней ласкают и смирят

И с гордой шепчутся улыбкой.
Их лица радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.

«Певец печальный, что с тобою?
Один пред боем ты уныл;
Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил!
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир твоих полей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Всё там, где битвы падал гром.
С победным съединяясь кликом,
Твой голос нашу славу пел;
А ныне — ты в унынье диком,
Как беглый ратник, онемел».

Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.

«Глубокий сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной,
Предчувствую конец желанный,
Меня зовет последний бой!
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь;
Удар падет...— и одинокой
В долину выбежит мой конь.

О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград,—

Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат!
Но для певца никто не дышит,
Его настигла тишина;
Эльвина смерти весть услышит,
И не вздохнет об нем она...
В минуты сладкого спасенья,
О други, вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца!»

1816—1817

119. К***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подъемлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой,*—
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

1817

120. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной,
И слабым шепотом подругу я назвал...

Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе...
Бессмертные! с каким волненьем
Желанья, жизни огнь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал...
И скрылась ты прелестным привиденьем!
Жестокий друг! меня томишь ты упоеньем:
Приди, меня мертвит любовь!
В молчанье благосклонной ночи
Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги.
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя. Здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

1818

121. МЕЧТАТЕЛЮ

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить.
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О, если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие, рыдая, обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья,—
Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья!
Нет, нет! в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, исступленный,
Тогда б воскликнул ты к богам:

«Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой;
Довольно я любил; отдайте мне покой...»
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

1818

122

Погасло дневное светило:
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,

Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

1820

123

Редеет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

124

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокой
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

1821

125. ВОЙНА

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести:
Засвищет вкруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений!
Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое взыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий бóев?
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь!.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы —
Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти над собой,

И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

1821

126

Умолкну скоро я!.. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный;
Но если я любим,— позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!..
Когда меня навек обымет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

1821

127

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,

И ты моей любви, быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

1821

128. ГРОБ ЮНОШИ

. . . . . Сокрылся он,
Любви, забав питомец нежный;
Кругом его глубокий сон
И хлад могилы безмятежной...

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали так же в нас умы;
Но погоди: приспеют годы,
И будешь то, что ныне мы;
Как нам, о мира гость игривый,
Тебе постынет белый свет;
Теперь играй...» Но старцы живы,
А он увял во цвете лет,
И без него друзья пируют,
Других уж полюбить успев;
Уж редко, редко именуют
Его в беседе юных дев.
Из милых жен, его любивших,
Одна, быть может, слезы льет
И память радостей почивших
Привычной думою зовет...
К чему?..
Над ясными водами
Гробницы мирною семьей

Под наклонённными крестами
Таятся в роще вековой.
Там, на краю большой дороги,
Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит...

Напрасно блещет луч денницы,
Иль ходит месяц средь небес,
И вкруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит и шепчет лес;
Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой.

1821

129

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,

Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?

1822, 1825

130. В. Ф. РАЕВСКОМУ

Ты прав, мой друг,— напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденье лени сонной,

Красы Лаис, заветные пиры,
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной.

Я дружбу знал — и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы.

Я знал любовь — не мрачною тоской,
Не безнадежным заблужденьем,
Я знал любовь прелестною мечтой,
Очарованьем, упоеньем.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

Но всё прошло! Остыла в сердце кровь.
В их наготе я ныне вижу
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив пленительный кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине
Я наслаждался сердцем ясным!

Что ж видел в нем безумец молодой,
Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной душой
Боготворить не постыдился?

Я говорил пред хладною толпой
Языком Истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

———

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
А человек везде тиран иль льстец
Иль предрассудков раб послушный.

1822

131

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,—
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

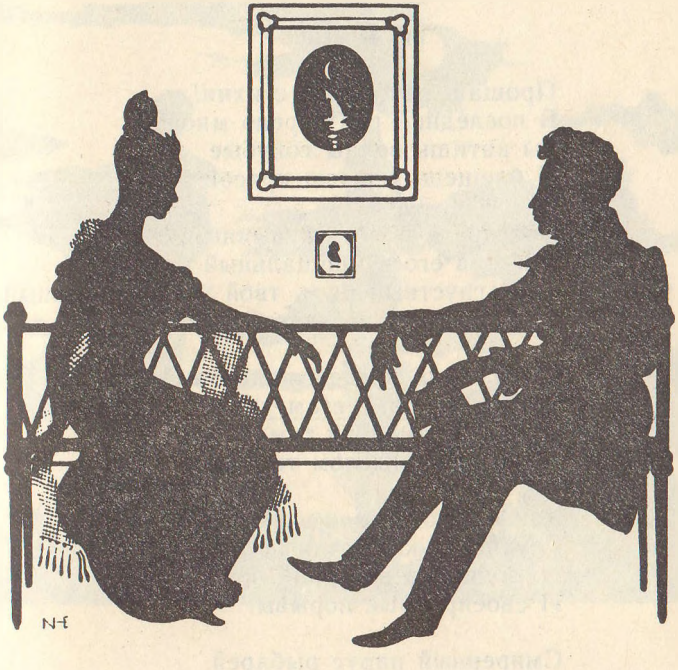
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...

Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

1823

132

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой
И всех дарúт надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать,— с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор,—
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои,
Но я любим, тебя я понимаю.



Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

1823

133. К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей,—
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой:
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит, печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Но если . . . . . .

1824

135. ⟨ИЗ А. ШЕНЬЕ⟩

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,

Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним, незримая, глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

1824

136. ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя,—
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: «Скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?»
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не прúдет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета — всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

1825

137. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Посвящено Н. Н. Раевскому

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait... *

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.[1]
Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,

---

* Так, когда я был печальным и пленным, моя лира иногда Пробуждалась... (фр.).— *Ред.*

Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равéнство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! О позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой:
Но ты придешь опять со мщением и славой,—
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нéктар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равéнства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не у́зрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.

Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни, [2]
Молю, найдите их: невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он,
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя, [3]
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи —
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;

Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах, друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала,—
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине.
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты пре́зрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных; [4]
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!
Когда святой старик от плахи отрывал
Венча́нную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,

И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа. [5]
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует. [6]
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...[7]
Плачь, муза, плачь!

1825

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier) *.

[2] *У Авеля, у Фанни.*
Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I) **: один из друзей А. Ш.

---

* Как последний луч, как последнее веяние Оживляет вечер прекрасного дня, У подножья эшафота я еще пробую свою лиру. (См. Последние стихи Андрея Шенье).

** Авель, милый наперсник моих юношеских тайн (Эл⟨егия⟩ I).

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées *.

[3] *И Узница моя.*

V. «La jeune captive» (M-lle de Coigny) **.

[4] Voyez ses jambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre.— On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier. (H. de la Touche) ***.

[5] Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспиера.

[6] На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leur derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'«Andromaque» (H. de la Touche) ****.

[7] На месте казни он ударил себя в голову и сказал: «Pourtant j'avais quelque chose là» *****.

138

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!

---

* Фанни, одна из любовниц Ан⟨дрея⟩ Ш⟨енье⟩. См. оды, к ней обращенные.

** См. «Юная пленница» (М-ль де Куэньи).

*** См. его ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера.— Известно, что король испрашивал у Конвента письмом, исполненным спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье (А. де ла Туш).

**** В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их разговора и последнего их восхищения был Расин. Им захотелось декламировать его стихи. Выбрали они первую сцену «Андромахи». (А. де ла Туш).

***** «Все же у меня здесь кое-что было».

Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

1826

139. ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,—
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

1828

140

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1828

141

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,—
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И, сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

8 сент. 1830

Протекшихъ лѣтъ безумные [illegible] и
Мнѣ тяжело [illegible] [illegible] [illegible]
Покаяніе [illegible] [illegible] [illegible] дней
Въ моей душѣ [illegible] [illegible] [illegible]
Мой [illegible] [illegible]. Волнуемое море
Грядущаго [illegible] мнѣ [illegible] и горе
[illegible]

Но не хочу, я [illegible], [illegible].
Я [illegible] хочу [illegible] [illegible] и [illegible]
И вѣдаю: мнѣ будутъ [illegible]
Средь горестей, забавъ и [illegible]
Порой [illegible] гармоніи [illegible]
Надъ [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

и мор. [illegible]
[illegible] любовь

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

142. ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино,— печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

143

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,

В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

1830

144. ЗАКЛИНАНИЕ

О, если правда, что в ночи́,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы,—
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно: сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

1830

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут,
Зеваючи, жильцов к себе наутро ждут,—
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит,
Хоть плюнуть да бежать...
Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
Наместо праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

1836

В. К. Кюхельбекер

146. ЭЛЕГИЯ

Цвет моей жизни, не вянь! О время сладостной скорби,
Пылкой волшебной мечты, время восторгов,— постой!
Чем удержать его, друг мой? О друг мой, могу ли
привыкнуть
К мысли убийственной жить с хладной, немою душой,

Жить, переживши себя? Почто же, почто не угас я
С утром моим золотым? Дельвиг, когда мы с тобой
Тайными мыслями, верою сердца делились и смело
В чистом слиянии душ пламенным летом неслись
В даль за пределы земли, в минуту божественной
жажды
Было мне умереть, в небо к Отцу воспарить,
К другу созданий своих, к источнику вечного света!
Ныне я одинок, с кем вознесуся туда,
В области тайных знакомых миров? Мы розно,
любезный,
С грозной судьбою, никто с жизнью меня не мирит!
Ты, о души моей брат! Затерян в толпе равнодушной,
Твой Вильгельм сирота в шумной столице сует,
Холод извне погашает огонь его сердца: зачем же
Я на заре не увял, весь еще я не лишен
Лучшей части себя — благодатных святых упований?
В памяти добрых бы жил рано отцветший певец!

6 октября 1817
С.-Петербург

147. МЕЧТА

Один над озером вечернею порою
Сижу — и сладкою мечтой душа полна!
Здесь ива гибкая любуется струею,
Над нею плавает стыдливая луна.

Молчание дубрав, осины трепетанье,
И факел Цинтии, и тишина полей,
И изредка меж роз Зефирово дыханье —
Всё, всё уныние влекло к душе моей.

И вдруг над озером спокойными тенями
Толпою пронеслись друзья отцветших лет!
И осеняет их грусть томная крылами!
Товарищи забав! печален ваш полет!

Друзья! донес от вас Зефир ко мне призванье!
Спешу я к вам — вы скрылись в темну даль!
И я один! И лишь со мной в молчанье
Сестра Уныния — Печаль.

1819
Царское Село

148. ЗАКУП

Сладкий глагол элегической, нежно тужащей камены,
Ты, о Тибуллов размер, о вожделеннейший стих,
Мною покинутый в час роковой, когда я впервые,
Зов Мельпомены познав, ямбом себя воружил!
Снова к тебе обращаюсь теперь, утешитель в печалях:
Я тишину воспою, счастье родимой семьи!
Вас воспою, золотые холмы, вас, мирные долы;
Благословляю тебя, тихий возлюбленный прах!
С каждою поздней зарей, при закате вечернего солнца
Дети, младенцы твои, гроб твой молитвой святят;
Пестун их, их осеняешь с небес незримою дланью,
Ловишь в пределах святых лепет невинных
сердец!
Счастлив и в лоне могилы немой семьянин
безмятежный,
В доме вдовицы твоей дух твой поныне парит!
Рядом с нею течет праматерь детей твоих милых,—
Пламень души молодой греет в ней древнюю кровь!
Лики отважных мужей, героев веков улетевших,
В час одинокий зовут думы ее,— и тогда
Вдруг для певца оживают они на устах ее мудрых:
Он готов их воспеть, витязей славить готов;
Рвется предать устремленным ушам удивленных
потомков
Чистых, возвышенных дев, строгих,
божественных жен,
В бой устремлявших их длань, за правду их меч
извлекавших!
Ты же, матерь моя, будь для меня образец,
Памятник тех отцветших времен! Да буду достойным
Сыном твоим! Клянусь именем вечно святым:
Честь до нисхода в могилу мне будет дороже
блаженства,
Жизни ее предпочту! Если же некогда я
В перси твои мятежным течением горести пролил,—
Нежная матерь, прости! Слезы твои осушу!
В образе доброй сестры мне посланный ангел-
хранитель,
Или забуду тебя, Юлия, сладостный друг?
В скорбях не ты ль утешаешь меня, мои бури смиряешь?
Я ж, безрассудный, не раз жестокою платой тебе —

Словом суровым платил; угрюм, из очей твоих светлых
Плач выжимал и терзал нежную душу не раз!
Ах! с рождения я, обреченный мучитель любезных,
Грозной судьбою гоним, грусть за собою веду:
Ваш благодатный покой возмутил я неистовым сердцем!
Рощи, простите! Луга, вы помяните меня!
К милым, о песни, падите ногам! Мне добрую память
Тщитесь вымолить вы в дикий мой, сумрачный путь!
Песни, богатство мое! Вы мне ль измените ныне?
Или из дома родных вдаль без любви потеку?

1823

149. ЭЛЕГИЯ

«Склонился на руку тяжелой головою
В темнице сумрачной задумчивый Поэт...
Что так очей его погас могущий свет?
Что стало пред его померкшею душою?
О чем мечтает? Или дух его
Лишился мужества всего
И пал пред неприязненной судьбою?»
Не нужно состраданья твоего:
К чему твои вопросы, хладный зритель
Тоски, которой не понять тебе?
Твоих ли утешений, утешитель,
Он требует? Оставь их при себе!
Нет, не ему тужить о суетной утрате
Того, что счастием зовете вы:
Равно доволен он и во дворце и в хате;
Не поседели бы власы его главы,
Хотя бы сам в поту лица руками
Приобретал свой хлеб за тяжкою сохой;
Он был бы тверд под бурей и грозами
И равнодушно снес бы мраз и зной.
Он не терзается и по златой свободе:
Пока огонь небес в Поэте не потух,
Поэта и в цепях еще свободен дух.
Когда ж и с грустью мыслит о природе,
О божьих чудесах на небе, на земле:
О долах, о горах, о необъятном своде,
О рощах, тонущих в вечерней белой мгле,
О солнечном блистательном восходе,
О дивном сонме звезд златых,
Бесчисленных лампад всемирного чертога,

Несметных исповедников немых
Премудрости, величья, славы бога,—
Не без отрады всё же он:
В его груди вселенная иная;
В ней тот же благости таинственный закон,
В ней та же заповедь святая,
По коей высше тьмы и зол и облаков
Без устали течет великий полк миров.
Но ведать хочешь ты, что сумрак знаменует,
Которым, будто тучей, облегло
Певца унылое чело?
Увы! он о судьбе тоскует,
Какой ни Меонид, ни Камоенс, ни Тасс,
И в песнях и в бедах его предтечи,
Не испытали; пламень в нем погас,
Тот, с коим не были ему ужасны встречи
Ни с скорбным недугом, ни с хладной нищетой,
Ни с ветреной изменой
Любви, давно забытой и презренной,
Ни даже с душною тюрьмой.

18 июня 1832

В. Л. Пушкин

150. ЛИСТОЧЕК

⟨Из А. Арно⟩

«Куда, Листочек, ты летишь,
Иссохший, пожелтелый?»
—«Не знаю,— говоришь,—
Сломила буря дуб дебелый,
Который верною подпорой мне служил
И рощи красотою был.
Носимый ныне Аквилоном
Или Зефиром, я лечу,
Куда предписано мне строгим их законом,
А не туда, куда хочу,—
С холма на луг, с горы в долину,
Без страха, ропота на грозную судьбину.
Всему конец! Я помню сей урок,
Для всех равно суровый;
Несусь, куда летит и гордый лист лавровый,
И розы нежныя листок».

⟨1817⟩

151. ПОЛЕ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Подражание Тидге

Уж солнце за горой — последний луч затмился,—
Во мрачность дикую закутались леса,
И ветерок ночной в кустарниках резвился,
И тихою луной златились небеса.
Всё успокоилось — лишь ветви колебались,
В зажженных деревнях еще огонь пылал;
Всё тихо — лишь вдали окли́ки раздавались,
И редкий пушек гром в долинах рокотал.

В уединении — с растроганной душою —
На мшистом холме сем я буду размышлять.
Покой бежит меня, лишь ужас предо мною;
О человечестве здесь буду горевать!..
Сребримые луной там копия сияют,
Где тысячи смертей носилися за час;
Черепья, кости там долину наполняют,
Где храбрых воинов бесстрашный сонм угас.
Спокойно здесь лежит, как бы на лоне друга,
Глава, простертая на мертвый труп врага;
А там, вблизи щитов, обломков от кольчуга,
С рукою вражеской сплетенная рука.
Лишь в жизни ненависть, смерть всех нас примиряет!
Покоятся они, на поле чести пав,—
И гений жизни их бессмертный возлетает
В обитель вечную довольства и забав;
Покоятся они,— но глас о их деяньях
Потомков возбудит кипящу к славе кровь;
С восторгом возгласят они в воспоминаньях:
«Отцов сильна была к отечеству любовь!»
Там сын, отторгнувшись от матерних лобзаний,
Надев с весельем шлем и панцирь, в брань летит:
Летит на поле он ужасных ожиданий,
Где лезвие косы смерть лютая острит!..
Тут старец в дряхлу длань заржавый меч приемлет,
Свидетель давнишний походов и трудов,
И вну́чат плачущих молениям не внемлет,
Спеша умножить строй отечества сынов.

Там дева юношу сама вооружает
И, горестна в душе, веселый кажет вид,
Супруг в последний раз дражайшую лобзает
И сквозь прощанья слез с улыбкой говорит:
«Спокойся, милый друг, со славой возвращуся;
Всевышний дни мои во брани соблюдет;
Не плачь ты обо мне, когда с врагом сражуся:
Нам за отечество приятно умереть!»
И тысячи стоят, и все в душе клянутся
Честь родины своей, честь предков поддержать;
Сразиться со врагом, сразить врага все рвутся
Иль славной смертию жизнь славную венчать!
Вот место, где сошлись с противником кичливым,
Друг друга передя на славном сем пути;
Здесь всякой почитал себя стократ счастливым,
Коль в жертву родине себя мог принести!..
Тут медных тысяча жерл пламень изрыгали,
Дым адский, грозный гром страх вещий в сердце слал;
Грудь с грудью, щит с щитом смерть лютую спирали.
Победный глас осмь крат гремел и умолкал,[1]
В рядах кровавая, ужасна Тизифона
Носила пламенник,— и бледна, алчна Смерть,
Не вняв плачевного, просительного стона,
Спешила острую косу на всех простерть.
Здесь, Александр, твоя бесстрашная дружина
Во прах рассеяла врагов сомкнутый строй;
Здесь в каждом верного Россия зрела сына;
Здесь каждый ратник был — бестрепетный герой!..
Муж Славы! Что тебе все лавры и хваленья?
В боях ты воинству путь чести проложил,
Но, соверша твоих и чуждых стран спасенье,
О падших воинах ты горьки слезы лил!
В кристальном токе сем, что месяц освещает,
Кровь рьяных воинов еще, еще видна;
Здесь, может, раненый, чуть дышащий, взирает
На небо, где ему готова тишина.
А там, во мрачности колеблемой дубравы,—
Избитый, опершись о иссечённый щит,—
Там храбрый юноша, искатель пылкой славы,
Под тенью диких сосн без пробужденья спит!
Напрасно пролетит младой весны дыханье,

[1] Известно, что редуты были восемь раз взяты и отнимаемы назад.

Напрасно лето здесь поля озолотит,
Напрасно осени угрюмой завыванье,
Напрасен хлад зимы: покоен он — он спит!..
Но что я слышу здесь — свирели ль нежной тоны,
Иль тихое вдали журчание ручья?..
Иль сердца томного прерывистые стоны,
Которых сладостью полна душа моя?..
Твой образ носится ль, твой глас ли то унылый,
Девица красная, лишенная всего?
Погиб твой юноша, погиб надежда — милый,
И тщетно при луне здесь ищешь ты его!
А там, в тени древес, сквозь листвия густые,
Чей светлый, легкий лик в унынье погружен?
Чье копие лежит и грозный меч стальные?
Разбитый щит и шлем? Здесь пал Багратион!
Бородино! тебе заплатим дань сердцами:
Близ стен твоих сражен защитник славный твой;
Могила храброго украсится цветами,
А я ее почтить могу — одной слезой!
О юная весна! пролей источник чистый
Близ камня скромного, где *незабвенный* спит;
И пусть, незыблемый веками, дуб ветвистый
Своею тению могилу осенит.
Пусть меч его и щит, копье и шлем пернатый
Близ спяща воина в бездействии лежат;
Доспехи бранные, сердцам россиян святы,
О длани, гром из них бросавшей, пусть гласят!
И над возвышенной, спокойною могилой
На ветви молодой, смотрящейся в поток,
Из недр земли явись очарованья силой,
Лавровый (твоего геройства знак) венок!..

Напрасно стонем мы: дух жизни отлетает,
Но память наших дел в сем носится краю;
Муж почитаемый в сердцах не умирает,
Из самой вечности бросает тень свою!
Бесстрашные в боях, на брани многи пали,
Но всех ты славою своей превосходил:
Перед тобой и Галл и Турок трепетали;
Но что! Героев вождь, ты жизнь там положил!
Багратион, сии ль питали мы надежды?
Отечества краса, врагов строптивых страх,
Арея грозный сын! Твои сомкнулись вежды!
Но сладостен твой сон — отечество в слезах!

Доколь пребудет свет, твой образ не затмится:
Цепь славы и побед был твой, о витязь! век,
И память о тебе с почтеньем сохранится:
Бессмертье — твой удел, великий человек!..

К какой, скажите мне, здесь жили бы мы цели,
Не чаяв славою прожить до поздних лет?
Могилы хладныя — *всего* для нас пределы,
И беспрестанно смерть нить жизни нашей рвет.
В терзанье, в ужасе о будущем, в мученье,
Как тяжесть медная — так для людей всяк час;
Мы здесь стоим, а там — в незримом отдаленье,
Там гений мира ждет, угрюмый, мрачный, нас!
Какое зрелище! О юный повелитель!
Взгляни на груду тел и на гряду костей:
Клянись быть своему народу покровитель,
И богом мира быть, и счастьем жизни сей.
Взгляни — и сосчитай, когда бежишь за славой,
Черепьев тысячи, которы здесь лежат...
Ужель приятно столь — бичом, войной кровавой —
Обломками свой век в Историю вписать?..
Приятно лаврами столь лестными увиться,
Но счастие людей еще прекрасней их:
И пышный, гордый лавр в прах ветхий превратится,
И в лаврах человек в могиле — и затих!
И Цесарь низлетел, как бурей лист взметенный,
Величье кончилось в единый черный день;
И грозный Карл лежит в гробнице заточенный:
Без доблестей души военна слава — тень!..
Вот там, вот там внизу, куда поток лиется,
Где разрывается существованья нить,
Там глас торжественный, протяжный раздается,
Который путнику унылу говорит:
«Что здесь помрачено — во тьму то погрузится,
Руке рушителя нигде пределов нет,
От правды глаз никто не может в мире скрыться:
В сиянии ль, во тме ль — везде его найдет!»
Но вот спокойная, на крылиях зефира,
Заря багряная выходит из морей,
Сокройтеся, мечты! Умолкни, томна лира!
Опять передо мной все ужасы смертей!..
И, осветясь зарей, мечи там засверкали,
И в голубой дали сияет шлемов лес,—
Чу! Бурные коня во стане там заржали,

И ратник копие и звучный щит вознес!..
О боже праведный! услышь мою молитву,
И громы, над главой ревущи, укроти,
Прерви ужасную, губительную битву
И благодатный мир на землю возврати!

26 августа 1817

152. ЭЛЕГИЯ

Tous les chagrins sont pour les coeurs fideles;
Tous les plaisirs sont pour les inconstans.
Parny[1]

Любовь есть жизни сладострастье,
Младого сердца красота,
И наслаждение, и счастье,
Но для меня любовь — мечта,
Одно обманчивое чувство,
Ему я верить перестал:
Я опытностию узнал,
Что непорочность здесь искусство;
Что клятвы — звук приятных слов;
Что рано ль, поздно ль — но любовь
Непостоянна изменяет;
Что радость — как весенний цвет —
Лишь расцветет и увядает;
Что счастия в сем мире нет.

1819

153. ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

⟨Из Ш. Мильвуа⟩

С дерев на поздний злак полей
Листы поблеклые опали,
Дубравы без теней стояли,
Молчал пустынный соловей.
Недугом и тоской томимый,
Тех мест страдалец молодой
В последний раз стране родимой
Вверял печальный голос свой.

---

[1] Все печали — для верных сердец,
Все наслаждения — для непостоянных.
Парни (фр.).— *Ред.*

«Простите, холмы и долины,
Прости, шумливая река,
Я слышу весть моей кончины
В паденье каждого листка.
О роковое прорицанье!
Я не забыл твой страшный глас:
«Узришь ты рощей увяданье,
Но их узришь в последний раз.
Трепещет кипарис священный!
Уже над головой твоей,
Суровой смерти обреченный,
Склонил он сень своих ветвей.
Твой краткий век — был сон лукавый:
Увянешь ты во цвете дней,
Скорей, чем лист твоей дубравы,
Скорей, чем злак твоих полей».
Сбылось! Своим дыханьем хладным
Болезнь подула на меня;
И сном неясным, безотрадным
Промчалась молодость моя.
Шуми, валися, лист минутный,
Шуми, вались с родных ветвей,
Засыпь, сокрой мой холм приютный
От взоров матери моей.
Но если дева, мне драгая,
Под покрывалом, в тишине,
Как призрак из-за древ мелькая,
На грустный холм придет ко мне,
И плакать простодушно будет,
И робко вымолвит: «люблю!» —
Пусть легкий шорох твой пробудит
Тень благодарную мою...»

Сказал — и тихо удалился,
Наутро — юноша погас,
Но холм заветный в тихий час
От нежной матери не скрылся:
Напрасен был страдальца глас!
И часто зрелась там у древа
Мать безутешная в слезах;
А с милой лаской на устах
Туда не приходила дева.

1823

154. ЭЛЕГИЯ

Недолго радость окрыляет
Досуги юности живой:
Вспорхнет и сердцу оставляет
Печаль и думы за собой.
Не вечны резвой жизни годы,
Напевов лиры тихий звон,
В лучах зеленых хороводы,
В зеленых рощах сладкий сон.
Увы! пора любви изменит;
Вздохнем, заплачем мы о ней;
Но поздно хладный ум оценит
Красу минувших, светлых дней,—
Всё поздно: слезы и моленья!
Не возвратятся к нам они,
Как вешней ночи сновиденья,
Как золотого века дни!

1823

155. ЭЛЕГИЯ

Не озабочен жизнью я!
Равно мой ум и сердце праздны:
Как бой часов однообразный,
Однообразна жизнь моя.

Напрасно возвратить я мнил
Под благосклонным небом Юга
Напевы счастья и досуга
И бодрость юношеских сил.

Напрасно сердце обновить
Алкал любви очарованьем
Иль славы гордым обладаньем
Любви потерю заменить.

Не изменился жребий мой!
Я вяну, скукой изнуренный,
Как вянет цвет, перенесенный
Под небо родины чужой.

1825

156. ЭЛЕГИЯ

Не ведает мудрец надменный,
Не постигает хладный свет,
Как тяжко тратить постепенно
Все обольщенья юных лет.

«Он с призраком своим простился,
Он стал умнее»,— говорят.
Не скажут: «Бедный! он лишился
Своих любимейших отрад».

Престань оплакивать измену
Мечты! О боги! я готов;
Но что ж даете вы в замену
Живых, блестящих, милых снов?

На жизнь я поднял взор бесстрастный;
Что было — есть; но где же ты,
Мир ненаглядный, мир прекрасный,
Зерцало горней красоты?..

Разнесся дым очарованья,
Слетел покров волшебный твой,
И ты, без тайн, без упованья,
Однообразный, предо мной

Предстал, как памятник бездушный
Времен минувших торжества,
Как истукан, жрецу послушный,
Златой кумир без божества!

1825

П. А. Вяземский

157. ПЕРВЫЙ СНЕГ

(В 1817-м году)

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!

Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стенал над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладби́щем зрелся лес; кладби́щем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла:
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной со́сне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с брегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожи́данный возврат,
По льду свистящему кружа́тся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой,—
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,

И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по́ полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле,
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленье,
И в сердце девственном впервой любви смятенья,
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливцев упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылию окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;
Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, нам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.

Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросает из кошницы
Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечет любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшéбству сладких снов! —
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошныя смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волненьем обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,
О первенец зимы, блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

Ноябрь 1819

158. УНЫНИЕ

Уныние! вернейший друг души!
С которым я делю печаль и радость,
Ты легким сумраком мою одело младость,
И расцвела весна моя в тиши.

Я счастье знал, но молнией мгновенной
Оно означило туманный небосклон,
Его лишь взвидел взор, блистаньем ослепленный,
Я не жалел о нем: не к счастью я рожден.

В душе моей раздался голос славы:
Откликнулась душа волненьям на призыв;
Но, силы испытав, я дум смирил порыв,
И замерли в душе надежды величавы.

Не оправдала ты честолюбивых снов,
О слава! Ты надежд моих отвергла клятву,
Когда я уповал пожать бессмертья жатву
И яркою браздой прорезать мглу веков!

Кумир горящих душ! меня не допустила
Судьба переступить чрез твой священный праг,
И, мой пожравшая уединенный прах,
Забвеньем зарастет безмолвная могила.

Но слава не вотще мне голос подала!
Она вдохнула мне свободную отвагу,
Святую ненависть к бесчестному зажгла —
И чистую любовь к изящному и благу.

Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом;
Пред алтарем души в смиренье клятву дал
Тирану быть врагом и жертве верным другом.

С улыбкою любви, в венках из свежих роз,
На пир роскошества влекли меня забавы;
Но сколько в нéктар их я пролил горьких слез,
И чаша радости была сосуд отравы.

Унынье! всё с тобой крепило мой союз:
Неверность льстивых благ была мне поученьем,
Ты сблизило меня с полезным размышленьем
И привело под сень миролюбивых муз.

Сопутник мой, сердечных ран целитель,
Труд, благодатный труд их муки усыпил.
Прошедшего — веселый искупитель!
Живой источник новых сил!

Всё изменило мне! Ты будь не безответен!
С утраченным мое грядущее слилось;
Грядущее со мною разочлось,
И новый иск на нем мой был бы тщетен.

Сокровищницу бытия
Я истощил в одном незрелом ощущенье,
Небес изящное наследство прожил я
В неполном шумном наслажденье.

Наследство благ земных холодным оком зрю.
Пойду ль на поприще позорных состязаний
Толпы презрительной соперником, в бою
Оспоривать успех, цель низких упований?

В победе чести нет, когда бесчестен бой.
Раскройте новый круг, бойцов сзовите новых,
Пусть лавр, не тронутый корыстною рукой,
Пусть мета высшая самих венков лавровых

Усердью чистому явит достойный дар!
И честолюбие, источник дел высоких,
Когда не возмущен грозой страстей жестоких,
Вновь пламенной струей прольет по мне свой жар.

Но скройся от меня, с коварным обольщеньем,
Надежд несбыточных испытанный обман!
Почто тревожишь ум бесплодным сожаленьем
И разжигаешь ты тоску заснувших ран?

Унынье! с коим я делю печаль и радость,
Единый друг обманутой души,
Под сумраком твоим моя угасла младость,
Пускай и полдень мой прокрадется в тиши.

1819

159. ТОСКА

В. И. Бухариной

Не знаю я — кого, чего ищу,
Не разберу, чем мысли тайно полны;
Но что-то есть, о чем везде грущу,
Но снов, но слез, но дум, желаний волны
Текут, кипят в болезненной груди,
И цели я не вижу впереди.

Когда смотрю, как мчатся облака,
Гонимые невидимою силой,—
Я трепещу, меня берет тоска,
И мыслю я: «Прочь от земли постылой!
Зачем нельзя мне к облакам прильнуть
И с ними вдаль лететь куда-нибудь?»

Шумит ли ветр? мне на ухо души
Он темные нашептывает речи
Про чудный край, где кто-то из глуши
Манит меня приветом тайной встречи;
И сих речей отзывы, как во сне,
Твердит душа с собой наедине.

Когда под гром оркестра пляски зной
Всё обдает веселостью безумной,
Обвитая невидимой рукой,

Из духоты существенности шумной
Я рвусь в простор иного бытия,
И до земли уж не касаюсь я.

При блеске звезд в таинственный тот час,
Как ночи сон мир видимый объемлет
И бодрствует то, что не *наше* в нас,
Что *жизнь души,*— а *жизнь земная* дремлет,—
В тот час один, сдается мне, живу,
И сны одни я вижу наяву.

Весь мир, вся жизнь загадка для меня,
Которой нет обещанного слова,
Всё мнится мне: я накануне дня,
Который жизнь покажет без покрова;
Но настает обетованный день,
И предо мной всё та же, та же тень.

1831

160

Смерть жатву жизни косит, косит
И каждый день, и каждый час
Добычи новой жадно просит
И грозно разрывает нас.

Как много уж имен прекрасных
Она отторгла у живых,
И сколько лир висит безгласных
На кипарисах молодых.

Как много сверстников не стало.
Как много младших уж сошло,
Которых утро рассветало,
Когда нас знойным полднем жгло.

А мы остались, уцелели
Из этой сечи роковой,
Но смертью ближних оскудели
И уж не рвемся в жизнь, как в бой.

Печально век свой доживая,
Мы запоздавшей смены ждем,

С днем каждым сами умирая,
Пока не вовсе мы умрем.

Сыны другого поколенья,
Мы в новом — прошлогодний цвет:
Живых нам чужды впечатленья,
А нашим — в них сочувствий нет.

Они, что любим, разлюбили,
Страстям их — нас не волновать!
Их не было́ там, где мы были,
Где будут — нам уж не бывать!

Наш мир — им храм опустошенный,
Им баснословье — наша быль,
И то, что пепел нам священный,
Для них одна немая пыль.

Так, мы развалинам подобны
И на распутии живых
Стоим, как памятник надгробный
Среди обителей людских.

1841

161. СУМЕРКИ

Чего в мой дремлющий тогда
не входит ум?

Державин

Когда бледнеет день, и сумрак задымится,
И молча на поля за тенью тень ложится,
В последнем зареве сгорающего дня
Есть сладость тайная и прелесть для меня.
Люблю тогда один, без цели, тихим шагом,
Бродить иль по́ полю, иль в роще за оврагом.
Кругом утихла жизнь и бой дневных работ;
Заботливому дню на смену ночь идет,
И словно к таинству природа приступила,
И ждет, чтобы зажглись небес паникадила.
Брожу задумчиво, и с сумраком полей
Сольются сумерки немой мечты моей.

И только изредка звук дальний, образ смутный
По сонному уму прорежет след минутный
И мир действительный напомнит мне слегка.
Чу! песня звонкая лихого ямщика
С дороги столбовой несется. Парень бойкой,
Поет и правит он своей задорной тройкой.
Вот тусклый огонек из-за окна мелькнул,
Тут голосов людских прошел невнятный гул,
Там жалобно завыл собаки лай нестройный —
И всё опять замрет в околице спокойной.
А тут нежданный стих, неведомо с чего,
На ум мой налетит и вцепится в него;
И слово к слову льнет, и звук созвучья ищет,
И леший звонких рифм юлит, поет и свищет.

1848

162. ОСЕНЬ

И в осени своя есть прелесть. Блещет день.
Прозрачны небеса и воздух. Рощи сень
Роскошно залита и пурпуром и златом;
Как день перед своим торжественным закатом,
Пожаром чудным грань небес воспламеня,
На свой вечерний одр бросает ткань огня,—
Так в осень теплую, в сей поздний вечер года,
Пред тем чтоб опочить, усталая природа,
Лобзанием любви прощаяся с землей,
Остаток благ дарит ей щедрою рукой.

Нам каждый светлый день — нежданная отрада.
Последней зеленью благоуханий сада,
Последней прелестью в нем уцелевших роз
Любуется душа с улыбкой, полной слез.
Миг каждый дорог нам; природы лаской каждой
Мы упиваемся с неутолимой жаждой.
Убрав в богатый блеск и рощи, и поля,
Прощальный пир дают нам небо и земля.
Всё празднично глядит, а вместе с тем и грустно,
И так и хочется, душевно и изустно,
Избыток смутных чувств, теснящихся в груди,
Любовь и страх о том, что ждет нас впереди,
Когда нам истина предстанет без покрова,—
Излить в созвучия рыдающего слова,

В молитвенную песнь, в последнее прости,
В надгробный плач тому, что в гроб должно сойти.

Видали, верно, вы красавицу младую,
Которую недуг в добычу роковую
Таинственно обрек себе. Цвет жизни в ней
Роскошным знаменьем ее весенних дней,
Казалось, так живущ в младом своем уборе:
Румянец на щеках, огонь в блестящем взоре.
Но был лукав сей блеск румяного лица;
Зловещий признак он ей близкого конца;
Ни скорби, ни врачу не отвратить удара.
Но пламень глаз ее был зарево пожара,
Которым грудь ее сгорала в тишине.
Любуясь на нее в молчанье, вам и мне
Так было сладостно, так ненаглядно-грустно,
Так и хотелось нам, душевно и изустно,
Пропеть прощальный гимн красавице младой,
Еще прекрасней нам предсмертной красотой!

⟨1862⟩

163. КЛАДБИЩЕ

Где б ни был я в чужбине дальной,
Мной никогда не позабыт
Тот угол светлый и печальный,
Где тихий ангел погребальный
Усопших мирный сон хранит.

Оплакавший земной дорогой
Любви утрату не одну,
Созревший опытностью строгой,
Паломник скорбный и убогой,
Люблю кладби́ща тишину.

Мне так сочувственны могилы,
В земле так много моего,
Увядших благ, увядшей силы,
Что мне кладбище — берег милый,
Что мне приветлив вид его.

Предавшись думам несказа́нным,
И здесь я, на закате дня,
Спешу к местам обетованным,
К могилам чуждым, безымянным,
Но не безмолвным для меня.

Среди цветов в тени древесной,
Кладбище здесь — зеленый сад,
Нас не смущает давкой тесной
Гробниц и с спесью полновесной
Тщетой воздвигнутых громад.

В виду — величество природы,
Твердыни вечных гор кругом
И вечно подвижны́е воды,
То блеск небес, то непогоды
В прекрасном ужасе своем.

Вблизи — всё пепел да обломки,
Вся наша немощь в тле своей;
Близ предков улеглись потомки;
Могил молчанье и потемки —
Вот след непрочных наших дней.

Но здесь нагорное кладби́ще
Поближе к небу вознеслось,
Прозрачный воздух здесь и чище,
И дней минувших пепелище
Цветущей жизнью облеклось.

Здесь всё свежо, везде просторно,
Здесь словно ратный стан почил
По битве жаркой и упорной,
И к ночи отдых благотворный
Бойцов и страсти умирил.

Ноябрь 1864
Веве

П. А. Плетнев

164. ГРОБНИЦА ДЕРЖАВИНА

В сем прахе не умолкнет пенье
Душой бессмертной полных струн...
И будет пламень, в нем горевший, согревать
Жар славы, благости и смелых помышлений
В сердцах грядущих поколений!

Жуковский

Молчит угрюмый бор, одетый ночи мглой,
И дремлет брег над Волховской пучиной;
Последний отзыв волн, уснувших под скалой,
Умолк в бегу за дальнею равниной;
Туманы разлились по злачным берегам
И зыблются прозрачной пеленою;
Бледна, задумчива, по синим небесам
Луна течет над гладкою рекою;
На скатах дальних гор, в окрестности немой,
Как призраки, являются селенья,
И Новгород, как гроб обширный, предо мной
Лежит, простерт в тиши уединенья.
И мнится, здесь, меж тем как маки сыплет сон
Над древнею полночных стран столицей,
С губительной косой стоит незримый Крон,
Грозя своей всемощною десницей.
Везде разбросаны, неумолимый бог,
Побед твоих ужасные трофеи:
Обломки мраморны покрыл зеленый мох,
И гордые упали мавзолеи;
Полуразрушенный, и под твоим ярмом
Как скованный чугунными цепями,
Великий Новгород, склонившись в прах челом,
Уж не взмахнет орлиными крылами.
Иду... и ряд могил в траве передо мной
Широкою простерся полосою.
Сюда, надменные счастливцы под луной!
Спешите здесь, полуночной порою,
Прочесть свою судьбу! Под мрамором в пыли
Истлевшие давно здесь полубоги
Вам возвестят, куда идут сыны земли
И розами с украшенной дороги.
Страна забвения! И под моей ногой,
Как меж гробниц уединен блуждаю,

Быть может, здесь лежит протекших лет герой
И я в сей миг героя попираю;
И не шумит над ним, взносясь до облаков,
Тот гордый лавр, которого листами
Убра́нное чело наперсника богов,
Как солнце, светлыми цвело лучами!
Но что за тени там, чуть зримые вдали,
На свежую могилу низлетают,
И урну с двух сторон, как стражи, облегли,
И, мнится, слух на голос преклоняют?
Кто та́инственная посланница небес,
Поникшая венчанною главою,
Порфиру опустив с рамен, потоки слез
Струит в ночи над гробовой доскою?
И кто сопутник ей, повергший меч и щит
И шлем к подножию безмолвной урны,
Простерши древнюю геройску длань, скорбит,
Подъемля взор на небеса лазурны?
И кто в могиле ты: блюститель прав, герой,
Народов ли и стран завоеватель,
Служитель алтарей иль избранный судьбой
Для блага царств мудрец-законодатель?
Безмолвие... В гробах и на гробах всё спит!
Лишь тайное в глазах моих виденье,
Лишь преклоненный слух как бы душе гласит:
С зарей и ты услышишь песнопенье!
Но вот проснулся день: восточных облаков
Пушистые края озолотились;
Бегут туманы с гор, полей и берегов,
За ними Сириус и ночь сокрылись.
Безмолвны тени ждут — безмолвен тлеет прах;
Но первое лишь веянье зефира,
Струяся по полям, взыграло на листах...
Воскреснула невидимая лира:
То льется по лугам, как песня соловья
Весеннего, ее очарованье;
То ропчет, как ручья прозрачного струя
Или ветвей древесных трепетанье;
То вьется, будто вихрь, несется по лесам
И рассыпается на долы градом;
Гремит, как бурный гром, гремящий по горам,
Или ревет, как Суна, водопадом.
И радость вкруг меня, как солнца луч златой,
Воскресла на гробах, и легки тени,

Вняв гласу сладкому, с весельем предо мной
Сокрылися в своей небесной сени.
И тайна с глаз моих снимает свой покров:
Здесь *он* лежит... Колена преклоняю
Пред урною твоей, любимец, друг богов,
С благоговением твой прах лобзаю!
О счáстливый Певец счастливейших времен!
Придут, придут сюда из отдаленья
Грядущих чада лет и чуждых нам племен
Блуждать, как я, и слушать песнопенья —
И дряхлый Новгород тобою не умрет...
В развалинах отечества Вадима
Еще придут искать твоей гробницы след,
Как в Риме прах Певца Ерусалима.

1819

165. РАЗУВЕРЕНИЕ

Как странник, сбившийся с пути
И устрашен безвестной далью,
Глядит назад с немой печалью,
Не смея далее идти,
Так я, переступив уныло
За половину дней моих,
Смотрю и думаю: что в них
Моей душе не изменило?
Когда-то счастлив был и я!
Как сладкий сон я помню время;
Тогда мне жизнь была не бремя
И кто-то звал вперед меня.
Исчезло всё, что было прежде;
Обманут сердцем и умом,
Вотще за новым рубежом
Я покорился бы надежде!

Пусть протекают надо мной
Своею очередью годы;
Я устою против природы
И не подвигнуся душой:
Мечты и пылкие желанья
В мою не протеснятся грудь;
Я остальной окончу путь
Без наслажденья и страданья.

1822

166. ВОСПОМИНАНИЕ

Как ветер полевой опавшими листами
Играет на лугах по прихоти своей,
Так водит нас судьба вдоль жизненных путей.
В невольном странствии не ведаем мы сами —
Куда лежит наш путь и что вдали нас ждет!

Минутные друзья под кровом безмятежным,
Мы всё нашли, что жизнь прекрасного дает,
И круг разрознен наш, где счастьем ненадежным
На миг повеселить судьба хотела нас!
В дорогу новую и с новым ожиданьем
Какой от прошлого нам взять с собой запас?
Пускай, беседуя с немым воспоминаньем,
Мы тайно сохраним хоть призрак прошлых дней,
И наши радости, чуть слышимо провея,
Мелькнут нам в воздухе опять толпой своей —
Так путник часто пьет на бархате полей
Воздушный аромат, где отцвела лилея.

1825

167. НОЧЬ

Задумчивая ночь, сменив мятежный день,
На всё набросила таинственную тень.
Как опустелая, забвенная громада,
Весь город предо мной. С высот над ним лампада,
Без блеска, без лучей, унылая висит
И только для небес недремлющих горит.
Их беспредельные лазурные равнины
Во тьме освещены. Люблю твои картины,
Мерцанье звезд твоих, поэзии страна,
Когда в полночный час меж них стоит луна!
С какою жаждою, насытив ими очи,
Впиваю в душу я покой священной ночи!
Весь мир души моей, создание мечты,
Исполнен в этот миг небесной красоты:
Туда в забвении несусь, покинув землю,
И здесь я не живу, не вижу и не внемлю.

1827

168

Тебе на память в книге сей
Стихи пишу я с думой смутной.
Увы! в обители твоей
Я, может статься, гость минутный!
С изнемогающей душой,
На неизвестную разлуку
Не раз трепещущей рукой
Друзьям своим сжимал я руку.
Ты помнишь милую страну,
Где жизнь и радость мы узнали,
Где зрели первую весну,
Где первой страстию пылали?
Покинул я предел родной!
Так и с тобою, друг мой милый,
Здесь проведу я день, другой,
И, как узнать? в стране чужой
Окончу я мой век унылый.
А ты прибудешь в дом отцов,
А ты узришь поля родные
И прошлых счáстливых годов
Вспомянешь были золотые.
Но где товарищ, где поэт,
Тобой с младенчества любимый?
Он совершил любви завет,
Судьбы, враждебной с юных лет
И до конца непримиримой!
Когда ж стихи мои найдешь,
Где складу нет, но чувство живо,
Ты их задумчиво прочтешь,
Глаза потупишь молчаливо...
И тихо лист перевернешь.

1819

169

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?

Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,—
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне.

1820

170

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

171

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам:
Не испытав его, нельзя понять и счастья,—
Живой источник сладострастья
Дарован в нем его сынам.
Одни ли радости отрадны и прелестны?
Одно ль веселье веселит?
Бездейственность души счастливцев тяготит;
Им силы жизни неизвестны.
Не нам завидовать ленивым чувствам их:
Что в дружбе ветреной, в любви однообразной
И в ощущениях слепых
Души рассеянной и праздной?
Счастливцы мнимые, способны ль вы понять
Участья нежного сердечную услугу?
Способны ль чувствовать, как сладко поверять
Печаль души своей внимательному другу?

Способны ль чувствовать, как дорог верный друг?
Но кто постигнут роком гневным,
Чью душу тяготит мучительный недуг,
Тот дорожит врачом душевным.
Что, что дает любовь веселым шалунам?
Забаву легкую, минутное забвенье;
В ней благо лучшее дано богами нам
И нужд живейших утоленье!
Как будет сладко, милый мой,
Поверить нежности чувствительной подруги,
Скажу ль? Все раны, все недуги,
Всё расслабление души твоей больной;
Забыв и свет, и рок суровый,
Желанья смутные в одно желанье слить
И на устах ее, в ее дыханье пить
Целебный воздух жизни новой!
Хвала всевидящим богам!
Пусть мнимым счастием для света мы убоги,
Счастливцы нас бедней, и праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

1820

172. ВЕСНА

Мечты волшебные, вы скрылись от очей!
Сбылися времени угрозы!
Хладеет в сердце жизнь, и юности моей
Поблекли утренние розы!

Благоуханный Май воскреснул на лугах,
И пробудилась Филомела,
И Флора милая, на радужных крылах,
К нам обновленная слетела.

Вотще! Не для меня долины и леса
Одушевились красотою,
И светлой радостью сияют небеса!
Я вяну,— вянет всё со мною!

О, где вы, призраки невозвратимых лет,
Богатство жизни — вера в счастье?
Где ты, младого дня пленительный рассвет?
Где ты, живое сладострастье?

В дыхании весны всё жизнь младую пьет
И негу тайного желанья!
Всё дышит радостью и, мнится, с кем-то ждет
Обетованного свиданья!

Лишь я как будто чужд природе и весне:
Часы крылатые мелькают,
Но радости принесть они не могут мне
И, мнится, мимо пролетают.

1820

173. ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледя́ного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным;
Подобно им, да будет он
Во все годины неизменным!

Как всё вокруг меня пленяет чудно взор!
Там необъятными водами
Слилося море с небесами;
Тут с каменной горы к нему дремучий бор
Сошел тяжелыми стопами,
Сошел — и смотрится в зерцале гладких вод!
Уж поздно, день погас; но ясен неба свод,
На скалы финские без мрака ночь нисходит,
И только что себе в убор
Алмазных звезд ненужный хор
На небосклон она выводит!
Так вот отечество Одиновых детей,
Грозы народов отдаленных!
Так это колыбель их беспокойных дней,
Разбоям громким посвященных!

Умолк призывный щит, не слышен скальда глас,
Воспламененный дуб угас,
Развеял буйный ветр торжественные клики;
Сыны не ведают о подвигах отцов,
И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики!

И всё вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от брега к брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой?
Вы ль? Дайте мне ответ, услышьте голос мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи.
Сыны могучие сих грозных вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? Зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылися в обители теней!
И ваши имена не пощадило время!
Что ж наши подвиги, что слава наших дней,
Что наше ветреное племя?
О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!
Для всех один закон, закон уничтоженья,
Во всем мне слышится таинственный привет
Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу ль перед судьбою?
Не вечный для времен, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!
Что ну́жды до былых иль будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

1820

174. ЭЛИЗИЙСКИЕ ПОЛЯ

Бежит неверное здоровье,
И каждый час готовлюсь я
Свершить последнее условье,
Закон последний бытия;
Ты не спасешь меня, Киприда!

Пробьют урочные часы,
И низойдет к брегам Аида
Певец веселья и красы.

Простите, ветреные други,
С кем беззаботно в жизни сей
Делил я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья;
Где б ни жил я, мне всё равно:
Там тоже славить от безделья
Я стану дружбу и вино.
Не изменясь в подземном мире,
И там на шаловливой лире
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафне и Темире
Неприхотливую любовь.

О Дельвиг! слезы мне не нужны;
Верь, в закоцитной стороне
Прием радушный будет мне:
Со мною музы были дружны!
Там, в очарованной тени,
Где благоденствуют поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мне они.

Когда из та́инственной сени,
От темных Орковых полей,
Здесь навещать своих друзей
Порою могут наши тени,
Я навещу, о други, вас,
Сыны забавы и веселья!

Когда для шумного похмелья
Вы соберетесь в праздный час,
Приду я с вами Вакха славить;
А к вам молитва об одном:
Прибор покойнику оставить
Не позабудьте за столом.

Меж тем за тайными брегами
Друзей вина, друзей пиров,

Веселых, добрых мертвецов
Я подружу заочно с вами.
И вам, чрез день или другой,
Закон губительный Зевеса
Велит покинуть мир земной;
Мы встретим вас у врат Айдеса
Знакомой дружеской толпой;
Наполним радостные чаши,
Хвала свиданью возгремит,
И огласят приветы наши
Весь необъемлемый Аид!

1820 или 1821

175

Пора покинуть, милый друг,
Знамена ветреной Киприды
И неизбежные обиды
Предупредить, пока досуг.
Чьих ожидать увещеваний!
Мы лишены старинных прав
На своеволие забав,
На своеволие желаний.
Уж отлетает век младой,
Уж сердце опытнее стало:
Теперь ни в чем, любезный мой,
Нам исступленье не пристало!
Оставим юным шалунам
Слепую жажду сладострастья,—
Не упоения, а счастья
Искать для сердца должно нам.
Пресытясь буйным наслажденьем,
Пресытясь ласками цирцей,
Шепчу я часто с умиленьем
В тоске задумчивой моей:
Нельзя ль найти любви надежной?
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счáстливой глуши
Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души,
В чье неизменное участье
Беспечно веровал бы я,
Случится ль вёдро иль ненастье
На перепутье бытия?

Где ж обреченная судьбою?
На чьей груди я успокою
Свою усталую главу?
Или с волненьем и тоскою
Ее напрасно я зову?
Или в печали одинокой
Я проведу остаток дней,
И тихий свет ее очей
Не озарит их тьмы глубокой,
Не озарит души моей!..

1821

176

Рассеивает грусть пиров веселый шум.
Вчера, за чашей круговою,
Средь братьев полковых, в ней утопив мой ум,
Хотел воскреснуть я душою.

Туман полу́ночный на холмы возлегал;
Шатры над озером дремали,
Лишь мы не знали сна — и пенистый бокал
С весельем буйным осушали.

Но что же? Вне себя я тщетно жить хотел:
Вино и Вакха мы хвалили,
Но я безрадостно с друзьями радость пел:
Восторги их мне чужды были.

Того не приобресть, что сердцем не дано.
Рок злобный к нам ревниво злобен,
Одну печаль свою, уныние одно
Унылый чувствовать способен.

1821

177

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы,

Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастия, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! О край, всегда любимый!
Родные небеса! незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,—
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист, и волн мятежный рев,—
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волненьем учится, губя часы златые,
Науке размерять окопы боевые —
Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча,— полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет негою воскреснувшей природе,
С тяжелым заступом явлюся в огороде,—
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благостный! не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель и струны;

Они доступны всем и мне за легкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У брега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осребренный,—
В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

1821

178. ЭЛЕГИЯ

Нет, не бывать тому, что было прежде!
Что в счастье мне? Мертва душа моя!
«Надейся, друг!» — сказали мне друзья.
Не поздно ли вверяться мне надежде,
Когда желать почти не в силах я?
Я бременюсь нескромным их участьем,
И с каждым днем я верой к ним бедней.
Что в пустоте несвязных их речей?
Давным-давно простился я со счастьем,
Желательным слепой душе моей!
Лишь вслед ему с унылым сладострастьем
Гляжу я вдоль моих минувших дней.
Так нежный друг, в бесчувственном забвенье,
Еще глядит на зыби синих волн,
На влажный путь, где в темном отдаленье
Давно исчез отбывший дружний челн.

1821

179. РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

1821

180

Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель,
Ты был ли, о свободный Рим?
К немым развалинам твоим
Подходит с грустию их чуждый навеститель.

За что утратил ты величье прежних дней?
За что, державный Рим, тебя забыли боги?
Град пышный, где твои чертоги?
Где сильные твои, о родина мужей?

Тебе ли изменил победы мощный гений?
Ты ль на распутии времен
Стоишь в позорище племен,
Как пышный саркофаг погибших поколений?

Кому еще грозишь с твоих семи холмов?
Судьбы ли всех держав ты грозный возвеститель?
Или, как призрак-обвинитель,
Печальный предстоишь очам твоих сынов?

1821

181

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где, дочь любимая природы,

Безжизненна весна;
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум,
И моря рев, и всё питает
Безумье мрачных дум;
Где, отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но всё душой пиит,
Своею музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь, для сладкого свиданья,
Спешу к стране родной;
В воображенье край изгнанья
Последует за мной:
И камней мшистые громады,
И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!
Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размолвке с тихим счастьем
Провел мою весну,
Но где порою, житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.

1821

182

Зачем, о Делия! сердца младые ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недосягаемого счастья?
Я видел вкруг тебя поклонников твоих,
Полуиссохших в страсти жадной;
Достигнув их любви, любовным клятвам их
Внимаешь ты с улыбкой хладной.
Обманывай слепцов и смейся их судьбе,
Теперь душа твоя в покое;

Придется некогда изведать и тебе
Очарованье роковое!
Не опасаяся насмешливых сетей,
Быть может, избранный тобою
Уже не вверится огню любви твоей,
Не тронется ее тоскою.
Когда ж пора придет, и розы красоты,
Вседневно свежестью беднея,
Погибнут, отвечай: к чему прибегнешь ты,
К чему, бесчарная Цирцея?
Искусством округлишь ты высохшую грудь,
Худые щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь как-нибудь
Вновь приманить... но не приманишь!
Взамену снов младых тебе не обрести
Покоя, поздних лет отрады;
Куда бы ни пошла, взроятся на пути
Самолюбивые досады!
Немирного душой на мирном ложе сна
Так убегает усыпленье,
И где для каждого доступна тишина,
Страдальца ждет одно волненье.

1822

183. ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

⟨Из Ш. Мильвуа⟩

Желтел печально злак полей,
Брега взрывал источник мутный,
И голосистый соловей
Умолкнул в роще бесприютной.
На преждевременный конец
Суровым роком обреченный,
Прощался так младой певец
С дубравой, сердцу драгоценной:
«Судьба исполнилась моя,
Прости, убежище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой страшный голос помню я:
«Готовься, юноша несчастный!
Во мраке осени ненастной
Глубокий мрак тебе грозит,
Уж он зияет из Эрева,

Последний лист падет со древа —
Твой час последний прозвучит!»
И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые
Минутной юности моей!
Покину всё, что сердцу мило.
Уж мглою небо обложило,
Уж поздних ветров слышен свист!
Что медлить? Время наступило:
Вались, вались, поблеклый лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой.
Вались, вались! Мой холм могильный
От грустной матери сокрой!
Когда ж вечернею порою
К нему пустынною тропою,
Вдоль незабвенного ручья,
Придет поплакать надо мною
Подруга нежная моя,
Твой легкий шорох в чуткой сени,
На берегах Стигийских вод,
Моей обрадованной тени
Да возвестит ее приход!»

Сбылось! Увы! судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил,
Последний лист упал со древа —
Последний час его пробил.
Близ рощи той его могила!
С кручиной тяжкою своей
К ней часто матерь приходила...
Не приходила дева к ней!

1823

184

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто, бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите, крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный:
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов,—

Так вы, согрев в душе желания,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

1823

185

О счастии с младенчества тоскуя,
Всё счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

«Безумен ты и все твои желанья»,—
Мне тайный голос рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
Я тяжкий жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью! —
Вещала.— Захочу —
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая,
И горестно в ответ
Промолвил ей: «О гостья неземная!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник погребальный
Последних благ моих!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.

Нет, я не твой! В твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть и всё, что сердцу мило,
Забыть придется мне,

Явись тогда! Раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети:
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель ночи
Безропотно сойти».

1823

186

Притворной нежности не требуй от меня,
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты пра́ва, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой, и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,—
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я, но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной;
Кто знает? Мнением сольюся я с толпой;
Подругу без любви — кто знает? — изберу я.
На брак обдуманный я руку ей подам
И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим снам,
И назову ее моею;

Притворной нежности не требуй отъ меня:
Я сердце моего не скрою к лазу тесовой.
Твое право, въ немъ у тебя нѣтъ и не красною огня
Моей любви первоначальной!
Не прямо я себѣ на память справедливъ
И сильный образъ твой и мрачныя мечтанья:
Безсмѣнно мое воспоминанье,
Я [illegible] даже по дѣлѣ [illegible]

Я не плененъ красавицей другою,
Мечтаю ревнивая отъ сердца удача,
Но гадя досаже въ разсудкѣ простыхъ,
Но въ бурьяхъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Вѣрь [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевным прихотям мы воли не дадим,
Мы не сердца под брачными венцами —
Мы жребии свои соединим.

Прощай! Мы долго шли дорогою одною;
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд со мною.
Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.

1823

187

Решительно печальных строк моих
Не хочешь ты ответом удостоить;
Не тронулась ты нежным чувством их
И пре́зрела мне сердце успокоить!
Не оживу я в памяти твоей,
Не вымолю прощенья у жестокой!
Виновен я: я был неверен ей;
Нет жалости к тоске моей глубокой!
Виновен я: я славил жен других...
Так! но, когда их слух предубежденный
Я обольщал игрою струн моих,
К тебе летел я думой умиленной,
Тебя я пел под именами их.
Виновен я: на балах городских,
Среди толпы, весельем оживленной,
При гуле струн, в безумном вальсе мча
То Делию, то Дафну, то Лилету
И всем троим готовый сгоряча
Произнести по страстному обету,
Касаяся душистых их кудрей
Лицом моим, объемля жадной дланью
Их стройный стан,— так! в памяти моей
Уж не было подруги прежних дней,
И предан был я новому мечтанью!

Но к ним ли я любовию пылал?
Нет, милая! Когда в уединенье
Себя потом я тихо поверял,
Их находя в моем воображенье,
Тебя одну я в сердце обретал!
Приветливых, послушных без ужимок,
Улыбчивых для шалости младой,
Из-за угла пафосских пилигримок
Я сторожил вечернею порой;
На миг один их своевольный пленник,
Я только был шалун, но не изменник.
Нет! более надменна, чем нежна,
Ты всё еще обид своих полна...
Прости ж навек! Но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

1824

188. ЧЕРЕП

Усопший брат! кто сон твой возмутил?
Кто пренебрег святынею могильной?
В разрытый дом к тебе я нисходил,
Я в руки брал твой череп желтый, пыльный!

Еще носил волос остатки он;
Я зрел на нем ход постепенный тленья.
Ужасный вид! Как сильно поражен
Им мыслящий наследник разрушенья!

Со мной толпа безумцев молодых
Над ямою безумно хохотала;
Когда б тогда, когда б в руках моих
Глава твоя внезапно провещала!

Когда б она цветущим, пылким нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!

Что говорю? Стократно благ закон,
Молчаньем ей уста запечатлевший;
Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший.

Живи живой, спокойно тлей мертвец!
Всесильного ничтожное созданье,
О человек! уверься наконец:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условия и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!

Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит:
Пусть радости живущим жизнь дарит,
А смерть сама их умереть научит.

1824

189

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревет, и черные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пеняся, в прибрежные скалы.

Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмутив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геенны властелин,
Что по вселенной рóзлил горе,
Что человека подчинил
Желаньям, немощи, страстям и разрушенью
И на творенье ополчил
Все силы, данные творенью?
Земля трепещет перед ним:
Он небо заслонил огромными крылами
И двигает ревущими водами
Бунтующим могуществом своим.

Когда придет желанное мгновенье?
Когда волнам твоим я вверюсь, океан?

Но знай: красой далеких стран
Не очаровано мое воображенье.
Под небом лучшим обрести
Я лучшей доли не сумею;
Вновь не смогу душой моею
В краю цветущем расцвести.
Меж тем от прихоти судьбины,
Меж тем от медленной отравы бытия,
В покое раболепном я
Ждать не хочу своей кончины;
На яростных волнах, в борьбе со гневом их,
Она отраднее гордыне человека!
Как жаждал радостей младых
Я на заре младого века,
Так ныне, океан, я жажду бурь твоих!

Волнуйся, восставай на каменные грани;
Он веселит меня, твой грозный, дикий рев,
Как зов к давно желанной брани,
Как мощного врага мне чем-то лестный гнев.

1824

190

Поверь, мой милый! твой поэт
Тебе соперник не опасный!
Он на закате юных лет —
На утренней заре ты юности прекрасной.
Живого чувства полный взгляд,
Уста цветущие, румяные ланиты
Влюбленных песенок сильнее говорят
С душой догадливой Хариты.
Когда с тобой наедине
Порой красавица стихи мои похвалит,
Тебя напрасно опечалит
Ее внимание ко мне:
Она торопит пробужденье
Младого сердца твоего
И вынуждает у него
Свидетельство любви, ревнивое мученье.
Что доброго в моей судьбе
И что я приобрел, красавиц воспевая?

Одно: моим стихом Харита молодая,
Быть может, выразит любовь свою к тебе!
Счастливый баловень Киприды!
Знай сердце женское, о! знай его верней,
И за притворные обиды
Лишь плату требовать умей!
А мне, мне предоставь таить огонь бесплодный.
Рожденный иногда воззреньем красоты,
Умом оспоривать сердечные мечты
И чувство прикрывать улыбкою холодной.

1825

191. ИЗ А. ШЕНЬЕ

Под бурею судеб, унылый, часто я,
Скучая тягостной неволей бытия,
Нести ярмо мое утрачивая силу,
Гляжу с отрадою на близкую могилу,
Приветствую ее, покой ее люблю,
И цепи отряхнуть я сам себя молю.
Но вскоре мнимая решимость позабыта,
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мне; и ближние, друзья,
Мое грядущее, и молодость моя,
И обещания в груди сокрытой музы —
Всё обольстительно скрепляет жизни узы,
И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
Я жить и бедствовать услужливый предлог.

1828

192. НА СМЕРТЬ ГЕТЕ

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, зане совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! Но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;

Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упованья;
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату, и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведан, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего,—
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешний, вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзывах сполна
Всё дольное долу отдавший,
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

193

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?

Освобожусь воображеньем,
И крылья духа подыму,
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?
Вотще ль мольбы? Напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,
Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробо́вой насыпью легла.

1835

194. ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зерцале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! И вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоет роща, дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и хо́лмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает;
Сметав в стога скошённый злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрыпящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницей крутя́тся.
Иди, зима! На строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;

Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты,—

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественный и дикой,—
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех
И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье —
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя издали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой,—

13

Пред промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,

С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем,—
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
И лес подъемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы годины бывшей
Сровняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей,—

Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1836-1837

195

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без ну́жды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

1840

196. НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей младой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольный мир уходит от очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
Но праг земли не перешел пиит,—
К ее сынам еще взывает лира.

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавый,
Но, подо мной сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

1842

Ф. Н. Глинка

197. ПРОЩАНИЕ С ЖИЗНИЮ

(Из Жильбера)

На пышном празднике у жизни милой
Я, грустный, прогостил один лишь только день,
И гасну медленно... И над моей могилой
Никто слезой мою не успокоит тень!

Простите, мирные поля и вы, дубравы!
Где, в милой ссылке мне, душой я отдыхал!
И небо звездное — шатер наш величавый,
Природа дивная, прости, мой час настал!

Живите долго вы для сих красот священных,
Глухие к жалобам души моей друзья!..
Ах, будь им в сладость — жизнь! И, жизнью
насыщённых,
Сомкни глаза их друг и грустная семья!

⟨1821⟩

А. А. Дельвиг

198. ЭЛЕГИЯ

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить,
Когда желанья и мечты
К тебе теснились жить,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия,—
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!

Зачем вы начертались так
На памяти моей,
Единый молодости знак,
Вы, песни прошлых дней!
Я горько долы и леса
И милый взгляд забыл,—
Зачем же ваши голоса
Мне слух мой сохранил!

Не возвратите счастья мне,
Хоть дышит в вас оно!
С ним в промелькнувшей старине
Простился я давно.
Не нарушайте ж, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшного: «люблю» —
Не повторяйте ей!

1821 или 1822

199. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны младые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странáх волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провесть
И в край, для горестных не дальный,
Под глас молитвы погребальной
Одни молитвы перенесть.

1824

Д. П. Ознобишин

200. ЕЛЕОНОРЕ

(Из Парни)

О милый друг, ты наконец узнала
Привет любви, прелестный и немой,
Его боялась ты и пламенно желала,
Им наслаждаясь, трепетала,—
Скажи, что страшного влечет он за собой?
Приятное в душе воспоминанье,
Минутный вздох и новое желанье,
И новость страсти молодой!
Уже свой роза блеск сливает
С твоею бледностью лилейною ланит,
В очах пленительных суровость исчезает
И нега томная горит...
Смелее дышит грудь под легкой пеленою,
Накрытой матери рукой,
Любовь придет своей чредою
И лаской резвой и живою
Расстроит вновь убор вечернею порой!

Тебе улыбка изменила,
Прошла беспечность прежних дней,
И томность нежная их место заступила;
Но ты прелестней и милей!
Ты пылкую любовь и тайной неги сладость
Узнала пламенной душой
И резвую сдружила младость
С своей задумчивой мечтой.

1821

201. ДУМА

Если грудь твоя взволнуется
В шуме светской суеты,
И душа разочаруется,
И вздохнешь невольно ты;

Если очи, очи ясные,
Вдруг наполнятся слезой,
Если, слыша клятвы страстные,
Ты поникнешь головой,

И безмолвное внимание
Будет юноше в ответ,
За восторг, за упование
Если презришь ты обет...

Не прельщусь я думой сладкою!
Равнодушен и уныл,
Не скажу себе украдкою:
«Той слезы виной я был».

Снова радости заветные
Не блеснут в груди моей:
Я слыхал слова приветные,
Мне знаком обман очей.

Апрель 1830

П. А. Габбе

202. БЕЙРОН В ТЕМНИЦЕ

Последний солнца луч погас за Апеннином;
На стогнах Павии умолк народный шум.
Шотландии брегов туда за смелым сыном
Несется окрыленный ум.

Ты ль это, коему дивится современник,
Чьей лире внемлет свет, как голосу веков,
Ты ль, в мрачности глухой, дни, как шиллонский пленник,
Ведешь средь тягостных оков?!

Ты ль это, доблестный питомец Альбиона,
Свободы, красоты и мужества поэт,
Ты ль зришься в горести, отторгнутый от лона
Веселий, как другой Манфред?

Но что! Твой ясный лик как будто оживился,
Каким-то счастием взор снова возгорел;
Светильник твой потух, но пред тобой открылся
Небесный свод — и ты запел:

«Британия! Страна Шекспира и Невтона,
Страна, где я вкусил и жизнь, и бытие,
Где человек, как мир, под сению закона
Свершает поприще свое!

Приветствую тебя из сей темницы дальной,
В глубокой мрачности вздыхаю о тебе,
Твой образ льет елей моей душе печальной
В сей тяжкой, горестной судьбе.

О юность! Ты в мечтах меня обворожила,
О жизнь! Я, кубок твой держав, того не зрел,
Что *пена лишь края той чаши серебрила,*[1]
И, жизнью упоенный, пел!

---

[1] Выражения подчеркнутые принадлежат самому Бейрону, упоминаемые же: «Шиллонский пленник», «Манфред», «Каин» и «Корсар» — суть известные сочинения лорда.

Но песни бытия могли ль мне быть заменой?
Воображение звало меня на юг:
Там небо чистое, там бор всегда зеленый
И пышный, ароматный луг.

Туда помчал меня корабль, с стремительностью мысли,
Туда, где некогда жил в неге гордый мавр,
Где скалы над водой ужасные нависли
И вечно зеленеет лавр.

И ты, отечество полубогов, героев,
О Греция, была ль забыта мной когда?
Я пел твой стыд — и тьмы одушевленных строев
Тебя спасают от стыда.

В окрестностях Афин, на бреге Саламины,
Любил я соловья внимать в тиши ночной;
И горы, и ручьи, и на полях руины
Гласили о веках со мной.

Я видел всё, что зреть и славно, и достойно,
И, жажду знания желая утолить,
Бросался в Геллеспонт и сей пролив спокойно
Дерзал и без любви преплыть.

И ты, о славный град тиранския свободы,
Супруга Адрии, *на океане Рим,*
Венеция! Тебя, неся на жертву годы,
Я посвящал мечтам моим.

Я счастлив был, когда поэзией высокой
Слезу участия мог из очей извлечь,
Исхитить из души глас совести глубокой
Иль из руки тиранский меч.

Но древо знания, увы! не жизни древо!
Кто более страдал, лишь тот один мудрец;
Утешить не могла меня прелестна дева,
Ни слава... сей минутный льстец.

В супружестве, в любви поэт непостоянный,
Отец бездетный здесь, отчизны вдалеке,
Кто мог бы к пристани меня вести желанной,
Какой повериться руке?

Сомненье Каина, таинственность Манфре́да
Весь наполняют дух, всё сердце тяготят;
Завидна участь мне твоя, певец Готфреда:
Тебя герои защитят.

Ринальдо и Танкред, их меч благочестивый,
Их провидению открытые сердца
Промчат через толпу, поэт боголюбивый,
Тебя вселенной до конца.

Но более я вам завидую, поэты,
Вам, коих чувствия, души небесный жар
Земною лирою ввек не были воспеты,—
И вы, не покидая лар,

В сердечной простоте вкушаете блаженство!
Для вас зари восход есть мира торжество;
Для вас прекрасный день есть жизни совершенство,
Природы роскошь, пиршество́.

Вы любите цветам и зелени дивиться,
Внимать журчанию ручья и до росы,
Прельщенны соловьем, на берегу забыться,
Не видя, как бегут часы.

Мне, мне другой удел! Колеблемый судьбою,
Как брошенный корабль грозою между скал,
От страха и надежд я гордою душою
Спастись несчастием желал.

Желал — и вот оно! *Хаос непостижимый,*
Все чувствия души в одно совокупя,
Теснит меня, и бог ужасный, но незримый,
Гласит: «Я предварял тебя!»

Всё кончилось! Едва вступил в житейско поле,
И из конца в конец то поле пройдено́.
Увы! *Есть смертные, кому в жестокой доле*
Достигнуть лета не дано!»

Так пел Бейро́н. Лице британца возгорелось,
И на глазах его блеснули две слезы;
Казалось, зарево вечернее зарделось,
Гоня следы дневной грозы.

Темница ветхая вняла певцу Корсара,
И чувство горечи тюремщик ощутил;
И узник за стеной божественного дара
Впервые сладости вкусил.

Италия! Земля природы и искусства,
Почто, подобяся Армиде красотой,
Зовешь в сады сии: там услаждаешь чувства
И гроб готовишь золотой?

А вы, о гении, лишенные приюта,
Вы, Бейрон, Дант и Тасс, герои без войны,
Для вас не создана в теперешнем минута,
Но веки в будущем даны.

1822

К. Ф. Рылеев

203. ВОСПОМИНАНИЯ

Еще ли в памяти рисуется твоей
С такою быстротой промчавшаяся младость,—
Когда, Дорида, мы, забыв иных людей,
Вкушали с жаждою любви и жизни сладость?..
Еще ли мил тебе излучистый ручей
И струй его невнятный лепет,
Зеленый лес, и шум младых ветвей,
И листьев говорящий трепет,—
Где мы одни с любовию своей
Под ивою ветвистою сидели?
Распростирала ночь туманный свой покров,
Терялся вдалеке чуть слышный звук свирели,
И рог луны глядел из облаков,
И струйки ручейка журчащие блестели...
Луны сребристые лучи
На нас, Дорида, упадали
И что-то прелестям твоим в ночи
Небесное земному придавали:
Перерывался разговор,
Сердца в восторгах пылких млели,
К устам уста, тонул во взоре взор,
И вздохи сладкие за вздохами летели.

Не знаю, милая, как ты,
Но я не позабуду про былое:
Мне утешительны, мне сладостны мечты,
Безумство юных дней, тоска и суеты;
И наслаждение сие немое
Так мило мне, как запах от левкоя,
Как первый поцелуй невинной красоты.

1823 (?)

204—205. *ЭЛЕГИИ*

I

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает — ночью хладной
Полузавялый василек.

II

Покинь меня, мой юный друг,—
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...

Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?
Уж я твой узник, друг жестокий,
Твой взор меня очаровал.

Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу:
Боюся встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

1824 или 1825

Элегіи.

1.

Исполнилась мой жаланья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокія страданья,
Мою любовь узнала ты.

—

Напрасно я себя тревожилъ,
За страсть вполнѣ я награжденъ.
Я вновь для мечты
~~Я для благополучія~~ сердцемъ ожилъ,
Изчезла грусть, какъ смутный сонъ.

—

Такъ окропленъ росой отрадной
Въ тотъ часъ, когда горитъ Востокъ,
Вновь воскресаетъ — ночью хладной
Полузавялый василекъ.

— ~~К — — ъ~~

2.

Покинь меня, мой юный другъ;

206. К N. N.

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим —
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею,
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Занятья нужны мне иные:
Отрада мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет —
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

1824 или 1825

П. А. Межаков

207. ПУСТЫНЯ

⟨Из А. Ламартина⟩

Нередко вечером, при солнечном закате,
Нося в душе своей сокрытую печаль,
Сажусь под древний дуб, крутой горы на скате,
И взоры томные я простираю вдаль!

Здесь мутный ток шумит, умноженный от бури,
И пенная на нем волнуется бразда;
Там дремлет озеро — и тихих вод в лазури
Блистая светится вечерняя звезда.

Вершины дальних гор, увенчанных елями,
Зари последний луч златит еще слегка;
И полная луна с сребристыми лучами
Встает — и катится сквозь тонки облака.

От колокольни там, высокой и старинной,
Протяжный, томный звон разносится вокруг;
Прохожий слушает — и колокол пустынный
С последним звуком дня свой смешивает звук.

Приятных видов сих холоднокровный зритель,
Я прелестей не зрю природы в красотах:
Скитаюсь по земле, как чуждый посетитель,
Как призрак жалобный, холмов окрестных страх.

Напрасно мыслию стремлюсь в страну далеку
И весь обширный сей я пробегаю свет,
От юга к северу, от запада к востоку,—
Напрасно! — счастие нигде меня не ждет.

О вы, любезные мне сельские картины!
Что изменило вас? Где ваша красота?
Поля, холмы, ручей, прелестные долины!
Одной не стало здесь — и всюду пустота!

Взойдет светило дня, и сядет в лес дремучий,
Что нужды? Всё равно для сердца моего:
Лазурь на западе или густые тучи,—
Мне солнце новое не скажет ничего.

О, если б мог ему сопутствовать в полете,
Везде увидел бы пустыни лишь одне.
Ничто меня не льстит во всем прекрасном свете,
Во всей подсолнечной, ничто не нужно мне.

Но, может быть, его теченья за пределом,
Где солнце новое на новых небесах,
Когда бы не был я к земле прикован телом,
Узрел бы въяве то, что видел лишь в мечтах!

Там я нашел бы вновь любовь и упованье,
И тот душевных дум таинственный предмет,
К которому влечет невольное желанье,
Которому еще названья в мире нет.

Зачем же не могу парить к тебе по воле,
Неведомая цель желаний всех моих?
Зачем же остаюсь в плачевной сей юдоле,
Когда я отчужден от радостей земных!

Падет иссохший лист с древесныя вершины;
Вечерний дунет ветр — и мчит его в поля.
И я отверженный, как лист среди долины,—
О ветры бурные, умчите и меня!

⟨1824⟩

208. ОСЕНЬ

(Из Ламартина)

Мир вам, шумящие без зелени леса!
Вам, листья желтые, рассеянные в поле!
Мир вам, осенни дни! Унылая краса
Прилична горести и нравится мне боле.

Иду, задумавшись, по наклоненью гор,
Стезей поросшею, в глуши уединенной;
И, к солнцу устремя печали полный взор,
Последний луч его ловлю сквозь пар сгущенный.

Сей разрушенья вид, сей тусклый бледный свет
Всегда приятен мне, всегда пленяет снова,—
То речь прощальная, то дружеский привет
В устах, которы смерть запечатлеть готова!

Так жизни горестной на самый край ступив,
Прощаясь навсегда с несбывшимись мечтами,
Я обращаюся — и, счастья не вкусив,
Взираю на него завистными очами.

Земля, холмы, леса! Лишь оставляя вас
Я чувствую, что мир и дорог и прекрасен.
Как воздух сладостен, как тих вечерний час!
Для умирающих свет солнечный так ясен!

Хотелось бы теперь допить ту чашу мне,
Где с сладким нéктаром желчь горькая мешалась.
Быть может, чаши сей скрываяся на дне,
И сладкая еще мне капля оставалась.

Быть может, будущность, в таинственной дали,
Минуты счастия еще мне сберегала;
Быть может, душу б ту я встретил на земли,
Которая мою бы душу понимала.

Прощаясь с жизнию, головку клонит цвет,
Последний запах свой зефирам отдавая,—
Так и душа моя сей оставляет свет,
Еще звук жалобный, последний испуская.

1828

Н. М. Языков

209. ЭЛЕГИЯ

Скажи, воротишься ли ты,
Моя пленительная радость?
Ужель моя погаснет младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не ведал я страданий,
Еще я жизнь не разлюбил;
Был чист огонь моих желаний...
И он ли небо оскорбил?

Не укорял бы я судьбины,
Я ждал бы смерти в тишине;
Но трепещу... Ужасны мне
Забвенья черные пучины.

Дары поэзии святой!
Ужель вы были сновиденье?
Ты — жажда чести вековой,
И ты — к высокому стремленье?

1824

210. ЕЩЕ ЭЛЕГИЯ

Как скучно мне: с утра до ночи
Лежу и думаю: когда
Моя окончится беда,
Мои яснее будут очи.
Бывало: пылкая мечта
Ко мне веселая летала,
И жизни тихой красота
Мою надежду чаровала.
Бывало: позднею порой
Прекрасный ангел песнопений
В тиши беседовал со мной
И ободрял мой юный гений.
Но быстро, быстро пронеслось
Мое веселье золотое:
Теперь что вздумаю — пустое,
Теперь стихи мои — хоть брось!
Но всё пройдет как сновиденье:
Я буду счастлив и здоров,
И вновь святое вдохновенье
Проснется для моих стихов.
Такие чувствует печали
Богач, которого казну
Его завистники украли,—
Он грустно помнит старину,

Но мысль надежная сверкает
В его печальной голове,
И он — в Управу посылает
Сказать о важном воровстве.
Его сокровища найдутся,
Тоска исчезнет, как мечта,—
И благовидно улыбнутся
Уже спокойные уста.

1824

211. ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

1824

212. ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут,—
И не пробудится Россия!

1824

213. ЭЛЕГИЯ

Любовь, любовь! Веселым днем
И мне, я помню, ты светила;
Ты мне восторги окрилила,
Ты назвала меня певцом.

Волшебна ты, когда впервые
В груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучат и блещут золотые!

Светлее зе́ркальных зыбей,
Звезды прелестнее рассветной,
Пышнее ленты огнецветной,
Повязки сладостных дождей,

Твои надежды: но умчится
Очаровательный их сон,
Зови его — не внемлет он
И сердцу снова не приснится.

1824

214. ЭЛЕГИЯ

Зачем божественной хариты
В ней расцветает красота?
Зачем так пурпурны ланиты?
Зачем так сладостны уста?
Она в душе не пробуждает
Святых желаний, светлых дум;
При ней безумье не скучает
И пламенный хладеет ум.
Стихов гармония живая
Невнятно, дико ей звучит;
Она, очами не сверкая,
Поэта имя говорит.
Кто хочет, жди ее награды...
Но, гордый славою своей,
Поэт ли склонит перед ней
Свои возвышенные взгляды!

Так след убогого челна
Струя бессильная лобзает,
Когда могучая волна
Через него перелетает.

1824

215. ЭЛЕГИЯ

Поэту радости и хмеля,
И мне судил могучий рок
Нравоучительного Леля
Полезный вытвердить урок:
Я испытал любви желанье,
Ее я пел, ее я ждал;
Безумно было ожиданье,
Бездушен был мой идеал.
Моей тоски, моих приветов
Не понял слепок божества —
И все пропали без ответов
Мои влюбленные слова.

Но был во мне — и слава богу! —
Избыток мужественных сил:
Я на прекрасную дорогу
Опять свой ум поворотил;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
В душе исчезла молодой...
Так с пробудившейся поляны
Слетают темные туманы;
Так, слыша выстрел, кулики
На воздух мечутся с реки.

1825

216. ЭЛЕГИЯ

Она меня очаровала,—
Я в ней нашел все красоты,
Все совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просил —
И мир души, и сердца волю,
Как драгоценности, хранил.

Любви чарующая сила,
Как искра Зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.

Пускай не мне ее награды,—
Она мой рай, моя звезда
В часы вакхической отрады,
В часы покоя и труда.

Я бескорыстно повинуюсь
Порывам страсти молодой,
И восхищаюсь, и любуюсь
Непобедимою красой...

1825

217—219. *ЭЛЕГИИ*

I

Свободен я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подарённых наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

II

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ее волненье,
Ее блудящие огни.
Я понял ветреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —

И в сердце стихнул жар опасный,
И не кружи́тся голова:
Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему,
Но я не верую надежде,
Но я молюся не ему!

III

Моя Камена ей певала,
Но сила взора красоты
Не мучила, не услаждала
Моей надежды и мечты.
Но чувства пылкого, живого —
Любви не знал я: так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит — но холодна!

1825

220. ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто с юношеских дней,
Живыми чувствами убогой,
Идет проселочной дорогой
К мечте таинственной своей!
Кто рассудительной душою
Без горьких опытов узнал
Всю бедность жизни под луною
И ничему не доверял!
Зачем не мне такую долю
Определили небеса?
Идя по жизненному полю,
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

1825

221. ПРОЩАНИЕ С ЭЛЕГИЯМИ

Прощайте, миленькие бредни
И мой почтенный идеал!
Не первый я, не я последний
Вас и творил и прославлял,
Но первый я вас разгадал.

Мне будет сладко и утешно
В другие годы вас читать,
Мой жар безумный и безгрешный —
Мою любовь воспоминать;
Тогда с улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: «Господи помилуй!»
И тихо книгу затворю.

1825

222. ЭЛЕГИЯ

Меня любовь преобразила:
Я стал задумчив и уныл;
Я ночи бледные светила,
Я сумрак ночи полюбил.
Когда веселая зарница
Горит за дальнею горой,
И пар густеет над водой,
И смолкла вечера певица,
По скату сонных берегов
Брожу, тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустов
Мелькнет условленный покров
Или тропинка потайная
Зашепчет шорохом шагов.
Гори, прелестное светило,
Помедли, мрак, на лоне вод:
Она придет, мой ангел милый,
Любовь моя,— она придет!

1825

223. ЭЛЕГИЯ

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенные мечты!
Моя краса, мое светило,
Моя желанная, где ты?
Давно ль очей твоих лазурных
Я любовался тишиной,
И волны дум крутых и бурных
В душе смирялись молодой?

Далёко ты, но терпеливо
Моей покорствую судьбе;
Во мне божественное живо
Воспоминанье о тебе.
Так пробужденье сохраняет
Черты пленительного сна,
Так землю блеском осыпает
Небес красавица — луна.

1827

224. ЭЛЕГИЯ

Тот не поэт, в ком не пробудит
Восторгов нежных, снов и мук
Твоих речей волшебный звук;
Тот не поэт, кто не забудет
Судьбы и вольности своей,
Всех дум, и смелых и надменных,
Постигнут искрой сих очей,
Победоносных, вдохновенных!

Блажен, кто грудью молодой,
Кто сладострастными устами...
Но ты смеешься над мольбами,
Воспламененными тобой;
Ты прерываешь грозным взглядом
Сердечный юноши привет,—
И полон мужеством и хладом
Ему нежданный твой ответ.

1829

225. ЭЛЕГИЯ

Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены;
Меж ними тесный дол — и царство тишины,
Однообразие в глуши уединенья;
Градские суеты, градские наслажденья
Здесь редко видятся и слышатся: порой
Пройдет с курантами потешник площадной,
Старик, усердный жрец и музыки и Вакха;
Пройдет комедия: сын Брута или Гракха,

И свищет он в свирель, и бьет он в барабан,
Ведя полдюжины голодных обезьян.
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густых ветвей общественного сада
Мелькает легкая, летучая, как тень,
Красавица. Светла и весела, как день,
Она живительно бодрит и поднимает
Мой падающий дух, она воспламеняет
Во мне желание писать стихи ей в честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вот вечер, воздух свеж, деревья потемнели,
И, чу! поет она; серебряные трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манят, зовут меня волшебно в мир иной,
В мои былые дни,— и нега в грудь мне льется,
И сладко, сладко мне, а сердце так и бьется!..

1839

226. ЭЛЕГИЯ

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко над горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Сад безлюден, смолкли птицы,
Дерева дождем шумят:
Две красавицы девицы,
Две певуньи, две сестрицы,
Не пойдут сегодня в сад!

А вчера они, при трелях
Соловья и при луне,
Там летали на качелях
Соблазнительно одне;
И качели их качают
Мягко, будто на руках:
Осторожно поднимают,
Осторожно опускают
Быстролетный свой размах!

А вчера поклонник скромный
Граций, медик молодой,

Удовольственно и томно
Любовался их игрой,
И размашисто качалась,
Как они, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Их летаний быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованным сердцам,
И ходьбе многоцелебной,
И лекарственным водам!
Но зато в нем нет томленья,
Лени, жару, он здоров
Мне, в тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писания стихов.

1839

227. ЭЛЕГИЯ

На горы и леса легла ночная тень,
Темнеют небеса, блестит лишь запад ясный,—
То улыбается безоблачно-прекрасный,
Спокойно, радостно кончающийся день.

1842

228. ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день.
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:
Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная. Отколь и как сюда
Она явилася, не ведаю,— звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами,
Но и ее уж нет! О! я был рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,

И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

1843

229. ЭЛЕГИЯ

И. П. Постникову

В тени громад снеговершинных,
Суровых, каменных громад,
Мне тяжело от дум кручинных:
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес и постоянно
Пуст и невесело глядит;
А вон охлопья серой тучи,
Цепляясь за лес, там и сям
Ползут, пушисты и тягучи,
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не я их сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

1843

230. ЭЛЕГИЯ

И тесно, и душно мне в области гор —
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах.
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор,
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты — туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далёко,
Далёко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

1843

231. ЭЛЕГИЯ

Есть много всяких мук — и много я их знаю;
Но изо всех из них одну я почитаю
Всех горшею: она является тогда
К тебе, как жаждою заветного труда
Ты полон и готов свою мечту иль думу
Осуществить. К тебе, без крику и без шуму,
Та мука входит в дверь — и вот с тобой рядком
Она сидит! Таков был у меня, в моем
Унылом странствии в чужбине, собеседник,
Поэт несноснейший, поэт и надоедник
Неутомимейший! Бывало, ни Борей
Суровый, и ни Феб, огнем своих лучей
Мертвящий всякий злак, ни град, как он ни крупен,
Ни снег и дождь — ничто неймет его: доступен
И люб всегда ему смиренный мой приют.
Он всё препобедит: и вот он тут как тут,
Со мной сидит и мне радушно поверяет
Свои мечты — и мне стихи провозглашает,
Свои стихи, меня вгоняя в жар и в страх:
Он кучу их принес в карманах, и в руках,
И в шляпе. Это всё плоды его сомнений
Да разобманутых надежд и впечатлений,
Летучей младости таинственный запас!
А сам он неуклюж, и рыж, и долговяз,
И немец, и тяжел, как оный камень дикий,—
Его же лишь Тидид, муж крепости великий,
Поднять, и потрясти, и устремить возмог
В свирепого врага... Таков-то был жесток
Томитель мой! И спас меня от этой муки
Лишь седовласый врач, герой своей науки,
Венчанный славою восстановитель мой,—
И тут он спас меня, гонимого судьбой.

1844

Д. В. Веневитинов

232. ЭЛЕГИЯ

Волшебница! как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!

Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!

На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огнь в душе моей зажгла.
Но этот огнь томительный, мятежный,
Он не горит любовью тихой, нежной —
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

1826 или 1827

233. ПОЭТ И ДРУГ

Друг

Ты в жизни только расцветаешь,
И ясен мир перед тобой,—
Зачем же ты в душе младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близок к двери гробовой,
Того уста не пламенеют,
Не так душа его пылка,
В приветах взоры не светлеют,
И так ли жмет его рука?

Поэт

Мой друг! слова твои напрасны.
Не лгут мне чувства — их язык
Я понимать давно привык,
И их пророчества мне ясны.
Душа сказала мне давно:
«Ты в мире молнией промчишься!
Тебе всё чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься».

Друг

Не так природы строг завет.
Не презирай ее дарами:
Она на радость юных лет
Дает надежды нам с мечтами.
Ты гордо слышал их привет;
Она желание святое
Сама зажгла в твоей крови
И в грудь для сладостной любви
Вложила сердце молодое.

Поэт

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!
Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата —
Без страха мир покинет он!
Судьба в дарах своих богата,
И не один у ней закон:
Тому — процвесть развитой силой
И смертью жизни след стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Друг

Мой друг! зачем обман питать?
Нет! дважды жизнь нас не лелеет.
Я то люблю, что сердце греет,
Что я своим могу назвать,
Что наслажденье в полной чаше
Нам предлагает каждый день.
А что за гробом, то не наше:
Пусть величают нашу тень,
Наш голый остов отрывают,

По воле ветреной мечты
Дают ему лицо, черты
И призрак славой называют!

Поэт

Нет, друг мой! славы не брани.
Душа сроднилася с мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мне сладко верить, что со мною
Не всё, не всё погибнет вдруг
И что уста мои вещали —
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивый печали,—
Еще напомнит обо мне,
И смелый стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец со слезой, быть может,
Труды нелживые прочтет —
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:
«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились
И мысли полные носились
На легких крылиях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»

Сбылись пророчества поэта,
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил.
Как знал он жизнь, как мало жил!

1827

А. И. Полежаев

234. ЗЛОБНЫЙ ГЕНИЙ

⟨Из А. Ламартина⟩

Когда, задумчивый, унылый,
Сижу с тобой наедине
И, непонятной движим силой,
Лью слезы в сладкой тишине;
Когда во мрак густого бора
Тебя влеку я за собой;
Когда в восторгах разговора
В тебя вселяюсь я душой;
Когда одно твое дыханье
Пленяет мой ревнивый слух;
Когда любви очарованье
Волнует грудь мою и дух;
Когда главою на колена
Ко мне ты страстно припадешь
И кудри пышные гебена
С небрежной негой разовьешь,
И я задумчиво покою
Мой взор в огне твоих очей,—
Тогда невольною тоскою
Мрачится рай души моей.
Ты окропляешь в умиленье
Слезой горючею меня,
Но и в сердечном упоенье,
В восторге чувств страдаю я.
«О мой любезный! ты ли муки,
Мне неизвестные, таишь? —
Вокруг меня обвивши руки,
Ты мне печально говоришь.—
Прошу за страсть мою награды!
Открой мне, милый, скорбь твою!
Бальзам любви, бальзам отрады
Тебе я в сердце излию!»
Не вопрошай меня напрасно,
Моя владычица, мой бог!
Люблю тебя сердечно, страстно —
Никто сильней любить не мог!
Люблю... но змий мне сердце гложет,
Везде ношу его с собой,

И в самом счастии тревожит
Меня какой-то гений злой.
Он, он мечтой непостижимой
Меня навек очаровал
И мой покой ненарушимый
И нить блаженства разорвал.
«Пройдет любовь, исчезнет радость,—
Он мне язвительно твердит,—
Как запах роз, как ветер, младость
С ланит цветущих отлетит!..»

1826

235. ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Я встречаю зарю
И печально смотрю,
Как кропинки дождя,
По эфиру слетя,
Благотворно живят
Попираемый прах,
И кипят и блестят
В серебристых звездах
На увядших листах
Пожелтевших лугов.
Сила горней росы,
Как божественный зов,
Их младые красы
И крепит и растит.
Что ж, кропинки дождя,
Ваш бальзам не живит
Моего бытия?
Что ж в вечерней тиши,
Как приятный обман,
Не исцелит он ран
Охладелой души?
Ах, не цвет полевой
Жжет полдневной порой
Разрушительный зной,—
Сокрушает тоска
Молодого певца,
Как в земле мертвеца
Гробовая доска...

Я увял, и увял
Навсегда, навсегда!
И блаженства не знал
Никогда, никогда!
И я жил, но я жил
На погибель свою...
Буйной жизнью убил
И надежду мою...
Не расцвел — и отцвел
В утре пасмурных дней;
Что любил, в том нашел
Гибель жизни моей.
Изменила судьба...
Навсегда решена
С самовластьем борьба,
И родная страна
Палачу отдана.
Дух уныл, в сердце кровь
От тоски замерла;
Мир души погребла
К шумной воле любовь...
Не воскреснет она!
Я надежду имел
На испытных друзей,
Но их рой отлетел
При невзгоде моей.
Всем постылый, чужой,
Никого не любя,
В мире странствую я,
Как вампир гробовой!..
Мне противно смотреть
На блаженство других
И в мучениях злых
Не сгораючи тлеть...
Не кропите ж меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвет полевой,
Не губительный зной
Пролетел надо мной.
Я увял, и увял
Навсегда, навсегда!
И блаженства не знал
Никогда, никогда!

1826

236. МОРЕ

Я видел море, я измерил
Очами жадными его:
Я силы духа моего
Перед лицом его поверил.
«О море, море! — я мечтал
В раздумье грустном и глубоком.—
Кто первый мыслил и стоял
На берегу твоем высоком?
Кто, неразгаданный в веках,
Заметил первый блеск лазури,
Войну громов и ярость бури
В твоих младенческих волнах?
Куда исчезли друг за другом
Твоих владельцев племена,
О коих весть нам предана
Одним злопамятным досугом?
. . . . . .
. . . . . .
Всегда ли, море, ты почило
В скалах, висящих надо мной?
Или неведомая сила,
Враждуя с мирной тишиной,
Не раз твой образ изменила?
Что ты? Откуда? Из чего?
Игра случайная природы
Или орудие свободы,
Воззвавшей всё из ничего?
Надолго ль влажная порфира
Твоей бесстрастной красоты
Осуждена блистать для мира
Из недр бездонной пустоты?»

Вот тайный плод воображенья
Души, волнуемой тоской,
За миг невольный восхищенья
Перед пучиною морской!..
Я вопрошал ее... Но море,
Под знойным солнечным лучом
Сребрясь в узорчатом уборе,
Меж тем лелеялось кругом
В своем покое роковом.

Через рассыпанные волны
Катились груды новых волн,
И между них, отваги полный,
Нырял пред бурей утлый челн.
Счастливец, знаешь ли ты цену
Смешного счастья твоего?
Смотри на челн — уж нет его:
В отваге он нашел измену!..

В другое время на брегах
Балтийских вод, в моей отчизне,
Красуясь цветом юной жизни,
Стоял я некогда в мечтах;
Но те мечты мне сладки были:
Они приветно сквозь туман,
Как за волной волну, манили
Меня в житейский океан.
И я поплыл... О море, море!
Когда увижу берег твой?
Или, как челн залетный, вскоре
Сокроюсь в бездне гробовой?

1831

237. ГРУСТЬ

На пиру у жизни шумной,
В царстве юной красоты,
Рвал я с жадностью безумной
Благовонные цветы.
Много чувства, много жизни
Я роскошно потерял
И душевной укоризны,
Может быть, не избежал.
Отчего ж не с сожаленьем,
Отчего,— скажите мне,—
Но с невольным восхищеньем
Вспомнил я о старине?
Отчего же локон черный,
Этот локон смоляной,
День и ночь, как дух упорный,
Всё мелькает предо мной?
Отчего, как в полдень ясный
Голубые небеса,

Мне таинственно прекрасны
Эти черные глаза?
Почему же голос сладкой,
Этот голос неземной,
Льется в душу мне украдкой
Гармонической волной?
Что тревожит дух унылый,
Манит к счастию меня?
Ах, не вспыхнет над могилой
Искра прежнего огня!
Отлетели заблуждений
Невозвратные рои —
И я мертв для наслаждений,
И угас я для любви!
Сердце ищет, сердце просит
После бури уголка,
Но мольбы его разносит
Безотрадная тоска!

1834

Д. П. Глебов

238. МОНАСТЫРЬ

Бьет полночь! Сладким сном почило всё творенье;
Восходит медленно над озером луна;
Всё успокоилось — и грусть и наслажденье;
В дубраве сумрачной на страже тишина.

Вблизи, передо мной, священная обитель,
Где Вера иноков дни мирные хранит,
Где Покаяние — их с Небом примиритель —
Сень тихой пристани за гробом им сулит.

Средь их высоких стен, в лесу сооруженных,
Почиют праотцы сном мирным, вековым;
Луч месяца скользит сквозь листья лип сгущенных,
И тени стелются по камням гробовым.

Сюда, в полночный час, влечением сердечным
Я к размышлению невольно приведен.
Здесь вижу я предел желаньям бесконечным,
Которыми наш дух всечасно возмущен.

Здесь умолкает лесть, величье исчезает,
И царь и раб равно сокрыты под землей:
Лишь истина о них прохожему вещает,
Венчая доброго нельстивою хвалой.

Сюда от сердца дань признательность святая,
В священном сумраке, на милый прах несет
И с брега светлого таинственного края
Тень благодетеля стенанием зовет.

Огромный памятник и с надписью златою
Не нужны, чтоб его могилу указать;
Несчастные идут к ней с пламенной слезою:
Вот ближнему урок, как жить и умирать.

Всё, всё Смерть грозная в сем мире разрушает,
И царства гордые исчезнули в веках,
Но память добрых дел и время утомляет,
Блистая в вечности, как месяц в небесах.

Вот дева юная, под трепетною ивой,
В слезах недвижима, на урну преклонясь,
Одна беседует с печалью молчаливой,
Встревожить мертвый сон любезного боясь.

Мечты протекших благ в душе возобновились,
И клятвы, данные невинности святой,
И к другу нежному объятья устремились...
Но урну хладную объемлет пред собой!

Исчезло всё, как тень... Любви очарованья,
Как гости милые, сокрылись навсегда,
Оставя по себе лишь грусть воспоминанья,
Что не воротятся в сем мире никогда.

Ни с тихим вечером, ни с утренней зарею,
С приветом нежности любезный не придет!
И годы пролетят невидимо стрелою,
И друга глас любви к себе не призовет!

В дни юные весны воскресшая природа
Не пробудит его душистым ветерком,
Ни мрачной осенью — свист бурь и непогода:
Он спит — и мертвое молчание кругом!

И взор страдалицы, на небо обращенный,
Теряясь средь миров, рассеянных Творцом,
Стремится за рубеж, для смертных положённый,
Туда, где горести награждены венцом.

О благотворный друг, надежда — утешитель,
О Ангел благости! с улыбкою для нас
Ты, отворяя дверь в небесную обитель,
Велишь бестрепетно кончины встретить час.

1827

239. ОСЕНЬ

Угрюмой осени безжалостной рукой
Цветы полей похищены с долины;
Борей разносит хлад и будит лес нагой,
Склоняющий смиренные вершины!
Певец задумчивый умолк; затихнул бор,
И резкий звук пастушеской свирели,
И резвых нимф неутомимый хор —
Поля, луга без них осиротели!
Страдалица любви в редеющих кустах,
Одна с тоской, как привиденье бродит:
Неоживленная улыбка на устах
Уныния с лица ее не сводит.
Воссев на мшистом пне, под иглистой сосной,
Поникнула она главой тяжелой,
И тусклый взор ее, подернутый слезой,
Приветствует сень рощи опустелой.
Тревожит только ветр безмолвия престол,
Иль водопад однообразным шумом,
Иль диких вранов крик, несущийся на дол,
Иль стон глухой в убежище угрюмом!
Всё мрачно, жизни всё на время лишено,
Окрестный вид — как тления пустынность,
Где всё от смертного как бы отчуждено...
И страх объял скорбящую невинность!
Но вера кроткая эфирною тропой
Нисходит к ней, как ангел светозарный,
И тихо гаснет луч надежды роковой
И пламенник любви неблагодарной!
Один глубокий вздох — красноречивый глас
Утраченных, младенческих желаний,—

Как свежим счастием ласкалась в первый раз,
Без трепета губительных страданий.
Когда душа ее, спокойствием полна,
Летела в даль с неведомой надеждой,
И жизнь еще цвела, как юная весна,
Гордясь красой и праздничной одеждой...
Но миг — и жребий пал: очарователь-сон
Сокрылся вдруг — и с ним увяла младость!
Коварный сердца гость! Как мстителен был он,
Безжалостно его похитил радость.
О друг услужливый обманутой любви!
Гонимых щит! Товарищ угнетенных!
Воспоминание! Несчастной оживи
Всю сладость дней, тобою сохраненных.
Пускай с тобой она беседовать идет
В дни томные осеннего ненастья
И сень забвения минутного найдет
В развалинах разрушенного счастья!

1827

240. ПАМЯТЬ ЛЮБВИ

В час сумрака, в сей час священный,
Когда прохладу льет роса,
Спешу на холм уединенный
Смотреть ночные небеса.
Мечтаю, что с высот эфирных
Отшельники земной страны
Слетаются при звуках лирных,
Послыша песни старины...
И, волю дав воспоминанью,
Я выражаю струн игрой,
Как нежных чувств к очарованью
Делился жизнию с тобой,
И слышу: из воздушной бездны
(Столь силен в нас души порыв)
Утраченной привет любезный
И радости былой отзыв.

1827

241. ПРОСТИ!

Элегия лорда Байрона
(Перевод с английского)

Была пора — они любили,
Но их злодеи разлучили;
А верность с правдой не в сердцах
Живут теперь, но в небесах.
Навек для них погибла радость:
Терниста жизнь, без цвета младость,
И мысль, что розно жизнь пройдет,
Безумства яд им в душу льет.

Но в жизни, им осиротелой,
Уже обоим не сыскать,
Чем можно б было опустелой
Души страданья услаждать;
Друг с другом розно, а тоскою
Сердечны язвы всё хранят,—
Так два расторгнутых грозою
Утеса мрачные стоят;
Их бездна с ревом разлучает,
И гром разит и потрясает,—
Но в них ни гром, ни вихрь, ни град,
Ни летний зной, ни зимний хлад
Следов того не истребили,
Чем некогда друг другу были.

Коллеридж. Из поэмы «Кристабель»

Прости! И если так судьбою
Нам суждено,— навек прости!
Пусть ты безжалостна — с тобою
Вражды мне сердца не снести.

Не может быть, чтоб повстречала
Ты непреклонность чувства в том,
На чьей груди ты засыпала
Невозвратимо сладким сном!

Когда б ты в ней насквозь узрела
Все чувства сердца моего,
Тогда бы, верно, пожалела,
Что столько презрела его.

Пусть свет улыбкой одобряет
Теперь удар жестокий твой:
Тебя хвалой он обижает,
Чужою купленной бедой.

Пускай я, очернен виною,
Себя дал право обвинять;
Но для чего ж убит рукою,
Меня привыкшей обнимать?

И верь, о, верь! Пыл страсти нежной
Лишь годы могут охлаждать,
Но вдруг не в силах гнев мятежный
От сердца сердце оторвать.

Твое — то ж чувство сохраняет;
Удел же мой — страдать, любить!
И мысль бессмертная терзает,
Что мы не будем вместе жить.

Печальный вопль над мертвецами
С той думой страшной как сравнять?
Мы оба живы, но вдовцами
Уже нам день с тобой встречать.

И в час, как нашу дочь ласкаешь,
Любуясь лепетом речей,—
Как об отце ей намекаешь?
Ее отец в разлуке с ней.

Когда ж твой взор малютка ловит,—
Ее целуя, вспомяни
О том, тебе кто счастья молит,
Кто рай нашел в твоей любви.

И если сходство в ней найдется
С отцом, покинутым тобой,
Твое вдруг сердце встрепенется,
И трепет сердца — будет мой.

Мои вины, быть может, знаешь,—
Мое безумство можно ль знать?
Надежды — ты же увлекаешь,
С тобой, увядшие, летят.

Ты потрясла моей душою;
Презревший свет, дух гордый мой
Тебе покорным был; с тобою
Расставшись, расстаюсь с душой!

Свершилось всё! Слова напрасны,
И нет напрасней слов моих,—
Но в чувствах сердца мы не властны,
И нет преград стремленью их.

Прости ж, прости! Тебя лишенный,
Всего, в чем думал счастье зреть,
Истлевший сердцем, сокрушенный,
Могу ль я больше умереть?

⟨1823⟩

242. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Т. С. В⟨ей⟩д⟨емейе⟩р⟨о⟩вой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

⟨1827⟩

243. ЭЛЕГИЯ

Вольное подражание Св. Григорию Назианзину

Князю А. Н. Голицыну

Вчера в лесу я, грустью увлечен,
Сидел один и сердцем сокрушен.
Когда мой дух волнуется тоской,
Отрадно мне беседовать с душой.
Везде кругом дремала тишина,
Мне веяла душистая весна;
Едва журчал ленивый ручеек,
И на цветах улегся мотылек;
Хор нежный птиц, вечерний пламень дня
И запах трав лелеяли меня.
Но я на всё без радости смотрел —
Развеселить я горя не хотел;
В смятенье дум не тягостна печаль,
Расстаться с ней душе как будто жаль,
Мой дух кипел, я спрашивал себя:
Что я теперь? Что был? Чем буду я?
Не знаю сам, и знать надежды нет.
И где мудрец, кто б мог мне дать ответ?
В какой-то тме, без цели я лечу,
И тени нет того, чего хочу.
Мятежных чувств губительный обман
Вкруг падших нас бросает свой туман,—
И я кружусь, обманут ложным сном,
В дыму сует, как в облаке густом.
Как от меня далек вчерашний день!
Промчался он — я с ним пропал, как тень...
И если мне еще до утра жить,
Кто скажет, где и чем и как мне быть?
Уже тех волн мы в море не найдем,
Которые в нем раз переплывем...
И человек, лишь мы расстались с ним,
Не тем, чем был, но встретит нас иным...

И разум мой сомненье облегло;
Лета сребрят усталое чело.
А знаю ль я, зачем рожден на свет?
Что жизнь моя? Те дни, которых нет...
Как бурный ток, пролетная вода,
Теку — стремлюсь — исчезну навсегда.

Удел мой — гроб; сегодня — человек,
А завтра — прах. Ужели прах навек?
Иль в смерти жизнь нам новая дана?
Надежда льстит, но тайна мне страшна.

О! кто же ты, бессмертием дыша,
Откуда ты, нетленная душа?
Ты божество являешь мне в себе;
Откинь порок — и верю я тебе.
Кто чистый дух мог в тело заключить?
Кто мертвеца велел тебе носить?
Я сын греха — и божий образ я!
Сними же цепь, влекущую меня;
Услышать дай таинственный привет;
Но тма теперь,— а завтра будет свет,
И будешь ты сгораема огнем
Иль в небесах пред богом и отцом,—
И там сама, как ангел чистоты,
Увидишь всё и всё узнаешь ты...

Я так мечтал,— и вдруг мой страх исчез.
Настала ночь, и я оставил лес;
И на пути в приют укромный мой
То сам себе над здешней суетой
Смеялся я, то вновь смущал мой ум
Минувший мрак его тревожных дум.

1830

244. НЕВЕСТА

Вольное подражание Андрею Шенье

О, что сбылось с тобой, невеста молодая?
Увы! погибла ты, о радости мечтая!
Она уже в тот край несется кораблем,
Где ждет ее любовь с ей милым женихом,
Где, песен свадебных услыша хоры,
Он встретил бы ее пленительные взоры.
Заботливой рукой под ключ положено́
В узорных кружевах ночное полотно,
И дивный аромат для локонов небрежных,
И радужный жемчу́г для персей белоснежных,
В раздумье сладостном и негой смущена,
Прелестная стоит на палубе одна,

Пленяясь ярких волн блестящей синевою
И полуночных звезд таинственной красою;
Но вихрь вдруг налетел и, вьяся в пеленах,
Схватил ее, помчал,— она уже в волнах!
Она уже в волнах, невеста молодая!
Уж над прекрасною шумит волна морская!
Один лишь тихий стон был вестью роковой
О жалкой участи любви ее земной;
И волны подняли, клубяся, вой унылый
Над раннею ее холодною могилой.

Увы! желанных дней прекрасной не видать!
Невеста!.. жениху тебя уж не встречать!
Утратил он с тобой любви своей надежду.
Не наряжалась ты во брачную одежду,
Не билась грудь твоя под светлым жемчугом,
И — не украсила ты локоны венцом.

1835

245. ЭЛЕГИЯ

⟨Из А. Шенье⟩

О ты, звезда любви, еще на небесах,
Диана, не блестишь в пленительных лучах!
В долины под холмом, где ток шумит игривый,
Сияние пролей на путь мой торопливый.
Нейду я похищать чужое в тме ночной
Иль путника губить преступною рукой,
Но я люблю, любим, мое одно желанье —
С прелестной нимфою в тиши найти свиданье;
Она прекрасных всех прекраснее, милей,
Как ты полночных звезд красою всех светлей.

1835

246. ЭЛЕГИЯ

Зачем весенний ветерок
Так надо мной любовно веет,
Шумит игривый ручеек
И роза нежная алеет?
Душа тревогам предана,—
Не уловить мне наслажденья:

В чаду томительного сна
Мне радость — будет искушенье!

Смотреть, в уделе роковом,
На мир, красой одушевленный,
И знать, что я уж в мире том
Жилец напрасный и забвенный,—
О нет! без веры, в тьме страстей,
Душа невольно бы молила,
Чтоб расступилася скорей
Моя холодная могила!

Дрожу ль я, оживлен мечтой,—
Но правда дух мертвит бедáми;
Хочу ль я петь — но голос мой
Внезапно подавлéн слезами.
И жизнь объемлющая тень
Везде во всем страшней, страшнее;
Как черен был вчерашний день!..
Проснулся — день еще чернее!

Но вдруг из туч мне блещет свет,
Душе какой-то слышен голос;
Он в те минуты мне привет,
Когда от страха дыбом волос!
И мнится: он небесный звук,
И на устах замрет роптанье,
И мило мне томленье мук —
В них есть свое очарованье!

О, сердца пылкого любовь!
Отрада ты моя святая!..
И если б жизнь я начал вновь,
То снова, крест мой обнимая,
Благословясь, пошел бы я,
Не устрашен былой тревогой,
Долиной той и той дорогой,
Где горе встретило меня!

1837

247. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ В. К⟨ИРЕЕВСКОГО⟩

Я знаю, в гроб его сокрыли
И землю сыпали над ним,—
Но встанет он из хладной пыли,
Он явится глазам моим.
Когда-нибудь в часы полночи,
Когда всё стихнет на земле
И, как недремлющие очи,
Зажгутся звезды в синей мгле,—
Он молча предо мною станет,
Неслышим, будто легкий сон,
И томно на меня он взглянет,
И томно улыбнется он.
Но не прострет он длани хладной...
Стеснится горем грудь моя,
И то заплачу я отрадно,
То горько улыбнуся я.
Что ж медлишь, друг? Я жду тебя.
Не думай, чтобы я страшился
Увидеть свет твоих очей!
Пусть скажут, что ты в гроб сокрылся,—
Ты всё живешь в груди моей.
Другой меня с улыбкой встретит,
И темен мне ее привет;
Но взор твой всё мне дружбой светит,
Он светит счастьем прежних лет.

1827

248. ЭЛЕГИЯ

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлет дольний мир, и ветр прохладный дует,
И синим сумраком одеты небеса,
И землю сонную луч месяца целует,—
Мне страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть одним, и сердце сердца просит,
И голос трепетный то ропщет на судьбу,
То имена любви невольно произносит...
Когда ж в час утренний проснувшийся Восток
Выводит с торжеством денницу золотую

Иль солнце льет лучи, как пламенный поток,
На ясный мир небес, на суету земную,—
Я снова бодр и свеж; на смутный быт людей
Бросаю смелый взгляд; улыбку и презренье
Один я шлю в ответ грозам судьбы моей,
И радует меня мое уединенье.
Готовая к борьбе и крепкая как сталь,
Душа бежит любви, бессильного желанья,
И, одинокая, любя свои страданья,
Питает гордую безгласную печаль.

1835

И. П. Бороздна

249. УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН

⟨Из А. Ламартина⟩

Что слышу? Прозвучал священной меди звон!
Какой я плачущей толпою окружен?
Пылают факелы, собрался клир унылый...
Смерть неизбежная! я узнаю твой глас
И пробуждаюся еще в последний раз
На праге сумрачной могилы!

О искра яркая небесного огня!
Покинь сей мир, душа свободная моя!
Ты персти бренныя лишь срочная жилица!
Прочь цепи тяжкие, прочь низкий плен земной...
Нет, не ужасен гроб тому, над чьей главой
Взошла бессмертия денница!

Так, час уж мой пробил — и спал с чела туман!
О тайные вожди обетованных стран!
В какой чертог меня зовете вы с собою?
Уже я плаваю по огненным волнам,
Необозримый путь вдали предстал очам.
Исчез мир дольный подо мною...

Но что ж? В тот миг, когда горé летит мой дух,
Зачем рыдания и вопль терзают слух?

Изгнанья спутницы! о смерти, вам безвестной,
Вы плачете! а я из чаши роковой
Испил забвенье бед — и радостной душой
Уже у пристани небесной!..

⟨1827⟩

250. ЛЮБОВЬ

⟨Из Э. Парни⟩

Так, любовь есть дар святой,
Нашей жизни усладитель,
Наших горестей целитель
Неизменный и благой!
Но, друзья, несчастен в свете
Тот, кому всесильный рок
Юных лет в прелестном цвете
Грустный подтвердил урок:
Что надежда — обольщенье,
Что любовь — пустой закон,
Что невинность — принужденье,
А блаженство — только сон!

1828

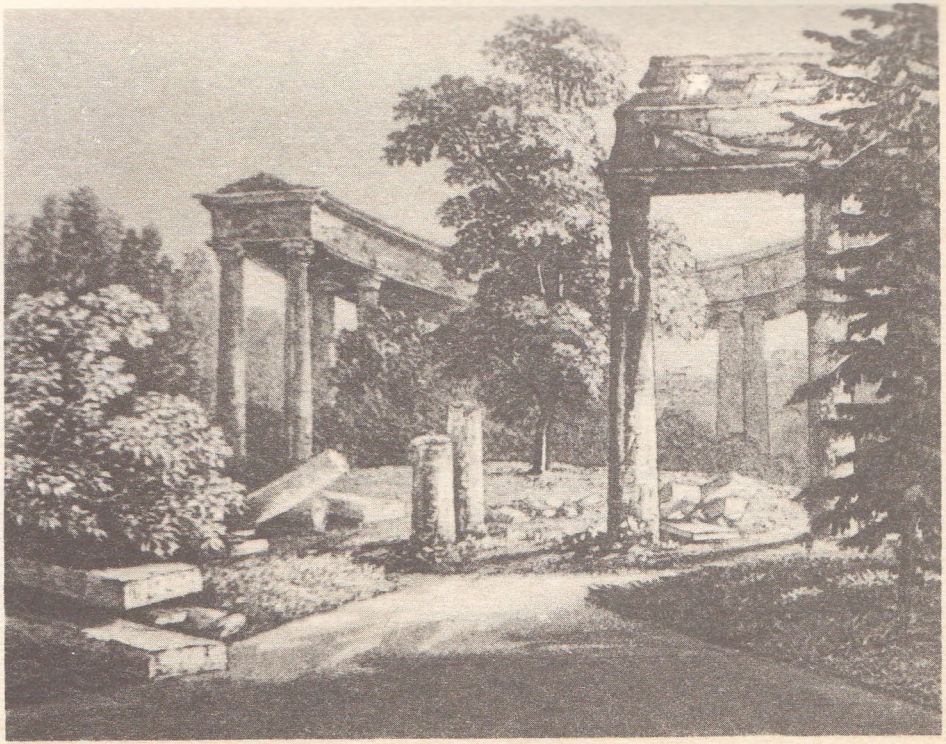
251. УМИРАЮЩИЙ ВЕРГИЛИЙ

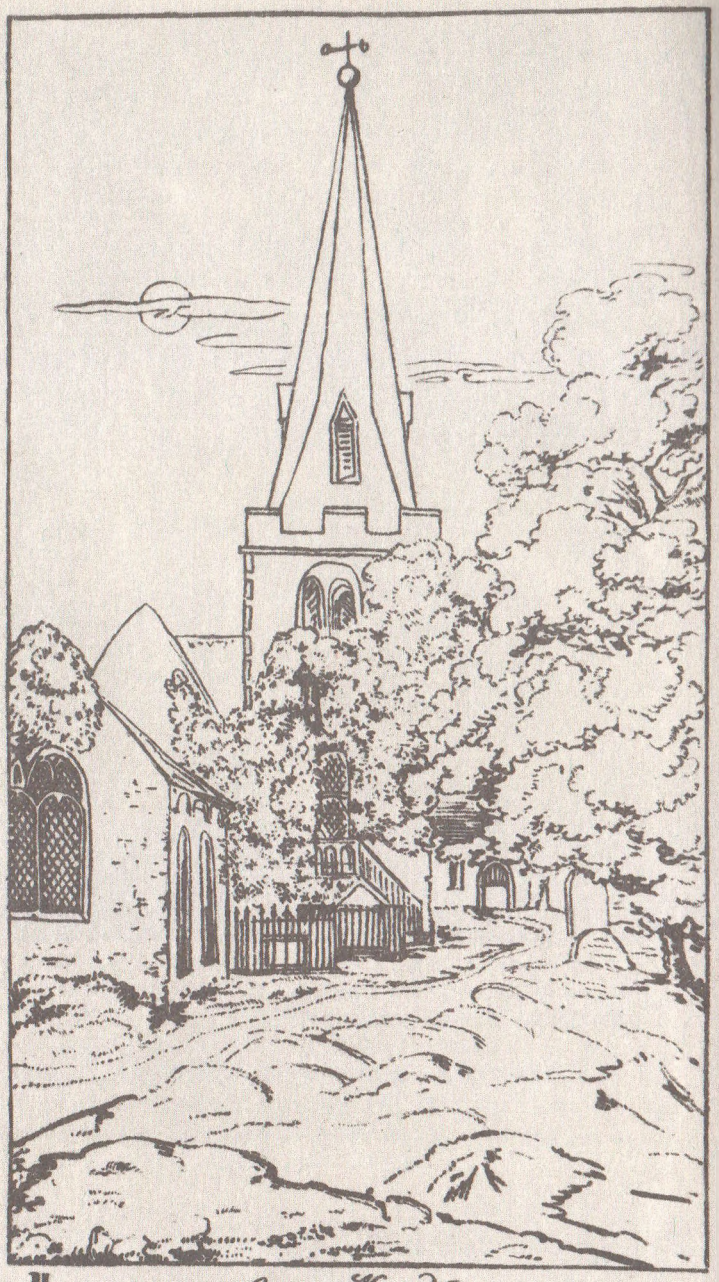
⟨Из Ш. Мильвуа⟩

В убогой хижине, один среди чужбины,
Вергилий, на одре болезненной кончины,
Взял лиру — и его прощальный томный глас
Раздался так, увы! уже в последний раз:
«О Август, продолжай ко славе путь прекрасный!
Мой кончен. Уж судьба меня не пощадит!
И рано, лютых парк предшественник ужасный,
Безвестный некий хлад всю грудь мою теснит!
Напрасно возвращен тобою и богами
Мне уголок земли на отческих брегах!
Меня не примет он — и чуждыми руками
Я буду погребен в незнаемых полях!
О Партенопа! град, которого равнины
Своим пристанищем последним я считал!
О, сколь завидны мне холмов твоих вершины!
Сколь мирно бы мой прах под ними почивал!

И нимфы оных мест на памятник смиренный
Носили бы цветы вечернею порой,
И странник, может быть, молвою привлеченный,
Не раз бы посещал приют спокойный мой!
Прости ж, о Мантуа, наследие родное,
Прости, блаженный кров моих безвестных дней!
Кремоны горестной соседство роковое
Да не страшит моих отеческих полей!..
Вы, други милые,— я расстаюся с вами!
Тибулл, Овидий, Флакк и ты, о нежный Галл,
Восплачьте обо мне! И трижды за пирами
То место, где меж вас я, други, заседал,
Да будет пусто. Вы ж свершите возлиянье
Плутоновой страны всесильным божествам;
И ваши я стихи, чувств дружных в воздаянье
Протекших лет, певцам Эллады передам!
Но смерть, меня навек от славы увлекая,
Близка — а подвиг мой еще недовершен!»
При сих словах, глаза кругом себя вращая,
Хладеющей рукой взял «Энеиду» он,
И вдруг воскликнул так, недугом изнурен:
«Прочь, слабое дитя, ничтожный мира житель!
Лишь имени певца упреком будешь ты!
Погибни на костре! Пусть пламень-истребитель
Разрушит юных лет безумные мечты!
Когда ж угасну я, о Альмедон любезный,
Молю, не позабудь обет единый мой:
Сожги ты в жертву муз сей труд, столь бесполезный,
Давно, давно уже им обреченный мной!»
И с гимном сим его прервалося дыханье,
И замер на струнах плачевной лиры звон.
Но вот — чтобы свершить поэта завещанье,
С благоговением усердный Альмедон
Средь хижины возжег и ель и кедр душистый...
«О «Энеида»! твой последний близок час!» —
Сказал... но перед ним мгновенно пламень чистый,
Как очарованный, рассеявшись, погас!
Трикраты обновлен, огнь старца пред очами
Всё гаснул. Альмедон исполнен страха был,
И римлянам, как дар благих небес, вручил
Поэму дивную, спасенную богами!..

1828





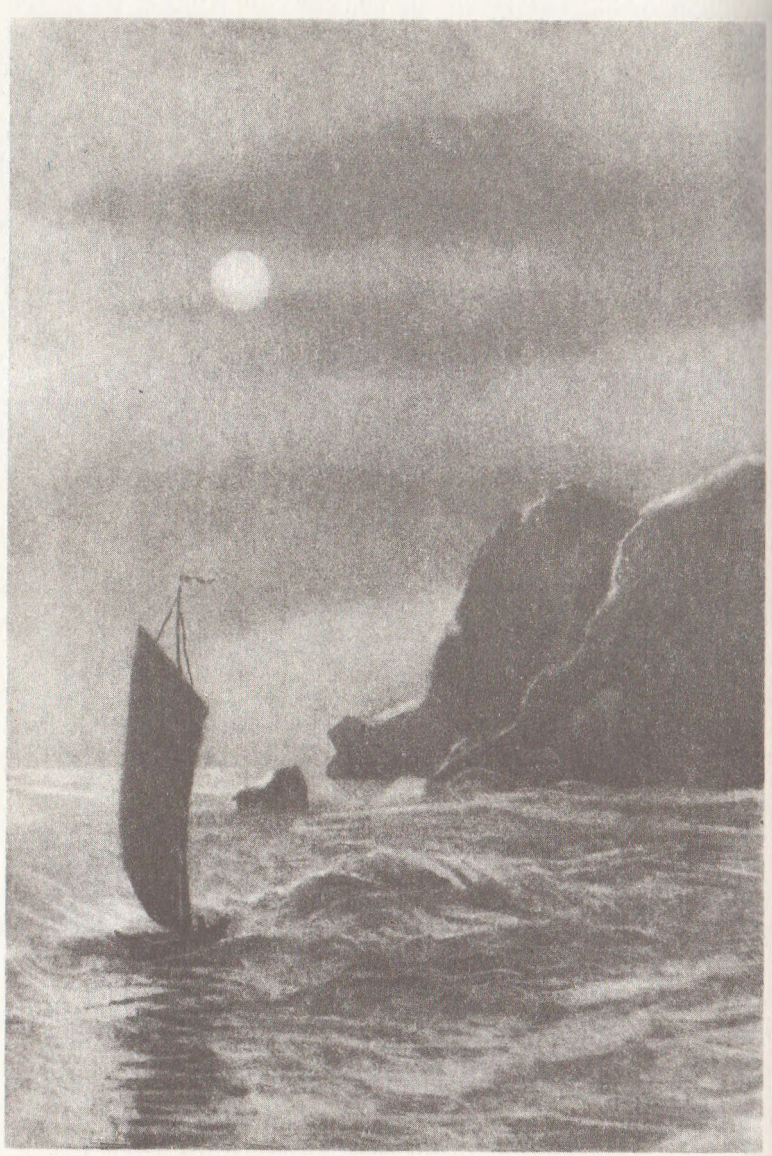
II. Сельск. Кладб

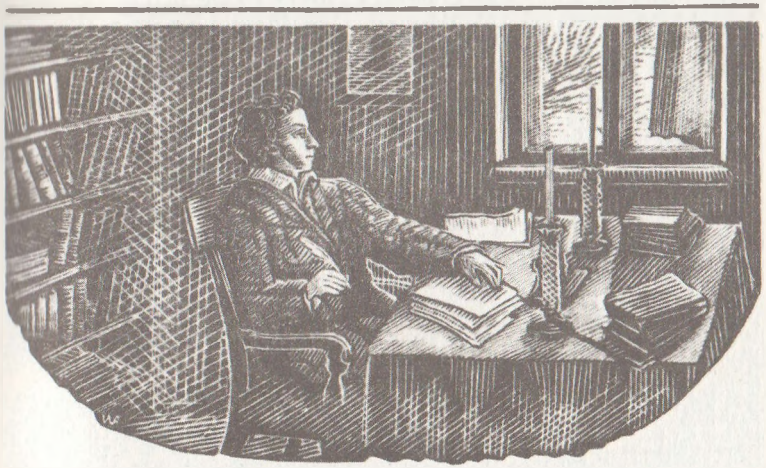
СОЧИНЕНІЯ КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА.

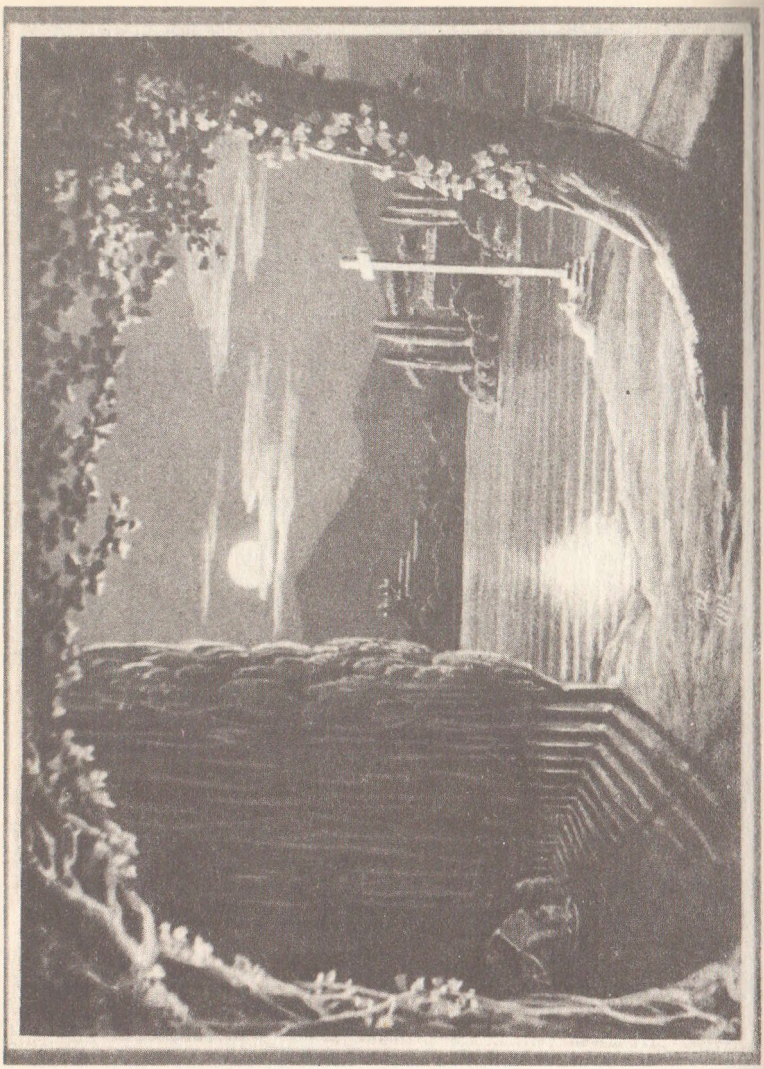
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.







П. А. Катенин

252. ЭЛЕГИЯ

«Фив и музы! нет вам жестокостью равных
В сонме богов — небесных, земных и подземных .
Все, кроме вас, молельцам благи и щедры:
Хлеб за труды земледельцев рождает Димитра,
Гроздие — Вакх, елей — Афина-Паллада;
Мощная в битвах, она ж превозносит ероев,
Правит Тидида копьем и стрелой Одиссея;
Кинфия славной корыстью радует ловчих,
Красит их рамо кожею льва и медведя;
Странникам путь указует Эрмий-вожатый;
Внемлет пловцам Посидон и, смиряющий бурю,
Вводит утлый корабль в безмятежную пристань;
Пылкому юноше верный помощник — Киприда:
Всё побеждает любовь, и, счастливей бессмертных,
Нéктар он пьет на устах обмирающей девы;
Хрона державная дщерь, владычица Ира,
Брачным дарует детей, да спокоят их старость,
Кто же сочтет щедроты твои, о всесильный
Зевс-Эгиох, податель советов премудрых,
Скорбных и нищих отец, ко всем милосердный!
Боги любят смертных; и Аид незримый
Скипетром кротким пасет бесчисленных мертвых,
К вечному миру отшедших в луга Асфодели.
Музы и Фив! одни вы безжалостно глухи.
Горе безумцу, служáщему вам! Обольщенный
Призраком славы, тратит он счастье земное;
Хладной толпе в посмеянье, зависти в жертву
Предан, несчастный, и в скорбях, как жил, умирает.
Повестью бедствий любимцев ваших, о музы,
Сто гремящих уст молва утомила:
Камни и рощи двигал Орфей песнопеньем,
Строгих Эрева богов подвигнул на жалость.
Люди ж не сжалились: жены певца растерзали,
Члены разметаны в поле, и хладные волны
В море мчат главу, издающую вопли.
Злый Аполлон! на то ли сам ты Омиру
На ухо сладостно пел бессмертные песни,
Дабы, скиталец, слепец, без крова и пищи,
Жил он незнаем, родился и умер безвестен?

Всуе прияла ты дар красоты от Киприды,
Сафо-певица! Музы сей дар отравили:
Юноша гордый певицы чудесной не любит,
С девой простой он делит ложе Гимена;
Твой же брачный одр — пучина Левкада.
Бранный Эсхил! напрасно на камне чужбины
Мнишь упокоить главу, обнаженную Хроном:
С смертью в когтях орел над нею кружится.
Старец Софокл! умирай — иль, несчастней Эдипа,
В суд повлечешься детьми, прославлен безумным.
После великих примеров себя ли напомню?
Кроме чести, всем я жертвовал музам;
Что ж мне наградой? — зависть, хула и забвенье.
Тщетно в утеху друзья твердят о потомстве,
Люди те же всегда: срывают охотно
Лавр с недостойной главы, но редко венчают
Терном заросшую мужа благого могилу.
Музы! простите навек; соха Триптолема
Впредь да заменит мне вашу изменницу лиру.
Здесь, в пустыне, нет безумцев поэтов;
Здесь безвредно висеть ей можно на дубе,
Чадам Эола служа и вторя их песни».

Сетуя так, вещал Евдор благородный,
Сын Полимаха-вождя и лепой Дориды,
Дщери Порфирия, славного честностью старца.
Предки Евдора издревле в дальнем Эпире
Жили, между Додонского вещего леса,
Града Вуфрота и мертвых вод Ахерузы;
Двое, братья родные, под Трою ходили:
Старший умер от язвы в брани суровой,
С Неоптолемом младший домой возвратился;
Дети и внуки их все были ратные люди.
Власть когда утвердилась владык македонских,
Вождь Полимах царю-полководцу Филиппу,
Сам же Евдор служил царю Александру;
С ним от Пеллы прошел до Индейского моря,
Бился в многих боях; но, духом незлобный,
Лирой в груди заглушал военные крики;
Пел он от сердца, и часто невольные слезы
Тихо лились из очей товарищей ратных,
Молча сидящих вокруг и внемлющих песни.
Сам Александр в Дамаске на пире вечернем
Слушал его и почтил нелестной хвалою.

Верно бы, царь наградил его даром богатым,
Если б Евдор попросил, но просьб он чуждался.
После ж, как, славою дел ослеплясь, победитель,
Клита убив, за правду казнив Каллисфена,
Сердцем враждуя на верных своих македонян,
Юных лишь персов любя, питомцев послушных,
Первых сподвижников прочь отдалил,
бесполезных,—
Бедный Евдор укрылся в наследие предков,
Меч свой и щит повесив на гвоздь для покоя;
К сельским трудам не привыкший, лирой любезной
Мнил он наполнить всю жизнь и добыть себе славу.
Льстяся надеждой, предстал он на играх Эллады,—
Демон враждебный привел его! Правда, с вниманьем
Слушал народ, вполголоса хвальные речи
Тут раздавались и там, и дважды и трижды
Плеск внезапный гремел, но судьи поэтов
Важно кивали главой, пожимали плечами,
Сердца досаду скрывая улыбкой насмешной.
Жестким и грубым казалось им пенье Евдора.
Новых поэтов поклонники судьи те были,
Коими славиться начал град Птолемея.
Юноши те предтечей великих не чтили:
Наг был в глазах их Омир, Эсхил неискусен,
Слаб дарованьем Софокл и разумом — Пиндар;
Друг же друга хваля и до звезд величая,
Юноши (семь их числом) назывались Плеядой.
В них уважал Евдор одного Феокрита.
Судьи с обидой ему в венце отказали;
Он, не желая врагов печалию тешить,
Скрылся от них; но в дальнем, диком Эпире,
Сидя у брега реки, один и прискорбен,
Жалобы вслух воссылал на муз и на Фива.

Ночь расстилала меж тем священные мраки,
Луч вечерней зари на западе меркнул,
В небе безоблачном редкие искрились звезды,
Ветр благовонный дышал из кустов, и порою
Скрытые в гуще ветвей соловьи откликались.
Боги услышали жалобный голос Евдора;
Эрмий над ним повел жезлом благотворным —
Сном отягчилась глава и склонилась на рамо.
Дщерь Мнемозины, богиня тогда Каллиопа
Легким полетом снеслась от высокого Пинда.

Образ приемлет она младой Эгемоны,
Девы прелестной, Евдором страстно любимой
В юные годы; с нею он сладость Гимена
Думал вкусить, но смерти гений суровый
Дхнул на нее — и рано дева угасла,
Скромной подобно лампаде, на ночь зажженной
В хижине честной жены — престарелой вдовицы,
С помощью дщерей она при свете лампады
Шелком и златом спешит дошивать покрывало,
Редкий убор, заказанный царской супругой,
Коего плата зимой их прокормит семейство.
Долго трудятся они; когда ж пред рассветом
Третий петел вспоет, хозяйка опасно
Тушит огонь, и дщери ко сну с ней ложатся.
Радость семейства, юношей свет и желанье,
Так Эгемона, увы! исчезла для друга,
В сердце оставив его незабвенную память.
Часто сражений в пылу об ней он нежданно
Вдруг вспоминал, и сердце в нем билось смелее;
Часто, славя на лире богов и героев,
Имя ее из уст излетало невольно;
Часто и в снах он видел любимую деву.
В точный образ ее богиня облекшись,
Стала пред спящим в алой, как маки, одежде;
Розы румянцем свежие рделись ланиты;
Светлые кудри вились по плечам обнаженным,
Белым, как снег; и, небу подобные очи
Взведши к нему, так молвила голосом сладким:

«Милый! не сетуй напрасно; жалобой строгой
Должен ли ты винить богов благодатных —
Фива и чистых сестер, пиерид темноволосых?
Их ли вина, что терпишь ты многие скорби?
Властный Хронид по воле своей неиспытной
Благо и зло из урн роковых изливает.
Втайне ропщешь ли ты на скудость стяжаний?
Лавр Геликона, ты знал, бесплодное древо;
В токе Пермесском не льется злато Пактола.
Злата искать ты мог бы, как ищут другие,
Слепо служа страстям богатых и сильных...
Вижу, ты движешь уста, и гнев благородный
Вспыхнул огнем на челе... О друг, успокойся:
Я не к порочным делам убеждаю Евдора;

Я лишь желаю спросить: отколе возникнул
В сердце твоем сей жар к добродетели строгой,
Ненависть к злу и к низкой лести презренье?
Кто освятил твою душу? — чистые музы.
С детства божественных пчел питаяся медом,
Лепетом отрока вторя высокие песни,
Очи и слух вперив к холмам Аонийским,
Горних благ ища, ты дольные презрел:
Так, если ветр утихнет, в озере светлом
Слягут на дно песок и острые камни,
В зеркале вод играет новое солнце,
Странник любуется им и, зноем томимый,
В чистых струях утоляет палящую жажду.
Кто укреплял тебя в бедствах, в ударах судьбины,
В горькой измене друзей, в утрате любезных?
Кто врачевал твои раны? — девы Парнаса.
Кто в далеких странах, во брани плачевной,
Душу мертвящей видом кровей и пожаров,
Ярые чувства кротил и к стону страдальцев
Слух умилял? — они ж, аониды благие,
Печной подобно кормилице, ласковой песнью
Сон наводящей и мир больному младенцу.
Кто же и ныне, о друг, в земле полудикой,
Мглою покрытой, с областью Аида смежной,
Чарой мечты являет очам восхищенным
Роскошь Темпейских лугов и величье Олимпа?
Всем обязан ты им и счастлив лишь ими.
Судьи лишили венца — утешься, любезный:
Мид-судия осудил самого Аполлона.
Иль без венцов их нет награды поэту?
Ах! в таинственный час, как гений незримый
Движется в нем и двоит сердца биенья,
Оком объемля вселенной красу и пространство,
Ухом в себе внимая волшебное пенье,
Жизнию полн, подобной жизни бессмертных,
Счастлив певец, счастливейший всех человеков.
Если Хрон, от власов обнажающий темя,
В сердце еще не убил священных восторгов,
Пой, Евдор, и хвались щедротами Фива.
Или... страшись: беспечных музы не любят.
Горе певцу, от кого отвратятся богини!
Тщетно, раскаясь, захочет призвать их обратно:
К неблагодарным глухи небесные девы».

Смолкла богиня и, белым завесясь покровом,
Скрылась от глаз. Евдор, востревожен виденьем,
Руки к нему простирал и, с усилием тяжким
Сон разогнав, вскочил и кругом озирался.
Робкую шумом с гнезда он спугнул голубицу:
По́рхнула вдруг и, сквозь чистые ветви спасаясь,
Краем коснулась крыла висящия лиры:
Звон по струнам пробежал, и эхо дубравы
Сребряный звук стенаньем во тьме повторило.
«Боги! — Евдор воскликнул.— Сон ли я видел?
Тщетный ли призрак, ночное созданье Морфея,
Или сама явилась мне здесь Эгемона?
Образ я видел ее и глас ее слышал;
Лира узнала ее и запела; но тени
Могут ли вспять приходить от полей Перзефоны?
Разве одна из богинь, несчастным утешных,
В милый мне лик облеклась, харитам подобный?..
Разум колеблется мой, и решить я не смею;
Волю ж ее я должен исполнить святую».

Так он сказал и, лиру отвесив от дуба,
Путь направил в свой дом, молчалив и задумчив.

1828

Н. А. Маркевич

253. РОДИНА

Узнал я, что для нас не тем края родные,
Где наш прекрасный мир узрели мы впервые,
Где наслаждались в первый раз,
Где нашей младости минуты золотые
Текли невидимо для нас,
Где нам знакомо всё: ручей, гора, долина,
Где мы со всем дружны от самых юных лет,—
Ах, и в родных краях чужбина,
И в них пустыней будет свет,
Когда любезной с нами нет.

Настанет утра час, румяной полосою
Подернут дальний свод небес,

Туман подымется прозрачной пеленою,
Пробудится дубовый лес,
Перекликаяся с пастушеской свирелью,
Младая роща зашумит,
И соловей в кустах пленяет звонкой трелью,
И на траве роса блестит,
Как туча, пыль от стад скрывает солнца ясный
Чуть из-за гор блеснувший свет,
Но одинокому, без друга, без прекрасной,
Как будто бы чего-то нет.

В укромной тишине дубов и лип корнистых,
Куда манят прохлада, лень,
Где не проникнет луч сквозь чащу ве́твей мшистых
И где бывает вечно тень,
Мы наслаждаемся бутылками Токая,
Стаканов целый ряд стоит;
Поодаль на лугу музы́ка роговая,
Лаская жадный слух, гремит,
Но мне нет радости: с тоской в груди всечасной
Всё горестно, и мрак, и свет.
Ах, одинокому, без друга, без прекрасной,
Всегда, всегда чего-то нет.

1829

254. ИСПРАВЛЕНИЕ

⟨Из Э. Парни⟩

О бог, сильнейший из богов,
Кому свою всю жизнь отдать я был готов,
Кому я одному всечасно поклонялся,
Которым я дышал, которым наслаждался
И для кого навек я потерял покой!
Я не забыл минуты той,
Когда склонил я сердце милой,
Когда я поклялся́ небесной всею силой
Тебе всегда подвластным быть,
Ее одну, одну любить.
Хотя не вовремя, теперь я понимаю
Надежды ложные твои.

В слезах, в мучениях лета прошли мои,
С сих пор навеки я все клятвы забываю,
И никогда любовь мне в мысли не придет,
Меня от страсти сей рассудок увлечет,
И все мечты, все заблужденья
Забуду я без сожаленья.

Любовь, любовь! я был рожден,
Чтобы тебе повиноваться;
Тобою в сети увлечен,
Еще во младости тебе стал поклоняться!
Теперь погибла страсть моя,
Несправедливостью я утомлен твоею,
Жестоко был обманут я
Прелестницей моею!
С другими чувствами, с душой,
Не столько пламенной, не столько постоянной,
Я, верно бы, достиг сей цели, столь желанной,
Минуты счастья золотой.

О, сколь несчастлив тот, кто, несмотря
на младость,
Вздыхает, вверившись мечтам,
Судьба послала скорбь всем пламенным сердцам,
И всем непостоянным — радость.

1829

Ф. И. Тютчев

255. ОДИНОЧЕСТВО

⟨Из А. Ламартина⟩

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерев
Зари последней луч еще приметно бродит,

Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает,— и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте,
Но, ах, где встречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,—
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного — и мир весь опустел.
Встает ли день, нощные ль сходят тени —
И мрак и свет противны мне...
Моя судьба не знает изменений —
И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье,
Когда на лучший мир покину дольный прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье,
Где солнцы истины в нетленных небесах?..
Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится,
И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли божества!
Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля, в виду небес, мертва!..
Встает гроза, и вихрь, и лист крутит пустынный!
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины,—
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

Между 1820 и 1822

256. БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и с друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

1829

257

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
Не нахожу.

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?..
Оно пройдет —
Пройдет оно, как всё прошло,
И канет в темное жерло —
За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом — новый злак
И лист иной.

И снова будет всё, что есть,
И снова розы будут цвесть,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,—
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской —
То знает бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох.

1835

258

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг всё замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, всё пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,

Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял *ее*, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней,—

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе,—

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

1865

А. И. Одоевский

259. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ А. С. ГРИБОЕДОВА

Где он? Кого о нем спросить?
Где дух? Где прах?.. В краю далеком!
О дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Ее согреть моим дыханьем;
Я с ненасытимым страданьем
Вопьюсь очами в прах его,
Исполнюсь весь моей утратой,
И горсть земли, с могилы взятой,
Прижму — как друга моего!
Как друга!.. Он смешался с нею,
И вся она родная мне.
Я там один с тоской моею,
В ненарушимой тишине,

Предамся всей порывной силе
Моей любви, любви святой,
И прирасту к его могиле,
Могилы памятник живой...
Но под иными небесами
Он и погиб и погребен,
А я — в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами:
Они меня не унесут,
И капли слез с горячей вежды
К нему на дерн не упадут.
Я в узах был, но тень надежды
Взглянуть на взор его очей,
Взглянуть, сжать руку, звук речей
Услышать на одно мгновенье —
Живило грудь, как вдохновенье,
Восторгом полнило меня!
Не изменилось заточенье,
Но от надежд, как от огня,
Остались только — дым и тленье;
Они — мне огнь: уже давно
Всё жгут, к чему ни прикоснутся;
Что год, что день, то связи рвутся,
И мне, мне даже не дано
В темнице призраки лелеять,
Забыться миг веселым сном
И грусть сердечную развеять
Мечтанья радужным крылом.

1829

260. ЭЛЕГИЯ

Что вы печальны, дети снов,
Летучей жизни привиденья?
Как хороводы облаков
С небес, по воле дуновенья,
Летят и тают в вышине,
Следов нигде не оставляя,—
Равно в подоблачной стране
Неслися вы!.. Едва мелькая,
Едва касаяся земли,
Вы мира мрачные печали,
Все бури сердца миновали
И безыменно протекли.

Вы и пылинки за собою
В теченье дней не увлекли,
И безотчетною стопою,
Пути взметая легкий прах,
Следов не врезали в граните
И не оставили в сердцах.
Зачем же вы назад глядите,
На путь пройдённый? Нет для вас
Ни горьких дум, ни утешений,—
Минула жизнь без потрясений,
Огонь без пламени погас.

Кто был рожден для вдохновений
И мир в себе очаровал,
Но с юных лет пил желчь мучений
И в гробе заживо лежал;
Кто ядом облит был холодным
И с разрушительной тоской
Еще пылал огнем бесплодным,
И порывался в мир душой,
Но порывался из могилы...
Тот жил! Он духом был борец:
Он, искусив все жизни силы,
Стяжал страдальческий венец;
Он может бросить взор обратный
И на минувший, темный путь
С улыбкой горькою взглянуть.

Кто жаждал жизни всеобъятной,
Но чей стеснительный обзор
Был ограничен цепью гор,
Темницей вкруг его темницы,
Кто жаждал снов, как ждут друзей,
И проклинал восход денницы,
Когда от розовых лучей
Виденья легкие ночей
Толпой воздушной улетали,
И он темницу озирал
И к ним объятья простирал,
К сим утешителям печали;
Кто с миром связь еще хранил,
Но не на радость, а мученье,
Чтобы из света в заточенье
Любимый голос доходил,

Как по умершим стон прощальный,—
Чтобы утратам слух внимал
И отзыв песни погребальной
В тюрьму свободно проникал;
Кто прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил,
Всю жизнь в любимом взоре слил
И, небесам во всем покорный,
Просил в молитвах одного:
От друга вести животворной;
И кто узнал, что нет его,—
Тот мог спросить у провиденья,
Зачем земли он путник был,
И ангел смерти и забвенья,
Крылом сметая поколенья,
Его коснуться позабыл?

Зачем мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнует трепетную грудь?
Как званый гость или случайный,
Пришел он в этот чудный мир,
Где скудно сердца наслажденье
И скорби с радостью смешенье
Томит, как похоронный пир;
Где нас объемлет разрушенье,
Где колыбель — могилы дань,
Развалин цепь — поля и горы;
Где вдохновительные взоры
И уст пленительная ткань
Из гроба в гроб переходили,
Из тлена в жизнь, из жизни в тлен,
И в постепенности времен
Образовалися из пыли
Погибших тысячи племен,
Как тени, исчезают лица
В тебе, обширная гробница!
Но вечен род! Едва слетят
Потомков новых поколенья,
Иные звенья заменят
Из цепи выпавшие звенья;
Младенцы снова расцветут,
Вновь закипит младое племя,

И до могилы жизни бремя,
Как дар без цели, донесут
И сбросят путники земные...
Без цели!.. Кто мне даст ответ?
Но в нас порывы есть святые,
И чувства жар, и мыслей свет,
Высоких мыслей достоянье!..
В лазурь небес восходит зданье:
Оно незримо, каждый день
Трудами возрастает века;
Но со ступени на ступень
Века возводят человека.

1829

М. Ю. Лермонтов

261. НАПОЛЕОН

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно положен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..

Но вот полно́чь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осеребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный,
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальным короны разбивал?
Зачем шутил граждáн спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.

. . . . . .

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день; усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»

. . . . . .

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала:

2

Елегія

О! Еслибъ дни мои текли
на лонѣ младостно[illegible] покоя и забвенья,
свободно отсудѣ жизни
и далеко отъ Атскаго волненья
Когда бы усмиря мое воображенье
Мнѣ игры младости любимыя быть могли
(x) тогда бъ я Ирко не искалъ
на наслажденія пиславы ни потомъ.

Но для меня весь міръ и пустъ и скучанъ
Любовь невинная не льститъ душѣ моей:
[illegible] и ковы [illegible] чувствованій
[illegible] которые
[illegible] [illegible] колхостью своей
мнѣ кровь [illegible] отъ грустныхъ отъ страданій,
отъ преждевременныхъ страстей!....

тогда бъ я былъ [illegible] [illegible]

«Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь,—
С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь —
Там нет ни почестей, ни счастия, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки —
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

1829

262. ЭЛЕГИЯ

О! если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,—
Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
Ищу измен и новых чувствова́ний,
Которые живят лишь колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
От преждевременных страстей!..

1829

263. ОПАСЕНИЕ

Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.

Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... Летун седой
Укажет вечную разлуку...

И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,—

Коль мысли о былых летах
В твой ум закрáдутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...

Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..

1830

264. РАЗЛУКА

Я виноват перед тобою,—
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты,—
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! Вечную разлуку
Трепéща вижу пред собой...
Ледя́ную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...

1830

265. ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

1830

266. ЭЛЕГИЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай брега в туманной мгле.
Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питая,
Один, покинув свет, и чуждый для людей,
И никому тоски поверить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Меж них блестит огонь гостеприимный,
Семья беспечная сидит вкруг огонька
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
И что ж? — слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;

И этот взор, задумчивый и ясный,—
Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно!..
О, если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность,
Как много бы я был судьбою одолжен,—
Теперь у ней нет прав на благодарность!
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала,
Кто чувствовал, как я,— чтоб чувствовать
страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей родной
Для добровольного изгнанья!

1830

267. СОН

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветр не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце, меж двух колонн,
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна,
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... Ах! рано начал он любить.
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел, и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,

Болезнь души, потоки горьких слез —
Всё, что оставил, всё, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...

1830—1831

268

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной:
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать, что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя,—
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

1838

269. ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат,
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

270. ПАМЯТИ А. И. О‹ДОЕВСКО›ГО

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался́ минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный,—
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца, среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далёко от друзей!..
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладби́ще памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,—
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит,
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда?.. Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи,

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вкруг твоей могилы неизвестной
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

1839

1 января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки,—
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться,— памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так, царства дивного всесильный господин,—
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник не званную гостью,—
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

1840

272. И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — всё лучшие годы!

Любить... но кого же?.. На время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,—
Такая пустая и глупая шутка...

1840

В. Г. Тепляков

273. ПЕРВАЯ ФРАКИЙСКАЯ ЭЛЕГИЯ

ОТПЛЫТИЕ

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue...

L. Byron

Визжит канат; из бездн зыбучих
Выходит якорь; ветр подул;
Матрос на верви мачт скрыпучих
Последний парус натянул —
И вот над синими волнами

---

[1] Прощай, прощай! мой родной берег исчезает за синими волнами. *Л⟨орд⟩ Байрон* (англ.).— *Ред.*

Своими белыми крылами
Корабль свободный уж махнул!

Плывем!.. Бледнеет день; бегут брега родные;
Златой струится блеск по синему пути.
Прости, земля! прости, Россия,
Прости, о родина, прости!
Безумец! что за грусть? В минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзал на берегу родном?
Чьи слышал ты благословенья?
Одно минувшее мудреным, тяжким сном
В тот миг душе твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челн,
И бездны перед ней отверстые казало!
Пусть так! но грустно мне! Как плеск угрюмых волн
Печально в сердце раздается!
Как быстро мой корабль в чужую даль несется!
О лютня странника, святой от грусти щит,
Приди, подруга дум заветных!
Пусть в каждом звуке струн приветных
К тебе душа моя, о родина, летит!

1

Пускай на юность ты мою
Венец терновый наложила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца, прочь летите!
К отчизне душу не маните!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

2

Как жадно вольной грудью я
Пью беспредельности дыханье!
Лазурный мир! в твоем сиянье
Сгорает, тонет мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родине, молчите:
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

3

Увижу я страну богов,
Красноречивый прах открою,
И зашумит передо мною
Рой незапамятных веков!
Гуляйте ж, ветры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

Они кипят, они шумят —
И нет уж родины на дальнем небоскате!
Лишь точка слабая, ее последний взгляд,
Бледнеет — и, дрожа, в вечернем тонет злате.
На смену солнечным лучам,
Мелькая странными своими головами,
Колоссы мрачные свинцовыми рядами
С небес к темнеющим спускаются зыбям...
Спустились; день погас; нет звезд на ризе ночи;
Глубокий мрак над кораблем;
И вот уж неприметным сном
На тихой палубе пловцов сомкнулись очи...
Всё спит,— лишь у руля матрос сторожевой
О дальней родине тихонько напевает
Иль, кончив срок урочный свой,
Звонком товарища на смену пробуждает,
Лишь странница-волна, взмутясь в дали немой,
Как призрак в саване, коленопреклоненный,
Над спящей бездною встает;
Простонет над пустыней вод —
И рассыпается по влаге опененной.
Так перси юности живой
Надежда горькая вздымает;
Так идеал ее святой
Душа, пресытившись мечтой,
В своей пустыне разбивает.
Но полно! Что наш идеал?
Любовь ли, дружба ли, прелестница ли слава?
Сосуд Цирцеи их фиал:
В нем скрыта горькая отрава!
И мне ль вздыхать о них, когда в сей миг орлом,
Над царством шумных волн, крылами дум носимый,
Парит мой смелый дух, как ветр неукротимый,

Как яркая звезда в эфире голубом!
Толпы бессмысленной хвалы иль порицанья,
Об вас ли в этот миг душе воспоминать!
Об вас ли сердцу тосковать,
Измены ласковой коварные лобзанья!
Нет, быстрый мой корабль, по синему пути
Лети стрелой в страны чужие!
Прости, далекая Россия!
Прости, о родина, прости!

1829

274. ОДИНОЧЕСТВО

Il faut que je vogue seul sur l'océan du monde.

Ballanche [1]

В лесу осенний ветр и стонет, и дрожит;
По морю темному ревучий вал кочует;
Уныло крупный дождь в окно мое стучит,
Раздумье тяжкое мечты мои волнует.

Мне грустно! Догорел камин трескучий мой,
Последний красный блеск над угольями вьется.
Мне грустно! Тусклый день уж гаснет надо мной,
Уж с неба темного туманный вечер льется.

Как сладко он для двух супругов пролетит,
В кругу, где бабушка внучат своих ласкает.
У кресел дедовских красавица сидит
И былям старины, работая, внимает!

Мечта докучная! зачем перед тобой
Супругов долгие лобзанья пламенеют?
Что в том, как их сердца, под ризою ночной,
Средь ненасытных ласк в палящей неге млеют!

Меж тем как он кипит, мой одинокий ум!
Как сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горьких дум,
Над их мучительно завидной долей вьется!

---

[1] Я должен плыть один по океану вселенной. Балланш (фр.).— *Ред.*

Но если для меня безвестный уголок
Не создан, темными дубами осененный,
Подруга милая и яркий камелек,
В часы осенних бурь друзьями окруженный,—

О, жар святых молитв зажгись в душе моей!
Луч веры пламенной блесни в ее пустыне,
Пролейся в грудь мою целительный елей —
Пусть сны вчерашние не мучат сердца ныне!

Пусть, упоенная надеждой неземной,
С душой всемирною моя соединится;
Пускай сей мрачный дол исчезнет предо мной,
Осенний в окна ветр, бушуя, не стучится.

О, пусть превыше звезд мой вознесется дух,
Туда, где взор творца их сонмы зажигает!
В мирах надсолнечных пускай мой жадный слух
Орга́нам ангелов, восторженный, внимает...

Пусть я увижу их, в безмолвии святом
Пред троном Вечного коленопреклоненных;
Прочту симво́лы тайн, пылающих на нем
И юным первенцам творенья откровенных...

Пусть Соломоновой премудрости звезда
Блеснет душе моей в безоблачном эфире,—
Поправ земную грусть, быть может, я тогда
Не буду тосковать о друге в здешнем мире!..

1832

Н. В. Станкевич

275. ЭЛЕГИЯ

Когда на западе горит
Последний солнца луч
И ярким светом золотит
Края угрюмых туч;
Когда безмолвная луна
Встает печальна и бледна
От сумрачных полян

И звезды в небесах горят,—
Люблю недвижный взор вперять
В эфирный океан.

И мнится мне, что та страна
Знакомое хранит;
Что там, где теплится луна,
Мой брат иль друг сокрыт;
Что на лазурных небесах
Сияют в пламенных лучах
Погибшие давно,
И души их в тиши ночной
С моей беседуют душой
Невнятно и темно!

Ей не поведают оне
Тайн жизни неземной
И ни о том, *что* в их стране
Над бедною землей.
Но их немая речь во грудь
Нашла прямой и чистый путь:
Отрадна мне она!
Внимать ее готов и рад,
Тогда не помню я утрат,
Душа моя светла!

Когда на западе горит
Последний солнца луч
И ярким светом золотит
Края угрюмых туч;
Когда вечернею зарей
Зефиров свежих резвый рой
Разносит аромат;
Когда луна идет с полян,—
Люблю в эфирный океан
Я взоры устремлять.

1830

276. НА МОГИЛЕ ЭМИЛИИ

Привет могиле одинокой!
Печальный мох ее покрыл
С тех пор, как смерти сон глубокой
От нас ее жилицу скрыл.

Окончен рано подвиг трудный,
Загадка жизни решена!
Любовь почила беспробудно,
И радость тленью предана.

Какие тайные законы
Тебя б в сей жизни ни вели,
Но участь горькую Миньоны
Ты испытала на земли.

Ты с горем свыклась с колыбели,
Тебя не видел отчий кров,
Звездой падучей пролетели
И жизнь, и младость, и любовь.

Но над печальною могилой
Не смолкнул голос клеветы:
Она терзает призрак милый
И жжет надгробные цветы...

Пусть смертный ждет судьбы со страхом,
И чем бы ни был бог земной —
Повсюдной жизнью или прахом,—
Благословение с тобой!

Но если утро воскресенья
Придет на светлых облаках,
Восстань с лучом преображенья
В твоих лазоревых очах.

Лети, лети в края отчизны,
Оковы тленья разорви!
Будь с ним одна в единой жизни,
В единой зиждущей любви.

1833

А. В. Кольцов

277. ЭЛЕГИЯ

В твои объятья, гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Сокрыться от людей хочу.

Скорее, смерть, сверкни косою
Над юною моей главою!
Немного лет я в мире жил...
И чем сей мир повеселил?
И кто с улыбкой мне отрадной
От сердца нежно руку жал?
Со мной кто радостью желанной
Делил веселье и печаль?
Никто! Но в сей стране пустынной
Один лишь был мне верен друг —
И тот, как песни звук отзывный,
Как огнь мгновенный, надмогильный,
На утренней заре потух.
Одна звезда меня пленяла
Еще на небе голубом
И в черном сумраке густом
Надеждой тайной грудь питала;
Но скрылася она — с тех пор
Приветных звезд не видит взор.
Без ней, как сирота безродный,
Влачусь один в толпе людей,
С душою мрачной и холодной,
Как нераскаянный злодей.
С людями, братьями моими,
Еще хотел я жизнь делить;
По-прежнему хотел меж ними
Я друга по́ сердцу найтить.
Но люди взорами немыми
С презреньем на меня глядят
И душу хладную мертвят.
К тебе от них, о гроб холодный,
Как к другу милому, лечу,
В твоей обители укромной
Покоя тихого ищу.
О смерть! сомкни скорей мне вежды!
Верни загробные надежды.

30 июля 1830

278. ЛЕС

Посвящается памяти А. С. Пушкина

Снова тучи надо мною
Собрались в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою,

Ты стоишь — поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество,—
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурею
Разговор пойдет;

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за́ море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

1837

В. И. Красов

279. ЭЛЕГИЯ

Не говорите ей: ты любишь безрассудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите так! — разуверяться трудно,
И вы ее уверите едва ль.

Нет! вы не видели немых ее страданий,
Ночей без сна, рыданий в тьме ночной,
Не испытали вы любви без упований,
Не знаете вы страсти роковой!
О, как она любила и страдала!
Какое сердце в дар несла!

Какая юношу награда ожидала!
Увы! его душа ее не поняла.
Я видел: бедная, бледна и молчалива,
Она приход любимца стерегла;
Вот вспыхнула, подходит боязливо —
И тайна снова в сердце умерла!

Не говорите ж ей: ты любишь безрассудно,
Твоя печаль — безумная печаль!
Не говорите так! — разуверяться трудно,
И вы ее уверите едва ль!

1834

280. ЭЛЕГИЯ

Я скучен для людей, мне скучно между ними,
Но — видит бог — я сердцем не злодей:
Я так хотел любить людей,
Хотел назвать их братьями моими,
Хотел я жить для них как для друзей!
Я простирал к ним жаркие объятья,
Младое сердце в дар им нес —
И не признали эти братья,
Не разделили братских слез!..
А я их так любил! К чему воспоминанья?
То были юноши безумные желанья;
Я был дитя. Теперь же вновь люблю.
Обитель тихую, безмолвную мою.
Там зреют в тишине властительные думы,
Кипят желания, волнуются мечты,—
И мир души моей, то светлый, то угрюмый,
Не возмущается дыханьем клеветы.
Но ты со мной, благое провиденье!
Не ты ли, мой творец, не ты ли, вечный бог,
Не ты ль послал в мое уединенье
И чистый, пламенный восторг,
И тихое, святое размышленье?
Когда же по душе пройдет страстей гроза,
Настанет тягостная битва,—
Есть на устах тебе горящая молитва,
А на глазах дрожащая слеза.
Тогда бегу людей, боюсь их приближенья
И силюсь затаить и слезы и волненья,
Чтоб взор лукавой клеветы
Не оскорбил моей мечты,
И грустно расстаюсь я с думами моими.
Я скучен для людей — мне скучно между ними!

1834

281. ЭЛЕГИЯ

С шумящим потоком, с весенней волной
Страдалица очи закрыла;
Навеки, навеки с последней борьбой
Сердечные бури забыла.
В минуты томленья, заботы полна,
Кого-то искала очами,
Какое-то имя с тоскою она
Невнятно шептала устами.
Чье было то имя? — понять не могли.
Кого еще видеть хотела?
Но подвиг окончен, и с грустной земли
Далёко душа улетела!
Так скоро, так рано, едва расцвела —
И хладны уж перси младые!
Не злая болезнь твою жизнь унесла,
Нет, страсти твои роковые!..
Давно ли, о боже, на юных очах
Блистали веселья безумные слезы?
Давно ль над челом, в твоих черных кудрях,
Дышали весенние розы,
Как в залах роскошных являлася ты?
И вот уж увяла, как эти цветы!
К кому-то ревнуя, о ком-то рыдая,
Кого-то напрасно ждала...
Каким-то недугом безмолвно сгорая,
Ты быстро в могилу сошла!..
Но страшная тайна с тобой умерла.
Прости, до свидания, тень молодая!

Над гробом подруги, в раздумье стоя,
Подруга слезы не роняла...
Лишь бедная мать над несчастной рыдала
И с воплем на труп охладелый ея
Безжизненным трупом упала;
Лишь кто-то один в отдаленье стоял,
И жарко молился, и долго рыдал...
Печально, уныло святые напевы
Неслися за телом усопшия девы.
Они провожают в загробную даль,
Из нашей юдоли к обители вечной,
Куда не доходит ни скорбь, ни печаль,—
На лоно любви бесконечной.

1839

282. ЭЛЕГИЯ

Спокойно всё,— лишь ярко на лазури
Светила вечные горят;
Всё спит,— сомненья лишь не спят,
Не спит страстей неистовая буря,
Чело горит. О! в сердце мысль одна:
Она, она, она мне изменила!..
Так для чего ж являлась мне она?

Зачем душа на муки полюбила?..
Волшебница из звуков и лучей!
С благоуханными, коварными устами,
С кудрями черными, роскошными кудрями,
С ланитой бледною своей!
О, для чего твердила ты «люблю»?
Зачем узнал тебя?
Зачем всё это было?
Зачем, дитя, играя, отравила
Ты юность гордую мою?..
Иль, разлюбив, что́ не дала ты яду?
Быть может, я б еще простил!
Твой дар мне был прощальною наградой,
Последней мыслию б он был.
О, как тебя хочу я ненавидеть!..
Как ненавижу и... люблю!

1839

283. ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Увы! как лживый сон, судьба играет нами
От резвой юности до сеней гробовых;
Смеется злобно жизнь над чувством, над страстями,
Над клятвами безумцев молодых.
Как я любил тогда! В разлуке безнадежной,
С минуты горестной, с минуты роковой,
Когда в последний раз блеснул мне образ нежный,
Как бледный дух над урной гробовой,—
В разлуке горестной я с ней не разлучался,
В душе тоскующей одну ее носил,
С другими девами, чуть встретясь, расставался:
Я никого с тех пор уж не любил.

И испил все до дна сомненья и страданья —
Скиталец сумрачный в краю чужом — вдали,
И всё казалося, что с нею мне свиданья
Не перенесть... Но годы шли да шли!
И встретил я ее... То было в полдень ясный;
На празднике весны прошла передо мной...
Опять увиделись!.. Она была прекрасна,
Но уж не та, и я уж был другой.
Что ж? Ничего в тот миг во мне не пробудилось,
Я в сердце прошлого следов уж не сыскал,
Лишь думал, на нее смотря: «Как изменилась!»
«Ты постарел!» — мне взор ее сказал.

29 августа 1843

Э. И. Губер

284. ОХЛАЖДЕНИЕ

Мучительно следить за медленной утратой
Годами купленной, любовию богатой
И близкой нам души,— нести заветных уз
Не в силах, бедная. Таинственный союз
Разрушен навсегда; не умысел коварный
Созрел изменою в душе неблагодарной,
Не легкомыслие, не медленный расчет
На связи прежние в ней холодно встает.
Другой лежит ей путь, другие впечатленья
Уносят прежние; не гнева, не презренья,
А пламенных молитв и непритворных слез
Достойна, бедная. Блажен, кто перенес
Падение ее без грешного укора,
Кто в преступление ей не вменял позора,
Кто целомудренно хранит в душе своей
Воспоминание одних прошедших дней,
Кто для нее сберег одни благословенья,
Да дружбу грустную, да слезы умиленья.

1842

285. БЕССОННИЦА

Ночи бессонные, ночи мучения,
Скоро ли минете вы?
Скоро ли снимете ношу сомнения
С бедной моей головы?

Скроете мысли мои беззаконные,
Смоете язву страстей,
Ночи печальные, ночи бессонные,
Ночи забот и скорбей?

Тише... Я вижу, в тоске лихорадочной
Бледные лица встают,
Шепчут и пляшут толпою загадочной,
Длинные песни поют.

В ночи бессонные ходят видения
Мимо раскрытых очей,
Громом срывается хохот презрения
С уст бестелесных теней.

Молча раскроешь немые объятия,—
Где-то родная душа?
Ищешь молитвы, а шепчешь проклятия,
Страхом и злобой дыша.

Где же мечты мои, где упования,
Жажда возвышенных дел?
Воля железная, жар дарования,
Вера в высокий удел?

Труд неоконченный предан забвению,
Сила души прожита,
И, покоряясь немому сомнению,
Сохнет живая мечта.

Так пробуждаются страсти бездонные
В мраке ночной тишины,
Так облекаются ночи бессонные
В страшные, долгие сны.

1842

286. СТРАННИК

Иду домой знакомою дорогой.
Я издали вернулся. На покой
Пора костям. Житейскою тревогой
Я утомлен, и, слабою рукой
Облокотясь на посох мой убогой,
Я думаю с невольною тоской:
Кто мой приход на родину заметит?
Кто ныне здесь меня как друга встретит?

Мне не жилось в родимой стороне,—
От юности, среди немых волнений,
Мне грезились видения во сне,
И звал меня какой-то злобный гений
В чужую даль, и душно было мне
Под бременем неясных вдохновений,
И вышел я из родины моей
В широкий мир сомнений и страстей.

Но не сбылись младые упованья,—
Разрушился пророческий обман.
Сомнение — болезненного знанья
Унылый плод; рассеялся туман;
Я не сберег ни одного желанья...
И в этот час, среди кровавых ран,
Я отдал бы за дружескую ласку
Былых надежд несбыточную сказку.

Домой, домой, на родину мою!
Я вновь дышу вечернею прохладой
В родных полях, я снова узнаю
И старый дом, и церковь за оградой,
И молодость веселую свою
Я вспомнил вновь; и с тайною отрадой
На прах земли я головой клонюсь;
Я снова здесь надеюсь и молюсь.

По-старому я с братьями моими!
Узнают ли больного пришлеца?
Но разве я не встречу между ними
Ни одного знакомого лица?
Я не найду, один между чужими,
Ни матери, ни старого отца.

Другое им отведено жилище —
Там за селом, где тихое кладбище.

Но вот они проходят,— я дрожу,
Знакомые черты припоминаю,
Их имена я в памяти твержу,
Их братского привета ожидаю.
Толпа глядит, я тихо подхожу,
По имени себя им называю:
Не вспомнит ли хоть кто-нибудь из них
Об имени родителей моих?

Они прошли; всё тихо; понемногу
Толпа редеет; время на покой.
Я подхожу к знакомому порогу,
Стою один и с тайною тоской
Гляжу вперед на пыльную дорогу,
На посох мой облокотясь рукой,—
И стыдно мне, что я забыт народом,
Что никого не радую приходом.

Куда теперь? Кому же протянуть
В последний раз хоть на прощанье руку?
Кому отдам, пускаясь в новый путь,
Больной души мучительную скуку?
Иду один, и некому вздохнуть,
На долгую благословить разлуку!
Вокруг меня и братья, и родня —
А некому молиться за меня!

1844

Е. П. Ростопчина

287. ОСЕННИЕ ЛИСТЫ

Один увядший лист несчастному милее,
Чем все блестящие весенние цветы.

Андрей Тургенев

Сухие, желтые листы,
Предвестники поры печальной,—
Вы любы мне!.. Мои мечты
Привыкли к думе погребальной,
Сдружились с мыслью неземной;

И есть родство, родство святое
Меж всё тоскующим и мной,—
Неизгладимо роковое
Клеймо дней прежних над душой!..

Люблю я колокол унылый
В вечерний час, вдали сует;
Мое любимое светило
Не солнце пышное, о нет!..
Нет! То луна под покрывалом
Прозрачно-синих облаков!
Я в храме древнем, обветшалом
Молюсь теплей; среди лесов
Ищу не тополей красивых,
Не лип роскошных, горделивых,—
Но громом сломанных дубов!..

Златого утра блеск роскошный
Встречаю хладным оком я,
Но бури шум, но ветр полночный —
Вот, вот поэзия моя!..
И я отдам весну младую
Со всею жатвой гордых роз
За осень бледную, нагую
Иль за порывы летних гроз!..

Но вы, разметанные роком
Любимцы блеклые мои,
На лоно матери-земли
Вы, принесенные оброком
С родимых ветвей и вершин,—
Как много дум и откровений,
Как много горестных явлений
И занимательных судьбин
Я вижу в низкой вашей доле!..
Не много будущности в вас,
Но всё ж, на жизненной юдоли,
Переживете вы не раз
И рано скошенную младость,
И сон любви, и красоту,
И сердца пламенного радость,
И вдохновенную мечту!..

Быть может, вихрь своим дыханьем
Вас на могилу нанесет?..
Быть может, вас волна возьмет
И вас последним призыванием
Младой утопленник почтет?..
Быть может, вам и мне судьбою
Уделы равные даны
И вы, как я, обречены
Увянуть здесь перед зимою?..
И я, как вы, осуждена
Не покидать степи печальной,
В ней изнывать, тоски полна,
Вотще душой стремясь в путь дальний?..
Нам вместе ль рок велел страдать,
И век отжить, и умирать
В своем углу непросвещенном,
Под небом, вечно омраченным,
И стран желанных не видать?..
Быть может, вас со мной зароют
Снега родные в саван свой
И вьюги русские завоют
Над нами песнью гробовой!..

И горе, если уцелеет
Один из вас!.. Весна придет,
Весна поляны отогреет
И их цветами уберет,—
А он, иссохший, одинокий,
Он не истлеет на лугах,
Но путника ногой жестокой
Растоптан будет в пыль и прах!..
Так память первых впечатлений,
Былых надежд, былых волнений
Душа и гонит и клянет,
Когда рой скучных сожалений
Любовь другая изженет!..

1834

288. БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Вставать, чтоб целый день провесть наедине
С напрасными и грустными мечтами,
В безжизненной степи, в безмолвной тишине,
Считать года потерянными днями,

Не видеть пред собой ни цели, ни пути,
Отвыкнуть ждать, забыть надежды сладость
И молодость губить в деревне, взаперти,—
Вот жребий мой, вот жизнь моя и радость!

Когда ровесницам моим в удел даны
Все общества и света развлеченья,
И царствуют они, всегда окружены
Толпой друзей, к ним полных снисхожденья;
Когда их женский слух ласкает шум похвал,
Их занят ум, их сердце бьется шибко,—
Меня враждебный рок здесь к степи приковал,
И жизнь моя — лишь горькая ошибка!..

Напрасно я в себе стараюсь заглушить
Живой души желанья и стремленья...
Напрасно зрелых лет хочу к себе привить
Холодные, сухие размышленья...
Напрасно, чтоб купить себе навек покой,
Состариться сейчас бы я готова...
Вперед, вперед и вдаль я рвусь моей мечтой,—
И жить с людьми стремится сердце снова!..

Октябрь 1836
Село Анна

289. В СТЕПИ

And then, I am in the world alone!
«Childe Harold» [1]

Расстались мы!.. В степи далекой
Течет безмолвно жизнь моя...
В деревне скуке одинокой
Обречена надолго я...

Томит безрадостная доля
Стесненный ум, больную грудь,—
Хочу рассеять грусть неволи
Хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь!

Боюсь, сердечная тревога
Здесь развлеченья не найдет,—
А в праздной голове так много,
Так много страстных грез живет!..

[1] И вот я один в целом мире!.. «*Чайльд-Гарольд*» (англ.).— *Ред.*

Вдали от городского шума
Здесь ропот сердца мне слышней,
Свободней пламенная дума,
Мечта отважней и сильней...

Не сдержит здесь порыв желаний
Приличий, предрассудков цепь,
Не заглушит воспоминаний
Затишьем мертвым эта степь!..

Живую в душную могилу
Пусть схоронили в двадцать лет,—
В ней не убьют ни страсть, ни силу!..
Ей мил и люб, ей нужен свет!..

Там всё, чем сердце тайно билось,
Чем полон мир, чем жизнь светла,
И тот, к кому душа стремилась,
Кого в кумиры избрала...

А *он*?.. Минуты увлеченье
Давно забыл, быть может, *он*,
Как промелькнувшее виденье,
Как прерванный, неясный сон?..

Где ж помнить, что в пустыне дальной
О нем тоскуют и грустят,
Что думы женщины печальной
Его зовут... к нему летят?..

Ему ль знать горечь сожалений
И об уехавшей мечтать,
Когда так много искушений
Его готово утешать?..

Кого теперь в блестящих залах
Его пытливый ищет взгляд?..
Кого на многолюдных балах
Он тайно ждет... кому *он* рад?..

Кому твердит он, с пылом страстным,
Любви привет, любви слова,
И для кого теперь опасным
Его прославила молва?..

Чье сердце робкое волнует
Полупризнаньем он теперь?..
Кого, прельщенный, очарует?
Кому твердит: «Люби и верь!..»

Хочу, хочу в тоске мятежной
Всё знать я: кем *он* дорожит,
И на кого *он* смотрит нежно,
И с кем всех дольше говорит...

Май 1838
Село Анна

290. НЕ СКУЧНО, А ГРУСТНО

Ce n'est pas de ce qui est, que je suis tourmenté, mais de ce qui aurait pu être.
X...X...[1]

Есть в жизни дни без солнца, без веселья,
Туманные, как в осень небосклон,
Когда досуг наш грустный посвящен
Раздумию в уединенной келье;

Когда в виду и в мысли цели нет,
И мы не там, где быть бы нам хотелось,
И трауром душа с тоски оделась,
Как свернутый в ненастье вешний цвет.

В такие дни всем встречным развлеченьям
Бесспорно мы мгновенья отдаем;
В такие дни мы для других живем,
Не для себя,— простившись с наслажденьем.

И может быть, увлечены порой
Занятием каким иль разговором,
Мы вкруг себя посмотрим светлым взором,
И в смех друзей мы смех вмешаем свой.

Не скучно нам, не тяготит нас время,
Часы летят... и сердце лишь одно,
Неясною тоскою стеснено,
Не сотряхнет воспоминаний бремя.

---

[1] Не тем я мучаюсь, что есть, а тем, что могло бы быть. *X...X...* (фр.).— *Ред.*

Не скучно нам, а грустно!.. Мы таим
Напрасные, немые сожаленья,
И всё вдали рисуют нам виденья,
Что б быть могло, чего не возвратим!..

18 февраля 1842
Петербург

Н. В. Кукольник

291. ЭЛЕГИЯ

Я здесь опять! Я обошел весь сад!
По-прежнему фонтаны мечут воду,
По-прежнему Петровскую природу
Немые изваянья сторожат;
Сто тридцать лет по-прежнему проходят,
Душа готовит им восторженный привет,
Как волны, по́ сердцу стихи толпами ходят,
И зреет песнь...
Но не дозреет, нет!
Солнце к соловью не ходит:
Не у солнца он живет.
Если ж солнце не восходит,
Соловей не запоет...
Так и певец,— без женщины любимой
Нет вдохновения, нет песен и стихов.
Но луч очей блеснет жены боготворимой —
И что́ небесный гром, что́ шум твоих валов!..
Пусть недоступная, в вельможеском уборе,
С бесстрастьем на устах, с холодностью во взоре,—
О, чудно зазвучит песнь чудная моя!
Но без нея?..
Вот солнце закатилось;
На кратковременный покой царя светил
Военный хор с почетом проводил;
Вот рябь морских валов луной осеребрилась;
Все разошлись. Кронштадтской пушки гул
Приплыл с последним ветром, запоздалый;
Петровские деревья задремали,
На их листах последний ветр уснул.

Всё успокоилось.
Но для души безумной
Нет мира в тишине: ее грызет тоска;
Сто песен в ней гремит и пламенно и шумно,
Но в этих песнях нет ни одного стиха.

10 июля 1837
Петергоф

И. С. Тургенев

292. ВЕЧЕР

Дума

В отлогих берегах реки дремали волны;
Прощальный блеск зари на небе догорал;
Сквозь дымчатый туман вдали скользили челны,—
И грустных дум, и странных мыслей полный,
На берегу безмолвный я стоял.

Маститый царь лесов, кудрявой головою
Склонился старый дуб над сонной гладью вод;
Настал тот дивный час молчанья и покою,
Слиянья ночи с днем и света с темнотою,
Когда так ясен неба свод.

Всё тихо: звука нет! Всё тихо; нет движенья!
Везде глубокий сон — на небе, на земле;
Лишь по реке порой минутное волненье;
То ветра вздох, листа неслышное паденье;
Везде покой, но не в моей душе.

Да, понял я, что в этот час священный
Природа нам дает таинственный урок,—
И голос я внимал в душе моей смущенной,
Тот голос внутренний, святой и неизменный,
Грядущего таинственный пророк.

Кругом (так я мечтал) всё тихо, как в могиле;
На всё живущее недвижность налегла;
Заснула жизнь; природы дремлют силы.
И мысли чудные и странные будила
В душе моей той ночи тишина.

Что, если этот сон — одно предвозвещанье
Того, что ждет и нас, что будет нам!
Здесь — света с тьмой, там — радостей, страданий
С забвением и смертию слиянье;
Здесь — ночь и мрак, а там? Что будет там?

В моей душе тревожное волненье.
Напрасно вопрошал природу взором я:
Она молчит в глубоком усыпленье.
И грустно стало мне, что ни одно творенье
Не в силах знать о тайнах бытия.

1837

293. ОСЕНЬ

Как грустный взгляд, люблю я осень.
В туманный тихий день хожу
Я часто в лес и там сижу,
На небо белое гляжу
Да на верхушки темных сосен.
Люблю, кусая кислый лист,
С улыбкой развалясь ленивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятлов тонкий свист.
Трава завяла вся... холодный,
Спокойный блеск разлит по ней...
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...
Чего не вспомню я! Какие
Меня мечты не посетят!
А сосны гнутся как живые
И так задумчиво шумят...
И, словно стадо птиц огромных,
Внезапно ветер налетит
И в сучьях спутанных и темных
Нетерпеливо прошумит.

1842

294

Когда давно забытое названье
Расшевелит во мне внезапно вновь
Уже давно затихшее страданье,
Давным-давно погибшую любовь,—

Мне стыдно, что так медленно живу я,
Что этот хлам хранит душа моя,
Что ни слезы, ни даже поцелуя,
Что ничего не забываю я.

Мне стыдно, да; а там мне грустно станет,
И неужель подумать я могу,
Что жизнь меня теперь уж не обманет,
Что до конца я сердце сберегу?

Что вправе я отринуть горделиво
Все прежние, все детские мечты,
Всё, что в душе цветет так боязливо,
Как первые, весенние цветы?

И грустно мне, что то воспоминанье
Я был готов презреть и осмеять...
Я повторю знакомое названье —
В былое весь я погружен опять.

1843

295. РИМСКАЯ ЭЛЕГИЯ

(Гёте, XII)

Слышишь? Веселые клики с Фламинской дороги несутся:
Йдут с работы домой в дальнюю землю жнецы.
Кончили жатву для римлян они; не свивает
Сам надменный квирит доброй Церере венка.
Праздников более нет во славу великой богини,
Давшей народу взамен желудя хлеб золотой.
Мы же с тобою вдвоем отпразднуем радостный
праздник.
Друг для друга теперь двое мы целый народ.
Так, ты слыхала не раз о тайных пирах Элевзиса:
Скоро в отчизну с собой их победитель занес.
Греки ввели тот обряд, и греки, всё греки взывали
Даже в римских стенах: «К ночи спешите святой!»
Прочь убегал оглашенный; сгорал ученик ожиданьем.
Юношу белый хитон — знак чистоты — покрывал.
Робко в таинственный круг он входил: стояли рядами
Образы дивные; сам словно бродил он во сне.

Змеи вились по земле; несли цветущие девы
Ларчик закрытый; на нем пышно качался венок
Спелых колосьев; жрецы торжественно двигались,
пели...
Света с тревожной тоской, трепетно ждал ученик.
Вот, после долгих и тяжких искусов, ему открывали
Смысл освященных кругов, дивных обрядов и лиц...
Тайну, но тайну какую? Не ту ли, что тесных объятий
Сильного смертного ты, матерь Церера, сама
Раз пожелала, когда свое бессмертное тело
Всё Язиону-царю, ласково всё предала.
Как осчастливлен был Крит! И брачное ложе богини
Так и вскипело зерном, тучной покрылось травой,
Вся ж остальная зачахла земля... Забыла богиня
В час упоительных нег свой благодетельный долг.
Так с изумленьем немым рассказу внимал посвященный;
Милой кивал он своей... Друг, о пойми же меня!
Тот развесистый мирт осеняет уютное место...
Наше блаженство земле тяжкой бедой не грозит.

1846

И. П. Клюшников

296. ЭЛЕГИЯ

Опять оно, опять былое!
Какая глупость — черт возьми! —
От жирных праздников земли
Тянуться в небо голубое,
На шаг подняться — и потом
Преважно шлепнуть в грязь лицом!
И как давно, и сколько раз
Я отрекался от проказ
И от чувствительных оказий,
И вот опять душа болит,
И вот опять мечта шалит
И лезет сдуру в мир фантазий...

А всё она! Чудесной девы
Меня смутил волшебный взор,
И снова прошлого напевы
Звучат душе моей в укор.

И смех и горе,— сердцу больно,
Над гробом чувств моих смеюсь,
А всё-таки порой невольно
Назад не раз я оглянусь...
Да что же там? Так, просто — гадость!
Но нравится издалека
И безотчетная тоска,
И глупо-ветреная радость,
И пыл мечтаний, и потом
Война Троянская с умом!..

1838

297. ЭЛЕГИЯ

Есть сны ужасные: каким-то наважденьем
Всё то, в чем мы виновны пред собой,
Что наяву нас мучит сожаленьем,
Обступит одр во тьме — с упреком и грозой.

Каких-то чудищ лица неживые
На нас язвительно и холодно глядят,
И душат нас сомненья вековые —
И смерть, и вечность нам грозят.

Исхода нет, безбрежная пустыня
Пред нами стелется; от взоров свет бежит,
И гаснет в нас последний луч святыни,
И тьма кругом упреками звучит.

Проснулись мы — всё вкруг подернуто туманом,
Душа угнетена сомненьем и тоской:
Всё прошлое нам кажется обманом,
А будущность — бесцветной пустотой.

Безжизненно на мир взирают очи,
Мрет на устах молитва к небесам,—
И страшный сон прошедшей ночи
И хочется, и страшно вспомнить нам.

Быть иль не быть — ужасное мгновенье!..
Но самовар кипит, и вам готовят чай,—
И снова в мир уносит треволненье...
О страшный сон, почаще прилетай!

1838

298. СОБИРАТЕЛЯМ МОИХ ЭЛЕГИЙ

Я не поэт! Страстей могучих лава
В груди давно уж не кипит!
Не соблазнит меня поэтов слава,
И крик друзей не соблазнит.

Нет, никогда на суд пустому свету
Я не пойду с моей тоской:
Давно уж я позвал себя к ответу,
Давно расчелся сам с собой.

И не богат я светлыми мечтами,
И не страдал, и не любил,—
Я равнодушно годы за годами
За чувством чувство схоронил.

Я вызываю тени их из праха,
Я панихиды им пою;
Но силы нет во мне — взглянуть без страха
На юность бедную мою.

Не примирился я с моим призваньем,
Тяжка мне память прошлых лет,
Ее будить восторженным рыданьем
Я не хочу,— я не поэт!

Моя печаль — семейная могила,
Чужим нет дела до нее.
Пусть я один оплачу всё, что было
И что теперь уж не мое.

Вам дик мой плач! То голос тяжкой муки,
То отголосок светлых дней.
Зачем же вам разрозненные звуки
Души расстроенной моей?

Оставьте их! От скорби, от роптанья
Я исцелюсь скорей в тиши
И заглушу нестройный вопль страданья
Святой гармонией души.

1839

299. СМУТНЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Есть в жизни смутные, тяжелые мгновенья,
Когда душа полна тревожных дум
И ноша трудная томящего сомненья
Свинцом ложится на печальный ум;
И будущность несется тучей издалёка,
Мрачна, страшна, без меры, без конца,
Прошедшее встает со взорами упрека,
Как пред убийцей призрак мертвеца.
Откуда вы, минуты скорбных ощущений,
Пришельцы злобные, зачем с душой
Дружите вы ряды мучительных видений
С их изнурительной тоской?
Но я не дам вам грозной власти над собою,
И бледное отчаянья чело
Я твердо отгоню бестрепетной рукою —
Мне веру провидение дало;
И малодушия ничтожные страданья
Падут пред верой сердца моего,
Священные в душе хранятся упованья,
И этот клад — я сберегу его.

Март, 1838

300. РАЗЛАД

Есть много горестных минут!
Томится ум, и сердцу больно,
Недоумения растут,
И грудь стесняется невольно.
В душе вопросов длинный ряд,
Всё тайна — нету разрешенья,
С людьми, с самим собой разлад,
И душат горькие сомненья.
Но всё ж на дне души больной
Есть вера с силою могучей...
Так солнце бурною порой
Спокойно светит из-за тучи.

17 апреля 1840

301. ОСЕНЬ

Когда осеннею порою
Холодным воздухом пахнёт,
И тучи серой пеленою
Угрюмо в небе разовьет,
И тускло станет днем печальным,
И стелется туман кругом,—
Люблю я ехать лесом дальним,
Шаг за́ шаг, на коне верхом,—
А конь шумит, по листьям сбитым
Ступая кованым копытом.

Люблю я слушать ветра свист,
Следить его опустошенья,
Смотреть, как рвется желтый лист,
И слушать шум его паденья.
Тогда лишь ворон средь лесов
Живет в безмолвье одиноком;
Услыша с дуба звук шагов,
Глядит кругом он зорким оком,
Махает крыльями и вдруг
В глуши скрывает свой испуг.

Всё так печально, так уныло,
Всё так прощается со мной
И говорит, что уж отжило...
Воспоминанье той порой
Весну мне прежнюю рисует,
Мечта несется к старине,
И сердце любит и тоскует,
И грустно так бывает мне,
И воскресают из забвенья
Былые люди и виденья.

1840 или 1841

302

Когда тревогою бесплодной
Моя душа утомлена,
И я брожу в тоске холодной,
И жизнь мне кажется скучна,

И мне случится ненарочно
Увидеть, как в беспечном сне
Лежит младенец непорочный,
Как ангел божий,— легче мне.
Гляжу я долго на ребенка:
Как хорошо, невинно он
Раскинул ножки и ручонки!
Какой он грезит светлый сон!
Легко улыбка сохранилась
На чуть растворенных устах,
И тихо мать над ним склонилась
С такою нежностью в очах...
Мне легче, да! И в умиленье
Я так глубоко верю вновь,
Что на земле есть наслажденье,
Есть чистота и есть любовь.

1841

303. НОЧЬ

Когда во тьме ночной, в мучительной тиши,
Мои глаза дремотой не сомкнуты —
Я в безотвязчивом томлении души
Переживаю трудные минуты.
Всё лица прежние, картины прежних лет
Передо мной проносятся, как тени,
Но чувства прежнего во мне уж больше нет:
Я холодно гляжу на ряд видений.
Напрасно силюсь я будить в душе моей,
Что жило в ней так сладко иль тревожно,—
Любовь, страдание, блаженство прежних дней
Мне кажется или смешно, иль ложно.
И мне грядущее замены не сулит:
Вся жизнь пройдет несносною ошибкой...
И слезы горькие, текущие с ланит,
Уста глотают с горькою улыбкой.

1844

304

Еще любви безумно сердце просит,
Любви взаимной, вечной и святой,
Которую ни время не уносит,
Ни губит свет мертвящей суетой;

Безумно сердце просит женской ласки,
И чудная мечта нашептывает сказки.

Но тщетно всё!.. Ответа нет желанью;
В испуге мысль опять назад бежит
И бродит трепетно в воспоминанье...
Но прошлого ничто не воскресит!
Замолкший звук опять звучать не может,
И память только он гнетет или тревожит.

И страх берет, что чувство схоронилось,
По нем в душе печально, холодно́,
Как в доме, где утрата совершилась:
Хозяин умер — пусто и темно,
Лепечет поп надгробные страницы,
И бродят в комнатах всё пасмурные лицы.

1844

305

Бываю часто я смущен внутри души
И трепетом исполнен и волненьем;
Какой-то ход судьбы свершается в тиши,
И веет мне от жизни привиденьем.
В движенье шумном дня, в молчанье тьмы ночной,
В толпе ль, один ли, средь забав иль скуки —
Везде болезненно я слышу за собой
Из жизни прежней схваченные звуки.
Мне чувство каждое, и каждый новый лик,
И каждой страсти новое волненье,
Всё кажется — уже давно прожитый миг,
Всё старого пустое повторенье.
И скука страшная лежит на дне души,
Меж тем как я внимаю с напряженьем,
Как тайный ход судьбы свершается в тиши,
И веет мне от жизни привиденьем.

1846

Я наконец оставил город шумный,
Из душных стен я вырвался на миг;
За мною смолкнул улиц треск безумный,
И вдалеке докучный говор стих,
И вот поля равниною безбрежной
В вечернем блеске дремлют безмятежно.

Люблю я вас, вечерние отливы,
И с далью неба слитый край земли,
Цветок лазурный между желтой нивы
И птички песню звонкую вдали.
О, как давно уже в тиши раздольной
Я не дышал беспечно и привольно!

Мне хорошо... но отчего ж так грустно?
Душа мягка, и вместе больно ей,
И сельский быт невинный, безыскусный
Меня томит, как память детских дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскует грудь в тяжелом умиленье.

О, по душе прошло с тех пор так много —
Гнет истины, ошибок суета,
Порок, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Рассудка власть и грозная работа,
И мелкой жизни мелкая забота.

Поля, поля! ваш мир меня объемлет,
Но кротких чувств он не приносит мне;
Как прежде, сердце в тихом сне не дремлет...
Вы мне теперь, в вечерней тишине,
Растроганность болезненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

1856

307. ГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ БЕТГОВЕНА

Памяти А. Одоевского

Я вспомнил вас, торжественные звуки,
Но применил не к витязю войны,

А к людям доблестным, погибшим среди муки
За дело вольное народа и страны.

Я вспомнил пе́тлей пять голов казненных
И их спокойное умершее чело,
И их друзей, на каторге сраженных,
Умерших твердо и светло.

Мне слышатся торжественные звуки
Конца, который грозно трепетал,
И жалко мне, что я умру без муки
За дело вольное, которого искал.

Середина 1870-х годов

В. Г. Бенедиктов

308. МОГИЛА ЛЮБВИ

В груди у юноши есть гибельный вулкан.
Он пишет. Мир любви под пламенем построен.
Чредой прошли года,— Везувий успокоен,
И в пепле погребен любовный Геркулан;
Под грудой лавы спят мечты, тоска и ревность,
Кипевший жизнью мир — теперь седая древность.
И память, наконец, как хладный рудокоп,
Врываясь в глубину, средь тех развалин бродит,
Могилу шевелит, откапывает гроб
И мумию любви нетленную находит,—
У мертвой на челе оттенки грез лежат;
Есть прелести еще в чертах оцепенелых,
В очах угаснувших блестят
Остатки слез окаменелых.
Из двух венков, ей брошенных в удел,
Один давно исчез, другой всё свеж, как новый,—
Венок из роз давно истлел,
И лишь один венок терновый
На вечных язвах уцелел.
Вотще и ласки дев и огненные песни
Почившей говорят: восстань! изыдь! воскресни!
Ее не оживят ни силы женских чар,
Ни взор прельстительный, ни уст коварных лепет,

И электрический удар
В ней возбудит не огнь и жар,
А только судорожный трепет.
Кругом есть надписи, но тщетно жадный ум
Покрывшую их пыль сметает и тревожит,
Напрасно их грызет и гложет
Железный зуб голодных дум,
Когда и сердце их уже прочесть не может;
И, факел уронив и весь проникнут мглой,
Кривляясь в бешенстве пред спящею богиней,
В бессилье жалком разум злой
Кощунствует над древнею святыней.

1841

309. ТОСКА

Порою внезапно темнеет душа,—
Тоска! А бог знает — откуда?
Осмотришь кругом свою жизнь — хороша,
А к сердцу воротишься — худо!

Всё хочется плакать. Слезами средь бед
Мы сердце недужное лечим.
Горючие, где вы? Горючих уж нет!
И рад бы поплакать, да нечем.

Ужели пророческий сердца язык
Сулит мне удар иль потерю?
Нет, я от мечты суеверной отвык,
Предчувствиям темным не верю.

Нет! это не будущих бедствий залог,
Не скорби грядущей задаток,
Не тайный на новое горе намек,
А старой печали остаток.

Причина ее позабыта давно,—
Она лишь сама сохранилась,
В груди опустелой упала на дно
И там залегла, притаилась —

Уснула и тихо в потемках лежит,
Никто ее, скрытой, не видит;
А отдыхом силы она освежит,
Проснется — и выглянет, выйдет —

И душу обнимет. Той мрачной поры
Пошел бы рассеять ненастье,
С людьми поделился б... Они так добры,
У них наготове участье.

Их много — и слишком — к утехе моей.
Творец мой! Кому не известно,
Что мир твой так полон прекрасных людей,
Что прочим становится тесно?

Да думаю: нет! Пусть же сердце мое
Хоть эта подруга голубит!
Она не мила мне, но гнать ли ее,
Тогда как она меня любит?

Ее ласка жестка, ее чаша горька,
Но есть в ней и тайная сладость,
Ее схватка крепка и рука нелегка,—
Что ж делать? Она ведь — не радость!

Останусь один. Пусть никто из друзей
Ее не осудит, не видит,
И пусть ни единый из добрых людей
Насмешкой ее не обидит!

Между 1842 и 1850

А. Н. Майков

310—316. *ЭЛЕГИИ*

I
ИСПОВЕДЬ

Так, ветрен я, друзья! Напрасно я учусь
Себя обуздывать: всё тщетно! Тяжких уз
Мой дух чуждается... Когда на взор мой томный
Улыбку вижу я в устах у девы скромной —
Я сам не свой! Прости Сенека, Локк и Кант,
И пыльных кодексов старинный фолиант,
Лицей блистательный и портик величавый,
И знаменитый ряд имен, венчанных славой!

Опять ко мне придут игривая мечта,
И лики бледные, и имя на уста,
И взоры томные, и трепет сладкой неги,
И стих таинственный задумчивых элегий.

1841

II

О чем в тиши ночей таинственно мечтаю,
О чем при свете дня всечасно помышляю,
То будет тайной всем, и даже ты, мой стих,
Ты, друг мой ветреный, услада дней моих,—
Тебе не передам души своей мечтанья,
А то расскажешь ты, чей глас в ночном молчанье
Мне слышится, чей лик я всюду нахожу,
Чьи очи светят мне, чье имя я твержу.

Март, 1841

III

Зачем средь общего волнения и шума
Меня гнетет одна мучительная дума?
Зачем не радуюсь при общих кликах я?
Иль мира торжество не праздник для меня?..
Блажен, кто сохранил еще знаменованье
Обычаев отцов, их темного преданья,
Ответствовал слезой на пение псалма;
Кто, волей оторвав сомнения ума,
Святую Библию читает с умиленьем,
И, вняв церковный звон, в ночи, с благоговеньем,
С молитвою зажег пред образом святым
Свечу заветную, и плакал перед ним.

28 марта 1841

IV

ЖИЗНЬ

Грядущих наших дней святая глубина
Подобна озеру: блестящими водами
Оно покоится; волшебного их сна
Не будит ранний ветр, играя с камышами.

Пытливый юноша, годов пронзая мглу,
Подходит к берегам, разводит осторожно
Густые ветви ив и мыслию тревожной
За взором следует... По водному стеклу
Аврора пурпур свой рассыпала струисто...
Как темны гряды скал! Как небо золотисто!
Как стаду мелких рыб, блистая в серебре,
На солнце радостно играть и полоскаться!
Но... юноша, беги! На утренней заре
Опять не приходи смотреть и любоваться
На это озеро! Теперь внимаешь ты
Лишь шепоту дерев и плеску волн шумливых,
А там, под образом блестящей красоты,
С приманкою любви, с приманкой ласк стыдливых
Красавиц легкий рой мелькнет перед тобой;
Ты кинешься за ней, за милою толпой,
С родного берега... Паденья шум мгновенный,
Урчание и стон пучины пробужденной
Окрестность огласит, и скоро смолкнет он,
И стихнет всё. И что ж, под зеркалом кристалла,
Увидишь ты?.. Увы! исчезнет всё, как сон!
Ни рощ коралловых, ни храмов из опала,
Ни скал, увенчанных в златые тростники,
Ни нимф, свивающих в гирлянды и венки
Подводные причудливые травы...
Нет! ты падешь к одним скалам немым,
К растеньям, дышащим губительной отравой,—
И, вызвана падением твоим,
Толпа алкающих чудовищ
На жертву кинется, низвергнутую к ним
Приманкой красоты, и счастья, и сокровищ.

1839

V

БЕЗВЕТРИЕ

Как часто, возмущен сна грустным обаяньем,
Мой дух кипит в избытке сил!
Он рвется в облака мучительным желаньем,
Он жаждет воли, жаждет крыл.
О! молодая мысль с презреньем и тоскою
Глядит на жизни темной даль,
На труд, лелеемый пурпурною зарею,
На скорбь, на радость, на печаль...

Питая свой восторг, безумный и строптивый,
Мятежно рвется ввысь она...
В чертоги вымысла влекут ее порывы,—
Уж вот пред ней блестит волна,
Корабль готов отплыть, натянуты канаты,
Вот якорь поднят... с берегов
Народ подъемлет крик... вот паруса подъяты:
Лишь ветра ждут, чтоб грудь валов
Кормою рассекать... на палубе дрожащий
Пловец желанием горит:
«Простите, берега!..» Но — моря в влаге спящей
Ни зыби вкруг не пробежит,
Не будит ветерок игривыми крылами
Отяжелевших моря вод,
И туча сизая с сребристыми кудрями
Грозы дыханьем не пахнет...
На мачте паруса висят и упадают
Без силы долу... и пловец
В отчаянье глядит, как воды засыпают,
Везде недвижны, как свинец;
Глядит на даль... но там лишь чаек слышит крики
И видит резкий их полет.
Вдали теряется в извивах берег дикий:
Там беспредельность настает...
Он смотрит с грустию — ни облака, ни тучи
Не всходит в синих небесах,
Не плещет, не шумит на мачте флаг летучий...
Уж ночь ложится на водах:
Он всё еще глядит на руль, где клубы пены
Облиты месячным лучом,
На мачты тонкий верх, туманом покровенный,
На флаг, обвившийся кругом...

1839
Санкт-Петербург

VI

МРАМОРНЫЙ ФАВН

Бродил я в глубине запущенного сада.
Гас красный блеск зари. Деревья без листов
Стояли черные. Осенняя прохлада
Дышала в воздухе. Случайно меж кустов
Открыл я статую: то фавн был, прежде белый,
Теперь в сору, в пыли, во мху, позеленелый.

Умильно из ветвей глядел он, а оне,
Качаясь по ветру, в лицо его хлестали
И мраморного пня подножие скрывали.
Вкруг липы древние теснились, в глубине
Иные статуи из-за дерев мелькали,
Но мне была видна, обнятая кустом,
Одна лишь голова с смеющимся лицом.

Я долго идолом забытым любовался,
И он мне из кустов лукаво улыбался.
Мне стало жаль его. «Ты некогда был бог,
Цинический кумир! Тебе, при флейте звонкой,
Бывало, человек костер священный жег,
На камне закалал с молитвою ягненка
И кровью орошал тебя... О, расскажи:
Что, жаль тебе тех дней? Как ты расстался с властью,
Развенчанный? Тогда — бывали ль ближе к счастью
Младые племена? Иль это умной лжи
Несбытный вымысел — их мир и наслажденья?
Иль век одни и те ж земные поколенья?
Ты улыбаешься?.. Потом была пора,
Ты был свидетелем роскошного двора;
Тебя в развалинах как чудо отыскали,
Тебе разбили сад; вокруг тебя собрали
Тритонов и наяд, афинских мудрецов,
И римских цезарей, и греческих богов,
А всё смеялся ты, умильно осклабляясь...
Ты видел бальный блеск. По саду разливаясь,
Гремела музыка. В аллее темной сей
Чета любовников скрывалась от гостей:
Ты был свидетелем их тайного свиданья,
Ты видел ласки их, ты слышал их лобзанья...
Скажи мне: долго ли хранились клятвы их
Ненарушимыми? Любовь в сердцах у них
Горела вечно ли, и долее ль, чем имя
И уверенья их, на мраморе твоем
Напечатленные и... смытые дождем?
Иль, может быть, опять под липами твоими
Являлися они, условившись с другими?
И твой лукавый смех из-за густых ветвей
С любви их не сорвал предательскую маску,
Не бросил им в лицо стыда живую краску?

. . . . . .
Так, молча, взором я статую вопрошал,
А циник мраморный язвительно смеялся.

1841

VII

ПРИЗВАНИЕ

Шумя, на полных парусах,
Как на распущенных крылах,
Летел корабль, бесстрашно споря
С волнами девственного моря.
Казалось, чуждо было им
Досель неведомое бремя,—
Спокойно венчанное темя
Они склоняли перед ним.
Был вечер. Палуба безмолвна:
Один пловец в плаще стоял
И взор на запад устремлял,
Где вечер гас, краснели волны.
Он видит — слева, между вод,
Громады скал. Их очерк странный
Ему знаком. В выси туманной
Из-за утесов восстает
Немая конная статуя,
Одета броней, со щитом,
И гордо каменным перстом
Ему на запад указуя.
Корабль летел, за водный склон
Зеленый остров погружался,
Тонули скалы,— только он,
Недвижный всадник, оставался,
На дальний запад обращен.

И понял странствователь света
Сокрытый смысл скалы немой:
То божий перст! Не столп запрета!..
Вперед! за гаснущей зарей!
Ни безграничность синей дали,
Ни яд, ни ропота гроза,
Ни глубь, ни в гневе небеса
Его полет не устрашали.

Он плыл... И скоро, будто дым,
Под небом вечера златым
Открылись очерки утесов,
Под сенью пальм, в венце кокосов.
И пали ниц пловцы пред ним,
Познав в нем божьего пророка...
Что ж думал он, пловец высокий,
Когда на землю он взирал,
Молился и рукою смелой,
Во имя мудрой Изабеллы,
Кортесов знамя водружал?

Блажен, кто понял с колыбели
Свое призванье в жизни сей
И смело шел между зыбей
К пределу избранныя цели;
Кто к ней всегда руководим
Единой мыслью неизменной,
Как Генуэзец, вдохновенный
Гранитным всадником своим!

4 апреля 1841

317. ТУЛЛУ

Ты счастлив, Тулл, сидя безмолвно
Под сельским портиком своим
За чашей греческою, полной
Лесбийским соком золотым.
Ты взором следуешь спокойно
За бегом лодок на реке,
Пловцов внимая песни стройной,
Ловя их парус вдалеке
Или любуясь важным ходом
Влекомых вервями судов,
И на приветствия пловцов
Главой киваешь мимоходом.
Но, друг мой, Пафоса жрецу,
Мне не вкусить тех наслаждений!
Зато, когда на ложе лени,
Склонясь ко мне, лицом к лицу,
Задремлет Цинтия; когда я
В ее запутаю власах
Свои персты, в тиши внимая
Сквозь сонный лепет на устах

И ей любуясь,— что́ Пактолы
Златая россыпь для меня,
Всемирный скиптр, венец тяжелый
И бармы пышные царя!

1841

318. ЦИНТИИ

О Цинтия! вдали от друга своего,
Когда взираешь ты на волны голубые,
Обнявшие брега Неаполя златые,
И пальмы, и холмы, и портики его,
Ко мне ль летят твои игривые мечтанья?
Меня ли ищет взор на этих челноках,
Мелькающих вдали на белых парусах?
Всё та же ль ты, как в час последнего свиданья?
Быть может... страшная мечта!.. перед тобой
Иной на гимн любви кифары строй наладил...
Ты улыбаешься... а дерзкою рукой
Он имя Цинтии в стихах моих изгладил...
Быть может, на брегу зелено-теплых вод,
Под тенью ма́слины, густым плющом увитой,
Доверчиво ему внимаешь ты — и вот
Моя любовь и я — тобою всё забыто!..
Прочь! прочь, коварный сон! рассейся ты
как дым!
Иль лучше ты яви мне Цинтию младую,
Как бродит, грустная, над озером лесным
И, в легком челноке, равнину водяную
Браздя веслом, собой любуется в водах,
Теряя розаны в взволнованных струях;
Иль в полдень у ручья, за рощею зеленой,
Одежды сбросивши на бархат луговой,
Спускается в ручей робеющей ногой,
Невольным визгом вдруг долину оглашает
И, воды расплеснув, как лебедь выплывает.

1841

319—320. *ЭЛЕГИИ*

I

Как чудных странников сказанья
Про дальние края,
О прошлых днях воспоминанья
В душе читаю я...

Как сон блестящий, вижу горы,
Статуи, ряд дворцов,
Резные, темные соборы
Старинных городов...

Гремят веселые напевы
За дружеским столом;
В златом тумане йдут девы
Под розовым венком...

Но клики пира, дев улыбки
Меня не веселят,
И прежде милые ошибки
Соблазном не манят...

Иного счастья сердце просит...
Уж из знакомых вод
В иные воды ветер вносит
Мой челн; волна ревет;

Кругом угрюмой вид природы,
И звезд иных огнем
Небес таинственные своды
Осыпаны кругом...

К ним так и тянет взор мой жадный,
Но их спокойный вид,
Их блеск холодный, безотрадный
Мне душу леденит!

За всё, чем прежде сердце жило,
Чем билось, я дрожу,
И в даль туманную уныло,
Оставив руль, гляжу,—

И не садится ангел белый
К рулю в мой утлый челн,
Как в оны дни, когда так смело
Он вел его средь волн.

1857

II

Когда, гоним тоской неутолимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души,—
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса...

1857

М. А. Дмитриев

321—323. *(ИЗ ЦИКЛА «МОСКОВСКИЕ ЭЛЕГИИ»)*

I

ВЗЯТКИ

Взятки берете вы? Дельно! Над ними и кара закона!
Только, поборники честности, знаете ль вы: что́ есть взятки?
Если бедняк взял полсотни рублей, вы кричите, что взятки;
Если ж подрядами кто нажился, напугавши всех силой,
Это вовсе не взятки у вас, а просто уменье!

Денег иной не берет — потому лишь, что сам миллионщик,
А миллионщик Катон — не герой: тут легко аристидство!
Но за ласковый сильного взгляд продает он и брата, и правду!
Это что: взятки иль нет? Вы молчите, угодники? Этих,
Этих вы мненьем карайте и требуйте впредь правосудья!

Если гражданская честь пошатнулась и в слове и в деле,
Если дошло до того, что хотят все не права, а выгод,

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ.

М. Дмитріева.

Facies non omnibus una,
Nec diversa tamen, qualem decet esse sororum.

Ovid. Met. 2: 13, 14.

Не на одно лицо, а сходны всѣ какъ сестры.

Овид.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Готье.
1858.

Если бесчестного с честным в лице различить
невозможно,
Если в граждáнах самих поклонение мощной
неправде,—
Что тут кричать, на кого тут пенять, что нет правосудья!

5 июля 1845

II
КРЕМЛЬ

Камни, священные камни Кремля! Вы, громады соборов!
Светлые, с красным крыльцом, с теремами царевен
чертоги!
Башни, красивые башни в узоре из каменных кружев!
Стены, по коим могла бы с конями пройти колесница!
Русь воедино связал вековой ваш незыблемый пояс!
Здесь-то святое зерно, возрастившее древо России,
Коего сень полюбили ее племена и народы!
Но — чуть буря идет, от запада или с востока,
Древо святое шумит и весть подает непогоды;
Руси сыны восстают и бегут на защиту святыни!

Где благовéстный звон Руси, во дни ее ликований,
Царских, народных торжеств, звончее кремлевского
звона?
Где, в дни былые, созывный набат на Руси был слышнее?
Чуть железным своим языком и литыми из меди устами
Наш Великий Иван взговорит — Русь ту речь разумеет!

Сколько имен, о Москва! и приветливых, и величавых,
Дети тебе воздают! и мало ли ласковых прозвищ!
То белокаменной, то златоглавой тебя величают!
Видно, сроднились с тобой, воспитавшей их горькую
юность,
Видно, помнят, что много за них ты, как матерь,
страдала!

Раз лишь твой Кремль задрожал, как изверг из себя
чужеземца,
Двадцать народов с собой приманившего нá пир
незваный!
Любишь гостей ты, Москва, но на них медов недостало!
Угостила по-русски ты их: истопила ты баню
Да пустила, попаривши, их поваляться по снегу!

8 июля 1845

III

ОПОЛЧЕНИЕ 1812 ГОДА

Наши потомки будут завидовать нам, что мы жили
В славный двенадцатый год, что историю видели в лицах!
Дети, надменные дети! тогда не до умников было!
Ваши отцы не словами в те дни за народность стояли!
Нет! а подставили грудь заодно с православным народом!
Плуги в мечи расковав и серпы разогнувши на копья,
Русские бари серый зипун не из чванства надели:
Нет! он у всех был в почете тогда, как мундир ополченья!
Медный на шапке был крест, знак главы, обреченной за веру;
Церкви святые хоругви знаменами шли перед ратью!

Помню дни славы и я! Русь, как море перед бурей, кипела!
Не было фраков тогда и в помине на наших бульварах;
Модных плащей не видать: всё мундир да кафтан ополченья!
Ратники с копьями шли, в бородах, по большим по дорогам;
Старый да малый в домах: воевали по сёлам и бабы!

Вот вам народность! Она не в словах, а на деле явилась!
Мигом открылась: дух русский понял ее и без толков!
Дело не в шапке, друзья, а главное в том, что под шапкой!
Нет! не в кафтане оно, а какую он грудь прикрывает!
Русское сердце забилось — и дрогнуло сердце народов!

Помню тот день я, когда воротилось назад ополченье!
День был прекрасный! Кремлевская площадь покрылась рядами
Ратных людей в бородах; привели их вожди их — дворяне!
Отслуживши отчизне, они шли, как мирные люди,
Вновь по домам приниматься опять за родимую соху!

Помню — на площадь к ним вышел владыка во всем
облаченье;
И простер Августин красноречия громкое слово,
Принял хоругви от них, окропил их святою водою
И опять внес в собор храмовые святые знамена!
Слезы лились у всех, а на сердце так было свободно!

5 августа 1845

А. А. Григорьев

324—326. *ЭЛЕГИИ*

В час, когда утомлен бездействием душно-тяжелым
Или делом бесплодным — делом хуже безделья,—
Я под кров свой вхожу — и с какой-то тоской озираю
Стены, ложе да стол, на котором по глупой,
Старой, вечной привычке ищу поневоле глазами,
Нет ли вести какой издалёка, худой или доброй,
Всё равно, лишь бы вести, и роюсь заведомо тщетно —
Так, чтоб рыться,— в бумагах... В час, когда обливает
Светом серым своим финская ночь комнату,— снова
Сердце болит и чего-то просит, хотя от *чего-то*
Я отрекся давно, заменил неизвестное что-то —
Глупое, сладкое что-то — суровым, холодно-печальным
Нечто... Пусть это нечто звучит душе одномерно,
Словно маятник старых часов,— зато для желудка
Это нечто здоро́вей... Чего тебе, глупое сердце?
Что за вестей тебе хочется? Знай себе бейся ровнее,
Лучше будет, поверь... Вести о чем-нибудь малом,
Дурны ль они, хороши ль, только кровь понапрасну
волнуют.
Лучше жить без вестей, лучше, чтоб не было даже
И желаний о ком да о чем-нибудь знать. И чего же
Надо тебе, непокорное, гордое сердце,— само ты
Хочешь быть господином, а просишь всё уз да неволи,
Женской ласки да встречи горячей... За эти
Ласки да встречи — плохая расплата, не всё ли
Ты свободно любить, ничего не любя... Не завидуй,
Бедное сердце больное,— люби себе всё или, вовсе
Ничего не любя,— от избытка любви одиноко,
Гордо, тихо страдай да живи презрением вволю.

II

Будет миг... мы встретимся, это я знаю,— недаром
Словно песня мучит меня недопетая часто
Облик тонко-прозрачный с больным лихорадки
румянцем,
С ярким блеском очей голубых... Мы встретимся —
знаю,
Знаю всё наперед, как знал я про нашу разлуку.
Ты была молода, от жизни ты жизни просила,
Злилась на свет и людей, на себя, на меня еще злилась...
Злость тебе чудно пристала... но было бы трудно
ужиться
Нам обоим... упорно хотела ты верить надеждам
Мне назло да рассудку назло... А будет время иное,
Ты устанешь, как я,— усталые оба, друг другу
Руку мы подадим и пойдем одиноко по жизни
Без боязни измены, без мук душевных, без горя,
Да и без радости тоже — выдохшись поровну оба,
Мудрость рока сознавши. Дает он, чего мы не просим,
Сколько угодно душе,— но опасно, поверь мне, опасно
И просить, и желать — за минуты мы платим
Дорого. Стоит ли свеч игра?.. И притом же
Рано иль поздно — устанем... Нельзя ж поцелуем
Выдохнуть душу одним... Догорим себе тихо,
Но, догорая, мой друг, в пламень единый сольемся.

III

Часто мне говоришь ты, склонясь темно-русой
головкой,
Робко взор опустив, о грустном и тяжком бывалом.
Бедный, напуганный, грустный ребенок, о, верь мне:
Нас с тобою вполне сроднило крепко — паденье.
Если б чиста ты была — то, знай, никогда б головою
Гордой я не склонился к тебе на колени и страстно
Не прильнул бы ни разу к маленькой ножке устами.
Только тому я раб, над чем безгранично владею,
Только с тобою могу я себе самому предаваться,
Предаваясь тебе... Подними же чело молодое,
Руку дай мне и встань, чтобы мог я упасть пред тобою.

Май 1846

327

Ты всюду предо мной: повеет ли весна —
Я чувствую тебя в ее отраде тайной;
Любуюсь ли цветком, я уж тоски полна —
Я мыслю о тебе; забросит ли случайно
Холодная луна свой бледный луч ко мне,
Иль кроткая звезда вечерняя сияет —
Всё это мне тебя, мой друг, напоминает.
Я плачу о тебе в печальной тишине,
Тоской, любовию, разлукою томима,
Вся жизнь моя — бессильная борьба...
Меня гнетет недуг неисцелимый
И неизбежный, как судьба...

1847

328

Много лет ладью мою носило
Всё в виду цветущих берегов...
Сердце их и звало, и манило,
Но ладья всё дальше уходила
И неслась по прихоти валов.

А потом, в пространстве беспредметном,
Поплыла в неведомую даль.
Милый край мелькал едва заметно,
И кругом всё было безответно
На мои моленья и печаль.

Облака мне звезды застилали;
Моря шум был грозен и суров;
И порой громады выступали
Голых скал,— они меня пугали
Мрачным видом чуждых берегов.

Наконец ко пристани бесплодной
Принесло убогую ладью,
Где душе, печальной и холодной,
Не развиться мыслию свободной,
Где я жизнь и силы погублю!

1857

А. И. Пальм

329. ЭЛЕГИЯ

(Из Андрея Шенье)

Звезда вечерняя, люблю твой блеск печальный —
Он чист, как огонек любви первоначальной.
Блести, красавица, блести еще, пока
Диана бледная в прозрачных облаках
Великолепною не явится царицей,
Дай взору путника тобою насладиться.
Под сенью темных лип у шумного ручья
Порою позднею иду задумчив я;
Свети же мне, звезда, приветливей, светлее;
Не с тайным замыслом полночного злодея
Украдкой я брожу; в груди не месть кипит,
И под полой кинжал кровавый не блестит;
Нет, я люблю,— и разделить хочу я
Мечты моей души и сладость поцелуя;
И всё я думаю: в вечерней тишине,
Как нимфа легкая, она придет ко мне;
Как хороша она,— и взор ее чудесный
Блестит, как ты, звезда, между подруг небесных!

1848

С. Ф. Дуров

330. (ИЗ ВИКТОРА ГЮГО)

Нежданно настает день горький для поэта,
Когда он чувствует, что опытность и лéта
Тяжелым бременем лежат уже на нем.
Проснувшись поутру, он думает о том:
Где вы, весны моей мгновенья золотые?
Вас нет! Вы пронеслись, как призраки ночные,
И я, как невзначай окраденный скупец,
Гляжу с отчаяньем на жизненный ларец!
И точно — он в душе горюет поневоле,
Бледнея каждый день, как цвет осенний в поле.
Когда же видит он, что путь его порой
Нежданно окроплен живительной струей,
Он, плача, говорит, припомнив дни былые:

«Нет, это не роса, о, капли дождевые!»
Отныне, может быть, испытанный во всем,
Скорее истину постигнет он умом,
Проникнет в глубину таинственного легче,
Обнимет всё скорей, обдумает всё крепче,
Рассудку подчинит свободную мечту —
Разгонит дым густой, рассеет темноту.
Но в нем погиб навек тот огнь животворящий,
Который дан ему был в юности блестящей,—
И тщетно б он хотел в создания свои,
Богатые умом и пламенем любви,
Излить ту легкую и девственную сладость,
Которую дает созданьям... только младость!
И этого ему ничто не возвратит!..
Один ли, у себя, в раздумье он сидит
И, полный снов живых и сладкого призванья,
Обдумывает план любимого созданья;
Идет ли, утомясь, бродить в зеленый лес,
Захочет ли дышать прохладою небес,
Иль, увлекаемый вослед толпы свободной,
Без цели ходит он по площади народной,—
Увы, во всем почти, всегда почти, везде,
За книгою своей, в прогулке и в труде,
Невольно сердце в нем той мыслию томимо,
Что молодость его прошла невозвратимо!

1844

331

Я, как сокровище, на памяти моей
Сберег прошедшее: надежды прежних дней,
Желанья, радости, мелькавшие когда-то,—
Всё, всё мне дорого и всё доселе свято.
Я памятью живу: и как не жить? Я был
Для счастия рожден. Я с детства полюбил
Уединение, природу, кров домашний
И лень беспечную. Мечтой моей всегдашней
Был тихий уголок в родном моем селе,
Хозяйка умная, щи-каша на столе,
Да полка добрых книг, да лес густой, да поле,
Где мог бы я порой размыкать грусть на воле...

Не то сбылось со мной. Мой юношеский сон
Развеян случаем. Я в жертву принесен
Тщеславья, чуждого душе моей (в угоду
Чужого мнения). Я потерял свободу,
Которая была любимою мечтой
Души восторженной. Теперь в толпе людской
Вполне затерянный — без цели, без участья
И без надежд иду по скользкому пути.
Как мало, кажется, нам надобно для счастья.
Как много надобно, чтоб нам его найти!..

1846

332. ЛИСТОК

⟨Из А. Арно⟩

Ou va tu? — Je n'en sais rien... [1]

С родного дерева отпавший,
На волю преданный грозам,
Скажи, листок полуувядший,
Куда летишь? — Не знаю сам!

С тех пор как дуб упал от бури,
От дружной ветки отлучась,
То я ношусь в степях лазури,
То снова падаю я в грязь.

Я мчусь по прихоти суровой,
Куда влечет меня мой рок,
Куда несется лист лавровый
И легкий розовый листок.

1846

333

Что в жизни, если мы не любим никого,
Когда и нас взамен никто любить не может,
Когда в прошедшем мы не видим ничего
И в будущем ничто нам сердце не тревожит?

[1] Куда летишь? — Не знаю я... (фр.).— *Ред.*

Тоска, одна тоска! А между тем из нас,
Из жертв, влекущих цепь дней тягостных и вялых,
Никто с отвагою на смерть не кинет глаз,
Никто не сложит жизнь с рамен своих усталых.
Не так ли иногда вечернею порой,
Занявшись чтением пустой и глупой сказки,
Зеваем мы сто раз над каждою строкой
И все-таки идем, упорствуя, к развязке...

1846

334. ИЗ ПРОПЕРЦИЯ

Посвящено А. Д. Щелкову

Magnum iter ad doctas proficisci cogor Athenas...[1]

Я принужден наконец удалиться надолго в Афины:
Время и дальний предел исцелят мое сердце,
быть может...
С Цинтией видясь, что день, я что день накликаю
мученья:
Верная пища любви есть присутствие той, кого любим...
Боги! уж я ль не хотел, и уж я ль не старался вседневно
В сердце любовь потушить? Но она в нем упорно
осталась;
Часто, на тысячи просьб, миллионы отказов я слышал.
Если ж случайно она, по неведомой прихоти сердца,
Ночью ко мне залетит, то садится лукаво поодаль,
С плеч не снимая одежд, облекающих стан ее гибкий...
Да! мне осталось одно: убежать под афинское небо;
Там, далеко от очей, и от сердца она будет дальше...
Спустимте в море корабль; поскорее, товарищи, в руки
Весла возьмите на взмах; привяжите ветрила на мачты!
Вот уж и ветер подул, унося нас по влажной пустыне.
Рим златоверхий, прости! До свиданья, друзья! Забывая
Все оскорбленья любви, и с тобой я заочно прощаюсь,
Цинтия, сердце мое! Новичок, я предался на волю
Адриатических волн. В первый раз мне теперь доведется
Шумно-бурливым богам океана молиться... Как только
Легкий корабль наш пройдет Ионийское море и вступит,
Чтоб отдохнуть от пути, на Лехейские тихие волны,—
Ноги мои, в свой черед, понесут меня дальше и дальше...

---

[1] В долгий путь я сбираюсь в ученые ехать Афины... (лат.).— *Ред.*

Там, до Пирея дойдя, я пущусь по дороге Тезейской,
Дружно с обеих сторон обнесенной стенами. В Афинах
Буду стараться себя перейначить сердцем и мыслью,
С жаром души молодой изучая науки Платона
Или твою, Эпикур! С возрастающей жаждой я стану
Глубже вникать в красоты языка, на котором когда-то
Громы метал Демосфен, а Менандр щекотал все пороки...
Там услажу я мой взгляд чудесами искусства: ваянье,
Живопись, музыка вдруг окружат меня чарами. После
Время и дальний предел понемногу и тихо затянут
Тайные язвы души; и усну я не слабою жертвой
Жалкого чувства любви, а по воле судьбы неизбежной:
Станет день смерти моей днем торжества моей жизни.

1847

335. В. В. ТОЛБИНУ

Бывают дни в году, когда в душе у нас
Печали новые родятся каждый час;
Когда нога скользит; когда нам всё на свете
Является глазам в каком-то черном цвете;
Когда в природе всё так дико и мертво,
Что видеть, кажется, не хочешь ничего...
Бурливо и темно в реке катятся волны,
Густые облака дождливым мраком полны,
Осенний воздух сыр и резок, как зимой,
Деревья зыблются печально головой...
Куда ни подойдешь, куда ни кинешь взгляд —
Везде встречаются то нищих бледный ряд,
То лица желтые вернувшихся из ссылки,
То гроб с процессией, то бедные носилки...
И если наконец, растерзанную грудь
Желая от тоски рассеять чем-нибудь,
Ты за́ город уйдешь, в приют уединенный,
Чтоб с уст любовницы сорвать залог священный
Любви и верности... Увы! печаль-змея
Туда прокра́дется вослед, как тень твоя.
И тщетно б ты хотел на лоне сладострастья
Искать забвения, надежды и участья.
Сквозь пурпурных ланит красавицы твоей,
Сквозь милые уста и чудный блеск очей,
Сквозь кожу тонкую пленительного цвета
Тебе почудится костлявый вид скелета.

1847

Как весело... идти вослед толпы,
Не разделяя с ней душевных убеждений,
Брать от нее колючие шипы
Ее пристрастных осуждений...

Как весело... на помощь призывать
Пустых надежд звенящие гремушки,
Чтоб после их с презреньем разбивать,
Как бьет дитя свои игрушки...

Как весело... оковы наложа
На каждый шаг, на все движенья сердца,
Бояться вырваться потом из рубежа
С предубежденьем староверца...

Как весело... увлекшися мечтой,
Приискивать в несбыточном возможность,
Чтоб после с горькою усмешкой над собой
Признать вполне ума ничтожность...

Как весело... не веря ничему,
Прикрыв лицо двусмысленною маской,
Наперекор душе, всем чувствам и уму,
Платить коварству мнимой лаской...

Как весело... глубоко полюбя
И пламенно желая чувств обмены,
Предвидеть нехотя, что ждут в конце тебя
Обыкновенные измены...

Как весело... измучась от борьбы,
По мелочам растратив жизнь и силы,
Просить, как милости, у ветреной судьбы
Себе безвременной могилы...

1848

А. А. Фет

337

О, долго буду я, в молчанье ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

1844

338

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близко час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное,— и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь,— и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья,—
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

1847

339

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь,
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный,
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полу́нощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

1847

340

О нет, не стану звать утраченную радость,
Напрасно горячить скудеющую кровь;
Не стану кликать вновь забывчивую младость
И спутницу ее, безумную любовь.

Без ропота иду навстречу вечной власти,
Молитву затвердя горячую одну:
Пусть тот осенний ветр мои погасит страсти,
Что каждый день с чела роняет седину.

Пускай с души больной, борьбою утомленной,
Без грохота спадет тоскливой жизни цепь,
И пусть очнусь вдали, где к речке безыменной
От голубых холмов бежит немая степь,

Где с дикой яблонью убором спорит слива,
Где тучка чуть ползет, воздушна и светла,
Где дремлет над водой поникнувшая ива
И вечером, жужжа, к улью летит пчела.

Быть может — вечно вдаль с надеждой смотрят очи! —
Там ждет меня друзей лелеющий союз,
С сердцами чистыми, как месяц полуночи,
С душою чуткою, как песни вещих муз.

Там наконец я всё, чего душа алкала,
Ждала, надеялась, на склоне лет найду
И с лона тихого земного идеала
На лоно вечности с улыбкой перейду.

1857

341. СТАРЫЕ ПИСЬМА

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречают взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку —
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! —
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиленья
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

1859

342

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась — кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, всё буйство первых дней
С их радостью — всё тише, всё ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

1864

343

В полу́ночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором.

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу пред ними я:
Они — развенчанные боги.

Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий.

И лишь надменные, назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот прéзренной молитвы.

Их снова ищет взор из-под усталых вежд,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их всё еще дымится.

3 января 1888

344

Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист — наш следующий день.

Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнущих устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастии учиться вспоминать.

15 января 1891

345. ВСТРЕЧА

Вчера мы встретились, она остановилась —
Я также,— мы в глаза друг другу посмотрели.
О боже, как она с тех пор переменилась:
В глазах потух огонь и щеки побледнели.
И долго на нее глядел я молча строго —
Мне руку протянув, бедняжка улыбнулась;
Я говорить хотел — она же ради бога
Велела мне молчать, и тут же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья».
А я хотел сказать: «На вечную разлуку
Прощай, погибшее, но милое созданье».

1844

346

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,
Когда я рвал веслом густую сеть пловучих
Болотных трав и водяных цветов.

То окружая нас, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумели тростники;
И наш челнок шел, медленно качаясь,
Меж топких берегов извилистой реки.

От праздной клеветы и злобы черни светской
В тот вечер наконец мы были далеко —
И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко.

И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светло-русых кос.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысяча корней
Болотных трав невидимо сплеталась,
Подобно тысяче живых зеленых змей.

И мир иной мелькал передо мною —
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила;
И жизнь казалась мне суровой глубиною
С поверхностью, которая светла.

1844

347. ПИСЬМО

Уж ночь. Я к ней пишу. Окно отворено;
Шум городской затих; над лампой мошки вьются.
Встаю — гашу огонь; хожу — гляжу в окно;
Как низко облака над кровлями несутся!
От этих облаков не будет и следа
В час утра — а моей любви живые грёзы,
Задумчивой любви привет, слова и слезы
Еще из-под пера не улетят... О да!
Пусть буря в эту ночь промчится, пусть потоки
Дождя всю ночь шумят и брызжут на гранит,—
Заветного письма ни буря не умчит,
Ни дождь не смоет эти строки.
Среди невежд она свои проводит дни,
Среди степных невежд... Пропустят ли они
Нераспечатанным мое письмо к ней в руки?
Не осмеют ли каждую строку,
Где так невольно я высказывал тоску
Души, подавленной насилием разлуки?
Она сама что скажет? Изорвет
Мое письмо при всех, с притворною досадой,
Или, измяв его, потом тайком прочтет
И вспомнит обо мне с мучительной отрадой?..
Нужда — невежество — родные — и любовь!..
Какая злость порой мою волнует кровь!
Но ты молчи пока — молчи, мое посланье,
Чтоб за мое негодованье
Не отомстили ей тюремщики ее,
Ценители покорного страданья.

1853

А. Н. Плещеев

348. ЭЛЕГИЯ

(На мотив одного французского поэта)

Да, я люблю тебя, прелестное созданье,
Как бледную звезду в вечерних облаках,
Как розы аромат, как ветерка дыханье,
Как грустной песни звук на дремлющих водах;

Как грёзы я люблю, как сладкое забвенье
Под шепот тростника на береге морском,—
Без ревности, без слез, без жажды упоенья;
Любовь моя к тебе — мечтанье о былом...

Гляжу ль я на тебя — прошедшие волненья
Приходят мне на ум, забытая любовь
И всё, что так давно осмеяно сомненьем,
Что им заменено, что не вернется вновь.

Мне не дано в удел беспечно наслаждаться:
Передо мной лежит далекий, скорбный путь;
И я спешу, дитя, тобой налюбоваться,
Хотя на миг душой от скорби отдохнуть.

1846

349. ОТВЕТ

Мы близки друг другу... Я знаю,
Но чужды по духу... Любви
Давно я к тебе не питаю,
И холодны речи мои...

Не в силах я лгать пред тобою,
А правда страшна для тебя...
К чему же бесплодной борьбою
Всечасно терзать нам себя?

В кумирах мне бога не видеть,
Пред ними чела не склонить!
Мне всё суждено ненавидеть,
Что рабски привыкла ты чтить!

Кто истине, верный призванью,
Себя безвозвратно обрек —
И дом и семью без роптанья
Оставит, сказал нам пророк...

О, верь мне, напрасны упреки:
Расстаться нам должно с тобой...
Любви мы друг к другу далеки,
Друг друга мы чужды душой...

1846

350. РАЗДУМЬЕ

Дни скорби и тревог, дни горького сомненья,
Тоски болезненной и безотрадных дум, —
Когда ж минуете? Иль тщетно возрожденья
Так страстно сердце ждет, так сильно жаждет ум?

Не вижу я вокруг отрадного рассвета;
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взор.
Исчезли без следа мои младые лета,
Как в зимних небесах сверкнувший метеор.

Как мало радостей они мне подарили,
Как скоро светлые рассеялись мечты!
Морозы ранние безжалостно побили
Беспечной юности любимые цветы.

И чистых помыслов и жарких упований
На жизненном пути растратил много я;
Но средь неравных битв, средь тяжких испытаний
Что ж обрела взамен всех грез душа моя?

Увы! лишь жалкое в себе разуверенье,
Да убеждение в бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себе пощады от судьбы.

И даже ты моим призывам изменила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привета братского живительная сила
Мне не врачует дух в тревогах бытия.

Но пусть ничем душа больная не согрета,
А с жизнью все-таки расстаться было б жаль,
И хоть не вижу я отрадного рассвета —
Еще невольно взор с надеждой смотрит вдаль.

1856

351

Есть дни: ни злоба, ни любовь,
Ни жажда дел, ни к истине стремленье —
Ничто мне не волнует кровь;
И сердце спит, и ум в оцепененье.

Я остаюсь к призывам жизни глух;
Так холодно взираю, так бесстрастно
На всё, что некогда мой дух
Тревожило и мучило всечасно.

И ласка женская во мне
В те дни ответа даже не находит;
В бездействии, в позорном сне
Душевных сил за часом час проходит.

Мне страшно, страшно за себя;
Боюсь, чтоб сердце вовсе не остыло,
Чтоб не утратил чувства я,
Пока в крови огонь и в теле сила,

Годами я пока еще не стар...
О боже всех, кто жаждет искупленья,
Не дай, чтоб пеплом сердца жар
Засыпало мертвящее сомненье!

1857

Н. Ф. Щербина

352. ПРИЗНАНИЕ ПРОРОКА

Я шел тернистою дорогой
На тяжком жизненном пути
С сумою странника убогой, —
И было трудно мне идти...

Приотдохнуть я сел, усталый,
На каменистой крутизне,
И всё, что горького бывало,
Что сердце больно уязвляло,
Невольно вспомнилося мне.
Путем израненный колючим,
На язвы ног больных смотрел,
То голодом, то жаждой мучим.
Пустыню дикую я зрел...
Но поднял взор... Из отдаленья
Меня роскошный город звал.
Свой блеск, красу и наслажденья,
Все легкой жизни обольщенья
Мне, изумленному, казал,
И глас таинственный шептал:

«О, презри подвиг горделивый,
Оставь сомнительный твой путь,
Мечтанья юности кичливой
Ты, искусившись, позабудь...
Поверь, — иная есть дорога,
И всё там ясно впереди,
На ней цветов роскошных много:
По ней, чуждаясь мысли строгой,
Своекорыстно ты иди...»

Душой я долго колебался,
В раздумье долго я стоял,
Но обольщеньям не поддался,
И прежний посох в руку взял,
И вышел твердою стопою...

Отыди, льстивый сатана!
Мне доля высшая судьбою
В венце терновом суждена...
И мирт, и роза молодая,
Прохладою благоухая,
Мой путь угрюмый обовьют:
По нем, меня благословляя,
Другие радостно пойдут...

27 августа 1845

353. ПЕСНЯ ВЕКА

Гибнет чувство мое одинокое
Безотзывно, бездольно, безродно!
Впереди пустота лишь глубокая...
Наша мысль высока, но бесплодна.

Обреклись мы глядеть на мучения,
На неправды семейства людского,
Не подавши руки облегчения,
Не сказав ему вещего слова.

Между тем как гниет под преданием
Неразумная жизнь человека, —
Обновясь только новым страданием,
Она в век переходит из века.

Переполнены силою страстною,
Пожираемы жадно любовью,
Истомимся мы жертвой напрасною,
За людей не прольемся мы кровью...

Не волнуйся ж, душа многодумная,
И в безгрезной дремоте разлейся!
Замолчи, мое сердце безумное,
Замолчи навсегда... иль разбейся!

1848

354. ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Жарко блестящее солнце, помедли!.. Зачем оставляешь
Эти счастливые страны, всё ниже и ниже
По́ небу нашему ходишь: не так, как, бывало, весною
Прямо над нами горело и долгое утро
С долгим сияющим днем выводило с собою из моря...
Иль тебе милы песчаные степи ливийцев!..
Будто бы лучше их медное небо, чем небо Эллады,
Где твои сестры-красавицы вечно сияют:
Кассиопея алмазная и Андромеда златая...
На небосводе ливийском Центавр или Гидра
Могут ли встретить тебя, как царя подобает, —
с любовью!
Не покидай нас, отрадно светящее солнце!

Вот уж и падают желтые листья с печальных растений,
И виноград уже блекнет и сок свой теряет,
Сыростью в воздухе пахнет, и изморозь утром на дерне;
Ветер порывистый с воем тоскливым и свистом
Прах подымает клубами, иль с юга нам дождь нагоняет,
Иль того хуже, что пасмурно-серым и хмурым
Делает наше веселое небо...
О доброе солнце!
Ты хоть для милой моей погостило б подольше:
Скоро польются дожди, а там прúдут за ними морозы,—
Будет, бедняжка, она в епанчу шерстяную
Прятать лицо свое белое, носик, очертанный стройно,
Иль одевать непрозрачною, грубою тканью
Полнолилейный, но зябкий, трепещущий в холоде
локоть...
И не увижу я долго всех прелестей этих;
Негде притом и видаться нам будет в такое ненастье...
Не покидай нас, отрадно светящее солнце!
С нами останься, пока я в любви ей откроюсь:
Летом еще и в любви не успел я открыться...

1851

355. СМЕРТЬ ВЕСНЫ

Появилась она, расцветая,
И в расцвете своем умерла...
Ты блаженна, весна молодая:
После юности ты не жила!

Похоронную песнь тебе страстно
Соловей, твой любовник, пропел,
И оставил он всё безучастно:
Он со смертью твоей отлетел;

И роса, как прощальные слезы,
Трепетала на злаках полей, —
А в тот миг перволетние розы
Зацвели на могиле твоей...

Горячо поколение наше
Позавидует смерти такой:
Сопричастны мы жизненной чаше
Только юности пылкой порой...

Нам бы тоже угаснуть с весною,
Нам и жить только можно в весне:
Ведь за нею обычной чредою
Потекут наши дни в полусне.

Не для нас эти доблести лета
И высокие цели трудов!
К нам и осень придет без привета,
Без венка, без кошницы плодов.

Нам грядущая доля известна;
Наша кровь никому не нужна,
Да и жертва за мысль неуместна,
Да и ранняя доблесть вредна...

Умереть бы нам, други, весною:
Ничего не осталось для нас,
Кроме сказанных с желчью больною,
Отрицанья исполненных фраз.

1859

Н. А. Некрасов

356

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни силы благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей всё равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь,
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету, —
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

1848

357. ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

1853

358

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткою ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит, —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить...

1855

359—361. *ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ*

I

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно,
Привычки, прежде милые, постыли,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум, —
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной
Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу всё... А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно!.. Я как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом всё чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, средь большой дороги,
Никто его не при́зрел, не подвез:
Промчалась тройка, проскрипел обоз —
Всё мимо, мимо!.. Подкосились ноги,
И он упал... Тогда к нему толпой
Сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно — до могилы...

1853

II

Я рано встал, недолги были сборы,
Я вышел в путь, чуть занялась заря;
Переходил я пропасти и горы,
Переплывал я реки и моря;
Боролся я, один и безоружен,
С толпой врагов; не унывал в беде
И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
И не нашел приюта я нигде!
Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подъемлю?» —
И снова шел, собрав остаток сил.
Всё ближе и знакомее дорога,
И пройдено всё трудное в пути!
Главы церквей сияют впереди —
Недалеко до отчего порога!
Насмешливо сгибаясь и кряхтя
Под тяжестью сумы своей дырявой,
Алчбы и жажды бледное дитя,
Голодный труд, попутчик мой лукавый,
Уж прочь идет: теперь нам розный путь.
Вперед, вперед! Но изменили силы —
Очнулся я на рубеже могилы...

И некому и нечем помянуть!
Настанет утро — солнышко осветит
Бездушный труп: всё будет решено!
И в целом мире сердце лишь одно —
И то едва ли — смерть мою заметит...

Между 1853 и 1855

III

Пышна в разливе гордая река,
Плывут суда, колеблясь величаво,
Просмолены их черные бока,
Над ними флаг, на флаге надпись: «Слава!»
Толпы народа берегом бегут,
К ним приковав досужее вниманье,
И, шляпами размахивая, шлют
Пловцы родному берегу прощанье, —
И вмиг оно подхвачено толпой,
И дружно берег весь ему ответит.

Но тут же, опрокинутый волной,
Погибни челн — и кто его заметит?
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный, одинокой,
За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой...
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный
Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный, —
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

1855

362

Я посетил твое кладби́ще,
Подруга трудных, трудных дней,
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильней...
Увы! то время невозвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе непонятно,
Без смеху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.
Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни, —
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!

Твержу с упреком и тоскою:
«Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «Будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

1856

363. НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.

Всё он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками, —
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалася.

1861

364

Посвящается неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть»

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — навеки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути, —
За каплю крови, общую с народом,
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страданья,
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым бог тебя ведет;

Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела,
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!..

1867

365—367. *ТРИ ЭЛЕГИИ*

А. Н. Плещееву

I

Ах! что изгнанье, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...
Но той руки удар смертелен,
Которая ласкала нас!..

Один, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит уж давно...

И тайна всё: печаль и муку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что ж, если сбудется желанье?..
О нет! живет в душе моей
Неотразимое сознанье,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас, —
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и, как всегда, стыдлива,
Нетерпелива и горда,
Потупит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней странницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
«Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственней леса...»

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалека...
Зачем же ты, о сердце! не миришься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца.
Зачем же ты в душе неистребима,
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!

1874

368. ЭЛЕГИЯ

А. Н. Еракову

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна, —
Не верьте, юноши! Не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

За гибким тростником глубокие заливы,
Как зеркала, блестят; на золотые нивы
Спускается туман прозрачною волной,
И зарево зари сияет над рекой.
И кажется мне, всё какой-то дышит тайной,
И забываю я тогда свой день печальный,
С оставленным трудом без жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и в тишине молюсь.

1850

371

Когда закат прощальными лучами
Спокойных вод озолотит стекло,
И ляжет тень ночная над полями,
И замолчит веселое село,
И на цветах и на траве душистой
Блеснет роса, посланница небес,
И тканию тумана серебристой
Оденется темнокудрявый лес, —
С какою-то отрадой непонятной
На божий мир я в этот час гляжу
И в тишине природы необъятной
Покой уму и сердцу нахожу;
И чужды мне земные впечатленья,
И так светло во глубине души:
Мне кажется, со мной в уединенье
Тогда весь мир беседует в тиши.

1851

372

Когда один, в минуты размышленья
С природой я беседую в тиши, —
Я верю: есть святое провиденье
И кроткий мир для сердца и души.
И грусть свою тогда я забываю,
С своей нуждой безропотно мирюсь,
И небесам невидимо молюсь,
И песнь пою, и слезы проливаю...
И сладко мне! И жаль мне отдавать
На суд людской восторги вдохновений

И от толпы, как платы, ожидать
Пустых похвал иль горьких обвинений.
Глухих степей незнаемый певец,
Я нахожу в моей пустыне счастье;
Своим слезам, как площадной слепец,
Стыжусь просить холодного участья;
Печаль моя застенчиво-робка, —
В родной груди скрываясь боязливо,
За песнь свою награды и венка
Не требует она самолюбиво.

1851

373. НА КЛАДБИЩЕ

Как часто я с глубокой думой
Вокруг могил один брожу
И на курганы их гляжу
С тоской тяжелой и угрюмой.
Как больно мне, когда, порой,
Могильщик, грубою рукой
Гроб новый в землю опуская,
Стоит с осклабленным лицом
Над безответным мертвецом,
Святыню смерти оскорбляя.
Или когда в траве густой,
Остаток жалкий разрушенья,
Вдруг череп я найду сухой,
Престол ума и вдохновенья,
Лишенный чести погребенья.
И поражен, и недвижим,
Сомненья холодом облитый,
Я мыслю, скорбию томим,
Над жертвой тления забытой:
«Кто вас в сон вечный погрузил,
Земли неведомые гости,
И ваши брошенные кости
С живою плотью разлучил?
Как ваше вечное молчанье
Нам безошибочно понять:
Ничтожества ль оно печать,
Или печать существованья?
В какой загадочной стране,
Невидимой и неизвестной,

Здесь кости положив одне,
Витает дух ваш бестелесный?
Чем занят он в миру ином?
Что он, бесстрастный, созерцает?
И помнит ли он о земном,
Иль всё за гробом забывает?
Быть может, небом окружен,
Жилец божественного света,
Как на песчинку смотрит он
На нашу бедную планету;
Иль, может быть, сложив с себя
Свои телесные оковы,
Без них другого бытия
Не отыскал он в мире новом.
Быть может, всё, чем мы живем,
Чем ум и сердце утешаем,
Земле как жертву отдаем
И в ней одной похороняем...»
Нет! прочь бесплодное сомненье!
Я верю истине святой —
Святым глаголам откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мне в часы страданья
Припоминать порой в тиши
Загробное существованье
Неумирающей души.

1852

Д. Д. Ахшарумов

374

Судьба жестокая свершилась надо мной.
От смертной казни я едва освобожденный
Стою среди снегов, один, в стране чужой,
В остроге, как в тюрьме, погибнуть осужденный.

Прощай, мой милый край, семья моя родная!
Всё лучшее, что в жизни я любил,
И родина моя, столица дорогая!
Я с вами счастлив был, но счастье не ценил.

Вас больше нет при мне, судьбы рукой суровой
В изгнанье дальнее влекусь я, — скорбь в душе!
Так, вихрем сорванный от дерева родного,
Летит зеленый лист увянуть вдалеке!..

Свободы я лишен, и в бегстве нет спасенья;
В обители снегов один я здесь стою...
Кому я выскажу тяжелые мученья,
Которые теснят и давят грудь мою?

Услышьте ж вы меня, дремучие леса!
Одни свидетели и жалоб, и страданья,
И с жизнью моего последнего прощанья;
И вы, горящие святые небеса!

Декабрь 1849

М. Л. Михайлов

375

Вечерний ветер встал и по ущельям стонет;
По скатам голых гор ложится гуще тень;
Глухая ночь идет... Придет и похоронит
Еще один пустой, бесплодный день.

Ты просишь радости, любви, борьбы, свободы?
Угомонись, засни и не гляди вперед!
Что день? Так провожать тебе придется годы
И говорить: еще бесплодный год!

А там и смерть придет, как эта ночь, — и канет
Одним бесплодным днем вся жизнь во мрак немой...
И разве лишь одна душа вдали помянет
Бесплодный век бесплодною слезой.

Между 1863 и 1865

376

Грусть ко мне в сердце назойливей просится...
Будто я к доле своей не привык.
Громкие песни в мой угол доносятся —
Будто бы ожил рудник.

Пусты сегодня трущобы бездонные,
Где при мерцанье свечей
Видны лишь лица одни истомленные,
Слышно бряцанье цепей.

Песни доносятся в мрачное здание,
Где за решеткой, за строем штыков,
Собрано нации целой страдание.
Братья поляки! ваш праздник каков!

Над головою проносится каждого
Воспоминание радостных дней.
Воли опять ненасытною жаждою
Сердце налилось полней.

Там, на далекой отчизне подавленной, —
Праздник весны там праздником слез.
Много на почве их там окровавленной,
Много на почве, спаленной от гроз.

Плачет там мать, и жена, и милая
Плачет сестра, не осушая глаз.
Плачет и вся отчизна унылая,
Плачет по вас.

Плачь, о страдалица, плачь над могилами
Мертвых своих и живых сыновей.
Каждая слезка там новыми силами
Отродится на почве кровавой твоей.

Снова сошла ты во гроб искупления,
Но не смерть же тебе суждена.
Праздник воскресения, праздник обновления
Всем принесет иная весна.

1864 или 1865

С. Я. Надсон

377

Ты помнишь — ночь вокруг торжественно горела
И темный сад дремал, склонившись над рекой...
Ты пела мне тогда, и песнь твоя звенела
Тоской, безумною и страстною тоской...

Я жадно ей внимал — в ней слышалось страданье
Разбитой веры в жизнь, обманутой судьбой,—
И из груди моей горячее рыданье
Невольно вырвалось в ответ на голос твой.
Я хоронил мои разбившиеся грезы,
Я ряд минувших дней с тоскою вспоминал.
Я плакал, как дитя, и, плача, эти слезы
Я всей душой тогда благословлял.
С тех пор прошли года, и снова над рекою
Рыдает голос твой во мраке голубом,
И снова дремлет сад, объятый тишиною,
И лунный свет горит причудливо на нем.
Истерзанный борьбой, измученный страданьем —
Я много вытерпел, я много перенес.
Я б облегчить хотел тоску мою рыданьем, —
Но... в сердце нет давно святых и светлых слез.

1879

378

Как белым саваном, покрытая снегами,
Ты спишь холодным сном под каменной плитой,
И сосны родины ненастными ночами
О чем-то шепчутся и стонут над тобой;
А я — вокруг меня, полна борьбы и шума,
Жизнь снова бьет ключом, отдаться ей маня,
Но жить я не могу: мучительная дума,
Неотразимая, преследует меня...

Гнетущий, тяжкий сон!.. С тех пор как я, рыдая,
Прильнул к руке твоей и звал тебя с тоской,
И ты, недвижная и мертвенно-немая,
Ты не откликнулась на мой призыв больной;
С тех пор как слово «смерть» — когда-то только
слово —
Мне в сердце скорбное ударило, как гром, —
Я в жизнь не верую — угрюмо и сурово
Смерть, только смерть одна мне грезится кругом!..

Недуг смущенного былым воображенья
Кладет печать ее на лица всех людей,
И в них не вижу я, как прежде, отраженья
Их грез и радостей, их горя и страстей;

Они мне чудятся с закрытыми очами,
В гробу, в дыму кадил, под флером и в цветах,
С безжизненным челом, с поблеклыми устами
И страхом вечности в недвижимых чертах...

И тайный голос мне твердит не умолкая:
«Безумец! не страдай и не люби людей!
Ты жалок и смешон, наивно отдавая
Любовь и скорбь — мечте, фантазии твоей...
Окаменей, замри... Не трать напрасно силы!
Пусть льется кровь волной и царствует порок:
Добро ли, зло ль вокруг, — забвенье и могилы —
Вот цель конечная и мировой итог!...»

1881

379

Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею
Неподвижно и низко висят облака;
Желтый лес отуманен свинцовою мглою,
В желтый берег без умолку бьется река...
В сердце — грустные думы и грустные звуки,
Жизнь, как цепь, как тяжелое бремя, гнетет,
Призрак смерти в тоскующих грезах встает,
И позорно упали бессильные руки...

Это чувство — знакомый недуг: чуть весна
Ароматно повеет дыханием мая,
Чуть проснется в реке голубая волна
И промчится в лазури гроза молодая,
Чуть в лесу соловей про любовь и печаль
Запоет, разгоняя туман и ненастье, —
Сердце снова запросится в ясную даль,
Сердце снова поверит в далекое счастье...

Но скажи мне, к чему так ничтожно оно,
Наше сердце, — что даже и мертвой природе
Волновать его чуткие струны дано, —
И то к смерти манить, то к любви и свободе?..
И к чему в нем так беглы любовь и тоска,
Как ненастной и хмурой осенней порою
Этот белый туман над свинцовой рекою
Или эти седые над ней облака?

1881 или 1882

380. НА КЛАДБИЩЕ

На ближнем кладбище я знаю уголок:
Свежее там трава, не смятая шагами,
Роскошней тень от лип, склонившихся в кружок,
И звонче пенье птиц над старыми крестами.
Я часто там брожу, пережидая зной...
Читаю надписи, грущу, когда взгрустнется,
Иль, лежа на траве, смотрю, как надо мной,
Мелькая сквозь листву молочной белизной,
Цепь белых облаков стремительно несется.
Сегодня крест один склонился и упал;
Он падал медленно, за сучья задевая,
И, подойдя к нему, на нем я прочитал:
«Спеши,— я жду тебя, подруга дорогая!»
Должно быть, вешний дождь вчера его подмыл...
И я задумался с невольною тоскою,
Задумался о том, чей прах он сторожил
И кто гниет под этою землею...
«Спеши,— я жду тебя!..» Заветные слова!
Услышала ль она загробный голос друга?..
Пришла ль к тебе на зов, иль всё еще жива
Твоя любимая и нежная подруга?..
Я имени ее не нахожу кругом...
Ты тлеешь, окружен чужой тебе толпою,
Забыт и одинок,— и ни одним венком
Ее любовь к тебе не говорит с тобою...
Жизнь увлекла ее в водоворот страстей
И жгучую печаль, как рану, исцелила,
И не придет она под тень густых ветвей
Поплакать над твоей размытою могилой.
И только этот крест, заботливой рукой
Поставленный тебе когда-то к изголовью,
Храня с минувшим связь, смеется над тобой,
Над памятью людской и над людской любовью!

1883

С. А. Андреевский

381. РАСКОПКИ

Мы к снам заоблачным утратили порывы,
И двери вечности пред нами заперты:
Земля, одна земля!.. И по краям — обрывы,
И нет ни выхода, ни цели для мечты...
Почуяв страшные, отвесные стремнины
Вокруг земной коры, где тлеет наш очаг,
Сказали мы себе: «Мы дети этой глины,
И от плотских забот отныне — ни на шаг!
Довольно веровал и мучился наш предок,
На небо возводя благочестивый взор,—
Рассеять мы хотим опасный этот вздор
Путем анализа и тщательных разведок».
С незыблемых святынь покровы сняты прочь,—
Открыты в чудесах секретные пружины;
Всё взрыто, свергнуто; везде зияет ночь,
Где прежде таяли волшебные картины...
И резче всё, черствей звучит недобрый смех
Утешенной попытки разрушенья;
Нам чуть мерещатся, сквозь длинный ряд помех,
Когда-то милые для сердца заблужденья...
На глыбы черные роняет только свет
Фонарь, колеблемый рабочим утомленным,
Но не скорбит задумчивый Гамлет
Над черепом, раскопкой обнаженным,
Под костью звонкою, во впадине пустой,
Гуляет ветер шумный и ненастный,
А рядом труженик сурово-безучастный
Во мрак спускается опасною тропой...

1883

А. А. Голенищев-Кутузов

382

Так жить нельзя! В разумности притворной,
С тоской в душе и холодом в крови,
Без юности, без веры животворной,
Без жгучих мук и счастия любви,

Без тихих слез и громкого веселья,
В томлении немого забытья,
В унынии разврата и безделья...
Нет, други, нет — так дольше жить нельзя!
Сомнений ночь отрады не приносит,
Клевет и лжи наскучили слова,
Померкший взор лучей и солнца просит,
Усталый дух алкает божества.
Но не прозреть нам к солнцу сквозь тумана,
Но не найти нам бога в дальной тьме:
Нас держит власть победного обмана,
Как узников в оковах и тюрьме.
Не веет в мир мечты живой дыханье,
Творящих сил иссякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье —
Не то призыв, не то воспоминанье,—
Оно твердит: так дольше жить нельзя!

7 декабря 1884

383

День кончен, ночь идет,— страшусь я этой ночи!
Я знаю: тихий сон в приют мой не слетит,
И будет мрак ее смотреть мне прямо в очи,
И тишина ее со мной заговорит.

О чем заговорит? Какой коснется раны
В заветном тайнике души моей больной?
Какие озарит в ней бездны и туманы?
Какие призраки поставит предо мной?

Что вновь она создаст? Что прежнее разрушит?
В какую глубину свой бросит взор немой?
Всё — тайна в ней! Но страх томит меня и душит
Пред этой шепчущей и зрячей темнотой.

О сон, покрой меня ревнивыми крылами!
О бред, зажги вокруг победные лучи!
Явись, желанный лик, и стань перед очами,
Чтоб тьмы мне не видать... О ночь, молчи, молчи!

1894

384

С тобой, моя печаль, мы старые друзья:
Бывало, дверь на ключ ревниво запирая,
Приходишь ты ко мне, задумчиво-немая,
Во взорах темное предчувствие тая;
Холодную, как лед, но ласковую руку
На сердце тихо мне кладешь
И что-то милое, забытое поешь,
Что навевает грусть, что утоляет муку.
И голубым огнем горят твои глаза,
И в них дрожит, и с них упасть не может,
И сердце мне таинственно тревожит
Большая, кроткая слеза...

1884

385

С потухшим факелом мой гений отлетает,
Погас на маяке дрожащий огонек,
И сердце без борьбы, без жалоб умирает,
Как холодом ночным обвеянный цветок.
Меня безумная надежда утомила:
Я ждал, так долго ждал, что, если бы теперь
Исполнилась мечта, взошло мое светило,—
Как филина заря, меня бы ослепила
В сияющий эдем отворенная дверь.
Весь пыл души моей истратил я на грезы,—
Когда настанет жизнь, мне нечем будет жить.
Я пролил над мечтой восторженные слезы,—
Когда придет любовь, не хватит сил любить!

1886

386. СМЕРТЬ НАДСОНА

(Читано на литературном вечере в память С. Я. Надсона)

Поэты на Руси не любят долго жить:
Они проносятся мгновенным метеором,
Они торопятся свой факел потушить,
Подавленные тьмой, и рабством, и позором.

Их участь — умирать в отчаянье немом;
Им гибнуть суждено, едва они блеснули,
От злобной клеветы, изменнической пули
Или в изгнании глухом.

И вот еще один — его до боли жалко:
Он страстно жить хотел и умер в двадцать лет.
Как ранняя звезда, как нежная фиалка,
Угас наш мученик-поэт!
Свободы он молил, живой в гробу метался,
И все мы видели — как будто тень легла
На мрамор бледного, прекрасного чела;
В нем медленный недуг горел и разгорался,
И смерть он призывал — и смерть к нему пришла.
Кто виноват? К чему обманывать друг друга!
Мы, виноваты — мы. Зачем не сберегли
Певца для родины, когда еще могли
Спасти его от страшного недуга?

Мы все, на торжество пришедшие сюда,
Чтобы почтить талант обычною слезою,—
В те дни, когда он гас, измученный борьбою,
И жаждал знания, свободы и труда,
И нас на помощь звал с безумною тоскою,—
Друзья, поклонники, где были мы тогда?..
Бесцельный шум газет и славы голос вещий —
Теперь, когда он мертв,— и поздний лавр певца,
И жалкие цветы могильного венца —
Как это всё полно иронии зловещей!..

Поймите же, друзья, он не услышит нас:
В гробу, в немом гробу он спит теперь глубоко,
И между тем как здесь всё нежит слух и глаз,
И льется музыка, и блещет яркий газ,—
На тихом кладбище он дремлет одиноко
В глухой, полночный час...
Уста его навек сомкнулись без ответа...
Страдальческая тень погибшего поэта,
Прости, прости!..

Январь — февраль 1887

387. ОДИНОЧЕСТВО

Поверь мне, люди не поймут
Твоей души до дна!..
Как полон влагою сосуд,—
Она тоской полна.
Когда ты с другом плачешь — знай,
Сумеешь, может быть,
Лишь две-три капли через край
Той чаши перелить.
Но вечно дремлет в тишине,
Вдали от всех друзей,
Что́ там, на дне, на самом дне
Больной души твоей.
Чужое сердце — мир чужой,
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти
И что-то есть, что глубоко
Горит в твоих глазах
И от меня так далеко,
Как звезды в небесах...
В своей тюрьме — в себе самом —
Ты, бедный человек,
В любви, и в дружбе, и во всем
Один, один навек!...

1890

К. М. Фофанов

388. ЭЛЕГИЯ

(Из траурных песен)

Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски:
Не все я выплакал мечты,
Не все поведал миру сказки.

Не до́пил я любовных слов
Благоуханную отраву,
И не допел своих стихов,
И не донес к сединам славу.

А как был ясен мой рассвет!
Как много чувств в душе таилось!
Но я страдал, я был поэт,
Во мне живое сердце билось.

И пал я жертвой суеты,
С безумной жаждой снов и ласки!
Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски!

29 августа 1886

389. МЕЛАНХОЛИЯ

Для радостей природа создана,
Но почему грустит она всечасно?
Теперь закат сверкает в небе ясно —
И в нем печаль глубокая видна.

Вечерний блеск позолотил вершины,
Зеленый мрак в вершинах потонул,
Задумались деревья-исполины,
Далеких волн внимая смутный гул.

Вдали звучит кукушки кукованье,
Как тихий плач бездомной сироты...
И я грущу — и грусть та без названья,
Наперсница таинственной мечты.

Навеяла ль печальная природа
Мне эту грусть, иль сам я грусть вдохнул
В ее черты — в сиянье небосвода,
В дыханье трав и в леса смутный гул,

Я — сон ее, она ль мое виденье —
Мне всё равно... Печаль ее близка.
Восторг людей живет одно мгновенье,
А грусть и скорбь — бессчетные века.

1889

390. ОСЕННЕЕ

Заглохший сад усыпан весь листвою.
Прощальный луч глядит из-за ветвей.
Не нагляжусь вечернею зарею,
Не надышусь дыханием аллей.

Как нежный сон воспоминанья, сладок
Моим мечтам день осени сырой...
Немая грусть, и немощь, и упадок
Везде, на всем, с прощальной красотой.

Заглохший сад мне шепчет отовсюду:
Была весна, и встречу вновь весну.
И в тишине я радуюсь, как чуду,
И сумраку, и немощному сну.

1906

391. ЭЛЕГИЯ

Склонилась жизнь моя к закату,
Я слаб, я чаще нездоров...
Иду по смолкнувшему скату
Завечеревших берегов.

Воспоминаний нет со мною,
Зачем их праздные листки?
Они полны печальной мглою
Обид, позора и тоски.

Прощаюсь с днем без сожаленья,
Встречаю вечер без слезы,
Молю я сил, молю терпенья
Навстречу будущей грозы.

Иду, погоду замечая,
Потупив грустное чело.
Далёко туча грозовая,
Закатом — небо обожгло.

А там, где смерклось на востоке,
Вокруг оплаканных жилищ,
Я вижу пламенные строки
Пожарищ, битв и пепелищ!

1906

392. ЭЛЕГИЯ

Папироса... Еще и еще папироса...
Я курю и в окошко смотрю.
Над водою всё ласточки кружатся косо.
Покурил. Закурил. И курю.

Мысли — злы. Для мучений больного вопроса
Нет ответа иль бледен ответ.
Папироса. Еще и еще папироса...
А забвения думам мучительным — нет.

Пепел стол весь усыпал... С тупого откоса
В пруд сбегают утята толпой.
Папироса... Еще и еще папироса...
Как всё глупо, старо, боже мой!..

24 января 1909

Ф. К. Сологуб

393

Больные дни мои унылы.
Меня смущает вещий сон,
А звуки внешние постылы,
Как чей-то неумолчный стон.

Бегу от тяжких впечатлений,
От неотвязного труда,
Ищу порочных наслаждений,
И упоения стыда,

И низшей степени паденья...
Уже богиня прежних дум
Не пробуждает зовом мщенья
Мой тяжко угнетенный ум.

Простите ж, светлые надежды!
Сомкнитесь, плачущие вежды!
И, смертью страсти заглуша,
Усни, усталая душа!

24 февраля 1887

394

В великом холоде могилы
Я безнадежно схоронил
И отживающие силы,
И всходы нераскрытых сил.

И погребенные истлели
В утробе матери-земли,
И без надежды и без цели
Могильным соком потекли,

И соком корни напоили,—
И где был путь уныл и гол,
Там травы тихо восходили
И цвет медлительный расцвел.

Покорна гласу темной воли,
И бездыханна и светла,
Без торжества, без слез, без боли
Вся сила мертвая цвела,

И без любви благоухала,
Обманом жизни крася дол,
И сок сладчайший источала
Для пестрых бабочек и пчел.

О, если б смерть не овладела
Семьею первозданных сил,
В какое б радостное тело
Я все миры соединил!

6 июля 1902

А. М. Федоров

395. ЭЛЕГИЯ

Глухая ночь. Опять с страдальческой тоской,
Облокотясь в немом бессилье на перила,
Стою я одинок над сумрачной рекой,
В гранитных берегах почившей, как могила.
Нет звезд, и далеко до утренней зари.
Ненастно... В два ряда, рекой темнозеркальной,
Горят таинственно и скупо фонари,
Как ночью факелы процессии печальной.
И на душе темно и больно, что прошла
Вся жизнь забитою и для других незримой,
Средь гнета пошлости, падения и зла,
В гранитных берегах нужды невыносимой.
Да, больно, тяжело, что нечем вспомянуть
Мне молодость и жизнь, отцветшую так рано;
Что сердце замерло, истерзанная грудь
Охвачена тоской, как дымкою тумана;
Что я, как инвалид, стремлюся на покой
И тускло над душой горят воспоминанья,
Как погребальных свеч тоскливое мерцанье,
Как мрачных фонарей убогое сиянье
Над этой сумрачной, безмолвною рекой.

1889

396. ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Багряным золотом на западе горя,
В поблекшей зелени огнем переливаясь,
Царицей вечера красуется заря...
Вокруг еще светло, но уж звезда, купаясь
В румяном зареве, затеплилась свечой...
Близка глухая ночь, забвенье и покой.

От поля сжатого, от скошенного луга
Пахнуло холодом. Недвижимый туман
Повис над озером. К теплу и ласке юга
Высоко журавлей пронесся караван.
На ветке близ меня раздался свист несмелый,
Вспорхнул зобатый дрозд, сорвался лист, шурша,
И замер старый лес, как замок опустелый,
И грустью странною наполнилась душа.

Весна моей любви! Весна моих мечтаний!
Из пепла серого былых очарований
Зачем так ярко вы блеснули в этот час,
Что слезы хлынули из глаз
И сердце горестно заныло от страданий.

1895

П. Д. Бутурлин

397. ЭЛЕГИЯ

Fior di ginestra.
Dove c'é stato lo fuoco una volta,
Qualche poco di cènere ci resta.

Stornello umbro [1]

Средь мечтаний сокровенных, мимолетным привиденьем,
Не встает ли пред тобою наша мертвая любовь?
Иль забыла ты, быть может, что друг друга мы любили
Первой страстью молодою, как потом не любят вновь?

Ты тогда была прекрасней безупречных изваяний;
Взор лучился, то синея, как в июле небеса,
То зловеще зеленея, точно волны перед бурей;
Бронзой, солнцем освещенной, отливались волоса...

В дни великих вдохновений вся Эллада на коленях,
В чистом мраморе Пароса, обожала бы тебя!
И, как нищему царица даровала б диадему,
Эту роскошь совершенства отдала ты мне любя!

И восторги мы познали без пределов и без меры,
Дивной сказкой, а не жизнью стала жизнь тогда для нас!
Солнце чудилось светлее и роскошнее природа!..
Но неверный, как комета, улетел блаженства час.

Отчего и как расстались? Кто с слезами? Кто со смехом?
Хоть то было так недавно,— боже мой! Не всё ль равно!
Не вернется же то время, как фиалки прошлых весен,—
И забыть тебе, быть может, как мне помнить, суждено!

---

[1] Цветок дрока. Там, где однажды прошло пламя, остается только немного пепла. *Умбрийская народная песенка* (ит.) .— *Ред.*

А вчера средь блеска бала, средь сверканий и веселья,
Под ликующие звуки к сладострастию маня,
Вся прелестна и надменна, как победная богиня,
Ты на миг свой взор спокойный обратила на меня...

Жизнь отдал бы я за слово хоть пустейшего привета,—
Ты в глаза мне посмотрела, не узнала и прошла.
О, зачем судьба в последнем, предразлучном поцелуе
На устах твоих пурпурных умереть мне не дала!..

Жаждать счастия былого — пытка выше всякой пытки,
И бывает, что безумно я завидую тебе:
Ты не помнишь! Иль, сильнее тиранической природы,
Голос совести и сердца заглушила ты в себе...

Невозможно! Невозможно! Хоть рабой страстей ты
стала,
Не надеюсь,— нет! я верю! — нет! я знаю, что порой
Средь мечтаний сокровенных, укоряющим виденьем,
Бледный призрак мой несется неотвязно пред тобой...

1890

П. Ф. Якубович

398. ПРОЩАНИЕ

Промчалась молодость — и нет от ней следа!
Одних ошибок ряд да поздних сожалений...
А как томилась грудь желанием труда,
Каким избытком сил и светлых вдохновений!
Кто ж, кто виновен в том — ужели я один?
Я честно жить хотел: на жертвенник священный
Любви к родной стране, как сын и гражданин,
Я лучшие дары сложил рукой смиренной —
Свободу, молодость и песен чистый жар...
И если иногда, в унынье малодушном,
Не как герой встречал губительный удар
Иль самолюбия бывал рабом послушным,
То чаще — жертвой был... Я ощупью вперед,
Сквозь бурный вихрь и мрак, шел к цели благородной;
Себе я сам был вождь, советник и оплот,
Мне совесть лишь была звездою путеводной...

. . . . . .

Историк будущий! К тебе взываю я:
Коль посреди имен, отмеченных несчастьем,
Ты вспомнишь и мое,— пускай рука твоя
Мой образ начертит с холодным беспристрастьем.
Не нужно лавров мне, не нужно пышных роз —
Пусть их возьмут бойцы, не знавшие сомненья;
Но тяжких ради мук, обид и тайных слез
Винам моим молю пощады и забвенья!

22 октября 1890

399. НА РОДИНЕ

Я что-то потерял — и не могу сыскать...
Чего еще, чего душе строптивой надо?
Смеется глубь небес, как ласковая мать,
Вся в блеске утонув весеннего наряда.
И вижу снова я любимый город мой,
Рокочущий, как гром, сверкающий, как море,
Ступаю наяву по плитам мостовой,
Где юношей мечтал о счастье и просторе...

Чего ж так грустно мне? Чего безумно жаль?
Иль этот смутный гул, немолчный гул потока,
Где слиты в стон один и радость, и печаль,
Спугнул те сны мои, что снились там, далёко?
Подавленный бреду... Ни сладких, жгучих слез,
Ни смеха радости знакомому, родному...
Как это вышло всё бледнее, по-иному,
Чем в сказке золотой моих прекрасных грез!

И тех же всё дворцов блестящих вереница,
И тех же синих вод дразнящий зыбкий свет,
И сфинксов каменных загадочные лица,
Но сердцу чудится — чего-то больше нет!
Вот юношей толпа... Их лица бодры, ясны,
Но — словно чуждая меж нас черта легла:
Губительный ли вихрь развеял сон прекрасный,
Иль молодость моя с собою унесла?..

Болит душа, болит! Как пойманная птица,
Тревожно мечется и рвется на простор...
Туда ль, туда ль опять безумная стремится —
В пустыни дальние, за цепи льдистых гор?

Туда, где что ни шаг — отвесных скал граниты,
Где реки — как моря, и души — точно лед,
Где лучшие друзья в чужих снегах зарыты,
А песни лучшие сгубил угрюмый свод?..

Туда!.. И мрачно там, и холодно, и дико,
О дальней родине томит до слез мечта,
Но греют сердце там отрадою великой
И гордый гнев, и боль обиды и креста.
Страна полночных вьюг, моей весны могила,
Угрюмых сыновей неласковая мать,—
Язык клянет тебя, а сердце полюбило...
Я что-то потерял — и не могу сыскать!

1900

400. В ПЛЕНУ

Душа моя в плену — в плену у тяжких дум,
У дней без радости, у ночи без рассвета!..
Ни мирный сон полей, ни улиц пестрый шум
Не будят больше в ней созвучного ответа.

Рвануться бы, стряхнуть докучный гнет цепей,
Взмахнуть бы широко орлиными крылами!
Но цепи — где они? Вдоль стен тюрьмы моей
Не ходит часовой с бессонными глазами.

Куда, куда бежать? Пустынен кругозор,
Зной опалил его дыханьем черной скуки...
И солнце, как сквозь дым, бросает мертвый взор,
И призрачны, как сон, и радости, и муки!

Душа моя в плену!.. И грезится вдали
Ей край пленительный, волшебный край свободы,
Где шумный жизни пир, цветущий пир земли,
Кипит, как вешние сверкающие воды...

Далекой юности блаженные края!
Как всё там солнечным залито светом было,
Как сердце верило и пламенно любило
Весну, людей и жизнь...
В плену душа моя!

Июль 1900

И. О. Лялечкин

401

Мне не жаль, что ночь минула скоро,
Мне не жаль, что скоро минет день...
Всё — слова любви, слова укора,
Даже клятв слова — всё только тень.
Эта страсть пройдет, как сновиденье,
Как и ночь, мелькнув едва на миг,
Я давно привык к разуверенью,
И давно к изменам я привык.
И с тобой грозящая разлука
Мне теперь уж вовсе нипочем:
Ведь любить всегда — такая скука!
А любить на миг — что пользы в том?
О, не верь ты чувствам, что дарят нам
Слезы счастья,— в них сокрыт обман.
Так в просторе моря необъятном
В тишине таится ураган!
Пусть бежит скорей она от взора,
Не любовь, а эта счастья тень...
Мне не жаль, что ночь минула скоро,
Мне не жаль, что скоро минет день.

1891

Ф. А. Червинский

402. ТЕНИ МИНУВШЕГО

На мотив А. Мюссе

Вот наш заглохший пруд, луною посребренный,
И золотой песок, и желтые холмы,
И ты, косматый лес, нахмуренный и сонный...
Здесь часто с ней бродили мы!

Что шаг, то всё сильней меня объемлет трепет...
Вот старый мшистый дуб, свидетель дальних лет...
О, он узнал меня — и листьев робкий лепет
Мне шлет таинственный привет.

О время властное! Лучистые виденья
Мгновенной юности от нас ты в бездну мчишь,
Но, сжалившись, росой холодного забвенья
Цветов увядших не кропишь.

Теперь... пусть сонмы туч гремят над головою —
Былого из души не вырвать никому;
Как голубь трепетный, застигнутый грозою,
Всем существом я льну к нему...

1893

К. Д. Бальмонт

403

Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет.
Пять быстрых лет пройдет — мне минет тридцать лет.
Замолкнут соловьи, и холодом повеет,
И ясных вешних дней навек угаснет свет.

И в свой черед придут дни, полные скитаний,
Дни, полные тоски, сомнений и борьбы,
Когда заноет грудь под тяжестью страданий,
Когда познаю гнет властительной судьбы.

И что́ мне жизнь сулит? К какой отраде манит?
Быть может, даст любовь и счастие? О нет!
Она во всем солжет, она во всем обманет
И поведет меня путем тернистым бед.

И, тем путем идя, быть может, падать стану,
Утрачу всех друзей, моей душе родных,
И — что всего страшней — быть может, перестану
Я верить в честь свою и в правду слов своих.

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья —
И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу:
Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

1892

404. РОДНАЯ КАРТИНА

Стаи птиц. Дороги лента.
Повалившийся плетень.
С отуманенного неба
Грустно смотрит тусклый день.

Ряд берез, и вид унылый
Придорожного столба.
Как под гнетом тяжкой скорби,
Покачнулася изба.

Полусвет и полусумрак,—
И невольно рвешься вдаль.
И невольно давит душу
Бесконечная печаль.

1892

405. ФАНТАЗИЯ

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск луны
приемлет
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье,— точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится,— и деревьям что-то
мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокой полуночи мчатся духи через лес.
Что их мучит, что тревожит? Что, как червь, их тайно
гложет?
Отчего их рой не может петь отрадный гимн небес?
Всё сильней звучит их пенье, всё слышнее в нем
томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль,—
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда бога,

Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А луна всё льет сиянье, и без муки, без страданья
Чуть трепещут очертанья вещих сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют
И с спокойствием приемлют чары ясных, светлых снов.

1893

406. ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Уходят дни. И вот уж десять лет
Прошло с тех пор, как смерть к тебе склонилась.
Но смерти для твоих созданий нет:
Толпа твоих видений, о поэт,
Бессмертием навеки озарилась.

В немом гробу ты спишь глубоким сном.
Родной страны суровые метели
Рыдают скорбно в сумраке ночном,
Баюкают тебя в твоей постели
И шепчут о блаженстве неземном.

Ты заслужил его. Во тьме невзгоды,
Когда, под тяжким гнетом, край родной,
Томясь напрасной жаждою свободы,
Переживал мучительные годы,
Ты был исполнен думою одной:

Кумир неволи сбросить с пьедестала,
Живой волной ударить в берега,
Сломить ту силу, что умы сковала,—
И ты поклялся клятвой Ганнибала —
Жить лишь затем, чтоб растоптать врага.

И ты спустился в темные пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Пленяющей печальной красотой,
И подсмотрел цветы средь грязной тины,
Средь грубости — любви порыв святой.

И слился ты с той светлою плеядой,
Пред чьим огнем рассеялася тьма,
Пред чьим теплом растаяла зима.
Нахлынули борцы живой громадой —
И пала крепостничества тюрьма.

Но в этот миг, зиждительный и чудный,
Ты не хотел душою отдохнуть,
Святым огнем твоя горела грудь,
И вот опять — далекий, многотрудный,
Перед тобой открылся новый путь.

Дворянских гнезд заветные аллеи.
Забытый сад. Полузаросший пруд.
Как хорошо, как всё знакомо тут!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цветут.

Затмилась ночь. Чуть слышен листьев ропот.
За рощей чуть горит луны эмаль.
И в сердце молодом встает печаль.
И слышен чей-то странный, грустный шепот.
Кому-то в этот час чего-то жаль.

И там вдали, где роща так туманна,
Где луч едва трепещет над тропой,
Елена, Маша, Лиза, Марианна,
И Ася, и несчастная Сусанна —
Собрались воздушною толпой.

Знакомые причудливые тени,
Создания любви и красоты,
И девственной, и женственной мечты,—
Их вызвал к жизни чистый, нежный гений,
Он дал им форму, краски и черты.

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданий женской любящей души,
Ее заветных дум, немой печали;
Лишь с ним для нас впервые прозвучали
Те песни, что таилися в тиши.

Он возмутил стоячих вод молчанье,
Запросам тайным громкий дал ответ,
Из тьмы он вывел женщину на свет —
В широкий мир стремлений и сознанья,
На путь живых восторгов, битв и бед.

Вот почему, с любовью вспоминая
О том, кто удалился в мир иной,

Пред кем зажегся светоч неземной,
Здесь собралась толпа, ему родная,
С ним слившаяся мыслию одной:

Пусть мы с тобой разлучены судьбою
Уж десять невозвратных долгих лет,
Но ты, наш друг, учитель и поэт,
Средь нас живешь! Сверкает над тобою
Бессмертия нетленный, чистый свет!

Октябрь 1893

407. ЗАРНИЦА

Как в небесах, объятых тяжким сном,
Порой сверкает беглая зарница,
Но ей не отвечает дальний гром,—

Так точно иногда в уме моем
Мелькают сны, и образы, и лица,
Погибшие во тьме далеких лет,—

Но мимолетен их непрочный свет,
Моя душа безмолвна, как гробница,
В ней отзыва на их призывы нет.

1894

408. БОЛОТО

О, нищенская жизнь, без бурь, без ощущений,
Холодный полумрак, без звуков и огня.
Ни воплей горестных, ни гордых песнопений,
Ни тьмы ночной, ни света дня.

Туманы, сумерки. Средь тусклого мерцанья
Смешались контуры, и краски, и черты,
И в царстве мертвого бессильного молчанья
Лишь дышат ядовитые цветы.

Да жабы черные, исчадия трясины,
Порою вынырнут из грязных спящих вод
И, словно радуясь обилью скользкой тины,
Ведут зловещий хоровод.

1894

Я знаю, что́ значит — безумно рыдать,
Вокруг себя видеть пустыню бесплодную,
Что́ значит — с отчаяньем в зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимн соловья
Лишь тем и хорош, что похож на рыдание,
Что гор снеговых вековое молчание
Прекрасней, чем лепет ручья.

1894

410. ЧАЙКА

Чайка, серая чайка с печальными криками носится
Над холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачем? Почему ее жалобы
Так полны безграничной тоской?
Бесконечная даль. Неприветное небо нахмурилось.
Закурчавилась пена седая на гребне волны.
Плачет северный ветер, и чайка рыдает, безумная,
Бесприютная чайка из дальней страны.

1894

411

Катерине Алексеевне Андреевой

Я расстался с печальной луною,—
Удалилась царица небес;
Там, в горах, за их черной стеною,
Ее лик омраченный исчез,

И в предутреннем сумраке ясном
Мне послышался вздох ветерка,
И в лазури, на небе прекрасном,
Отразилась немая тоска.

Силуэты лесных великанов
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащих туманов
Над заплаканным лугом легли.

Вся природа казалась больною
И как будто молила меня,
И грустила, прощаясь с луною,
В ожидании знойного дня.

1894

412. ГРУСТЬ

Внемля ветру, тополь гнется, с неба дождь осенний
льется,
Надо мною раздается мерный стук часов стенных;
Мне никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
И из уст невольно рвется монотонный грустный стих;
И как тихий дальний топот, за окном я слышу ропот,
Непонятный странный шепот — шепот капель дождевых,
Отчего так ветру скучно? Плачет, ноет он докучно,—
И в ответ ему стозвучно капли бьются и бегут;
Я внемлю, мне так же скучно, грусть со мною
неразлучна,
Равномерно, однозвучно рифмы стройные текут;
В эту пору непогоды, под унылый плач природы,
Дни, мгновенья, точно годы — годы медленно идут.

1894

413. ОСЕНЬ

Осень. Мертвый простор. Углубленные грустные дали.
Завершительный ропот шуршащих листвою ветров.
Для чего не со мной ты, о друг мой, в ночах, в их печали?
Столько звезд в них сияет в предчувствии зимних снегов.

Я сижу у окна. Чуть дрожат беспокойные ставни.
И в трубе без конца, без конца — звуки чьей-то мольбы.
На лице у меня поцелуй — о, вчерашний, недавний.
По лесам и полям протянулась дорога судьбы.

Далеко, далеко по давнишней пробитой дороге,
Заливаясь, поет колокольчик, и тройка бежит.
Старый дом опустел. Кто-то бледный стоит на пороге.
Этот плачущий — кто он? Ах, лист пожелтевший
шуршит.

Этот лист, этот лист... Он сорвался, летит, упадает...

Бьются ветки в окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпеть. Кто же там так безумно рыдает?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.

Это ты говоришь? Сам с собой — и себя отвергая?
Колокольчик, вернись. С привиденьями страшно мне быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Немая!
Непостижность судьбы: расставаться, страдать и любить.

1905

М. А. Лохвицкая

414

Да, это был лишь сон! Минутное виденье
Блеснуло мне, как светлый метеор...
Зачем же столько грез, блаженства и мученья
Зажег во мне неотразимый взор?

Как пусто, как мертво́!.. И в будущем всё то же...
Часы летят... а жизнь так коротка!..
Да, это был лишь сон, но призрак мне дороже
Любви живой роскошного цветка.

Рассеялся туман, и холод пробужденья
В горячем сердце кровь оледенил.
Да, это был лишь сон... минутное виденье...
Но отчего ж забыть его нет сил?

27 января 1890

415. ЭЛЕГИЯ

Я умереть хочу весной,
С возвратом радостного мая,
Когда весь мир передо мной
Воскреснет вновь, благоухая.

На всё, что в жизни я люблю,
Взглянув тогда с улыбкой ясной,
Я смерть свою благословлю —
И назову ее прекрасной.

5 марта 1893

416. В БЕЛУЮ НОЧЬ

Всё спит иль дремлет в легком полусне.
Но тусклый свет виденья гонит прочь.
Тоска растет — и грудь сжимает мне,
И белая меня тревожит ночь.

Смотрю в окно. Унылый, жалкий вид:
Две чахлые березки и забор.
Вдали поля. Болит душа, болит,
И отдыха напрасно ищет взор.

Но не о том тоскую я теперь,
Что и вдвоем бывала я одна,
Что в мир чудес давно закрыта дверь
И жизнь моя пуста и холодна.

Мне тяжело, что близок скучный день,
Что деревцам густеть не суждено,
Что покосился ветхий мой плетень
И тусклый свет глядит в мое окно.

Июль 1898

О. П. Чюмина

417. БЕССОННОЙ НОЧЬЮ

Посвящается Зое Юл⟨иановне⟩ Яковлевой

Всё в доме затихло, лишь ночь голубая
Глядит безучастно в окно,
И сердце гнетет тишина гробовая,
И, мнится, всё ею полно.

Лишь месяца отблеск из ниши оконной
Ложится пятном на полу,
И маятник старый стучит монотонно,
И мыши скребутся в углу.

Исчезли волшебного мира виденья,
Перо выпадает из рук,
И после короткой минуты забвенья
Томит безнадежный недуг.

Мучительней жаждет душа перемены
И к свету стремится из тьмы,
И мнится, что давят меня эти стены,
Как своды тюрьмы.

Лицо разгорается яркою краской,
Горит голова, как в огне,
И в эти минуты несбыточной сказкой
Былое является мне.

Возможно ль, что жизнь существует иная,
С тревогой, страстями, борьбой?..
И сердце гнетет тишина гробовая
Еще безнадежней собой.

Свеча догорела — лишь месяц уныло
Сиянье дрожащее льет,
И сердце то бьется с удвоенной силой,
То сразу замрет...

1895

П. С. Соловьева

418

В этих бледных снегах мне не видно пути,
Я один и не знаю, куда мне идти,
Только ворон проснулся и дрогнул крылом,
Только голые сучья чернеют кругом.

Ни единой звезды не блеснет в вышине,
Всё заснуло в холодной и злой тишине,
В мутном небе не видно далекой луны,
И бессвязно бредут позабытые сны.

Сердце бьется так больно и тяжко в груди,
Бесконечная даль замерла впереди,
И сжимает мне душу мучительный страх:
Не найду я свой путь в этих бледных снегах!

1899

А. А. Блок

419. ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

1

Медлительной чредой нисходит день осенний,
Медлительно крути́тся желтый лист,
И день прозрачно свеж, и воздух дивно чист —
Душа не избежит невидимого тленья.

Так, каждый день стареется она,
И каждый год, как желтый лист кружи́тся,
Всё кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлых лет была не так грустна.

2

Как мимолетна тень осенних ранних дней,
Как хочется сдержать их раннюю тревогу,
И этот желтый лист, упавший на дорогу,
И этот чистый день, исполненный теней,—

Затем, что тени дня — избытки красоты,
Затем, что эти дни спокойного волненья
Несут, дарят последним вдохновеньям
Избыток отлетающей мечты.

5 января 1900

420. ЭЛЕГИЯ

Стояли ночи северного мая,
И реял в доме бледный полусвет.
Я лег уснуть, но, тишине внимая,
Всё вспоминал о грезах прежних лет.

Я вновь грустил, как в юности далекой,
И слышал я, как ты вошла в мой дом,—
Неуловимый призрак, одинокий
В старинном зале, низком и пустом.

Я различал за шелестом одежды
Твои шаги в глубокой тишине —
И сладкие, забытые надежды,
Мгновенные, стеснили сердце мне.

Я уловил из окон свежесть мая,
Глядел во тьму с тревогой прежних лет...
И призрак твой и тишина немая
Сливались в грустный, бледный полусвет.

1901

421. СУМЕРКИ

Как дым, седая мгла мороза
Застыла в сумраке ночном.
Как привидение, береза
Стоит, серея, за окном.

Таинственно в углах стемнело,
Чуть светит печь, и чья-то тень
Над всем простерлася несмело,—
Грусть, провожающая день,

Грусть, разлита́я на закате
В полупомеркнувшей золе,
И в тонком теплом аромате
Сгоревших дров, и в полумгле,

И в тишине — такой угрюмой,
Как будто бледный призрак дня
С какою-то глубокой думой
Глядит сквозь сумрак на меня.

1903

422. МОГИЛЬНАЯ ПЛИТА

Опять знакомый дом...

Огарев

Могильная плита, железная доска,
В густой траве врастающая в землю,—
И мне печаль могил понятна и близка,
И я родным преданьям внемлю.
И я «люблю людей, которых больше нет»,
Любовью всепрощающей, сыновней.
Последний их побег, я не забыл их след
Под старой, обветшалою часовней.
Я молодым себя, в своем простом быту,
На бедном их погосте вспоминаю.
Последний их побег, под эту же плиту
Приду я лечь — и тихо лягу, с краю.

6 сентября 1913

В. Я. Брюсов

423—435. *ЭЛЕГИИ*

1

ЖЕНЩИНАМ

Вот они, скорбные, гордые тени
Женщин, обманутых мной.
Прямо в лицо им смотрю без сомнений,
Прямо в лицо этих бледных видений,
Созданных чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущих тел!
Вас обретал я и вами владел!
Все ваши тайны — то нежный, то грубый,
Властный, покорный — узнать я умел.

Да, я вас бросил, как остов добычи,
Бросил на знойном пути.
Что ж! в этом мире вещей и обличий
Всё мне сказалось в единственном кличе:
«Ты должен идти!»

Вас я любил так, как любят, и каждой
Душу свою отдавал до конца,
Но — мне не страшно немого лица!
Не одинаковой жаждой
Наши горели сердца.

Вы, опаленные яростной страстью,
В ужасе падали ниц.
Я, прикоснувшись к последнему счастью,
Не опуская ресниц,
Шел, увлекаем таинственной властью,
К ужасу новых границ.

Вас я любил так, как любят, и знаю —
С каждой я был бы в раю!
Но не хочу я довериться раю.
Душу мою из блаженств вырываю,
Вольную душу мою!

Дальше, всё дальше! От счастья до муки,
В ужасы — в бездну — во тьму!
Тщетно ко мне простираете руки
Вы, присужденные к вечной разлуке:
Жить мне и быть — одному.

1902

II

СВИДАНИЕ

В одном из тех домов, придуманных развратом,
Где всем предложена наемная кровать,
На ложе общих ласк, еще недавно смятом,
И мы нашли приют — свою любовь скрывать.

Был яркий летний день, но сдвинутые шторы
Отрезывали нас от четкого луча;
Во мгле искусственной ловил я только взоры
Да тени смутные прически и плеча.

Вся жизнь была в руках, я слышал все биенья,
Всю груди теплоту, все линии бедра;
Ты прилегла ко мне, уже в изнеможенье,
И ты на миг была — как нежная сестра.

Но издали, крутясь, летела буря страсти...
Как изменились вдруг внизу твои глаза!
И ложе стало челн. У буйных волн во власти,
Промчался он, и вихрь — сорвал все паруса!

И мне пригрезилось: сбылась судьба земного.
Нет человечества! Ладью влечет хаос!
И я, встречая смерть, искал поспешно слова,
Чтоб трепет выразить последних в мире грез.

Но вместо слов был бред, и, неотступно жаля,
Впивался и томил из глубины твой взгляд.
Твой голос слышал я: «Люблю! твоя! мой Валя!»
Ладья летит быстрей... и рухнул водопад.

И мы на берегу очнулись в брызгах пены.
Неспешно, как из форм иного бытия,
Являлся внешний шум и выступали стены,
Сливалось медленно с действительностью «я».

Когда ж застенчиво, лицо в густой вуали,
На улицу за мной ты вышла из ворот,
Еще был яркий день, пролетки дребезжали,
И люди мимо шли — вперед, вперед...

1 июня 1901

III

В ДАМАСК

Губы мои приближаются
К твоим губам,
Таинства снова свершаются,
И мир как храм.

Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.

Ангелы, ниц преклоненные,
Поют тропарь.
Звезды — лампады зажженные,
И ночь — алтарь.

Что нас влечет с неизбежностью,
Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
Но взор закрыт.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

1903

IV

ГИАЦИНТ

С. А. Полякову

Словно кровь у свежей раны,
Красный камень гиацинт
Увлекает грезу в страны,
Где царит широкий Инд;

Где в засохших джунглях внемлют
Тигры поступи людей
И на мертвых ветках дремлют
Пасти жадных орхидей;

Где, окованная взглядом,
Птица стынет пред змеей
И, полны губящим ядом,
Корни пухнут под землей.

Сладко грезить об отчизне
Всех таинственных отрав!
Там найду я радость жизни —
Воплотивший смерть состав!

В лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волью
И навек в моем кинжале
Месть и волю затаю.

И когда любовь обманет,
И ласкавшая меня
Расточать другому станет
Речи нег на склоне дня,—

Я приду к ней с верным ядом,
Я ее меж ласк и чар,
Словно змей, затешу взглядом,
Разочту, как тигр, удар.

И, глядя на кровь у раны
(Словно камень гиацинт!),
Повлекусь я грезой в страны,
Где царит широкий Инд.

20 декабря 1990

V

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Мне снилось, я в городе дальнем,
Где ты истомилась одна,
Твой мальчик прохожего встретил,
Сказал мне, что мама больна.

К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.

Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:
Бледны исхудалые щеки,
Бледна и прозрачна рука.

Твой муж, и сестра, и сиделка —
Все вдруг отошли к стороне,
И я целовал твои руки,
И ты улыбалася мне.

И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе»,—
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.

В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,—
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.

1 июля 1901

VI

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Я сквозь незапертые двери
Вошел в давно знакомый дом,
Как в замок сказочный поверий,
Постигнутый волшебным сном.

Сквозь спущенные занавески
Чуть проникали тени дня,
И люстры тонкие подвески
Сверкали бледно, не звеня.

И так шаги казались странны,
Почти заглушены в коврах.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стенах.

Я встретил взгляд без выраженья
Остановившихся часов.
Полузасохшие растенья
Стояли стражей мертвецов.

Я заглянул... Она смотрела,
Как тихо догорал камин.
Зола каких-то писем тлела,
Но в воздухе дышал жасмин.

На платье белое всё реже
Бросали угли отсвет свой.
Она вдыхала запах свежий,
Клонясь всё ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, как вошел, без слов,
Приняв в гостиной взгляд прощальный
Остановившихся часов.

25 декабря 1901

VII

К БЛИЗКОЙ

Предстанет миг, и дух мой канет
В неизмеримость без времен,
И что-то новое настанет,
И будет прах земли как сон.

Воспоминанья все утратит,
В огне небес перегорит
И за познанье тайн заплатит
Забвеньем счастья и обид.

И вот, как облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдруг завижу лик знакомый,
И трепет обожжет меня.

В моей душе преображенной,
От всех условий бытия,
Как мысль от тени, отрешенной,
Восстанет вся любовь моя,

Весь круг бессилия и счастья,
Все дни, что вечностью прошли,
Весь вещий ужас сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И словно вновь под сводом звездным,
С своей бездонной высоты,
Твое я имя кину к безднам,
И мне на зов ответишь — ты!

1903

VIII

ПЫТКА

Эта боль не раз мной испытана,
На кресте я был распят не раз,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорах свет солнца погас.

Члены пыткою злой обессилены,
Я во прахе кровавом — как труп.
Выжидают мгновения филины,
Опустившись на ближний уступ.

Но чем мука полней и суровее,
Тем восторженней песни хочу,
И кричу, и пою славословия,
Вечный гимн моему палачу.

О, приди, без улыбки, без жалости,
Снова к древу меня пригвождать,
Чтоб я мог в ненасытной усталости
Снова руки твои целовать.

Чтоб, в борьбе с сладострастной
безмерностью
Нарастающих яростных мук,
Я утешен был девственной верностью
Этих строго безжалостных рук.

Декабрь 1901

IX–XI
ЭПИЗОД

I

Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?
Твои так нежны глазки,
И поступь — как у фей!

Я — принц, а ты — царевна,
Отец твой — злой король...
Но не гляди так гневно,
Побыть с тобой позволь.

Я в шапке-невидимке,
Для всех — ты здесь одна!
И вот в вечерней дымке
Померкла даль окна,

Прислужницы уводят
Тебя под полог твой...

Ночные тени бродят,
И я во мгле с тобой!

Уста твои безмолвны,
Смежен покорный взор.
Бросаю в воздух — в волны
Наш самолет-ковер.

Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей...
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?

2

Зачем твое имя Мария,
Любимое имя мое?
Любовь — огневая стихия,
Но ты увлекаешь в нее.

Зачем с утомляющей дрожью
Сжимаю я руку твою
И страсть, как посланницу божью,
В горящей мечте узнаю?

Ты шепчешь, лицо уклоняя:
«Зачем я слаба? — ты сильней»,—
И вьется дорога ночная
По царству теней и огней.

3

Когда твой поезд, с ровным шумом,
Мелькнул и стал вонзаться в даль,
А я стоял, доверясь думам,
Меня так нежила печаль.

Там, на платформе опустелой,
В июльском пламенном огне,
Всё то, что с детством охладело,
Я находил живым во мне.

И после всех моих падений
Мне так легко давались вновь
И детский трепет разлучений,
И детски нежная любовь.

Июль 1901

XII
ТАИНСТВА НОЧЕЙ

Хранятся в памяти, как в темной книге,
Свершившиеся таинства ночей,
Те, жизни чуждые, святые миги,
Когда я был и отдан, и ничей.

Я помню запах тьмы и запах тела,
Дрожащих членов выгибы и зной,
Мир, дышащий желаньем до предела,
Бесформенный, безóбразный, иной.

Исторгнутые мукой сладострастья,
Безумны были речи,— но тогда
Казалось мне, что властен их заклясть я
Заклятием забвенья — навсегда!

Что этот бред, мучительным отливом
Вскрывающий души нагое дно,
Навек умрет с растаявшим порывом,
Что в миге будет всё погребено!

Нет! Эта мгла и криков и видений
В другой мечте, как и в моей, жива!
О вы, участницы ночных радений,
Вы слышали запретные слова!

Я был не одинок во храме страсти,
Дал подсмотреть свой потаенный сон,
И этот храм позором соучастий
В святых воспоминаньях осквернен!

1902

XIII

ОДИНОЧЕСТВО

Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы!

Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходит рядом
За днями день, за годом год.
Мы лжем любовью, словом, взглядом,—
Вся сущность человека лжет!

Нет сил сказать, нет сил услышать,
Невластно ухо, мертв язык.
Лишь время знает, чем утишить
Безумно вопиющий крик.

Срывай последние одежды
И грудью всей на грудь прильни,—
Порыв бессилен! Нет надежды!
И в самой страсти мы одни!

Нет единенья, нет слиянья,—
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушие раба.

Напрасно дух о свод железный
Стучится крыльями, скользя.
Он вечно здесь, над той же бездной;
Упасть в соседнюю — нельзя!

И путник, посредине луга,
Кругом бросает тщетный взор:
Мы вечно, вечно в центре круга,
И вечно замкнут кругозор!

1903

436. ЭЛЕГИЯ

Я ночь не сплю, и вереницей
Мелькают прожитые дни.
Теперь они
Как небылицы.

В своих мечтах я вижу Су́ду
И дом лиловый, как сирень.
Осенний день
Я вижу всюду.

Когда так просто и правдиво
Раскрыл я сердце, как окно...
Как то давно!
Как то красиво!

Я не имею даже вести
О той, которой полон май;
Как ни страдай —
Не будем вместе.

Я к ней писал, но не достоин
Узнать — счастли́ва ли она.
Прошла весна,
Но я... спокоен.

О, я не требую ответа,
Ни сожаления, ни слез,
Царица грез
Елисавета!

Биеньем сердца молодого,
Стремленьем любящей души
Хочу тиши
Села родного.

Я на мечте, своей гондоле,
Плыву на Суду в милый дом,
Где мы вдвоем
Без нашей воли.

Меня не видишь ты, царица,
Мечтаешь ты не обо мне..
В усталом сне
Твои ресницы.

1905

437. ЭЛЕГИЯ

Я ко всем тебя ревную
И — страдая —
Всё печалюсь, всё тоскую,
Дорогая,
Всё сомнения терзают,
Сушат душу;
Голос тайный напевает:
«Всё разрушу...»
Тайный голос, страшный голос,
О, проклятый!
И сгибаюсь, словно колос,
В поле сжатый.

1906

438. ТРАУРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Умирала лилия лесная...

К. Фофанов

Умерла она в пору августа,
Когда зелень трав и дубрав густа,
Когда в воздухе вкус малиновый,
Когда ночь дрожит в тьме осиновой.
Умерла она, ясно ведая,
Что такое смерть, храбро следуя
За давнишними пожеланьями
Молодой уснуть, с колебаньями
Незнакомая... И правдивая,
И невинная, и красивая!..
Умерла она, сделав грустно нам...
К ней путем идем, болью устланным,
На могилу к ней, одинокую,
Как она была, на далекую...
Там помолимся о душе ее:
«Да прославится имя твое!»

Июнь 1909

439. МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ

Она на пальчики привстала
И подарила губы мне.
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день — и было скучно,
Как всё, что только не во сне.

1909

440. ЯНТАРНАЯ ЭЛЕГИЯ

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок.

А. Пушкин

Вы помните прелестный уголок —
Осенний парк в цвету янтарно-алом?
И мрамор урн, поставленных бокалом
На перекрестке палевых дорог?

Вы помните студеное стекло
Зеленых струй форелевой речонки?
Вы помните комичные опенки
Под кедрами, склонившими чело?

Вы помните над речкою шалэ,
Как я назвал трехкомнатную дачу,
Где плакал я от счастья, и заплачу
Еще не раз о ласке и тепле?

Вы помните... О да! забыть нельзя
Того, что даже нечего и помнить...
Мне хочется Вас грезами исполнить
И попроситься робко к Вам в друзья...

1911
Мыза Ивановка

441. ЭЛЕГИЯ

Вы мать ребенка школьнических лет,
И через год муж будет генералом...
Но отчего на личике усталом —
Глухой тоски неизгладимый след?

Необходим для сердца перелом:
Догнать... Вернуть... Сказать кому-то
слово...
И жутко Вам, что всё уже в былом,
А в будущем не видно и былого...

1911

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИРОНИЧЕСКИЕ И ПАРОДИЙНЫЕ ЭЛЕГИИ

Ф. А. Эмин

442. ЭЛЕГИЯ

Пришел желанный час! Прошло уж время злое!
Оставь меня теперь, жена, в покое!
Пора уже печаль твою теперь пресечь,—
Дни в радостях мои тобою будут течь,
Любезная моя! Ликуй ты днесь со мною,
Что, страстно тя любя, расстался я с женою.
Чтоб больше заслужить твою ко мне любовь,
Я яростью зажег против нее всю кровь:
Везде ее браню, о зле ее стараюсь,
И дети мерзки мне, и ими я гнушаюсь.
Единственно тебя, прекрасная, люблю,—
Жизнь, разум, счастье, честь я для тебя гублю.
Гублю! Давно уже я с честью разлучился,
Всего я для тебя, любезная, лишился!
Уже меня сей град за мерзость почитает;
Колико злобен я, народ о том весь знает.
Но что мне в обществе? Начто любовь народна?
От всех теперь сует душа моя свободна.
С тобой я пополам делю мои забавы,
Мы равные с тобой во всем имеем правы:
Я бешен и упрям, ты злобна и бесчестна,
Но всех умняе я, ты больше всех прелестна!
О жизнь души моей! Владей всегда ты мною,
Хоть всеми я презрен, да счáстлив я тобою.
Но станется, что ты в любви мне лицемеришь
И что еще моим ты клятвам всем не веришь!
Возможно ль быть тому, чтоб пред тобой я лгал,
Чтоб, столько тя любя, я вдруг неверным стал?
Ах! вспомни, как моя тогда душа страдала,
Во родах дважды ты как, Верушка, лежала,
Со всеми хоть тогда лакеями таскалась,
Но страстная душа надеждою ласкалась,
Что буду я тебе сих подлых всех милей,
Коль подлых любишь ты, то я их всех подлей!

1750-е годы (?)

М. Пермский

443. ЭЛЕГИЯ

Когда не тронул я, терзаясь,
Ожесточенну грудь твою,
Послушай ты, не улыбаясь,
Плачевну жалобу мою.
Увидишь, сколько я страдаю
С тех пор, как нет тебя со мной,
Все дни я слезы проливаю
О тех, что проводил с тобой.
Сады пустыню мне являют,
Не зрю в беседах никого,
Но город летом оставляют
Все жители и без того.
Мне кажется, не восклицает
Приятных песен соловей,
Но все он песни покидает,
Лишась весны, приятных дней.
В тот час, как я тебя лишился,
Наполнен злою грустью сей,
К реке без страха я стремился,
Но только лишь купался в ней.
Оплакивая время строго,
В болезнь жестокую пришел,
Но лекарь мне сказал, что много
За ужином я фруктов ел.
Я ночь покою жду напрасно,
Мне сон не может глаз сомкнуть,
Но правда, что клопы всечасно
И блохи не дают уснуть.
Ты зришь, как я тобой пленился
И сколько муки я терплю;
Хотя твоей любви лишился,
Всегда равно тебя люблю.

1763

М. И. Попов

444. ЭЛЕГИЯ

Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне,
Увы! жестокой я подвержен стал судьбине.

Увы! но что еще в напасти говорить?
Увы! судьба меня стремится уморить.
Прекрасные, увы! колико вы мне милы,
Когда последней, я, увы! лишаюсь силы.
Но, ах! не можно мне дыханья испустить,
Доколе буду, ах! прекрасну, ах! любить,
И, ах! как весть сию она внимать, ах! станет,
Ах! с грусти, ах! она, как роза, ах! увянет.
Томлюся я теперь, томлюся и стеню,
Томлюся, говорю, я сам себя маню,
Надеждою еще обманчивой ласкаюсь
И сладким ядом я еще, еще питаюсь.
Еще, я думаю, еще приятный час
Еще соединит еще стократно нас;
Но нет уже, как зрю, надежды уж нимало,
И всё уже от нас веселье уж пропало.
Что ж делать мне теперь? — терзаться и стенать,
Грустить, печалиться, и млеть, и тлеть, вздыхать,
Ледéнеть, каменеть, скорбеть и унывати,
И рваться, мучиться, жалеть и тосковати,
Рыдать и слезы лить, плачевный глас пускать
И воздух жалостью моею наполнять,
Дремучие леса, кустарники и рощи,
Светящую луну во время темной нощи,
А солнце красное, сияющее в день,—
Чтобы хранили все возлюбленную тень.
Земля, питай ее ты лучшими плодами,
Ты жажду утоляй ты чистыми струями.
Зефиры, вы, узрев любезной вы красы,
Тихонько дуйте вы в прелестны вы власы.
Когда потребно, вы, вы члены холодите,
Но буйностью вот вы кудрей вы не вредите.
Прости, прекрасная, живи ты в той стране,
Ты часто воздыхай о плачущем о мне,
Жалей меня, жалей, жалей, как я жалею,
Я в сердце я тебя одну я, свет, имею.
Прости, прости, прости, еще скажу, прости,
Ты вместе ты ко мне с любовью ты расти.

1769

А. Н. Нахимов

445. ЭЛЕГИЯ

Восплачь, канцелярист, повытчик, секретарь,
Надсмотрщик, возрыдай и вся приказна тварь!

Ланиты в горести чернилами натрите
И в перси перьями друг друга поразите.
О, сколь вы за грехи наказаны судьбой!
Зря тучу страшную палаты над собой,
Которой молния грозит вам просвещеньем,
И акциденций всех, и ябед истребленьем.
Как древо сокрушен, падет подьячих род.
Увы! настал для вас теперь плачевный год!
Какие времена! Должны вы слушать курсы,
Судебные места все превратятся в бурсы,
Ах, если бы воскрес один хоть думный дьяк,
И, с челобитною явясь пред царский зрак,
Чем заслужили гнев мои, воскликнул, внуки,
Что посылаются к ним палачи науки?
Ты хочешь, чтоб от их немилосердных рук
Расправился или переломился крюк?
О солнце! не лишай ты филинов затменья!
Да крюк пребудет крюк по силе уложенья!
Но что! где дьяк и где прошение к царю?
Беда коллежскому теперь секретарю.
О чин асессорский, толико вожделенный!
Ты убегаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнил обнимать тебя, как друга, как алтын;
Быть может — навсегда прости, любезный чин!
Сколь тяжко для меня, степенна человека,
Учиться начинать, проживши уж полвека.
Какие каверзы, какое зло для нас
О просвещении гласящий нам указ!
Друзья! пока еще не свéтло в нашем мире,
На счет просителей пойдем гулять в трактире,
С отчаянья начнем как можно больше драть:
Свет близок — должно ли ворам теперь дремать?

1809

Неизвестный автор

446. ЭЛЕГИЯ НА ПОТЕРЮ РОЖКА

Плачь, плачь, мой бедный нос! и токи лей на землю,—
Тебе элегию писать я предприемлю.

Жестокая судьба! Немилосердный рок!
Почто ты у меня похитил мой рожок?
Для рока красть рожки и срамно и постыдно,
Знать, счастие мое всегда тебе завидно:
Ты ввечеру на мне свечою сжешь колпак,
А ныне нюхаешь ты из рожка табак,
Хотя мне сей рожок принадлежал по праву,
Он составлял мою утеху и забаву,
Он здравие хранил всегда в моих ноздрях,—
Ах! никогда они с ним не были в прыщах.
Увы! я без него стал сущий сирота,
И носа моего увянет красота!
О, люто о рожке моем воспоминанье!
Я в сердце чувствую несносное страданье!
Приятели мои! пролейте слезный ток,
Бывало, я и вам трясу на соколок,
И вы рожком моим блестящим любовались,
А ныне с ним и вы навеки уж расстались.
Рыдай и ты, рыдай, пузырь мой с табаком!
Ах! не увидишься ты более с рожком,
Ты друга потерял в сем русском человеке,
Такого не найдем мы друга в нашем веке,
В котором любят все не нас, а кошелек:
Старинных нравов был покойный мой рожок!
Прочь, табакерка! прочь ты, изверг, басурманка,
Ты носа моего свирепая тиранка,
Ты за собой влечешь и струпья и прыщи,
Приятелей таких ты к немцам в нос тащи.
Внемлите мне теперь, несправедливы боги!
Коль к носу моему вы были столько строги,
Что у него рожок насильно отняли́
И тем удар ему ужасный нанесли,
Не думайте теперь, чтоб я спознался с изуверкой,
Чтоб гадил русский нос немецкой табакеркой,—
Клянется в том моя печальная ноздря,
Что буду нюхать я всегда из пузыря,
И нос дотоле мой рожка не позабудет,
Доколе в мире сем табак он нюхать будет.

1816

С. Т. Аксаков

447. ЭЛЕГИЯ В НОВОМ ВКУСЕ

...Nugae canorae.
Hor⟨atius⟩ [1]

Молчит угрюмый бор... луч солнца догорает...
Бродящий ветерок в листочках умирает...
С безбрежной высоты
Прохлада снизошла на лоно темноты.
И ночь таинственным покровом,
Как тучей, облекла природы наготу;
И запад потухал... с мерцанием багровым
Безоблачных небес сливая красоту.
Молчанье мертвое настало,
И тишина на ветвях возлегла.
И ночи божество дремотой оковало
Природу всю — людей, и мысли, и дела.
Как бы окаменев, древ гибкие вершины
Нахмурившись стоят,
И вечно трепетной Феины
Листочки, опустясь, недвижимо висят.
Река в родных брегах неслышима катится,
Как будто жизни нет в живых ее струях...
Невидимая тень на дне ее ложится,
Повсюду бродит тайно страх.

С душой, отцветшею для милых наслаждений,
Как странник-сирота, с улыбкой незнаком,
И жизни молодой крылатых обольщений
Утративши зарю... унынием влеком,
Иду бестрепетно под сосен мрачны своды
И там беседую с приветною тоской,
Слезой тяжелою... (один сей дар Природы
Не похищен людей безжалостной рукой),
Слезой тяжелою грудь скорбну омывая,
Воспоминания о бывшем пробуждая,
Лечу в туманну даль, мечтами окрилен...
О, сердца радости!.. погибши безвозвратно,
Почто так рано вас лишен?

---

[1] Звучные безделки. *Гораций* (лат.) — *Ред.*

Почто ты было так превратно,
О счастие моих весенних дней?..
Едва блеснуло... и сокрылось!..
Погас мгновенный блеск лучей,
И солнце радостей навеки закатилось!..
Стеснилась грудь моя... И вдруг как будто сном
Или оцепененьем
Невидимый одел меня крылом.
«О странник! — он вещал.— Воспрянь и ободрись!
О благах временных ты не крушись тоскою!
Там, выше твой удел!.. Туда, туда стремись!
Там обновишься ты душою!..
Там вкусишь плод добра из бед!..
Из мрака будет свет!..»
И он умолк... Неспавшие открыл я вежды.
Душа присутствием небесного полна...
На ней сиял луч кроткия надежды.
Воззрел — окрест меня страна озарена...
Бор черный — побледнел... и плавала луна
Над мной — и подо мною,
И всё вокруг — повторено коварною рекою.
Познал я сладость слез: незримый спутник мой,
Благое провиденье!
Прости младенца дерзновенье,
Посмевшего роптать на тайный промысл твой...

15 апреля ⟨*1821*⟩

Неизвестный автор

448. ЭЛЕГИЯ

Напрасно изливал я миро пред богами,
Обильный возжигал бессмертным фимиам:
Дым жертвы не достиг ко гневным небесам,
И я, отверженный, я мучусь всё — зубами!
Увы! окуренный ромашкой, камфарой,
Рядами склянок окруженный,
Лежу, недугом злым к постели пригвожденный,
С распухшею, платком обвязанной щекой.
Все средства испытал — нет пользы никакой!
Вот третий день уже одним питаюсь чаем!
Вот третий день уже, страданьем прогоняем,
Не посещал меня благотворитель-сон!

И тщетно жалобный мой стон
Во мраке ночи раздается —
Ему лишь иногда Антон мой отзовется!
Ах! я подчас его от зависти бужу.

Как часто в горести, поднявшись с изголовья,
Я дни прошедшие на память привожу —
Дни улетевшего здоровья!
Как часто их назад желал бы воротить,
По саду Летнему, по дачам побродить,
За лакомым столом с друзьями отобедать,
Шампанским жажду утолить,
Десерта — хоть отведать!
Но что я говорю? Каким вдаюсь мечтам?
О, суета суетствий вечных!
Ах! не в прогулках ли беспечных
По этим дачам и садам
Подстерегла меня лукавая простуда?
Не эти ль лакомые блюда
Предуготовили свершенно ею зло?
Таков-то человек! Так слепо своеволен!
А между тем всегда собою недоволен:
И несчастли́в-то он, и часто очень болен,
И уверяет, что прошло
Давным-давно с Сатурновым правленьем
То радостей земных немногое число,
Которое звалось в сей жизни наслажденьем.
Но разве он забыл, что сам всему виной?
Что в век Сатурнов золотой
Не так, как ныне, люди жили:
Не знали гибельных страстей
И во сто раз теперешних простей
В душе, в обычаях, в своих затеях были;
А что всего важней —
Умереннее ели, пили.
Умеренность ручалась им
За постоянное здоровья сохраненье.
О лучшее из благ! Что значат перед ним
Все наши выгоды, всё наше просвещенье?..
Я первый то могу собою доказать:
Хотелось бы в театр — зубная боль мешает,
На бал, иль в Общество, ни в церковь не пускает,
Ах! даже не дает мне книжки почитать!
Убийственное положенье!

И хуже выдумать, конечно, мудрено;
Но я утешен тем, что, может быть, оно
Другим послужит в поученье.
Так, с этого одра, преодолев мученье,
Торжественно ко всем теперь взываю я:
Не ешьте сладкого, друзья!
Моею участью казнитесь,
А более всего простуды берегитесь!

1821 *Аркадин*

А. Е. Измайлов

449. ЭЛЕГИЯ НА ОТСТАВКУ гр. Д. А. Г〈УРЬЕВА〉

В подвалах винных, в кабаках
Все вопиют: увы и ах!
Виц-губернаторы в слезах,
И воры все по винной части
Дрожат и ждут себе напасти.
А Взметнева такой взял страх,
Что не заглянет и в карманы.
Обрезков стер с лица румяны;
Дубенский осовел, как пьяный;
Ждет казни Мечников Евграф,
Моргает, делает гримасы —
Теперь бы взять его в паясы!
А граф, спесивый, толстый граф,
Молчит и не промолвит слова,
Краснеет только и пыхтит,
Как холмогорская корова,
И сам себе так говорит:
«Пропал и ум, и аппетит!
Не знаю-с, как в такие годы
Поехать мне на теплы воды!»

Апрель 1823

Н. М. Языков

450. ЭЛЕГИЯ

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда в моем кармане?
Теперь Христово рождество,
И веселятся христиане,
А я один, я чужд всего,
Что мне надежды обещали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!
Туда, туда, к Петрову граду
Я полетел бы: мне мила
Страна, где первую награду
Мне муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Без денег — радости людей —
Здесь не дадут мне подорожной,
А на дороге лошадей.

Так ратник в поле боевом
Свою судьбину проклинает,
Когда разбитое врагом
Копье последнее бросает:
Его руке не взять венца,
Ему не славиться войною,
Он смотрит вдаль — и взор бойца
Сверкает первою слезою.

1823

Н. А. Цертелев

451. КЛАДБИЩЕ

На кладби́ще, за кладби́щем
Люди ходят,
Люди в церкви, в церкви служат
Панихиду.
Опустили в сыру землю
Гроб печальный,
Расступились, разошлися
Люди честны

И дорогою у встречных
Вопрошают
С тайным трепетом и с думой:
«Кто усопший?»

1823

Н. А. Полевой

425. КНИЖНАЯ ЛАВКА

Элегия

«Сельское кладбище»

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой,
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

Последний солнца луч сверкает за горою,
Повсюду шум глухой запоров и ключей,
Из лавок, погребов, медлительной стопою,
Идут за самовар купцы к семье своей.

Здесь мрачно!.. Книг ряды прилавки отягчают
И в смертной тишине на полках предстоят,
Громады свертков, кип пол-лавки занимают
И под прилавками безмолвные лежат...

Лишь изредка с высот, под потолок взнесенный,
Огромный фолиант от смелого толчка
(Котом-отшельником иль крысой потрясенный)
Летит — и падает измятый с высока!..

Под сводом каменным сей лавки погребенны
Романы, повести, поэм обширный ряд.
Здесь проза русская, стихи переведенны —
Забытые, в пыли сном безрассудным спят!

Журналов грозна брань, сердитые посланья,
Ни клик, ни похвалы, ни даже едкость слов,
Ни рецензента суд, награды ожиданья —
Ничто не воскресит забытых мертвецов...

О славе будущей, о похвалах мечтая,
Не будут их творцы, как милых чад, хвалить,
Число листов и вес творенья исчисляя,
Читаньем бедняков зевающих морить.

Пусть гордый Аристарх их жребий презирает,
Смеясь заброшенным на снедь червей трудам,
Пускай немногим он бессмертье обещает —
И Летскою водой кропит по чердакам.

На всех ярится смерть!.. Как Ливия декады,
Сопутница веков — так всех она пожнет,
И Тасса, и творцов «Георгик», «Лузияды»
Равно в гроб вечного забвения сведет!

А вы, Горацием и Буало прельщенны!
Зачем же спящих здесь спешите презирать,
Что, в мрак невежества и в глупость облеченны,
Едва родясь, они стремились умирать?

Напрасно гении, как будто полубоги
Умом, по правилам бессмертны быть хотят;
Вотще бегут они от общей всем дороги —
Всемощныя судьбы они не отвратят...

Ужель забвение, смягчаясь похвалою,
Омара дерзкого добычу возвратит?
Греми, Гомер!.. Клянусь поэмою большою:
Лет тысяч через пять — ты будешь позабыт!

А что для вечности пять тысяч лет иль боле —
Не всё ль одно, что миг?.. Здесь в лавке все равны:
Один шед малый путь, другой
прошед подоле —
На полках все равно в пыли погребены!

Кто знает, может быть, вот здесь в углу таится
Прах оды громкия, способной рассмешить,—
И старых книг жилец, червь тонкий шевелится
В поэме, что в пример дурачеств может быть!

Бесславным славиться в потомках отдаленных —
Сей рок, блестящий рок, им не был обречен:
Увы, безвестности цепями отягченных,
Листы и переплет мышам достались в плен.

Быть может, сверток од, галиматьи образчик,
Паук в сетях своих от зорких глаз заткал;
Быть может, с рыбою или с икрой приказчик
Полтома глупостей из лавки растаскал...

Быть может, новая, в стихах «Телемахида»,
Для скуки — золото, для вкуса — смертный враг,
«Памела новая», «Дейдамия», «Таврида»
Иль новый Мирамонд погребены здесь в прах!

Греметь на севере бессмыслия главою
И пол-отечества — заставить задремать,
Затмить и Бавия и Мевия собою
И скукой много лет читателей терзать —

Не многим рок судил!.. Но, вместе с сочиненьем,
Он, с их погибелью, преграды положил —
Скрывая лавки в мрак и поразив истленьем,
В провинциях вводить вкус глупый запретил,

Забывши долг родства, приличия и чести,
От дедовских стихов заставить нас зевать
И за творением, печатным в две, в три дести,
Давно умершего заставить проклинать.

Скрываясь от мирских, погибельных волнений,
Смешали в свой черед совре́менных они,
И сонмище невежд, в восторгах наслаждений,
Читали — даже их хвалили целы дни.

И вот!.. всему конец... Здесь лавка — как могила,
Здесь тлеет переплет, и проза, и стихи:
Бумага на себе чуть образ сохранила —
О! воздохнем об них: здесь авторски грехи!

Любовь родительска их в переплет сокрыла,
Бумажкой, папкою и кожей облекла,
Златыми буквами титу́л изобразила,
С надеждой гордою на полки вознесла.

И кто же, написав, печатать удержался?
Кто оду, песню, баснь забвенью сам отдал?
Кто выслушать себя другим не навязался
И прозу и стихи спокойно изорвал?

Ах, нет... поэт умрет, стихов не покидая!..
На смертный одр глядит — и стопы бьет рукой.
Он уморить готов, трагедию читая,
Он вечно смел и горд, доволен сам собой!

В овóщной лавке он на, проданны пудами,
Свои творения глядит, одушевлен;
Печатный тащит лист, замаранный сельдями;
«Мои стихи!»—кричит, восторгом вспламенен.

А вы, певцы, друзья, на чердаках сидящи!
И ваш ударит час, последний, роковой,—
Мелькнет немного лет — и, будто тень, бродящий
Придет, друзья, придет дрожащею стопой.

Помещик, дворянин Зарайска иль Тамбова,
Зайдет к Ширяеву, к Заикину, к другим
И спросит, может быть, и в лавке Глазунова:
«Чья кипа там стихов и с именем каким?»

Увы! купец-злодей, качая головою,
Так будет сельскому пришельцу говорить:
«Прозябший вмале плод ты видишь пред собою,
Стихи умершие творцов, готовых жить.

Мы часто видим их: толпою говорливой
Приходят к нам они, толкуют о стихах,
И только в горести беспечной, молчаливой —
Сидит обруганный журналами чудак.

Нередко к вечеру, скитаяся за нами,
Они приходят к нам чай с ромом, с водкой пить,
Продать трагедию, помучить нас стихами,
О переводе вновь романа говорить...

Но часто — нет следов!.. День целый не явя́тся...
Когда ж поэт к тебе дня два не приходил,
Тогда — беда!.. его ты должен опасаться —
Он бешенством стихов два дня измучен был.

Но слышишь шум?.. Беги от встречи с чудаками!
Беги, спасай себя от прозы и стихов!
Узнают, окружат, зарежут, как ножами,—
Ты в грусти проклянешь и Феба — и певцов».

1824

А. А. Дельвиг и А. С. Пушкин

453. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетинька! Ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маминьке любовна,
Была ты к папиньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль?
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами омочил,
Или зачем, подлец попович,
Его Красовский пропустил.

1825

Н. А. Полевой

454. РАЗУВЕРЕНИЕ [1]

Элегия

Она прошла, былая радость,
Он пролетел, мой счастья сон,
И потускнел твой небосклон,
Разочарованная младость.

---

[1] Все стихотворение состояло из 17 строф; но так как места для них недостает, то мы решились остальных строф не печатать. Надеемся, что любезный Поэт не оскорбится, ибо смысла не убавилось, не прибавилось, а душа Поэта уже вся видна и в помещенных здесь строфах. *Примечание «Нового Живописца».*

Мои бывалые мечтанья,
Мои далекие мечты,
Ты, трепет счастья, упованья,
Ты, вольный гений красоты.

Где ты, прелестное виденье?
Ты, перелетным ветерком,
Мне напевало вдохновенье,
Меня ласкало тихим сном.

Разбиты счастия надежды,
Исчез мой светлый идеал,
И на хладеющие вежды
Унынья тяжкий сон упал...

Так в блеске ярком погасает
В час поздний алая заря,
И светлый отблеск отражает
В святых стенах монастыря.

И ветер на могилах братий
Листком полыни шевелит,
Где память мира, слез, проклятий
Непознаваемая спит...

Зачем же светлыми словами
Еще Поэзии привет
Меня знакомит, как с друзьями,
С мечтой навек протекших лет?

Мир опыта, рукою смелой,
Гробокопатель добрый мой,
Обвей меня в свой саван белый
И душу заживо отпой...

1832

К. П. Масальский

455. ЭЛЕГИЯ

Чья эта новая гробница?
Чей прах сокрыт навек под ней?
Промчалось счастье прежних дней!

Свершилось! Нет тебя, певица
Канарских островов! Пуста
Твоя блестящая темница,
Стоит на чердаке, снята
Навек со светлого окошка,
Где красовалась с давних пор.
В унынии глубоком взор
На небеса возводит кошка
И опускает на паркет!
Увы! вверху уж клетки нет!..
В саду, где яблоня склонила
Густую ветвь над цветником,
Где ветвь над цветником,
Где в летний день ты петь любила,
Там спишь ты беспробудным сном!
Там одинокая гробница
Нарцизами осенена.
Прийдет прелестная весна,—
Ее не встретишь ты, певица,
Веселой песнею своей.
Не будет летнею порою
В саду на яблоне с тобою
Перекликаться соловей.
Один он запоет уныло
Над раннею твоей могилой!
Не будешь сахар ты клевать
Из рук твоей хозяйки милой!
Уж ей тебя не целовать,
Держа на плечике! Не станешь
Ты из гостиной в зал летать,
Из зала ж в клетку, как устанешь.
О, если б ты восстать могла,
Как Феникс, если б посмотрела,
Как слезы по тебе лила
Твоя хозяйка, ты бы села
По-прежнему на пальчик к ней!
Ты б облегчила сердце ей!
Она бы, верно, улыбнулась,
Ее бы горесть вмиг прошла!
Ты б от восторга встрепенулась
И с радости бы умерла.

1830

456. СЕЛЬСКАЯ ТИШИНА

20

Уж солнце медленно сокрылось за горою,
Означив свой закат пурпурной полосою;
Прохлада чудная дневной сменила жар;
Над ближним озером поднялся белый пар,
Разлито в воздухе цветов благоуханье...
Природа нежится в таинственном молчанье,
Лишь там, в запущенном, заглохнувшем саду,
Лягушки плещутся и квакают в пруду...

21

«Жить в сельской тишине — какое наслажденье,
Имея, так, как я, доходное именье
И добрых мужичков! В определенный срок
Раз в год сбирая с них умеренный оброк
И прибавляя всё — благодаренье богу! —
К наследью отчему землицы понемногу».

22

Так долго думал я и долго любовался
Природы красотой. Передо мной являлся
Порою Дормидон с небритой бородой,
Чтоб трубку вычистить, докуренную мной...
Но вот уж тень легла на нивы и поляны,
Вот месяц выглянул, и полный и румяный,
Бледнее и бледней на тверди голубой;
Вот пес откликнулся на крик сторожевой...

23

Дрема долит меня и очи мне смежает...
На сон грядущий мне постель уготовляют.
Пора и на покой, пора!.. Покушав плотно,
С какой приятностью, как сладко, беззаботно
Я лягу на постель и стану засыпать...
. . . . . .

1853

Н. А. Добролюбов

457

Измученный, усталый и больной,
Я на крутую гору поднимался...
Путь шел к концу, и я в мечте живой
Уж над вершиной грозной возвышался,
Смотрел на мир, лежащий подо мной,
И пройденным пространством любовался...
А надо мной меж тем чернела грозно туча,
И всход чем далее — всё становился круче...

Я шел... Но чем я выше восходил,
Тем менее я видел пред собою...
И скоро мрак от глаз моих сокрыл
И путь, с таким трудом пройдённый мною,
И путь, который предо мною был...
А тучи стали прямо над главою.
И думал я бежать с высокого пути
И снова к золотой средине перейти.

Но я пошел, воспрянувши душой,
Опять на верх, покрытый облаками,
И вдруг прорвал своею головой
Одно из них, и вижу — пред глазами
Раскинулся свод неба голубой
С своими вечными, живыми красотами...
Путь был свершен... Я стал вверху горы высокой
И радостно смотрел на горизонт далекой.

25 мая 1855

А. П. Сниткин

458—460. *ЭЛЕГИИ*

I

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда в ночной тиши я вспомню вдруг о ней,
Как с ней ложились мы вдвоем на это лоно,—
То плачу я тогда, как плакал иудей,
Влекомый в дальний плен от стен родных Сиона.

Не жаль мне капитал, который я убил
На шляпы, на цветы, на шелковые платья;
Не жаль мне ничего, что ей я подарил
За жаркий поцелуй, за страстные объятья;
Я не сержусь за то, что мне ты предпочла
Улана с длинными, пушистыми усами...
Но, от меня бежав, зачем ты унесла
Шкатулку с дéньгами и ценными вещами?

II

В ПАВЛОВСКЕ

Постой! здесь хорошо... Зеленою оградой
Кустарники кругом с деревьями сплелись;
Чуть слышно музыка доносится из сада,
А шумный говор стих и звуки улеглись.
Я не пойду туда, где Штраус вероломный
Ломается с смычком и скрипкою в руках,
Как в знойной Африке, на Ниле, змей огромный,
Свиваясь, нежится на солнечных лучах.
Да, в этот уголок мы забрели недаром.
Скорей здесь отдохнем под тению куста!
А там ты встретишься с знакомым лейб-гусаром...
Нет, не пойдем туда... там шум и суета!

III

Я всё еще ее, безумный, не забыл!
Я всё еще ее нередко вспоминаю,
Хотя давно уже другую полюбил
И, с первой разорясь, вторую разоряю.
Я всё еще ее, безумный, не забыл.
Люблю, как не любить Полонскому и Фету,
Хоть деньги на нее казенные убил,
Хоть предпочла она откупщика поэту!

1859

Н. Л. Ломан

461. НА КЛАДБИЩЕ

Я взобрался на могильную плиту
И внимательно смотрел, как на лету
Два тяжелые, кургузые жука
Колошматили друг друга под бока,
Как в объятиях березу дуб сжимал,
Как под деревом опёнок вырастал,
Как паук, среди своих дневных хлопот,
Фантастический выплясывал матлот.
Так на кладбище за жизнью я следил,
И Случевский мне на память приходил:
Вспомнил я, как он на кладбище лежал,
Как под ним мертвец о камень лбом стучал,
Как мертвец М-г [1] Случевского просил,
Чтобы тот его на время хоть сменил...
По закону же *содружества идей*,
Вспомнил случай я другой, еще страшней:
Вспомнил нищего, разрушенный гранит
И восставшего из гроба страшный вид,
Ветра свист, луны дрожащий свет,
Мертвеца протест и нищего ответ...
И невольный трепет в сердце проникал,
Но по-прежнему на камне я лежал,
И по-прежнему сшибалися жуки,
Отличалися в матлоте пауки,
Всё с березами амурились дубы,
Всё росли еще под деревом грибы.

1860

П. И. Вейнберг

462. ЭЛЕГИЯ

Старинных дней подьяческие взятки
Теперь, увы, почти уж стали гладки,

---

[1] М⟨есье⟩ (фр.).— *Ред.*

Но чем трудней дается этот клад,
Тем более найти его я рад.
Мой путь уныл: страшиться ежечасно,
И ждать истцов, и их терять напрасно.

Но не хочу от взяток я отстать,
Я брать хочу, с живых и с мертвых брать,
И ведаю: среди лихой невзгоды,
Мне новые откроются доходы.
Порой опять, как опытный судья,
Спасу мошенника, сирот ограблю я;
И, может быть, судьба за эти ухищренья
Мне ниспошлет кресты, награды, повышенья.

1860

463. ЭЛЕГИЯ

(ОДИН ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ВОПРОСОВ
С ПОЭТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)

Я любил ее так нежно,
Так высоко, поэтично;
Всё в ней было так эфирно,
Так небесно, гармонично...
Но вчера, о боги, боги,
Приключение какое!..
Ту, которая являлась
Мне как нечто неземное,
Окруженная цветами,
В обстановке идеальной,—
Ту красавицу увидел
Я в палате госпита́льной!
С инструментом возле трупа
Дева милая стояла
И, по правилам науки,
Труп спокойно рассекала.
Я отпрянул в изумленье
От невиданного дела...
А она в глаза мне прямо
И учено посмотрела;
Протянула мне спокойно
Окровавленные руки
И сказала: «Друг, ты видишь
Здесь служителя науки!»

И опять припала к трупу...
Я стоял, глотая слезы;
Черной пылью рассыпались
Поэтические грезы;
Их, как молния, сменяли
Медицинские картины,
И шептал я: «Дева рая —
Доктор, доктор медицины!..»

1862

П. В. Шумахер

464. ЭЛЕГИЯ

Славно ведреет погодушка,
Заалела даль туманная,—
В той дали видна свободушка...
Приходи скорей, желанная!
«Я бы рада к вам, ребятушки,
Да дорожка мне заставлена:
Во судах нет правды-матушки,
Речь свободная придавлена,
В маете крестьянски душеньки,
Что ни воры — то начальники,
Да бояре бьют баклушеньки,
Да жиреют целовальники...»
— «Знать, не видишь ты, свободушка,
Нову зорю, слово ца́рево?..»
— «Вижу, вижу, братцы ро́дные,—
Да не зорюшку, а марево!»

1860

465. ЭЛЕГИЯ

Посвящается г. О. Дютшу, автору оперы «Кроатка, или Соперница»

Я видел, видел их... Исполненный вниманья,
Я слушал юношей, и жен, и стариков,
А вкруг меня неслись свистки, рукоплесканья
И гул несвязных голосов.
Но что ж! Ни Лазарев, то яростный, то нежный,
Ни даже пламенный Серов
Не вызвали б моей элегии мятежной
И гармонических стихов.
Я молча бы прошел пред их гремящей славой...
Но в утро то мой юный ум
Пленял иной художник величавый,
Иной властитель наших дум.
То был великий Дютш, по музыке приятной
Всем гениям возвышенный собрат;
Происхождением — германец, вероятно,
Душою — истинный кроат.
Но боже, боже мой! Как шатко всё земное!
Как гений глубоко способен упадать!
Он позабыл сердец сочувствие святое,
Он Лазарева стал лукаво порицать.
И вдруг — от ужаса перо мое немеет!—
Маэстро закричал, взглянувши на него:
«„Соперница“ твоя соперниц не имеет,
Уж хуже нету ничего!»
Смутился Дютш. Смутилося собранье,
Услышав эти словеса,
И громче прежнего неслись рукоплесканья
И завывали голоса.

Между декабрем 1860 и апрелем 1861

В. С. Курочкин

466. 1861 ГОД

Элегия

Семь тысяч триста шестьдесят
Девятый год,
Как человек ползет назад,
Бежит вперед;
Семь тысяч триста с лишком лет
Тому назад
Изображал весь белый свет
Фруктовый сад.
Мы, господа, ведем свой счет
С того числа,
Когда Адам отведал плод
Добра и зла.

Семь тысяч лет пошли ко дну
С того утра,
Как человек нашел жену,
Лишась ребра;
С тех пор счет ребрам у друзей
Мужья ведут,
Когда, в наивности своей,
Их жены лгут.
И всё обман, и всё любовь —
Добро и зло!
Хоть время семьдесят веков
Земле сочло.
Потом мудрец на свете жил,—
Гласит молва —
За суп он брату уступил
Свои права.
Потом заспорил род людской,
Забыв урок,
За призрак власти, за дрянной
Земли клочок;
За око око, зуб за зуб
Ведет войну —
За тот же чечевичный суп,
Как в старину.

Прошли века; воюет мир,
И льется кровь —
Сегодня рухнулся кумир,
А завтра вновь
Встают неправда и порок
Еще сильней —
И служит порох и станок
Страстям людей.
И спорят гордые умы
Родной земли:
«Что нужно нам? Откуда мы?
Куда пришли?

Должны ли мы на общий суд
Тащить всё зло,
Иль чтоб, по-старому, под спуд
Оно легло?
Крестьянам грамотность — вредна
Или добро?
В семействе женщина — жена
Или ребро?
Созрел ли к пище каждый рот?
Бить или нет?»
Так вопрошают Новый год
Семь тысяч лет.

1860 или 1861

467. ЭЛЕГИЯ

«Печально век свой доживая,
С днем каждым сами умирая,
Мы в новом прошлогодний цвет.
Сыны другого поколенья,
Живых нам чужды впечатленья»,—
Как древле говорил поэт.

Всё как-то дико нам и ново,
Звучит бессовестное слово —
Уж мы не рвемся в жизнь, как в бой,
А всё у моря бы сидели
Да песни слушали и пели,
На целый мир махнув рукой.

Зачем для них свобода мнений?
Где raison d'être [1] таких явлений?
Всё это гниль и фальшь кружков.
Мы, как начальники-поэты,
Ответим им: «Вы пустоцветы!
Вы прогрессисты без голов!

Явленье жалкое минуты!
Ведь вы одеты и обуты?
А вам чтоб каждый был одет?
Так это зависть пешехода,
Вражда того, кто без дохода,
Как древле говорил поэт.

Нам нужны формулы для дела;
Чтоб жизнь созрела, перезрела,
Как с древа падшие плоды;
Хоть бы пожар случился дома,
Вы, без Ньютонова бинома,
Не смейте требовать воды.

Не вы, а внуков ваших внуки
Должны вкусить плоды науки
И фрукты жизни,— а пока
Пляшите прозой и стихами!..»
И «Русский вестник» с свистунами
Плясать пустился трепака.

1861

В. С. Соловьев

468. МУДРЫЙ ОСЕНЬЮ

Элегия
С персидского

Не говори: зачем цветы увяли?
Зачем так в небе серо и темно?
Зачем глядит, исполненный печали,
Поблекший сад к нам в тусклое окно?

---

[1] Смысл существования (фр.).— *Ред.*

Не говори: зачем в долине грязно?
Зачем так скользко под крутой горой?
Зачем гудит и воет неотвязно
Холодный ветер позднею порой?

Не говори: зачем под лад природы
Твоя подруга злится и ворчит?
Слова бесплодны: мудрый в час невзгоды
Пьет с ромом чай и с важностью молчит.

Июнь 1879

Саша Черный

469. ВОРОБЬИНАЯ ЭЛЕГИЯ

У крыльца воробьи с наслаждением
Кувыркаются в листьях гнилых...
Я взираю на них с сожалением,
И невольно мне страшно за них:

Как живете вы так, без правительства,
Без участков и без податéй?
Есть у вас или нет право жительства?
Как без метрик растите детей?

Как воюете без дипломатии,
Без реляций, гранат и штыков,
Вырывая у собственной братии
Пух и перья из бойких хвостов?

Кто внедряет в вас всех просвещение
И основы моралей родных?
Кто за скверное вас поведение
Исключает из списка живых?

Где у вас здесь простые, где знатные?
Без одежд вы так пресно равны...
Где мундиры торжественно-ватные?
Где шитье под изгибом спины?

Нынче здесь вы, а завтра в Швейцарии,—
Без прописки и без паспортóв

Распеваете вольные арии
Миллионом незамкнутых ртов...

Искрошил воробьям я с полбублика,
Встал с крыльца и тревожно вздохнул:
Это даже, увы, не республика,
А анархии дикий разгул!

Улетайте... Лихими дворянами
В корне зло решено ведь пресечь —
Не сравняли бы вас с хулиганами
И не стали б безжалостно сечь!

1913

Евгений Венский

470. ЭЛЕГИЯ

Брожу ль средь банковских атлантов,
Вхожу ль в кафе по вечерам,
Сижу ль меж темных спекулянтов,—
Я предаюсь своим мечтам.

Я говорю: «Ах, чует сердце:
Всем, сколько здесь ни видно нас,
Тюрьма свои откроет дверцы,—
И чей-нибудь уж близок час».

Гляжу ль на крупного банкира —
Я мыслю: «Денежный титан!
Очистишь ты карманы мира,
Как раз очистил мой карман».

Швейцару ли на чай вручаю —
Уже болит душа моя:
«Тебя теперь обогащаю,
А завтра буду нищим я».

День каждый, встречу, сделку, место
Привык я думой провожать,
Неотвратимые аресты
Меж них стараясь угадать.

И где изменит мне судьбина?
В кафе ли, в банке ль осрамлюсь,
Иль на продаже кокаина
Неоспоримо попадусь?

И хоть карману без кредитки
Равно повсюду изнывать —
Я всё ж хотел бы срок отсидки
В столице милой отбывать.

И пусть вне стен тюрьмы холодной
Дела по-прежнему кипят
И процветают многоплодно
Салол, железо и шпагат...

1916

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является антологией русских элегий, создававшихся с середины XVIII до начала XX в. и воскрешающих историю элегического жанра в его наиболее показательных, художественно совершенных и типологически значимых образцах.[1]

Как говорилось во вступительной статье, рамки элегического жанра достаточно подвижны, а нередко основательно размыты, поэтому при отборе стихотворений для данной антологии не могла не сказаться известная доля условности. Включая в сборник то или иное стихотворение, составитель стремился исходить не из какого-либо одного жанрового признака элегий, но из целостной — как генетической, так и функциональной характеристики стихотворения.

Принималось во внимание, что многие авторы сами нередко давали своим элегиям заглавия и подзаголовки, называющие жанр стихотворения, строили собрания стихотворений по жанровому принципу, причем разделы элегий занимали в таких собраниях заметное место. Автор не зря в качестве заглавия употребляет слово, обозначающее жанр (или прибегает к соответствующему подзаголовку): «Этим словом он устанавливает некую традицию, т. е. указывает, что художественная система, принятая им, не есть нечто новое, а есть воспроизведение художественной системы, перешедшей к нему по традиции».[2] Иногда это важная составная часть творческого акта. Бывало, что в процессе работы над произведением автор менял свое представление о его жанре.

Но к этому представлению — как и вообще к авторскому пониманию собственного произведения — нужно подходить критически. Г. Н. Поспелов справедливо напоминал о том, что авторы, которые «дают своим произведениям определенные жанровые названия... могут при этом ошибаться, руководствуясь побочными ассоциациями».[3] Случалось, что авторы по каким-то причинам не давали жанро-

---

[1] Замысел подобной антологии в малом масштабе и с минимальным справочным аппаратом составитель осуществил в изд.: «Признание: Элегии русских поэтов XIX века». М., 1987. См. также сборник: «Русская элегия конца XVIII—начала XIX века»/Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В. Афанасьева. М., 1983.

[2] Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 501.

[3] Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. С. 153.

вого наименования несомненным, общепризнанным образцам элегической лирики. Так случилось, например, со стихотворением Е. А. Баратынского «Притворной нежности не требуй от меня...»: впервые напечатанное в «Полярной звезде» 1824 г., оно не вошло в раздел элегий книги «Стихотворений» Баратынского 1827 г., а появилось в собрании его произведений 1835 г., где стихи уже не группировались по жанрам. И все же было в стихотворении нечто, что побудило читателей с момента его появления и по сей день видеть в нем элегию.

В 1830—1840-е годы появляется все меньше сборников, в которых стихи группируются по жанровому признаку, поэты реже называют свои произведения элегиями, но многие их стихотворения по существу представляют собой элегии.

Наряду с прославленными элегиями великих писателей, читатель найдет в этой книге немало произведений поэтов второго и третьего ряда. Иначе и быть не могло. От больших поэтов, напоминал В. М. Жирмунский, «исходят творческие импульсы, но именно поэты второстепенные создают литературную «традицию». Они-то и превращают индивидуальные признаки великого литературного произведения в признаки жанровые, индивидуальную комбинацию признаков фиксируют как каноническую для данной эпохи. Они способствуют шаблонизации литературного жанра, и этот шаблон позволяет нам отчетливее выделить в произведении поэта-зачинателя те родовые признаки, которые переносят явление абсолютно индивидуальное и неповторимое в своей безусловной значительности в круг явлений исторических».[1] Произведения, объединяемые этими «родовыми признаками», и представлены в нашем сборнике.

В книгу вошли элегии более 90 авторов, сгруппированные в четыре раздела: «Вторая половина XVIII века», «Первая половина XIX века», «Вторая половина XIX века», «Начало XX века». Внутри авторских рубрик стихотворения располагаются в хронологической последовательности, за исключением случаев, когда полностью воспроизводятся элегические циклы, где сохраняется авторская композиция. Порядок расположения авторских рубрик также хронологический: последовательность их определяется, как правило, датой первой (или единственной) элегии, помещенной под соответствующей рубрикой. В качестве приложения в сборник включена подборка иронических и пародийных элегий, что позволяет читателю рельефнее представить себе и наиболее характерные признаки жанра, и восприятие его современниками, и существо тех претензий и дискуссий, которые он вызвал.

В истории русской элегии XIX в. заметную роль сыграла элегическая лирика некоторых западноевропейских поэтов, в особенности французских (А. Шенье, Э. Парни, Ш. Мильвуа, А. Ламартина и др.), поэтому в корпусе настоящего издания читатель найдет и определенное количество переводных стихотворений. Недавно вышедший сборник «Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах русских поэтов пушкинской поры» (М., 1989) позволил составителю «Русской элегии» ограничиться демонстрацией лишь наиболее показательных переводов, имевших особый резонанс в эволюции жанра. Так, например, две французские элегии — «Падение листьев» Ш. Мильвуа и «Листок» А. Арно,— привлекшие внимание целого ряда поэтов, даются в нескольких переводческих интерпретациях.

Сведения о переводном характере элегий, если они не указаны переводчиками, сообщаются в виде подзаголовков в угловых скобках

[1] Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 227.

(что отражено и в оглавлении книги). Если тот или иной оригинал переводился разными авторами, данные об этом приводятся в соответствующих примечаниях с отсылкой на упомянутый сборник «Французская элегия».

Следует указать, что стихотворения, подписанные криптонимами: под № 27, 32, 41—43, 47—48, 60, 147, 155, 470, либо включались в издания авторов этих стихотворений, либо расшифровка и атрибуция криптонимов были проведены ранее и сомнений не вызывают.

Орфография и пунктуация приближены к современным. Сохраняются, однако, написания, отражающие произносительные и словообразовательные особенности XVIII и начала XIX в. (лутче, миляй, скоряй, спокойство, съядает, театр, тма, Эсоп и т. п.).

Каждое примечание начинается ссылкой на первую публикацию. Затем — после точки и двойного дефиса — следует указание на источник публикуемого текста (если он не совпадает с первой публикацией). Другие публикации указываются выборочно, главным образом в тех случаях, когда в прижизненных сборниках стихотворение включалось в раздел «Элегии». Приводятся наиболее важные отклики современников на отдельные стихотворения, сведения о том, что данная элегия была положена на музыку, особенно если это делали выдающиеся композиторы.

Характер биографических справок определяется профилем и общими задачами сборника. Информация об известных поэтах сведена к минимуму. Сведения о малоизвестных авторах даются несколько подробнее. В справках приводятся также факты создания элегических циклов, наличие сборников элегий, разделов «Элегии» в собраниях стихотворений, построенных по жанровому признаку, и т. п.

При подготовке антологии составителем были использованы фактические данные и справочный материал комментария целого ряда изданий Большой серии «Библиотеки поэта» (датировки, текстологические уточнения, биографические, историко-литературные факты и др.).

Условные сокращения, принятые в примечаниях

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
БЗ — журнал «Библиографические записки».
Благ.— журнал «Благонамеренный».
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДН — журнал «Доброе намерение».
ЛГ — «Литературная газета».
МВ — журнал «Московский вестник».
МН — журнал «Московский наблюдатель».
Москв.— журнал «Москвитянин».
МТ — журнал «Московский телеграф».
НЗ — журнал «Невский зритель».
НЛ — журнал «Новости литературы».

ОЗ — журнал «Отечественные записки».
ОСП — Батюшков К. Опыты в стихах и прозе. Спб., 1817. Ч. 2.
ПД — Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом).
ПЗ — альманах «Полярная звезда: Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым». Спб., 1823—1825.
ПСН — Бальмонт К. Под северным небом: Элегии, стансы, сонеты. Спб., 1894.
ПУ — журнал «Полезное увеселение».
Пушкин (Пушкин-1, Пушкин-2 и т. д.) — Пушкин. Поли. собр. соч. [М.]: Изд. АН СССР, 1937—1949. Т. 1—16.
РА — журнал «Русский архив».
РВ — журнал «Русский вестник».
РМ — журнал «Русская мысль».
РС — журнал «Русская старина».
СВ — журнал «Северный вестник».
СО — журнал «Сын отечества».
Совр.— журнал «Современник».
Соревн.— журнал «Соревнователь просвещения и благотворения».
СП — Милонов М. Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения. Спб., 1819.
СтБ-27 — Баратынский Е. Стихотворения. М., 1827.
СтБ-35 — Баратынский Е. Стихотворения. М., 1835.
СтП — Пушкин А. Стихотворения. Спб., 1826.
СЦ — альманах «Северные цветы». Спб., 1825—1832.
СЧ — журнал «Свободные часы».
Тел.— журнал «Телескоп».
ТП — журнал «Трудолюбивая пчела».
ФЭ — Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах русских поэтов пушкинской поры/Сост. В. Э. Вацуро. Вступ. статьи В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной, коммент. В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной. М., 1989.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

В. К. Тредиаковский

1. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. Спб., 1735. Это ст-ние, как и следующее («Элегия II»), по словам поэта, «сочинены эксаметром нашим» и «предлагаются здесь также в пример того нашего стиха... В первой плачет у меня вымышленный супруг о том, что разлучился с любезною своею супругою, также мечтательною Илидарою и что уж ее не уповает видеть за дальностью» (Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов // Избр. произведения. М.; Л., 1963. С. 395—396. Б-ка поэта, БС). В элегии развивается тема ст-ния Тредиаковского «Плач одного любовника, разлучившегося со своей милой, которую он видел во сне» (1730). *Слезны...*

течи — потоки слез. *Оныя о той* — память об Илидаре. *Седша* — севшего. *Стень* — тень. *Любви в туке* — в избытке любви. *И, связав пучки пестря складны чрез затеи* — связывая в красивые, затейливо пестрые букеты. *Линточка* — ленточка. *Чинит* — представляет. *В много задор* — в большой задор. *Почивающу ему* — когда он почивал. *Нет, чтоб ею возмогло всех в вещах быть власно* — невозможно, чтобы она сама была во всех вещах. *Думав правдою то быть* — думая, что это правда. *Учинило... пробужденна* — пробудило.

2. Новый и краткий способ к сложению российских стихов... Спб., 1735. В «Элегии II», говорит Тредиаковский, «вымышленный супруг... неутешно крушится о том, что уведомился он подлинно о смерти своей Илидары, а однако любить ее и по смерти перестать не может. Слово К у п и д и н, которое употреблено во второй моей элегии, не долженствует к соблазну дать причины жестокой добродетели христианину, понеже оно тут не за поганского Венерина выдуманного сына приемлется, но за пристрастие сердечное, которое в законной любви и за великую свою горячесть хулимо быть никогда нигде еще не заслужило» (Тредиаковский В. К. Указ. соч. С. 396). *Сын богини* — Купидон (Купидин), сын Венеры. *Не вем* — не знаю. *Адаманты* — алмазы. *Купно* — вместе, вкупе. *Всяка без урону* — без всякого урона, ничего не упустив.

А. П. Сумароков

3. ТП. 1759, № 2, подпись: А. С., отдел «Элегии». *Льститься* — прельщаться, соблазняться чем-либо. В изд. Сумарокова входит с 1769 г.

4. ТП. 1759, № 8, подпись: А. С., отдел «Элегии». *Инде* — где-то, в других местах. В изд. Сумарокова входит с 1769 г. Эта элегия Сумарокова послужила источником для написанного позднее цикла элегий (см. примеч. к нему, № II—IV, VII).

5. ТП. 1759, № 8, подпись: А. С., отдел «Элегии». Вошло в сб.: Сумароков А. Разные стихотворения. Спб., 1769, отдел «Элегии».

6. ТП. 1759, № 8, подпись: А. С., отдел «Элегии». В изд. Сумарокова входит с 1769 г.

7. «Праздное время, в пользу употребленное». 1760, 19 авг. Написано в связи с болезнью жены поэта.

8. СЧ. 1763, № 4.- -Сумароков А. Разные стихотворения. Спб., 1769, отдел «Элегии». *Дмитревский* — см. Биограф. справочник авторов. Федор Григорьевич *Волков* (1729—1763) — актер и театральный деятель, исполнитель главных ролей в трагедиях Сумарокова, скончался 5 апр. 1763 г. *Котурн* — высокая обувь античных актеров, увеличивавшая их рост; здесь — символ актерской профессии. *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии. *Пегасов источник* (греч. миф.) — ключ на вершине горного хребта Геликон (см. примеч. 9). По преданию, появился от удара копытом коня Пегаса и обладал чудесным свойством вдохновлять поэтов. *Расинов... театр.* Расин Жан (1639—1699) — французский драматург, один из создателей жанра

классицистической трагедии. *Богиня* — Мельпомена. *Переломи кинжал.* Кинжал и маска служили эмблемой трагедии. *В последнем... ирании.* Последнее выступление Ф. Г. Волкова состоялось 29 янв. 1763 г., когда он играл в трагедии Сумарокова «Семира». В том же спектакле роль Ростислава исполнял И. А. Дмитревский, произнесший слова, которыми завершается элегия (д. V, явл. последнее). *Оскольд* — персонаж трагедии «Семира».

9. Отдельное изд. Спб., 1768. Вошло в сб. Сумарокова «Разные стихотворения», отдел «Элегии». *Геликон* (греч. миф.) — гора, где обитали музы, символ поэтического вдохновения. *Эдемский... вертоград* — рай в Библии (вертоград — сад), где обитали Адам и Ева до грехопадения. *Бедоносная, противная гора* — Геликон. *Часть* — здесь: участь. *Крылатый... конь* — Пегас. *Эрата перва мне воспламенила кровь* и т. д. Сумароков напоминает вехи своего творческого пути: создание любовных песен, обращение к жанру эклоги, а позднее — к трагедии. После отстранения от должности директора Российского театра 13 июня 1761 г. («Когда лишился я прекрасной Мельпомены») Сумароков стал писать притчи и басни, на что он намекает, говоря о том, что от *Расина* (см. примеч. 8), *Софокла* (ок. 496—406 до н. э.), *Еврипида* (ок. 480 или 484—406 до н. э.) обратился к *Лафонтену* (1621—1695) и *Эзопу* (VI в. до н. э.). *Зараза* — здесь: прелесть. *Монима* — героиня трагедии Расина «Митридат» (1673). *Орестова сестра* — Электра, героиня одноименной трагедии Софокла. *Альцеста* (Алкеста) — героиня одноименной трагедии Еврипида. Упоминание *Талии* (муза комедии в греч. миф.) и выдающихся комедиографов прошлого: *Аристофана* (ок. 446—385 до н. э.), *Плавта* (сер. III в. до н. э.— 184), *Теренция* (ок. 195 до н. э.— 159), *Мольера* (1622—1673) — связано с обращением Сумарокова к жанру комедии, в котором он работал долго и плодотворно. *Надуты оды громки.* Имеются в виду оды В. П. Петрова (1736—1799).

10. Сумароков А. Разные стихотворения, отдел «Элегии».

11. Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 9. Написано в связи с острым столкновением Сумарокова с московским главнокомандующим П. С. Салтыковым (ум. 1772), по распоряжению которого 1 февр. 1770 г. была поставлена вопреки желанию драматурга трагедия «Синав и Трувор». *Во мзду* — оплату. *Петрополь* — Петербург.

12. Отдельное изд. Спб., 1771.- -Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1781. Ч. 9. *Ушаков* Степан Федорович (1706—1770-е гг.) — сенатор, автор работ по экономике. *Разумовский* Алексей Григорьевич (1709—1771) — фаворит Елизаветы Петровны. Сумароков был его адъютантом, а затем, служа под его начальством, получил чин бригадира. А. Г. Разумовский скончался 6 июня 1771 г. *Ко сей стране* — к Москве. *Колико* — сколько. *И, может быть, еще какой злодей живет.* Возможно, намек на фаворита Анны Иоанновны И.-Э. Бирона (1690—1772), жившего в то время в Курляндии.

13. Мстислав. Трагедия. Спб., 1774. Татьяна Михайловна *Троепольская* (1740-е — 1774) считалась лучшей исполнительницей роли *Ильмены* в трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» (1750). Она умерла перед началом спектакля «Мстислав» (трагедия Сума-

рокова), где главную роль исполнял И. А. *Дмитревский* (см. биограф. справочник авторов). *Элиза* — Е. Ф. Иванова, актриса, игравшая в трагедиях Сумарокова. Драматург относился к ней с неприязнью.

14—25. Отдельное изд. Спб., 1774. *Вотще* — тщетно. *Пени* — упреки, жалобы.

II. Ст. 40—43, 47—50 и 53—61 перенесены Сумароковым из элегии 4.

III. Ст. 13—22 взяты Сумароковым из элегии 4.

IV. Большая часть текста ст-ния — монтаж строк из элегии 3.

VIII. Ст. 1—10 взяты Сумароковым из элегии 5.

А. А. Аблесимов

26. ТП. 1759, № 6.

А. А. Нартов

27. ТП. 1759, № 2, подпись: А. Н.

Е. А. Княжнина

28. ТП. 1759, № 3, подпись: Катерина Сумарокова (девичья фамилия Княжниной).

С. В. Нарышкин

29. ТП. 1759, № 2. *Алчба имения* — жажда обладания.

И. А. Дмитревский

30. ТП. 1759, № 6.

А. А. Ржевский

31. ТП. 1759, № 2.

32. «Ежемесячные сочинения». 1759, № 2, подпись: А. Р. *Теките* — здесь: идите. *Развращен* — здесь: расстроен.

33. ПУ. 1760, № 5.

34—36. ПУ. 1760, № 8. *Пробуд* — пробуждение.

37. СЧ. 1763, № 1.

38—39. СЧ. 1763, № 4.

40. СЧ. 1763, № 12. *Напастный* — несчастный, бедственный.

М. М. Херасков

41. ПУ. 1760, № 19, подпись: М. Х., отдел «Элегии».

42. ПУ. 1760, № 22, подпись: Х.

43. ПУ. 1761, № 26, подпись: М. Х.

В. Д. Санковский

44. ДН. 1764, № 2.

45—46. ДН. 1764, № 4, подпись: В. С.

П. И. Фонвизин

47. ДН. 1764, № 8, подпись: П. Ф.

48. ДН. 1764, № 9, подпись: П. Ф., отдел «Элегии».

Ф. Я. Козельский

49—52. Козельский Ф. Я. Элегии и письмо, сочиненные капитаном Федором Козельским. Спб., 1769. *Суетно* — тщетно. *Презорный* — высокомерный, презрительный.

М. И. Попов

53—55. «И то, и сё». 1769, № 12.- -Попов М. Досуги, или Собр. соч. и переводов. Спб., 1772. Ч. 1.

Н. М. Карамзин

56. «Московский журнал». 1791, № 6.

57. ВЕ. 1802, № 1. Вольный перевод из поэмы французского поэта Жака Делиля (1738—1813) «L'imagination».

И. И. Дмитриев

58. «Приятное и полезное препровождение времени». 1794. Ч. 1, подпись: — Ъ.- -Дмитриев И. И. Соч.: Изд. 5-е. М., 1818.

59. «Приятное и полезное препровождение времени». 1795. Ч. 8, под загл. «Подражание первой Тибулловой элегии», подпись: — ъ.- -Дмитриев И. И. Стихотворения: Изд. 6-е. Спб., 1823. Ч. 1. *Тибулл* Альбий (ок. 50—19 до н. э.) — древнеримский поэт. *Палеса* (Палес) (римск. миф.) — богиня — покровительница пастухов и скота. *Помона* (римск. миф.) — богиня плодов. *Церера* (римск. миф.) — богиня плодородия и земледелия. *Лары* (римск. миф.) — боги, охра-

нявшие дом и семью. *Мессала* Валерий Корвин (64 до н. э.— 9 н. э.) — древнеримский политический деятель. *Делия* — условно-поэтическое имя, под которым воспета Плания, возлюбленная Тибулла. *Сатурн* (римск. миф.) — бог посевов, отождествлялся с Кроном (Хроносом), богом времени, чем и объясняется использование его имени в данном контексте. С его именем связаны представления о золотом веке.

60. «Аониды». 1798—1799, кн. 3, подпись: Д — въ.

Г. П. Каменев

61—62. «Иппокрена, или Утехи любословия». 1799. Ч. 3. *Эдальвина* — героиня одноименной повести немецкого писателя Людвига Готхорда Козегартена (1758—1818), переведенной Каменевым.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

А. Х. Востоков

63. «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Спб., 1804. Ч. 1, с подзаг. «Элегия».— Востоков А. Х. Опыты лирические. Спб., 1806. Ч. 2. *Низовски края* — земли, расположенные в низовьях Волги и Дона.

А. И. Тургенев

64. ВЕ. 1802, № 13, подпись: — въ, с примеч. Н. М. Карамзина: «Это сочинение молодого человека с удовольствием помещаю в «Вестнике». Он имеет вкус и знает, что такое пиитический слог. Некоторые стихи прекрасны, как то увидят читатели. Со временем любезный сочинитель будет, конечно, оригинальнее в мыслях и в оборотах; со временем о самых обыкновенных предметах он найдет способ говорить по-своему». Позднее Кюхельбекер, находясь в заключении, писал: «...еще в Лицее я любил это стихотворение, и тогда даже больше «Сельского кладбища», хотя и был в то время энтузиастом Жуковского. Окончание Тургенева «Элегии» бесподобно...» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 153). Среди автографов А. И. Тургенева есть интересный фрагмент, по-видимому предназначавшийся для «Элегии»:

Но где чувствительность, но где любовь святая?
Везде лишь Эгоизм всю мощь распространяет,
И тьму и хлад в сердца лиет,
Невинности души и радости уж нет.

(ГПБ, ф. 286, он. 2, № 330)

Угрюмой Осени мертвящая рука. Найденный Тургеневым образ «рука осени» встречается затем во многих элегиях начала XIX в. («Осеннее утро» Пушкина, «Разлука» А. Крылова, «К меланхолии» Г. Гагарина, «Осень» Д. Глебова). *Но ты, во цвете лет сраженная Судьбою.* Речь

идет о В. М. Соковниной, принадлежавшей к семье, с которой Тургенева связывали дружеские отношения. *Напрасно хочешь ты, о добрый друг людей, Найти спокойствие внутри души твоей.* Обращено к Карамзину, отстаивавшему идею внутреннего счастья, независимо от внешних условий.

В. А. Жуковский

65. ВЕ. 1802, № 24, под загл. «Сельское кладбище. Греева элегия, перевод с английского (Переводчик посвящает А⟨ндрею⟩ И⟨вановичу⟩ Т⟨ургенев⟩у)», с примеч. к ст. «Лишь слышится вдали...»: «В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров».- - Жуковский В. Стихотворения: Изд. 5-е. Спб., 1849. Т. 1. Вольный перевод элегии английского поэта-сентименталиста Томаса *Грея* (1716—1771) «Elegy written in a Country Churchyard» (1751), переводившейся на все европейские языки, в том числе неоднократно и на русский. К переводу элегии Жуковский приступил в 1801 г. Созданная им первая ред. перевода вызвала критические замечания Н. М. Карамзина (тогдашнего редактора ВЕ), по совету которого Жуковский в мае — сент. 1802 г. переработал текст, опубл. затем в журнале. Текст первой ред. см.: Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т. 1 (Б-ка поэта, БС). В 1839 г. поэт заново перевел элегию Грея гекзаметром (см. в наст. изд. № 71). Но и после этого он продолжал публиковать ред. ВЕ как самостоятельное произведение (Подробный сопоставительный анализ трех редакций перевода см.: Топоров В. Н. К истокам русской поэзии // «Russian literature». 1981. Vol. 10, № 3). В. С. Соловьев в 1897 г. откликнулся на перевод Жуковского ст-ием «Родина русской поэзии. По поводу элегии „Сельское кладбище“», а в примеч. к нему отметил, что «несмотря на иностранное происхождение и на излишество сентиментальности в некоторых местах, „Сельское кладбище“ может считаться началом истинно человеческой поэзии в России» (Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 118. Б-ка поэта, БС). *Персть* — земной прах. *Гампден* — Гемпден Джон (1594—1643), деятель английской буржуазной революции XVII в. Отказом уплатить «корабельную подать», введенную Карлом I, содействовал обострению борьбы против абсолютизма. *Кромвель* Оливер (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII в. Уничтожив монархию и казнив Карла I, он вместе с тем жестоко подавил левеллерское восстание, преследовал демократические секты, организовал полную жестокостей военную экспедицию против восставшей Ирландии в 1649—1650 гг. и шотландский поход в 1650—1651 гг. *Мильтон* Джон (1608—1674) — английский поэт, публицист, политический деятель, мыслитель.

66. ВЕ. 1807, № 4, с пометой: «Белев, 1806 года. В июле». *Струги* — лодки. *Уж вечер... облаков померкнули края.* Этот и последующие 11 ст. положены на музыку Чайковским (дуэт Лизы и Полины в опере «Пиковая дама»). *Петел* — петух. *Филомела* (греч. миф.) — царевна, превращенная Зевсом в соловья; здесь нарицательно: соловей. *Где вы, мои друзья...* и т. д. Жуковский вспоминает о собраниях «Дружеского литературного общества» (1801). *Один — минутный цвет — почил, и непробудно.* Речь идет о рано скончавшемся друге Жуковского А. И. Тургеневе (см. Биограф. справочник авторов). *Другой... о небо правосудно!* Подразумевается Семен Емельянович

Родзянко (1782—1808?), писатель, друг Жуковского по Университетскому пансиону, впавший с 1803 г. в душевную болезнь. *Минвана, Альпин* — условно-поэтические имена влюбленных, почерпнутые из оссиановских поэм Д. Макферсона (см. о нем в примеч. 87) и его подражателей.

67. ВЕ. 1819, № 18, другая пространная ред., под загл. «Мысли над гробом Каменского», подпись: Ж.- -Жуковский В. А. Стихотворения: Изд. 4-е. Спб., 1835, сокращенная ред. Переработка, которой Жуковский подверг ст-ние, отбросив последние 7 строф, привела к трансформации его жанра, и оно было перенесено из отдела «Лирические стихотворения» в отдел «Элегии». См. об этом: Матяш С. А. Неизданное «Общее оглавление» последнего прижизненного собрания сочинений В. А. Жуковского: К вопросу о жанровой системе поэта // «Рус. литература». 1974, № 2. Михаил Федорович *Каменский* (1738—1809) был назначен командующим русскими войсками, действовавшими против Наполеона, но через шесть дней по прибытии в армию (7 дек. 1806 г.) отказался от командования и поселился в своей деревне, где 12 авг. 1809 г. был убит крепостным крестьянином, зарубившим его топором в роще. *Горё* — вверху.

68. Жуковский В. Стихотворения. Спб., 1815. Белинский в статье «Сочинения Александра Пушкина» приводил цитаты из «Славянки», чтоб показать, что изображаемая Жуковским природа — «романтическая природа, дышащая таинственною жизнию души и сердца, исполненная высшего смысла и значения» (Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 219). *Мартос* Иван Петрович (1754— 1835) — русский скульптор. *Мыза* — усадьба с хозяйственными постройками, хутор. *Муравчатый* — мелкокрапчатый. *Сенистый* — дающий сень, позволяющий укрыться от чего-либо.

69. Отдельное изд. Спб., 1819. *Королева Виртембергская* — великая княгиня Екатерина Павловна, сестра Александра I, скоропостижно скончавшаяся в Штутгарте 28 дек. 1818 г. (9 янв. 1819 г.). Это событие стало для Жуковского темой проникновенных раздумий о бренности жизни и счастья. «Жуковского можно назвать певцом сердечных утрат, и кто не знает его превосходной элегии «На кончину королевы Виртембергской» — этого высокого католического реквиема, этого скорбного гимна житейского страдания и таинства утрат?» — писал Белинский в статье «Сочинения Александра Пушкина» (Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 185—186). *Таков удел прекрасного на свете* — перевод стиха из трагедии Ф. Шиллера «Смерть Валленштейна» (д. IV, явл. 12). *Рамена* — плечи. *Багряница* — парадная пурпуровая мантия, символ высшей власти.

70. СЦ-29.

71. Совр. 1839, т. 16, с подзаг. «Греева элегия», с дополнительным примеч. Жуковского, помещенным после текста перевода. «Здесь прилагаю три рисунка, снятые мною с натуры. На первом изображено кладбище,

Где под навесом негнувшихся вязов
Спят непробудно смиренные предки села...

на втором изображена описанная Греем башня,

Пышно плющем украшенная;

третий рисунок представляет памятник, воздвигнутый Грею неподалеку от воспетого им кладбища, которого церковь, башня и густые деревья видны в отдалении».- -Жуковский В. Стихотворения. Спб., 1844. Т. 9. Одна из упомянутых литографий (по рисунку Жуковского), приложенных к т. 16 Совр., воспроизведена в наст. изд. Новый перевод элегии Грея значительно превосходил предыдущий в близости к оригиналу, но в отличие от него был выполнен гекзаметром. Ред. ВЕ см. в наст. изд. под № 65. Подробный коммент. К. Н. Атаровой к этому ст-нию см. в кн.: Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского. М., 1985. Т. 1. С. 574—580.

К. Н. Батюшков

72. СВ. 1805, № 3, подпись: К. Б — в. Перевод ст-ния французского поэта Эвариста *Парни* (1753—1814) (XI элегия IV книги. «Que le bonheur lentement!..»), которое перевели также В. М. Перевощиков и А. Г. Родзянка (см.: ФЭ. С. 456—457).

73. ОСП, отдел «Элегии». Обращено к дочери рижского купца Мюгеля, в доме которого Батюшков находился летом 1807 г. после ранения, полученного под Гейльсбергом. Пушкин писал, что это «одна из лучших элегий Батюшкова» (Пушкин А. С. Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова // Пушкин-12. С. 260), но отметил неточность в ст. 1: «Не под серпом, а под косою: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных» (там же). *Парки* (греч. миф.) — богини человеческой судьбы; парки час — здесь: час смерти. *Эреб* (греч. миф.) — олицетворение вечного мрака. *Орковы поля* (римск. миф.) — загробный мир, обтекаемый рекой *Летой;* Орк — божество смерти, аналогичное Аиду в греч. миф.

74. ВЕ. 1809, № 21, под загл. «Воспоминания 1807 года», подпись: К...Б..., другая пространная ред.- -ОСП, отдел «Элегии», сокращ. ред., где отброшены последние 45 ст. (в них речь идет о пребывании Батюшкова в доме рижского купца Мюгеля, в дочь которого Эмилию поэт был влюблен). *Куща* — шатер, хижина. *Гейльсбергски поля.* Гейльсберг — город в Пруссии; близ него, на берегах реки *Аль,* 29 мая 1807 г. произошло сражение между русской и французской армиями, во время которого Батюшков был тяжело ранен. *Богиню быстроногу.* Имеется в виду Немезида (греч. миф.), богиня возмездия.

75. ВЕ. 1810, № 17, с подзаг. «Персидская идиллия», подпись: К — и Б — в.- -ОСП, отдел «Элегии». Перевод в стихах прозаической «персидской идиллии» Э. Парни «Le torrent». Сопоставление текстов Парни и Батюшкова см.: Топоров В. Н. «Источник» Батюшкова в связи с «Le torrent» Парни // «Труды по знаковым системам». Тарту, 1969. Вып. 4 (236). С. 306—334.

76. ВЕ. 1810, № 21, подпись: К. Б.- -Батюшков К. Н. Соч. М.; Л., 1934, где учтена позднейшая правка в т. н. «Блудовской тетради», авторизованном списке текстов Батюшкова (ГПБ). Подражание

канцоне итальянского поэта Ф. Петрарки (1307—1374) «Nella stagion che'l ciel rapido inchina...».

77. «Санкт-Петербургский вестник». 1812, № 10, подпись: Б.- -ОСП, отдел «Элегии». Написано под впечатлением бедствий, которые принесло России нашествие французов, разорения и пожара Москвы. *Дашков* Дмитрий Васильевич (1788—1839) — литератор, один из основателей общества «Арзамас», близкий приятель Батюшкова. *Армид и ветреных цирцей.* Армида — персонаж поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580). Цирцея (римск. миф.) — волшебница, превратившая спутников Одиссея в свиней, а его самого — с помощью волшебного питья — удерживавшая на своем острове. Цирцеи — здесь: прекрасные обольстительницы. *С израненным героем.* Имеется в виду генерал Алексей Николаевич Бахметев (1774—1841), потерявший ногу в Бородинском сражении. Батюшков был его адъютантом. На полях ОСП против элегии «К Дашкову» Пушкин сделал помету: «прелесть» (Пушкин-12. С. 264). Противопоставление военной и любовной тематики характерно для русской поэзии начала XIX в., в частности для поэзии декабристов. См. об этом ст-нии: Фридман Н. В. Послание К. Н. Батюшкова «К Дашкову» // «Филологические науки». 1963, № 4. С. 198—208. *Хариты* — музы.

78. ВЕ. 1816, № 17/18. Вошло в ОСП, отдел «Элегии». Эпиграф — из элегии римского поэта Проперция (I в. до н. э.) «Тень Цинтии». Посвящено памяти друга Батюшкова Ивана Александровича Петина (1789—1813), погибшего близ реки *Плейссы,* в сражении при Лейпциге (16—19 окт. 1813 г.) между армией Наполеона и объединенными силами его противников. Пушкин оставил под этим ст-нием приписку: «Прелесть и совершенство — какая гармония» (Пушкин-12. С. 262). *Альбион* — старинное название Англии. *Гальциона* (греч.) — чайка. *Беллониных огней.* Беллона (римск. миф.) — богиня войны.

79. «Пантеон русской поэзии». Спб., 1814. Ч. 2.- -ОСП, отдел «Элегии».- -Печ. по ОСП, с учетом правки ст. 54 и 107, сделанной Батюшковым при подготовке нового изд. ст-ний. Вольный перевод элегии немецкого поэта Ф. Маттисона (1761—1831) «Elegie in den Ruinen eines Bergschossen». Батюшков был в Швеции в составе русских войск в 1814 г. *Оден* или Один (сканд. миф.) — верховный бог, покровитель воинов. *Гела* (сканд. миф.) — ад, богиня смерти. *Нейстрия* — зап. часть средневекового франкского государства Меровингов. *Валкала* (Валгалла) — дворец Одина, загробное местопребывание теней доблестно павших воинов. *Скальды* — скандинавские певцы-стихотворцы IX—XIII вв. *Дубы в пламени.* У древних скандинавов существовал ритуал возжигания дубов во время празднеств. *Ветрило* — парус. *Лики* — здесь: сонмы, толпы. *Руны* — древние скандинавские письмена.

80. Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Спб., 1816. Ч. 5. Вошло в ОСП, отдел «Элегии». Обращено к Анне Федоровне Фурман (1791—1850), в которую был влюблен Батюшков. Положено на музыку М. И. Глинкой.

81. ОСП.- -Печ. с поправкой ст. 8, сделанной Батюшковым при подготовке нового изд. ст-ний. Посвящено, как и предыдущая элегия, А. Ф. Фурман. Написано во время пребывания Батюшкова в Каменец-Подольске. *Тирас* — греческое название реки Днестр. *Церера* — см. примеч. 59.

82. ОСП, отдел «Элегии». Обращено к П. А. Вяземскому. Пушкин писал об этой элегии: «Сильное, полное и блистательное стихотворение» (Пушкин-12. С. 268). *Фалерн* — сорт виноградного вина, производившегося в Фалернской обл. в Кампании (местность в древней Италии). Оно прославлялось в стихах Горация и других поэтов. *Он в буре бед исчез.* Дом Вяземских, находившийся между Большим Знаменским переулком (ныне ул. Грицевец) и Малым Знаменским переулком (ныне ул. Маркса и Энгельса), пострадал во время московского пожара в 1812 г. *Веспер* — одно из названий планеты Венера. *Богиня неги и прохлады* — Венера. *Минутны странники, мы ходим по гробам* и т. д. Пушкин написал под этим ст.: «Прелесть! да и все прелесть!» И ниже: «Звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков» (Пушкин-12. С. 267). *Лила* — имеется в виду Варвара Ивановна Кокошкина (1786—1811). На ее смерть Батюшков написал элегию «На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина». *Клио* (греч. миф.) — муза истории. *Мой гений в горести светильник погашал.* Гений, гасящий светильник,— у древних римлян символ смерти.

83. ОСП, отдел «Элегии».--Печ. с правкой последнего ст., сделанной Батюшковым при подготовке нового изд. ст-ний. Возможно, в ст-нии отразились надежды Батюшкова на брак с А. Ф. Фурман (см. примеч. 80) и совместную поездку в Крым. Пушкин писал, что «Таврида» «по чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова» (Пушкин-12. С. 263). *Равны несчастием* и т. д. Возможно, намек на сиротство А. Ф. Фурман, сам Батюшков рано лишился матери. *Пальмира Севера.* Пальмира — «город пальм» в одном из оазисов Сирийской пустыни, воздвигнутый, по библейскому преданию, иудейским царем Соломоном и отличавшийся необычайным богатством и пышностью. Пальмирой Севера называли Петербург. *Иль, урну хладную вращая, Водолей.* Приближение Водолея, одного из 12-ти созвездий Зодиака, связывалось в античных представлениях с наступлением осени.

84. ВЕ. 1816, № 11.- -ОСП, отдел «Элегии». Подражание знаменитой элегии французского поэта Ш. Ю. Мильвуа (1782—1816) «La chute de feuilles» (1811), которую переводили также М. В. Милонов, Е. А. Баратынский, В. И. Туманский (см. наст. изд. № 97, 153, 183), В. Н. Григорьев, С. Степанов (см.: ФЭ. С. 642). Пушкин признал элегию «неудачной» (Пушкин-12. С. 263). Белинский, напротив, писал: «Сколько души и сердца в стихотворении „Последняя весна", и какие стихи!» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 237). *Филомела* — здесь: соловей. *Эпидавр* — город в Древней Греции, где распространен был культ бога врачевания Асклепия. *Гальциона* — чайка.

85. РВ. 1817, № 5/6.- -ОСП. В загл. указан год перехода русских войск через Рейн (он произошел 2 янв. 1814 г.). Пушкин считал, что эта элегия — «лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное» (Пушкин-12. С. 283). *Герман* — Арминий

(17 до н. э.— 21), вождь древних германцев. *Кесарь* — Кай Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), древнеримский полководец и политический деятель. *Смоковница* — фиговое дерево, произрастающее в Средиземноморье и в Азии. *Тевтонский* — германский. *Аттила новый* — Наполеон. *Зарейнские сыны* — французы. *Улея* (Улео) — река в Финляндии. *Ангел мирный, светозарный.* Речь идет об императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I, до брака баденской принцессе Луизе (1779—1826), родившейся на берегах Рейна. *Маккавеи* (библ.) — бестрепетные поборники веры; здесь: русские войска. *Вои* — воины.

86. ОСП, с подзаг.: «Элегия».- -Печ. с правкой ст. 38 и 40, сделанной Батюшковым при подготовке нового изд. ст-ний. Эпиграф — из последнего действия трагедии Т. Тассо «Король Торрисмондо» (1587). Поэзия и трагическая судьба итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) волновали Батюшкова на протяжении почти всего его творческого пути. С годами образ Тассо стал для Батюшкова как бы проекцией его собственной судьбы. В основе элегии лежит легенда, согласно которой Тассо умер в день, назначенный для увенчания его лавровым венком в Капитолии. «Я желал бы соорудить памятник моему полуденному человеку, моему Тассу»,— писал поэт Н. И. Гнедичу (Батюшков К. Н. Соч. Спб., 1885. Т. 1. С. 409). «Умирающий Тасс» должен был открывать в сборнике стихов Батюшкова отдел элегий. Поэт называл его своим лучшим произведением, но вскоре заколебался в его оценке. Мнение Пушкина было иным: «...эта элегия, конечно, ниже своей славы» (Пушкин-12. С. 283). См. также: Горохова Р. М. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» // «Временник Пушкинской комиссии. 1976». Л., 1979. С. 24—45. Ст-нию Батюшкова посвятил специальную статью П. А. Плетнев («Журнал изящных искусств». 1823, ч. 1, № 3—4). *Капитолий* — один из семи холмов, на которых расположен Рим; в древности — центр политической жизни города, где происходили самые важные события — народные собрания, торжественные обряды и т. п. *Багряница* — см. примеч. 69. *Тимпан* — древний музыкальный ударный инструмент. *Молитвы дом* — собор Св. Петра в Риме. *Апостолов наместник.* Считается, что духовная власть папы римского унаследована от апостола Петра. *Певец Ерусалима.* Главным произведением Тассо была поэма «Освобожденный Иерусалим» (1580). *Квириты* — граждане Древнего Рима. *Сорренто* — город, в который Тассо бежал из Феррары, где его подвергали преследованиям. *Асканий* — герой «Энеиды» Вергилия, вынесенный отцом из горящей Трои. *Весь* — село, деревня. *Альфонсов дворец* — дворец феррарского герцога Альфонса II д'Эсте (1533—1597). *Сион, берега Иордана, Кедрон, убежища Ливана* — места в Палестине, где происходит действие «Освобожденного Иерусалима». *Готфред, Ринальд* — крестоносцы, герои этой поэмы Тассо. *Ахилл* — герой Троянской войны, в «Илиаде» Гомера он наделен мужеством, красотой, несравненной силой и ловкостью. *Тартар* (греч. миф.) — ад. *Парка* (римск. миф.) — одна из трех богинь судьбы, именуемых парками. *Элеонора* д'Эсте — сестра Альфонса II, в которую, согласно легенде, был влюблен Тассо.

87. «Любитель словесности». 1806, № 9, ранняя ред., подпись: К. Б.— в.- -ОСП, отдел «Элегии». Созданная в 1802—1803 гг. ранняя ред. «Мечты» — одно из первых дошедших до нас ст-ний Батюшкова.

На протяжении почти всей своей литературной деятельности он возвращался к нему, подвергая существенным переделкам. Пушкин считал «Мечту» «самым слабым из всех стихотворений Батюшкова» (Пушкин-12. С. 272). *Воклюз* — поместье Ф. Петрарки, воспетое в его стихах. *Аониды* (греч. миф.) — одно из прозвищ муз; *любимец Аонид* — поэт. *Сельмские леса* — леса вокруг Сельмы, дворца царя древних кельтов Фингала, упоминаемые в песнях легендарного барда Оссиана, подлинным автором которых был шотландский литератор и фольклорист Д. Макферсон (1736—1796). *Оскар* — юный герой, сын Оссиана, погибший в бою. *Кромла* — священная гора у древних кельтов. *Скальды* — см. примеч. 79. *Иснель* — герой поэмы Э. Парни «Иснель и Аслега» (1805), написанной по «оссиановским» мотивам. *Биармия* — в скандинавских сказаниях название древней сев. страны, простиравшейся от Белого моря до Урала (по другой версии, это территория древней Перми, Архангельской, Вятской и др. губ.). *Елень* — олень. *Оденов дом* — дворец верховного божества в сканд. миф., Валгалла, куда после смерти попадали тени доблестных воинов. *Вериста* — персонажа с таким именем в сканд. миф. нет. Говоря о «дочерях Веристы», Батюшков, очевидно, имеет в виду *Валькирий* — прекрасных дев-воительниц, обитавших в Валгалле. *Любовница Фаона* — Сафо, древнегреческая поэтесса VI в. до н. э., по преданию, из-за его равнодушия покончила с собой, бросившись в море с Левкадской скалы. *Тибур* — город, близ которого находилось имение Горация. *Глицерия* — возлюбленная Горация. *Цитерские забавы* — любовные приключения. Цитерея — одно из прозвищ Афродиты.

Н. И. Гнедич

88. «Цветник». 1809, № 6. *А ты, для коей я вселенну* и т. д. Обращено к сестре поэта Галине Ивановне Бужинской (ум. 1819).

89. Гнедич Н. Стихотворения. Спб., 1832.

90. Соревн. 1820, № 6.- -СО. 1821, № 3.

91. ПЗ на 1823 г., с подзаг. «Элегия». Перевод ст-ния А. Шенье «La jeune Tarentine». Ср. перевод И. И. Козлова (№ 244). *Тарент* — город в Южной Италии. *Камарина* — древний город в Сицилии. *Гимен* — бог Гименей. *Ниобы дочь*. Дочери Ниобы (греч. миф.) были убиты, став жертвами гнева богов.

В. Ф. Раевский

92. «Ученые записки Ульяновского гос. педагогического института». Ульяновск, 1949. *Неверный слепец* — рок.

93. «Ученые записки...» (монтаж двух редакций).- -Раевский В. Ф. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1967 (Б-ка поэта, БС). Известна ранняя ред., опубликованная в изд.: Раевский В. Ф. Стихотворения. Л., 1952. Эта ред. имеет посвящение: «А. Ф. Р.», указывающее на то, что ст-ние, по-видимому, написано в 1819 г. на смерть старшего брата поэта, Александра Федоровича Раевского. Элегия привлекла к себе

внимание Военно-судной комиссии. Арестанта Раевского, в частности, спрашивали: «Где вы видели, чтобы преступник был покрыт рукою правительства?» (Базанов В. Г. В. Ф. Раевский: Новые материалы. Л.; М., 1949. С. 160). В ответ Раевский привел множество примеров, свидетельствовавших о беззакониях и «корысти тиранства».

94. «Ученые записки...».- -Базанов В. Г. В. Ф. Раевский: Новые материалы. Л.; М., 1949. Ст-ние, как и предыдущее, привлекло к себе внимание Военно-судной комиссии, поставившей перед ее автором следующие вопросы: «Какой переворот и какую бурю вы здесь подразумевали? Ибо, судя физически, натуральный день не может родить вечной радости и вечного устройства. И какого грозного дня вы желали, чтобы врата свободы отверзлись и добродетели луч возблистал?» (Базанов В. Г. Указ. соч. С. 162). Объяснения Раевского не удовлетворили комиссию, по мнению которой обвиняемый пытался лишь утаить подлинный смысл ст-ния.

М. В. Милонов

95. «Цветник». 1810, № 12, под загл. «Философия жизни», с посвящением А. Е. Измайлову.- -СП. Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) — баснописец, прозаик, журналист, издатель журнала «Цветник». *Парки* — см. примеч. 73.

96. ВЕ. 1811, № 19.- -СП. *Маковый венок* — эмблема сна. *Феб* (греч. миф.) — Аполлон; Феб — поэтическое обозначение солнца. *Сретать* — встречать.

97. ВЕ. 1812, № 3, с датой: 25 октября 1811 г. С. П. бург.- -СП. Перевод элегии французского поэта Ш. Мильвуа, известной также в переводах К. Н. Батюшкова (№ 84), В. И. Туманского (№ 183), Е. А. Баратынского (№ 153) (см. примеч. 84). *Эпидавр* — см. примеч. 84. *Сельный цвет* — полевой, дикорастущий цветок.

98. СП. Эпиграф — из трагедии Шекспира «Гамлет» (акт 3, сц. 3). *Цевница* — свирель. *Фелица* — Екатерина II, воспетая Державиным в оде «Фелица». *Севера витязь* — А. В. Суворов.

Д. В. Давыдов

99. «Амфион». 1815, № 5, под загл. «Элегия», подпись: Днс. Дадв.- -Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984 (Б-ка поэта, БС), где опубл. по автографу ЦГВИА, дающему более поздний вар. текста. Источник ст-ния — элегия французского поэта Антуана де Бертена (1752—1790) «Oui! que des dieux vengeurs l'implacable courroux...» («Любовные элегии», кн. I, элегия VI), в свою очередь восходящая к элегии А. Тибулла (кн. I, элегия II). См.: ФЭ. С. 624. Посвящена танцовщице московской балетной труппы Татьяне Ивановне Ивановой (ок. 1799 — после 1857), которой Д. В. Давыдов был сильно увлечен. *Мучитель твой* — актер А. А. Украсов (1757—1839), надзиравший за воспитанницами театрального училища, в котором училась Т. И. Иванова. *Бог богов* — Амур (Эрот). *Аргус* (греч. миф.) — много-

глазый великан, глаза которого засыпали по очереди; в переносном смысле — бдительный страж.

100. «Рецензент». 1821, № 20.- -Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984 (Б-ка поэта, БС), по автографу ЦГВИА, где текст «Рецензента» подвергся правке. Ранняя ред. ст-ния — в альм. «Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых русских поэтов». М., 1831. Адресат не установлен.

101. «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете». М., 1817. Ч. 7.- -Печ. по изд.: Давыдов Д. Соч. в стихах и прозе. Спб., 1840. Ч. 1, с восстановлением ценз. вар. в ст. 18 по автографу ЦГВИА. Адресат не установлен.

102. ЛГ. 1830, 15 февр., с подзаг. «Элегия».- -Давыдов Д. Соч. в стихах и прозе. Спб., 1840. Ч. 1. Автограф ЦГАЛИ содержит раннюю ред. элегии. При доработке ст-ния Давыдов принял поправки, предложенные Е. А. Баратынским (см. об этом в коммент. В. Э. Вацуро к изд.: Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1984. Б-ка поэта, БС. С. 212—213). *Вождь Гомерический* — т. е. достойный того, чтобы его воспел Гомер. *Багратион* Петр Иванович (1765—1812) — полководец, герой Отечественной войны 1812 г., был смертельно ранен в Бородинском сражении. В 1839 г. прах Багратиона был перенесен на Бородинское поле. *Раевский* Николай Николаевич (1771—1829) — военный деятель, герой Отечественной войны 1812 г., во время Бородинского сражения командовал батареей, за которую шли жестокие бои. *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — военный и государственный деятель, участник Бородинского сражения, во время которого он выполнял ответственные поручения М. И. Кутузова.

Н. Ф. Остолопов

103. Остолопов Н. Ф. Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства. Спб., 1816.

А. С. Пушкин

104—118. Воспроизводится цикл элегий, означенный Пушкиным в перечне начала 1817 г. (ПД). По замечанию Б. В. Томашевского, этот «цикл объединяет традиционные мотивы „унылой элегии“ тех лет: темы несчастной любви, скорби и слез, ранней смерти, причем излияниям поэта сопутствует столь же традиционный пейзаж: сумрачные облака, луна, дубравы, ручей и т. п.» (Пушкин А. С. Стихотворения. Л., 1955. Т. 2. Б-ка поэта, БС. С. 592). Большинство элегий, вошедших в цикл (I, II, IV, V, VI, VII, IX, XIV, XV), при жизни поэта не печатались и были опубл. впервые в изд.: Пушкин А. Соч. Спб., 1841. Т. 9. Элегия III («К Морфею») была напечатана в ПЗ на 1824 г.; элегия VIII («Друзьям») — в СтП; X («Я думал, что любовь погасла навсегда...») — в РС. 1884, № 2; XI («Я видел смерть; она в молчанье села...») — в изд.: Пушкин А. С. Соч. Спб., 1855. Т. 2; XII («Пробуждение») — в СтП; XIII («Желание») без ведома Пушкина — в альм. «Памятник отечественных муз на 1827 год». Спб., 1827. При подготовке перечисленных ст-ний к печати Пушкин внес в их текст существенные поправки. Кардинально была переработана и сокращена

элегия XI, включенная в СтП под загл. «Подражание». Здесь эта элегия печ. в лицейской ред. по автографу ПД. В элегиях цикла отразилось чувство молодого поэта к Екатерине Павловне Бакуниной (1795—1869), сестре Александра Павловича Бакунина (1799—1862), лицейского товарища Пушкина.

I. Единственная элегия этого цикла, написанная не в 1816, а в 1817 г.— по возвращении Пушкина в Лицей из отпуска на рождественские праздники.

IV. *Пермесские царицы* (греч. миф.) — музы. *Тибулл* Альбий (ок. 50—19 до н. э.) — римский поэт-элегик. *Парки* — см. примеч. 72.

119. СтП.

120. СтП, отдел «Элегии». Посвящено Елизавете Шот-Шедель, которая в февр. 1818 г. посетила больного Пушкина, переодевшись в форму гусарского офицера.

121. СО. 1818, № 51. СтП — в отделе «Элегии».

122. СО. 1820, № 46, под загл. «Элегия» и с пометой: «Черное море. 1820. Сентябрь».- -СтП, отдел «Элегии», с пометой в оглавлении: «Подражание Байрону». Написано во время плавания на бриге «Мингрелия» с семейством Раевских из Феодосии в Гурзуф в ночь с 18 на 19 авг. 1820 г. Первое ст-ние из написанных Пушкиным в ссылке, появившееся в печати и открывшее новый период в творчестве поэта. Элегия нередко сопоставляется с прощальной песней Чайльд Гарольда («Паломничество Чайльд Гарольда» Байрона). В ней находят первые следы влияния Байрона на Пушкина. Положена на музыку А. А. Алябьевым и М. И. Глинкой. Об этой элегии см.: Попова Э. В. Элегия А. С. Пушкина «Погасло дневное светило» // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 88—94.

123. ПЗ на 1824 г. *Дева юная* — Елена Николаевна Раевская (1803—1852), дочь близких знакомых Пушкина. Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым.

124. НЛ. 1823, № 48. В СтП — в отделе «Элегии». Одно время Пушкин предполагал ввести эту элегию в текст «Кавказского пленника». Положено на музыку А. А. Алябьевым и многими другими композиторами.

125. ПЗ на 1823 г., вместо подписи: **. В СтП — в отделе «Элегии». Написано в связи с восстанием греков против турецкого ига, вспыхнувшим в февр. 1821 г. Предполагалось, что Россия примет участие в войне на стороне Греции, но позднее Александр I отказался от этого намерения. Не оправдались и надежды Пушкина, мечтавшего участвовать в военных действиях.

126. СтП, отдел «Элегии».

127. НЛ. 1825, № 3. В СтП — в отделе «Элегии».

128. СтП, отдел «Элегии». Написано по поводу безвременной кончины лицейского товарища Пушкина Николая Александровича Корсакова (1800—1820). См. об этом ст-нии: Благой Д. Д. Об одной элегии Пушкина // Современные проблемы литературоведения и языкознания. М., 1974. С. 235—245.

129. МТ. 1826, № 1, под загл. «Элегия».- -СтП. Позднейшая переработка отрывка из ст-ния «Таврида» (1822). *Элизей* — Элизиум (греч. миф.), место в загробном мире, куда попадают праведники.

130. ЛГ. 1938, 10 февр. Адресат послания установлен М. А. Цявловским в статье «Стихотворения Пушкина, относящиеся к В. Ф. Раевскому» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 41—50). См. также статью И. Н. Медведевой «Пушкинская элегия и „Демон“» // Там же. С. 51—71. Написано в ответ на ст-ние В. Ф. Раевского «Певец в темнице», переданное для Пушкина из Тираспольской крепости, в которую был заключен поэт-декабрист (см. Биограф. справочник авторов). *Лаиса* — имя нескольких знаменитых греческих гетер, нарицательно: женщина легкого поведения.

131. РА. 1874, № 7. См. об этом ст-нии: Григорьян К. Н. Из элегической поэзии Пушкина начала 1820-х годов (К истории текста стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша...») // «Временник Пушкинской комиссии. 1972». Л., 1974. С. 36—46.

132. ПЗ на 1824 г. СтП — в отделе «Элегии». Обращено к Амалии Ризнич (ок. 1803—1825), одесской знакомой Пушкина, которой он был сильно увлечен. См. об этом ст-нии: Вацуро В. Э. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» // «Временник Пушкинской комиссии. 1978». Л., 1981. С. 5—21.

133. Альм. «Мнемозина». М., 1824. Ч. 4, с пропуском ст., замененных точками после слов «Мир опустел» и примеч.: «В сем месте автор поставил три с половиной строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено князем П. А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями. Изд.».- -Пушкин. Полн. собр. соч. М., 1956. т. 2, по автографу ПД. См. об этом ст-нии: Слинина Э. В. Лирическая композиция стихотворения «К морю» // «Известия АН СССР». Серия литературы и языка». 1974, № 3. С. 231—241. *Заветным умыслом томим.* Имеется в виду неосуществленный замысел Пушкина бежать из Одессы морем в Европу. *Могучей страстью очарован.* Речь идет о чувстве Пушкина к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (1792—1880). *Одна скала, гробница славы* — остров Святой Елены, куда в 1815 г. был сослан и где 5 мая 1821 г. умер Наполеон. *Другой от нас умчался гений... Исчез, оплаканный свободой.* Байрон умер 7/19 апр. 1824 г. в Греции, куда приехал для участия в национально-освободительной борьбе греческого народа.

134. СтП, отдел «Элегии». Вызвано воспоминаниями о Е. К. Воронцовой, с которой Пушкин был разлучен из-за ссылки в Михайловское.

135. СтП, отдел «Элегии», с пометой: «Подражание Ан. Шенье». Вольный перевод ст-ния А. Шенье «Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire...».

136. Соревн. 1825, № 6. Вошло в СтП, отдел «Элегии». Обращено к Е. К. Воронцовой. *Слезы, муки, Измены, клевета.* Здесь, очевидно, отзвук дошедших до Пушкина слухов, что А. Н. Раевский (1795—1868), бывший его соперником в романе с Е. К. Воронцовой, очернил поэта в глазах ее мужа М. С. Воронцова.

137. СтП, отдел «Элегии», с ценз. сокращениями (от ст. «Приветствую тебя, мое светило!» до «И буря мрачная минет»).- -Пушкин-2. Эпиграф — из ст-ния А. Шенье «Молодая узница». *Раевский* Николай Николаевич (1801—1843) — полковник, друг Пушкина, который ценил его образованность, литературные вкусы и с которым он сблизился во время южной ссылки. Герой ст-ния — французский поэт Андре Шенье (1762—1794), который был казнен якобинцами. Пушкин очень интересовался судьбой и творчеством Андре Шенье, переводил его стихи. Элегия имеет и автобиографический смысл: как отмечал Б. В. Томашевский, «в А. Шенье, заключенном в тюрьму и приговоренном к казни, Пушкин изобразил самого себя» (Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 65). Намекая на это, поэт писал Вяземскому: «Читал ли ты моего „А. Шенье в темнице“? Суди о нем, как езуит — по намерению» (Пушкин-13. С. 188). Запрещенный цензурой отрывок распространялся после разгрома восстания декабристов под произвольным загл. «На 14 декабря». Это привело к разбирательству в различных инстанциях, продолжавшемуся около двух лет. 28 июня 1828 г. Государственный совет распорядился установить за Пушкиным секретный политический надзор (см. об этом: Щеголев П. А. С. Пушкин — в политическом процессе 1826—1828 гг. Из архивных разысканий // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Спб., 1909. Вып. 11. С. 1—51; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 306—335). Об элегии см. также: Сандомирская В. Б. «Андрей Шенье» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 8—34. *Я славил твой священный гром* и т. д. Имеется в виду XI строфа гимна А. Шенье «Le jeu de paume...». *Я слышал братский их обет* и т. д. Имеется в виду присяга, которую дали депутаты третьего сословия, не расходиться, пока не будут разработаны конституционные принципы. «Решительный ответ» королю дал от их имени О. Г. Мирабо. *В бессмертный Пантеон Святых изгнанников входили славны тени.* Пантеон — усыпальница выдающихся деятелей Франции, размещенная в 1791 г. в церкви на холме Св. Женевьевы. Сюда 11 июля 1791 г. был перенесен прах Вольтера, а 11 окт. 1794 г. (уже после смерти А. Шенье) — прах Руссо. *Закон, На вольность опершись, провозгласил равенство.* Речь идет о декрете 4 авг. 1789 г., уничтожившем сословные привилегии. *О брате сожалеть не смеет ныне брат.* Намек на М.-Ж. Шенье, которого обвиняли в том, что он не воспрепятствовал казни брата. *Ты презрел мощного злодея* — М. Робеспьера (1758—1794), вождя якобинцев, который возглавлял в 1793—1794 гг. правительство революционной Франции, проводя политику внутреннего террора. *Ты славил Немезиду* и т. д. Немезида (греч. миф.) — богиня возмездия. Речь идет о Шарлотте Корде (1768—1793), которая 13 июля 1793 г. ударом

кинжала убила Марата. Шенье посвятил ей оду «К Шарлотте Корде». В сходных выражениях Пушкин писал об этом в ст-нии «Кинжал» (1821). *Девы-эвмениды* (или эринии, греч. миф.) — богини возмездия. *Святой старик* — Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб (1721—1794), либеральный государственный деятель, защищал перед Конвентом Людовика XVI и был казнен в период якобинской диктатуры. *Ареопаг* — первоначально: верховный суд в древних Афинах, позднее — судилище, собрание. Здесь имеется в виду Конвент. *Падешь, тиран!* Эти слова приобрели неожиданную актуальность после смерти Александра I и побудили Пушкина написать П. А. Плетневу: «Душа! я пророк, ей-богу, пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc.» (Пушкин-13. С. 249). *Колло д'Эрбуа* Жан Мари (1750—1796) — деятель Великой Французской революции, якобинец; Шенье «клеймил» его в ст-нии «Ямб I».

138. СЦ на 1828 г. Написано под впечатлением известия о смерти Амалии Ризнич (см. о ней примеч. 132). Положено на музыку А. А. Алябьевым.

139. СЦ на 1829 г. Ст-ние имело продолжение в черн. автографе ПД:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
Я слышу вкруг себя жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шепот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые;
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастия и гроба.

Об этой элегии см.: Левкович Я. Л. «Воспоминание» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 107—120.

140. СЦ на 1830 г., под загл. «26 мая 1826».- -Печ. по автографу ПД. 26 мая — день рождения Пушкина. Ст-ние вызвало полемический «ответ» митрополита Филарета:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога мне дана,
Не без воли бога тайной
И на казнь осуждена...

Пушкин написал по этому поводу ст-ние «В часы забав иль праздной скуки...» (1830).

141. ЛГ 1830, 6 янв.

142. БдЧ. 1834, № 10. См. об этом ст-нии: Фридлендер Г. М. А. Пушкин. Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 78—95.

143. Альм. «Утренняя заря на 1841 г.». Спб., 1841. Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым и многими другими композиторами.

144. Пушкин А. Соч. Спб., 1841. Т. 9.- -Пушкин-3. Датируется по автографу. См. об этом ст-нии: Грехнев В. А. Пушкинское «Заклинание» и проблема элегической традиции // «Филологические науки». 1972, № 1. С. 14—23.

145. Пушкин А. Соч. Спб., 1857. Т. 7.

В. К. Кюхельбекер

146. СО. 1817, № 41, под загл. «Элегия к Дельвигу», с эпиграфом из ст-ния Жуковского «Мечты», подпись: Вильгельм.- -Кюхельбекер В. К. Избр. произв.: В 2-х тт. М.; Л., 1967. Т. 1, где опубл. по автографу ГБЛ, с датой: 9 авг. 1833. 9 авг. 1833 г. поэт отметил, что, когда он перечитал это ст-ние, ему было «стыдно и смешно». «Мне было с небольшим двадцать лет, когда я написал ее, вышел только что из Лицея, еще не жил, а приготовлялся жить; между тем тема этой рапсодии — отцветшая молодость, разочарование» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 265).

147. Благ. 1819, № 4, подпись: В. и. ъ. л. м. *Факел Цинтии.* Цинтия (греч. миф.) — одно из имен Артемиды; ее изображали с полумесяцем на голове и с факелами в руках.

148. Кюхельбекер В. К. Собр. соч.: В 2-х тт. Л., 1939. Т. 1 (Б-ка поэта, БС). *Закуп* — имение сестры поэта Юстины Карловны Глинки (1784—1871), где он жил в 1822—1823 гг. *Камена* (римск. миф.) — муза. *Тибуллов размер.* Тибулл — см. примеч. 107. Тибуллов размер — элегический дистих, двустишие, состоящее из гекзаметра и пентаметра. *Зов Мельпомены познав, ямбом себя воружил!* Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии. Кюхельбекер имеет в виду свое обращение к драме, в частности, создание трагедии «Аргивяне» (1822—1825), написанной ямбом. *Тихий, возлюбленный прах* — прах мужа Юстины Григория Андреевича Глинки (1776—1818). *Праматерь детей твоих милых* — Юстина Яковлевна Кюхельбекер (1757—1841), мать поэта. *Юлия* (Ульяна) Карловна Кюхельбекер (ок. 1789 — не ранее 1845) — сестра поэта.

149. Собрание стихотворений декабристов. Лейпциг, 1862.- -Кюхельбекер В. К. Избр. произв.: В 2-х тт. М.; Л., 1967. Т. 1, где опубл. по автографу ПД. Вписав «Элегию» в дневник 18 июня 1832 г., поэт отметил, что «ее содержание именно сожаление о том, что прежнее вдохновение меня покинуло, и это сожаление не есть просто поэтический вымысл...» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 146). *Меонид* — Гомер, который, согласно некоторым

жизнеописаниям, родился в Меонии, области в Древней Греции. *Камоенс* — Камоэнс Луиш ди (1524 или 1525—1580) — португальский поэт. *Тасс* — Тассо (см. примеч. 86). Оба поэта испытали лишения и нищету.

В. Л. Пушкин

150. «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете».- -1817, кн. 12.- -Пушкин В. Стихотворения. Спб., 1822. Перевод ст-ния А. Арно «Le feuille», которое переводили также Д. В. Давыдов, В. А. Жуковский, П. И. Шаликов, Л. С. Пушкин, два неизвестных переводчика и С. Ф. Дуров (№ 332). См.: ФЭ. С. 237, 638—639. *Аквилон* (лат.) — северный резкий ветер.

В. И. Туманский

151. СО. 1817, № 50, с примеч.: «Первый опыт семнадцатилетнего поэта». В. К. Кюхельбекер 11 авг. 1833 г. записал в «Дневнике»: «Сегодня упомяну я об элегии Туманского... Для 17-летнего поэта она истинно хороша и лучше в некоторых отношениях тех, которые написал я 20-ти лет» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 266). *Тидге* Христиан Август (1752—1841) — немецкий поэт. *Перéдя* — опережая. *Тизифона* (Тисифона) (греч. миф.) — одна из эриний, богинь мщения. *Муж Славы* — М. И. Кутузов. *Багратион* Петр Иванович (1765—1812) был смертельно ранен в Бородинском сражении и вскоре скончался. *Галл* — француз. *Арей* (греч. миф.) — бог войны, отождествлявшийся с Марсом. *Цесарь* — Цезарь. *Карл* — Карл Великий (742—814) — франкский король с 768 г., император с 800 г.

152. Благ. 1819, № 10. Перевод ст-ния Э. Парни «Aimer est un destin charmant» (Элегия VIII).

153. Соревн. 1823, № 6. Перевод элегии Ш. Ю. Мильвуа, которую переводили также К. Н. Батюшков, М. В. Милонов, Е. А. Баратынский и другие поэты (см. примеч. 84). Ст-ние вызвало недовольство цензора А. И. Красовского, оставившего надпись на полях: «Какая дева?» и отметившего, что «в один из первых дней великого поста весьма неприлично писать о любви девы, неизвестно какой...» (К истории русской цензуры // РС. 1871, № 10. С. 442). *Кипарис священный.* Кипарис считался траурным деревом.

154. НЛ. 1823, № 43. С 1823 г. Туманский служил в Одессе и, выполняя поручения М. С. Воронцова, бывал в Крыму. Впечатления от этого края и отразились в его ст-нии.

155. ПЗ на 1825 г., подпись: Т—ий.

156. МВ. 1827, № 15. *Горней* — небесной.

157. НЛ. 1822, № 24, с ценз. вар. ст. 64 и 68.- -Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986 (Б-ка поэта, БС), где устранены ценз. искажения по автографу ЦГАЛИ. Дата в подзаг., видимо, означает время описанной прогулки. Ст. «И жить торопится, и чувствовать спешит» Пушкин взял эпиграфом к первой главе «Евгения Онегина». В пятой главе Пушкин посвятил элегии Вяземского строки:

Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег;
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях...

158. СО. 1820, № 12, с пометой под текстом: Варшава. Посылая ст-ние А. И. Тургеневу, Вяземский писал 6 дек. 1819 г.: «...стихи мои — те же я: это род моей исповеди» (Остафьевский архив. Спб., 1899. Т. 1. С. 367). Элегия была восторженно принята современниками, в том числе Пушкиным. «...Присылай нам своих стихов,— писал он,— они пленительны и оживительны. „Первый снег“ — прелесть; „Уныние“ прелестнее» (Пушкин-13. С. 15).

159. СЦ на 1832 г. *Бухарина* Вера Ивановна (1812—1902) — знакомая Вяземского.

160. Альм. «Утренняя заря на 1841 г.». Спб., 1841. *Сколько лир висит безгласных На кипарисах молодых.* Кипарис — символ смерти, неоднократно встречающийся в стихах Вяземского. Поэт напоминает о потерях русской литературы: о смерти Пушкина, А. А. Дельвига, И. И. Дмитриева, А. А. Бестужева, Д. В. Давыдова и др. Белинский писал, что «мы не можем без живой симпатии читать этих стихов, в которых отжившее свой век поколение, в лице одного из замечательнейших своих представителей, с такой грустною искренностью признает себя побежденным и, отказываясь делить интересы нового поколения, уже не обвиняет его за то, что оно живет жизнью тоже своею, а не чужого времени» (Белинский В. Г. Русская литература в 1844 году // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 436).

161. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1880. Т. 4. Эпиграфом к этой элегии Вяземский избрал ту же строку из послания Державина «Евгению. Жизнь званская», которую Пушкин сделал эпиграфом к ст-нию «Осень». Последними стихами «Осени» Пушкин характеризует ход своего творческого процесса. То же у Вяземского в «Сумерках» (1848).

162. Вяземский П. А. В дороге и дома. М., 1862.

163. Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1896. Т. 12.

П. А. Плетнев

164. СО. 1819, № 25. Эпиграф — измененные строки из послания Жуковского «К Вяземскому (Ответ на его послание к друзьям)» (1814). Державин был похоронен в церкви Хутынского монастыря, недалеко от Новгорода. *Над волховской пучиной.* Хутынский монастырь расположен у р. Волхов. *Маки сыплет сон.* Мак упомянут здесь в качестве снотворного средства. *Крон* (греч. миф.) — см. примеч. 252. *Сириус* — самая яркая звезда. *Суна* — река, описанная Державиным в оде «Водопад» (1794). *Вадим* — легендарный борец за свободу Новгорода, в период княжения Рюрика (Хрёрекра); его образ часто встречается в гражданской поэзии 1820-х гг. *Певец Ерусалима* — см. примеч. 86.

165. Соревн. 1822, № 17.

166. Плетнев П. А. Соч. и переписка. Спб., 1885. Т. 3.

167. СЦ на 1827 г. Спб., 1827.

Е. А. Баратынский

168. СО. 1819, № 49, другая ред., под загл. «Т—му (В альбом)».- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». Обращено к смоленскому знакомому Баратынского Ш. Шляхтинскому.

169. НЗ. 1820, № 1, другая ред., под загл. «Элегия».- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии».

170. Соревн. 1820, № 2, другая ред., под загл. «Элегия», неисправно.- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии».

171. СО. 1820, № 49, под загл. «К Коншину».- -СтБ-35. Обращено к Николаю Михайловичу Коншину (1794—1865) — поэту, близкому другу Баратынского.

172. Соревн. 1820, № 4, с подзаг. «Элегия».- -СтБ-35. *Филомела* — см. примеч. 66.

173. Соревн. 1820, № 5, другая ред.- -СтБ-27, отдел «Элегии». Ст-ние пользовалось большой популярностью и принесло Баратынскому репутацию «певца Финляндии». Оно открывало два сборника Баратынского: СтБ-27 и СтБ-35. *Так вот отечество Одиновых детей* и т. д. Баратынский следует здесь традиции элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» (см. № 79). Один — см. примеч. 79. *Скальды* — см. примеч. 79. *Воспламененный дуб угас* — см. примеч. 79. *Дольный* — здесь: земной. *Полночный* — северный.

174. ПЗ на 1825 г., под загл. «Елисейские поля».- -СтБ-35. Датируется по указанию Баратынского, который в апр. 1825 г. писал И. И. Козлову: «„Элисейские поля“ писаны назад тому года четыре...» (Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951. С. 481). *Элизийские поля.* Элизий, Элизиум — см. примеч. 129. *Киприда* (греч. миф.) — одно из имен Афродиты. *Аид, Айдес* (греч.

миф.) — владыка подземного мира и царства мертвых. *В закоцитной стороне* — в царстве мертвых, расположенном за рекой Коцит, притоком Стикса (греч. миф.). *Катулл* Гай Валерий (85 или 84 — после 54 до н. э.) — римский поэт-лирик. *Парни* — см. примеч. 72. *Орковых полей* — см. примеч. 73.

175. Соревн. 1821, № 2, под загл. «Н. М. К.».- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». Адресовано Н. М. Коншину (см. о нем примеч. 171). *Цирцеи* — см. примеч. 77.

176. СО. 1821, № 3, под загл. «Уныние».- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии».

177. СО. 1821, № 6, под загл. «Сельская элегия».- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». *Поля моих отцов* — имение Мара в Тамбовской губ., принадлежащее отцу поэта Абраму Андреевичу Баратынскому. *Мой старый друг* — воспитатель Баратынского, итальянец Джачинто Боргезе. *Богиня пажитей признательней фортуны!* Поэт говорит, что богиня плодородия Церера (римск. миф.) по справедливости воздает людям за труды в противоположность непостоянной Фортуне (римск. миф.) — богине счастья, случая.

178. Соревн. 1821, № 2, вместо подписи: **, вместе со ст-нием № 179, под общим загл. «Элегии». В изд. Баратынского входит с 1827 г.

179. Соревн. 1821, № 2 (см. предыдущее примеч.).- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». Выдающаяся советская певица, внучка Баратынского, Надежда Андреевна Обухова (1886—1961) писала: «А как хороши элегии Баратынского! Как они поэтичны, музыкальны! Не мудрено, что Глинке захотелось написать свой чудесный романс на слова деда „Не искушай меня без нужды...“ Эта элегия Баратынского прекрасно сочетается с музыкой Глинки» (Обухова Н. А. Мои воспоминания. Статьи. Материалы. М., 1970. С. 53).

180. ПЗ на 1824 г., под загл. «Рим».- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». Рим как символ изменчивости исторических судеб народов и государств привлекал к себе внимание многих европейских поэтов. *Позорище* — здесь: зрелище, вид. *Семь холмов* — одна из главных достопримечательностей рельефа древнего города Рима.

181. Соревн. 1821, № 2, вместе со ст-нием «Пора покинуть, милый друг...», под общим загл. «Элегии», подпись: Е. Б.- -СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии».

182. НЛ. 1822, № 8, другая ред., под загл. «Дориде».- - Стб-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». *Цирцея* — см. примеч. 77.

183. НЛ. 1823, № 12, другая ред. - - СтБ-27, отдел «Элегии». Перевод элегии Ш. Ю. Мильвуа. См. в наст. изд. переводы К. Н. Батюшкова, М. В. Милонова и В. И. Туманского (№№ 84, 97, 153). *Стигийские воды* (греч. миф.) — воды реки Стикс, которая, согласно некоторым мифам, протекала в царстве мертвых.

184. НЛ. 1823, № 22, под загл. «Стансы». - - СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». *Волхв* — у древних славян: колдун, кудесник.

185. ПЗ на 1824 г., под загл. «Истина. Ода». - - СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии».

186. ПЗ на 1824 г., другая ред., под загл. «Признание». - - СтБ-35. Адресат неизвестен. «Баратынский — прелесть и чудо,— писал Пушкин 12 янв. 1824 г.— „Признание“ — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...» (Пушкин-13. С. 84).

187. СЦ на 1825 г., другая ред., под загл. «Оправдание». - - СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». Адресат неизвестен. *Пафосских пилигримок.* На острове Пафос находилось святилище Афродиты (греч. миф.). Здесь: пафосские пилигримки — женщины легкого поведения.

188. СЦ на 1825 г. - - СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии». Тема ст-ния, очевидно, почерпнута у Байрона (V—VII строфы 2-й песни «Чайльд Гарольда» и ст-ние «Надпись на кубке из черепа»). У Пушкина «Череп» вызвал ассоциации со сценой из «Гамлета» (д. 5, сц. 1) и побудил сказать о поэте в «Послании к Дельвигу»: «Гамлет — Баратынский». Полемическим откликом на элегию Баратынского явилось ст-ние А. А. Бестужева «Череп» (1828).

189. Альм. «Мнемозина». М., 1825. Ч. 4, под загл. «Буря», вместо подписи: ***. - - СтБ-35. В СтБ-27 — в отделе «Элегии».

190. СЦ на 1826 г., под загл. «Л. С. П—ну». - - СтБ-35. - - Печ. по СтБ-35, с восполнением ценз. пропуска ст. 11—20 по СтБ-27, где помещено в отделе «Элегии». Обращено к Льву Сергеевичу Пушкину (1805—1852), брату А. С. Пушкина, который одновременно с Баратынским был увлечен Александрой Андреевной Воейковой (1795—1829). Воейкова — жена журналиста А. Ф. Воейкова, племянница В. А. Жуковского, посвятившего ей балладу «Светлана». Ее красота и ум восхищали многих современников.

191. СЦ на 1829 г., под загл. «Смерть. Подражание А. Шенье». - - СтБ-35. Сокращенный перевод элегии А. Шенье «O nécessite dure! O pesant esclavage!..». О соотношении оригинала и перевода и изменениях, внесенных в элегию Шенье Баратынским, см.: Фризман Л. Г. Три элегии // Искусство слова. М., 1973. С. 72—77.

192. Альм. «Новоселье на 1833 г.». Спб., 1834, Ч. 1. И. В. Гёте скончался 22 марта 1832 г. *Зане* — потому что, ибо. *Дольное* — земное. *Предвечный* — бог.

193. СтБ-35.

194. Совр. 1837, т. 5. - - Баратынский Е. Сумерки. М., 1842. По свидетельству поэта, известие о смерти Пушкина застало его «на последних строфах этого стихотворения» (Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951. С. 527). *Ток* — поток, струя. *Овин* — строение для сушки снопов перед молотьбой. *Оратай* —

пахарь. *Тороватый* — щедрый. *Брашна* — пища, кушанья. *Промысел* — провидение. *Горняя* — небесная, *дольная* — земная. *Класы* — колосья.

195. ОЗ. 1840, № 3. - - Баратынский Е. Сумерки. М., 1842. *Юдольный мир* — земной мир, земная жизнь.

196. Альм. «Вчера и сегодня». Спб., 1846. Ч. 2, с явно редакционным загл. «Опять весна», и вар. - - Печ. по: Баратынский Е. А. Соч. М., 1869, с исправлением ст. 20 по черн. автографу ПД. Замысел ст-ния внушен фактом биографии поэта: осенью 1842 г. в его имении Мураново производилась посадка леса. См. об этом ст-нии: Мадзигон Т. М. Стихотворение Е. А. Баратынского «На что вы, дни!» // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 89—100. *Вежда* — веко. *Сокрытый ров изрыв* — библейский мотив: «Рыл ров и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (Псалтырь. 7, 16). *Хрящ* — здесь: почва.

Ф. Н. Глинка

197. Соревн. 1821, № 9, сокращенный перевод (три последние строфы) ст-ния французского поэта Никола *Жильбера* (1751—1780) «Ode IX imitée de plusieurs psaumes». Ст-ние это переводили также М. В. Милонов, Н. И. Гнедич, С. И. Висковатов, И. П. Бороздна, А. А. Шишков (см.: ФЭ. С. 63—65, 608—609).

А. А. Дельвиг

198. НЛ. 1823, № 3, под загл. «Романс». Положено на музыку М. Л. Яковлевым и М. И. Глинкой.

199. Соревн. 1824, № 1. Положено на музыку А. А. Алябьевым и А. С. Даргомыжским. *Протекших дней очарованья.* Реминисценция строки из ст-ния Жуковского «Минувших дней очарованье...» (1816).

Д. П. Зноби шин

200. Альм. «Зимцерла». М., 1829. Перевод ст-ния Э. Парни «Le lendemain. À Eleonore».

201. «Сиротка: Литературный альманах на 1831 г.». М., 1831.

П. А. Габбе

202. Отд. изд. Варшава, 1822, хранящееся в ГПБ. Сопровождено примеч. П. А. Габбе: «Сия элегия написана по случаю заточения лорда Бейрона в Павии за то, что когда пришел к нему некоторый военный, с коим вышла у них ссора, то слуга Бейрона, вступясь за своего лорда, убил его противника». Слухи о заключении Байрона, дошедшие до Габбе и побудившие его написать это ст-ние, не под-

твердились. *Павия* — город в Италии. *Шотландии брегов.* Байрон провел детские годы в Шотландии. *Шиллонский пленник* — поэма Байрона «Шильонский узник» (1816). *Альбион* — см. примеч. 78. *Манфред* — герой одноименной драматической поэмы Байрона (1817). *Невтон* — Ньютон. *Туда, где некогда жил в неге гордый мавр* — в Испании, которой владели захватившие ее мавры (с VIII по XIII в.). *Саламина* — Саламин, остров в Эгейском море. *Геллеспонт* — древнегреческое название Дарданелл. *Без любви преплыть.* Леандр (греч. миф.), возлюбленный Геро, каждую ночь переплывал Геллеспонт, чтобы встречаться с ней. *Адрия* — Адриатическое море. *Каин* — герой одноименной поэмы Байрона (1821). *Готфред, Риналъдо, Танкред, Армида* — персонажи поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580). *«Корсар»* — поэма Байрона (1814).

К. Ф. Рылеев

203. Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912, без подзаг. и посвящения. - - Печ. по автографу ПД. Подражание сонету Адама Мицкевича (1798—1855) «Воспоминание». *Р⟨ылеев⟩а* Наталья Михайловна (1800—1853) — жена поэта.

204—205. «Русское слово». 1861, № 4. - - Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1934, где опубл. по автографу ПД. Стихи обращены к некоей Теофании Станиславовне К., которой Рылеев, по свидетельству Н. А. Бестужева, был увлечен в 1824—1825 гг.

206. ВЕ. 1888, № 12. Обращено, как и «Элегии», к Теофании Станиславовне К. Другая ред. ст-ния впервые опубл. в «Библиографических записках». 1861, № 18.

П. А. Межаков

207. Благ. 1824, № 8, подпись: П. М—в. - - Межаков П. Стихотворения. Спб., 1828, отдел «Элегии». Перевод ст-ния Альфонса Ламартина (1790—1869) «L'isolement», которое переводили также Ф. И. Тютчев (см. № 255), В. Н. Григорьев, И. П. Бороздна, Н. А. Полевой, А. И. Готовцева, Р. И. Дорохов, М. М. Меркли, А. А. Волков и др. (см.: ФЭ. С. 653—654).

208. Межаков П. Стихотворения. Спб., 1828, отдел «Элегии». Перевод ст-ния А. Ламартина «L'Automne».

Н. М. Языков

209. НЛ. 1824, № 3.

210. НЛ. 1824, № 13. *Управа* — Управа благочиния, полицейское управление.

211. «Полярная звезда». 1859, кн. 5, без загл., с вар. - - Языков Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934, где опубл. по автографу ГБЛ. *Она молилась за царя.* Видимо, речь идет о богослужении и молении за царя в канун Рождества (24 янв.).

212. «Полярная звезда». 1859, кн. 5, без загл. - - Языков Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934, где опубл. по автографу ГБЛ.

213. Благ. 1826, № 9. - - Языков Н. Стихотворения. Спб., 1833.

214. ПЗ на 1825 г., другая ред. под загл.: К ***. - - Языков Н. Стихотворения. Спб., 1833. *Харита* (греч. миф.) — муза.

215. «Невский альманах на 1826 г.». Спб., 1825. В ст-нии, вероятно, подразумевается А. А. Воейкова (см. примеч. 190). *Лель* — псевдославянское божество любви.

216. НЛ. 1825, май, под загл. «К NN». - - Языков Н. Стихотворения. Спб., 1833. В письме к брату А. М. Языкову от 7 апр. 1825 г. поэт по поводу этой элегии и др. ст-ний заметил: «Воейкова дала мне несколько слов, на которые я написал несколько незначащих стихотворений» (Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). Спб., 1913. С. 169).

217—219. Соревн. 1825. № 7. - - Языков Н. Стихотворения. Спб., 1833. *Камена* (греч. миф.) — муза.

220. Соревн. 1825, № 7, в составе цикла из четырех элегий.

221. «Невский альманах на 1828 г.». Спб., [1827], подпись: Н. Я. В изд. Языкова входит с 1833 г.

222. Альм. «Календарь муз на 1826 г.». Спб., 1826. - - Языков Н. Стихотворения. Спб., 1833.

223. «Невский альманах на 1828 г.». Спб., [1827].

224. МВ. 1830, № 1. - - Языков Н. Стихотворения. Спб., 1833.

225. Москв. 1844, № 1. *Куранты* — часы с боем. *Сын Брута или Гракха* — т. е. потомок римских героев-республиканцев. Брут Марк Юний (79—42 до н. э.) — один из убийц диктатора Кая Юлия Цезаря. Гракхи Тиберий (162—133 до н. э.) и Кай (153—121 до н. э.) — древнеримские народные трибуны.

226. Совр. 1843, № 1, под загл. «День ненастный». - - Языков Н. Новые стихотворения. М.,1845. *Медик молодой* — врач Иван Петрович Постников, сопровождавший Языкова за границу.

227. Москв. 1845, № 3.

228. Москв. 1844, № 9. *Гаштейн* — курортный город в Германии, в котором жил Языков.

229. Москв. 1844, № 7. *Постников* — см. примеч. 226.

230. Москв. 1844, № 11, под загл. «Горы». - - Языков Н. 56 стихотворений. М., 1844. *Вертепы* — здесь: пещеры.

231. Москв. 1845, № 2. *Надоедник* — немец, часто посещавший Языкова и надоедавший ему; без разрешения поэта напечатал его биографию в немецком журнале «Европа». *Борей* (греч. миф.) — бог сев. ветра, нарицательно: порывистый, холодный ветер. *Феб* — см. примеч. 96. *Тидид* (греч. миф.) — Диомед, сын царя Тидея, один из главных героев «Илиады». В битве с троянцами огромным камнем раздробил бедро Энею. *Седовласый врач* — Иоганн Генрих Копп (1777—1858) — врач, лечивший Языкова.

Д. В. Веневитинов

232. Веневитинов Д. Соч. М., 1829. Ч. 1. Обращено к хозяйке известного литературного салона, писательнице, певице, композитору Зинаиде Александровне Волконской (1792—1862). *Дивную страну* — Италию, куда уехала Волконская.

233. МВ. 1827, № 7, с подзаг. «Элегия» и примеч.: «Горькими слезами омочили мы сие стихотворение. Незабвенный друг наш чудесным образом предрек свою судьбу. Через неделю отправления к нам из Петербурга элегии, он (на 22-м году от роду) занемог нервической горячкою, которая в 8 дней низвела его в могилу. Как знал он жизнь! Как мало жил! Оставшиеся сочинения его показывают, чего ожидать от него должны были науки и отечество. Друзьям его — не иметь уже полного счастья». Строка «Как знал он жизнь, как мало жил!» выбита на могильной плите поэта. См. об этом ст-нии: Маймин Е. А. Д. Веневитинов. Поэт и друг // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 76—107.

А. И. Полежаев

234. ВЕ. 1826, № 15, подпись: П., с ценз. вар. - - Полежаев А. Стихотворения. М., 1857. Перевод ст-ния А. Ламартина «À Elvire». *Гебен* — эбен, черное дерево тропических лесов.

235. «Галатея». 1829, № 3, под загл. «Вечер», с ценз. сокращениями. - - Полежаев А. И. Стихотворения. Л., 1933, где текст восстановлен по рукописным копиям. *Палачу отдана* — Николаю I.

236. Тел. 1832, № 4. - - Полежаев А. Стихотворения. М., 1832.

237. Полежаев А. Арфа: Стихотворения. М., 1834. Положено на музыку А. Е. Варламовым.

Д. П. Глебов

238—240. Глебов Д. Элегии и другие стихотворения. М., 1827, отдел «Элегии».

И. И. Козлов

241. СО. 1823. № 18. - - Козлов И. Собр. стихотворений. Спб., 1833. Вольный перевод ст-ния Байрона «Fare thee well! And if forever...», адресованного его жене Анабелле Милбенк, конфликт с которой, произошедший в 1816 г., послужил предлогом для травли Байрона, в результате чего поэт навсегда покинул Англию. *Колеридж* — Колридж Сэмюэл Тэйлор (1772—1834), английский поэт-романтик.

242. СЦ на 1828 г. Перевод ст-ния английского поэта-романтика Т. Мура (1779—1852) «Those evening bells». Посвящено Татьяне Семеновне *Вейдемейер* (?—1863), близкому другу семьи Козловых. Ст-ние было положено на музыку А. Т. Гречаниновым, С. Монюшко и стало популярным романсом.

243. «Сиротка: Литературный альманах на 1831 г.». М., 1831. - - Козлов И. Собр. стихотворений. М., 1833. Ч. 2. Подражание ст-нию «Perites antropinès» св. *Григория Назианзина* (328—390), архиепископа Константинопольского, поэта и публициста. *Голицын* Александр Николаевич (1773—1844) — государственный деятель, обер-прокурор Синода, в 1816—1824 гг.— министр просвещения.

244. БдЧ. 1835, № 4. Перевод ст-ния А. Шенье «La jeune Tarentine» (Elegie XX). Ср. перевод Н. И. Гнедича (№ 91).

245. БдЧ. 1835, № 9. Перевод элегии А. Шенье «Bel astre de Vênus de son front delicat...» (Elegie XIII). Ср. перевод А. И. Пальма, № 329.

246. «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“». 1837, 30 окт.

А. С. Хомяков

247. МВ. 1827, № 13, под загл. «Элегия на В. К.». - - «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“». 1834, 18 авг. Василий Степанович *К⟨иреевс⟩кий* — двоюродный брат А. С. Хомякова.

248. МН. 1835. Ч. 1, март, кн. 1.

И. П. Бороздна

249. ВЕ. 1827, № 7, с пометой: «Село Медведов». - - Бороздна И. Опыты в стихах. М., 1828. В огл. подзаг.: «Из Ламартина». Перевод ст-ния А. Ламартина «Le chretien mourant». Эту элегию переводили также В. Н. Олин, А. А. Волков, П. Г. Сиянов, В. Мальцев (см.: ФЭ. С. 663).

250. Бороздна И. Опыты в стихах. М., 1828. В огл. подзаг.: «Подражание Парни». Перевод ст-ния Э. Парни «Aimer est un destin charmant...» (Elegie VIII), которое переводили также И. И. Дмитриев, В. В. Измайлов, Н. А. Маркевич (см.: ФЭ. С. 127, 616).

251. Бороздна И. Опыты в стихах. М., 1828, отдел «Элегии». В огл. подзаг.: «Из Мильвуа». Перевод ст-ния Ш. Мильвуа «Les derniers moments de Vergile». *Вергилий* Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор эпопеи «Энеида». *Август* (63 до н. э.— 14 н. э.) — римский император (с 27 до н. э.), покровительствовал Вергилию. *Парки* — см. примеч. 73. *Партенопа* — греческое название Неаполя — города, в котором был погребен Вергилий, умерший на обратном пути из поездки в Грецию. *Мантуа* — Мантуя, город в Сев. Италии, в котором родился Вергилий. *Кремона* — город, расположенный недалеко от Мантуи. В нем жил недруг Вергилия, стремившийся отнять у поэта его небольшое имение. *Тибулл* — см. примеч. 107. *Овидий* — Публий Овидий Назон (43 до н. э.— ок. 18 н. э.) — римский поэт-элегик, с Вергилием лично знаком не был. *Флакк* — Квинт Гораций Флакк (65—8 до н. э.) — римский поэт, друг Вергилия. *Галл* — Гай Корнелий Галл (69—26 до н. э.) — поэт, основоположник римской элегии, известный Вергилию лишь своими произведениями. В ст-нии искусственно сведены хрестоматийно известные имена. *Плутоновой страны.* Плутон (греч. миф.) — владыка подземного мира и царства мертвых. *И вдруг воскликнул так* и т. д. Вергилий перед смертью велел своим друзьям сжечь недоконченную «Энеиду», но те по приказу императора Августа не выполнили этот завет. Имя раба (?) Альмедона и тройное чудо, описанное в элегии, в античных и средневековых биографиях Вергилия не упоминаются. Очевидно, это плод фантазии Мильвуа. В пользу этого предположения говорит и французское звучание имени римлянина.

П. А. Катенин

252. СЦ на 1830 г. - - Катенин П. А. Избр. произведения. М.; Л., 1965 (Б-ка поэта, БС), где опубл. с поправками автора. *Фив* (греч. миф.) — одно из имен Аполлона. *Димитра* (Деметра) (греч. миф.) — богиня плодородия и земледелия, божество созревания хлеба. *Тидид* — см. примеч. 231. *Кинфия* (греч. миф.) — Артемида, сестра Аполлона, покровительница охоты. *Рамо* — плечо. *Эрмий* (греч. миф.) — Гермес, бог, считавшийся покровителем путников. *Посидон* (греч. миф.) — Посейдон, бог морей. *Киприда* (греч. миф.) — одно из имен Афродиты. *Хрон* (точнее: Крон) (греч. миф.) — доолимпийское божество, сын Урана (Неба) и Геи (Земли), низвергнувший своего отца, но сам свергнутый Зевсом; позднее считался богом времени. *Ира* (греч. миф.) — Гера. *Эгиох* (греч. миф.) — одно из имен Зевса. *Асфодели* (греч. миф.) — луга в Аиде, в подземном царстве. *Камни и рощи двигал Орфей песнопеньем* и т. д. По мифу, чарующее пение Орфея заставляло сдвигаться камни, а деревья — склонять ветви. Боги, властители преисподней — *Эрева* (Эреба),— сжалились над Орфеем и даровали ему позволение вывести из царства мертвых его жену Эвридику. Орфей был растерзан менадами — спутницами Вакха. *Омир* — Гомер. *Всуе* — зря, напрасно. *Сафо* — см. конец примеч. 87. *Гимен* — Гименей. *Эсхил* (ок. 525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург, в молодости был участником Марафонской битвы (490 до н. э.). *Софокл* (ок. 496—406 до н. э.) — древнегреческий драматург, автор трагедий «Эдип-царь» (429 до н. э.) и «Эдип в Колоне». Как рассказывает Марк Туллий Цицерон («О старости», 7, 22), Софокл на склоне лет, занимаясь сочинением трагедий, запустил имущественные дела. Сыновья привлекли его к су-

ду, настаивая, чтобы его устранили от распоряжения имуществом как слабоумного. Софокл прочел судьям отрывок из трагедии «Эдип в Колоне» и спросил, мог ли это сочинить безумец. Дело было решено в пользу Софокла. *Триптолем* (греч. миф.) — царь Элевсия (город в Аттике), которому покровительствовала богиня плодородия Деметра, ему приписывалось изобретение плуга. *Евдор благородный.* Под этим именем Катенин имеет в виду себя. *Полимах-вождь.* Катенин имеет в виду своего отца, генерала. *Дорида* (греч. миф.) — дочь Океана, бога водной стихии. *Порфирий* — имеется в виду дед Катенина А. Я. Пурпура. *Эпир* — область в Древней Греции. *Додонского вещего леса.* Додона (греч. миф.) — древнейшее святилище Зевса. Здесь имеется в виду костромское имение Катениных, которое окружали глухие леса. *Вуфрот* (Буфрот) — город в Древней Греции. *Ахеруза* (греч. и римск. миф.) — река в подземном царстве мертвых. *Неоптолем* (греч. миф.) или Пирр — сын Ахилла, участник Троянской войны. *Дети и внуки их все были ратные люди.* Имеются в виду двоюродные братья Катенина А. А. Катенин, Ф. А. Катенин. И. Н. Катенин. *Филипп* (ок. 382—336 до н. э.) — царь древней Македонии (с 359 до н. э.), отец Александра Македонского. *Александр.* Здесь под именем Александра Македонского подразумевается Александр I, присутствовавший в мае 1816 г. на представлении пьесы Расина «Эсфирь» в переводе Катенина, который был после этого приглашен царем на ужин. *Пелла* — город в древней Македонии, в котором родился Филипп и который стал резиденцией македонских царей. *Клита убив, за правду казнив Каллисфена* и т. д. Клит (ум. 328 до н. э.) — полководец Александра Македонского, убитый им во время пира. Каллисфен (370—327 до н. э.) — древнегреческий историк, умер в тюрьме, куда был заключен Александром Македонским. Здесь подразумеваются либеральные деятели александровской эпохи, позднее впавшие в немилость. *Юных лишь персов любя.* Подразумеваются иностранцы, окружавшие Александра I. *Евдор укрылся в наследие предков.* Намек на высылку Катенина в его имение Шаево Костромской губ. в 1822 г. *Жестким и грубым казалось им пенье Евдора.* Катенин имеет в виду по большей части отрицательные отзывы критиков о его произведениях. *Град Птолемея* — Александрия, основанная Александром Македонским. Здесь подразумевается Петербург. *Пиндар* (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт. *Плеяда* — группа из семи александрийских поэтов III в. до н. э. Здесь подразумевается пушкинская плеяда. *В них уважал Евдор одного Феокрита.* Под Феокритом, древнегреческим поэтом IV—III вв. до н. э., Катенин имел в виду Пушкина. *Мнемозина* (греч. миф.) — мать девяти муз, одной из которых была *Каллиопа* — муза эпической поэзии. *Пинд* (греч. миф.) — горный хребет, владенье Аполлона, иносказательно — приют поэзии. *Эгемона* — условное имя, которым Катенин называет свою невесту, умершую в молодости. *Пиериды* (греч. миф.) — музы. *Хронид* (вернее: Кронид) — Зевс, который был сыном Крона. *Лавр Геликона* — почетная награда (лавровый венок) за поэтическое искусство. Геликон — гора в Греции, где обитали музы; в переносном смысле — место поэтического вдохновения. *Пермесский ток* (греч. миф.) — река Пермесса, стекавшая с Геликона, обиталища муз. *Пактол* — река в Малой Азии, в древности изобиловала золотым песком, который считался источником богатств царя Креза. *Холмы Аонийские* (греч.). Аония — часть Беотии у Геликона. *Кротил* — укрощал, сдерживал. *Аониды* (греч. миф.) — музы. *Печная* — попечительная, заботливая. *Темпейские луга* — Темпей-

ская долина в Фессалии, близ *Олимпа*, многократно воспевавшаяся древнегреческими поэтами. *Мид* — Мидас (греч. миф.), будучи судьей в музыкальном состязании между Аполлоном и Паном, признал Аполлона побежденным, за что Аполлон наградил его ослиными ушами. *Морфей* (греч. миф.) — бог сновидений. *Перзефона* (Персефона) (греч. миф.) — владычица преисподней, богиня плодородия.

Н. А. Маркевич

253. Маркевич Н. Стихотворения эротические. М., 1829.

254. Маркевич Н. Стихотворения эротические. М., 1829. В огл. подзаг.: «Из Парни». Перевод ст-ния Э. Парни «Dieu des amours les plus puissant des dieux...» (Elegie IV).

Ф. И. Тютчев

255. «Русский инвалид». 1822, 17 марта, подпись: Н. Тчв. - - Альм. «Новые Аониды». М., 1823. Перевод ст-ния А. Ламартина, которое переводили также П. А. Межаков (см. № 207) и др. поэты. *Дольный* — земной.

256. «Галатея». 1830, № 1.

257. РА. 1879, вып. 5. - - Печ. по автографу ЦГАЛИ.

258. РА. 1874, вып. 10, не полностью.--«Исторический вестник». 1903, № 7. Посвящено возлюбленной поэта Елене Александровне Денисьевой (1826—1864).

А. И. Одоевский

259. ЛГ. 1830, 1 апр. А. С. Грибоедов погиб в Тегеране 30 янв. (11 февр.) 1829 г.

260. ЛГ. 1830, 13 сент. *Обзор* — здесь: горизонт. *И кто узнал, что нет его.* Речь идет об А. С. Грибоедове.

М. Ю. Лермонтов

261. Лермонтов М. Ю. Соч. М., 1889. Т. 1. *Диана* — здесь: луна. *Островок уединенный* — остров Святой Елены, где 5 мая 1821 г. скончался Наполеон.

262—264. Лермонтов М. Ю. Соч. М., 1889. Т. 1. *Летун седой* — Крон (Кронос), см. примеч. 252.

265. «Нива». 1884, № 12. - - Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти тт. М.; Л., 1954. Т. 1, где опубл. по автографу ПД.

266. БдЧ. 1845, № 1. *Добровольное изгнанье* — слова Алеко из поэмы Пушкина «Цыганы».

267. СВ. 1889, № 2. Ст. 6 — реминисценция строки из «Полтавы» Пушкина.

268. Альм. «Вчера и сегодня». Спб., 1845. Кн. 1.- - Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6-ти тт. М.; Л., 1954. Т. 2, где опубл. по автографу ГИМ.

269. ОЗ. 1839, № 2. - - Лермонтов М. Стихотворения. Спб., 1840. Ст. 13—16 перенесены Лермонтовым из его же ст-ния «Он был рожден для счастья, для надежд...» (1832).

270. ОЗ. 1839, № 12, с ценз. заменой слова «бог» на «рок» в ст. 16. - - Лермонтов М. Соч.: В 6-ти тт. М.; Л., 1954. Т. 2, где опубл. по черн. автографу ГИМ. Лермонтов сблизился с Одоевским на Кавказе, когда оба поэта служили в Нижегородском драгунском полку. Огарев писал позднее о достоверности образа Одоевского, созданного в лермонтовских стихах: «Лермонтов списал его с натуры. Да! этот „блеск лазурных глаз, и детский звонкий смех, и речь живую“ не забудет никто из знавших его» (Огарев Н. П. Кавказские воды // Избр. произведения: В 2-х т. М., 1956. Т. 2. С. 383). Ст. 12—22 перенесены Лермонтовым из его ранних ст-ний: «Когда твой друг с пророческой тоскою...» и «Он был рожден для счастья, для надежд...». Строфы 3 и 4 в несколько измененном виде входят в поэму «Сашка».

271. ОЗ. 1840, № 1.

272. ЛГ. 1840, 20 янв. - - Лермонтов М. Стихотворения. Спб., 1840. Положено на музыку А. Г. Гурилевым, А. С. Даргомыжским и другими композиторами.

В. Г. Тепляков

273. СЦ на 1831 г. - - Тепляков В. Стихотворения. Спб., 1836. Эпиграф — из поэмы Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» (Песнь I). «Фракийские элегии» отразили впечатления, полученные Тепляковым во время его поездки на Балканы в 1829 г. Одним из литературных источников первой элегии было, по свидетельству самого Теплякова, ст-ние Пушкина «Погасло дневное светило...». Цитируя «Отплытие» в своей рецензии на «Фракийские элегии» Теплякова (1836), Пушкин писал: «Тут есть гармония, лирическое движение, истина чувств» (Пушкин-12. С. 83). *Цирцея* — см. примеч. 77.

274. «Комета Белы. Альм. на 1833 год». Спб., 1833. Эпиграф — из сочинений французского писателя Пьера-Симона Балланша (1776—1847). Элегия была целиком выписана в рецензии Пушкина, который отметил: «Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии «Одиночество» и станса «Любовь и ненависть», то и тут бы занял он почетное место между нашими поэтами» (Пушкин-12. С. 90). *Соломонова премудрость.* Соломон — царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э. Согласно Библии, славился необычайной мудростью.

Н. В. Станкевич

275. «Бабочка». 1830, 4 июня, подпись: Н. С. Считается, что в этой газете ст-ния за подписью «Н. С.» принадлежат Станкевичу.

276. Альм. «Денница на 1834 г.». М., 1834, подпись: Н. С., с ценз. искажениями. - - Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС), где восстановлен авторский текст по письму Станкевича к М. А. Максимовичу от 29 окт. 1833 г. Гебель *Эмилия* — приемная дочь известного в Москве композитора, дирижера и педагога Франца Ксаверия Гебеля (1787—1843), скончавшаяся в 1833 г. из-за неразделенной любви к Якову Ивановичу Почеке, университетскому товарищу Станкевича. *Миньона* — имя девочки в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Майстера» (1793—1796). На ее долю выпали тяжкие страдания и унижения. Вильгельм выкупил ее у странствующих канатоходцев, и она полюбила своего спасителя. Ст-ние упоминается в повести И. С. Тургенева «Несчастная» (1869), сюжет которой тоже восходит к судьбе Эмилии Гебель.

А. В. Кольцов

277. ОЗ. 1867, № 2.

278. СО. 1838, № 3. Эпиграф — из ст-ния Пушкина «Предчувствие». *Бова-королевич* — герой русской волшебной богатырской повести. См. об этом ст-нии: Скатов Н. Н. А. Кольцов. «Лес» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 135—146. Положено на музыку В. Насоновым, В. Прокушиным и многими другими.

В. И. Красов

279. МН. 1838, июль, кн. 1.

280. БдЧ. 1839, № 1, с ошибочной подписью: Бернет. Об этой публикации и атрибуции ст-ния Красову см. примеч. С. И. Машинского к сб. «Поэты кружка Н. В. Станкевича». М.; Л., 1964 (Б-ка поэта, БС). С. 563—564.

281. БдЧ. 1839, № 2, без подписи. Об атрибуции ст-ния Красову см.: «Поэты кружка Н. В. Станкевича». М.; Л., 1964. С. 563—564.

282. БдЧ. 1839, № 5.

283. ОЗ. 1843, № 11.

Э. И. Губер

284—286. Губер Э. Стихотворения. Спб., 1845.

Е. П. Ростопчина

287. МН. 1835, март, кн. 2, подпись: Гр.... А. Р. - - Ростопчина Е. Стихотворения. Спб., 1856. Т. 1. Эпиграф — из ст-ния А. И. Тургенева «Элегия». *Жизненная юдоль* — жизнь с ее заботами и печалями. *Изженет* — изгонит. *Село Анна* — поместье Ростопчиных в Воронежской губ.

288. Ростопчина Е. Стихотворения. Спб., 1856. Т. 1.

289. Ростопчина Е. Стихотворения. Спб., 1856. Т. 1. Эпиграф — неточная цитата из поэмы Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» (Песнь I).

290. Ростопчина Е. Стихотворения. Спб., 1856. Т. 2. Загл. перекликается со ст-нием Лермонтова «И скучно и грустно». Источник эпиграфа не установлен.

Н. В. Кукольник

291. «Одесский альм. на 1839 г.». Одесса, 1839. *Сто тридцать лет* — время, прошедшее после основания Петербурга (1703).

И. С. Тургенев

292. Совр. 1838, № 1, подпись: — — — въ. Это и след. ст-ния (№ 293—294) в собр. соч. Тургенева включаются с 1898 г.

293. Совр. 1844, № 10, подпись: Т. Л.

294. ОЗ. 1844, № 1, подпись: Т. Л.

295. «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым». Спб., 1846. Перевод ст-ния Гёте «Hörest du, Liebchen, das muntre Geschrei den Flaminischen Weg her?..» (XII элегия из цикла «Римские элегии», 1790). *Фламинская дорога* — одна из старейших римских дорог, проведенная в 220 г. до н. э. Фламинием из Рима в Аримин. *Квирит* — см. примеч. 86. *Церера* — см. примеч. 59. *Элевзис* — город близ Афин, где устраивались празднества в честь Цереры. *Их победитель* — Рим, завоевавший Грецию. *Язион* (греч. миф.) — сын Зевса, любимец Деметры (Цереры). *Кем осчастливлен был Крит.* На о. Крит Язион стал счастливым супругом Цереры.

И. П. Клюшников

296. МН. 1838. апр., кн. 2, подпись: — Ѳ — (псевдоним Клюшникова). *Война Троянская* — война греков с троянцами; здесь: бесконечная распря.

297. МН. 1838, май, кн. 1, подпись: — Ѳ —. *Быть иль не быть* — слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (акт 3, сц. 1).

298. ОЗ. 1840, № 2.

Н. П. Огарев

299. РС. 1888, № 11. - - Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956 (Б-ка поэта, БС), где опубл. по копии М. Л. Огаревой (ПД).

300. РС. 1889, № 8. - - Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы, где опубл. по автографу ПД.

301. Огарев Н. Стихотворения. М., 1904. Т. 1. - - Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы, где опубл. по автографу ЦГАЛИ.

302. ОЗ. 1842. № 8. - - Огарев Н. Стихотворения. Лондон, 1858.

303. ОЗ. 1844, № 3 - - Огарев Н. Стихотворения. Лондон, 1858.

304. ОЗ. 1844, № 5. - - Огарев Н. Стихотворения. Лондон, 1858.

305. Совр. 1847, № 1. - - Огарев Н. Стихотворения. Лондон, 1858.

306. РВ. 1856, кн. 1, июль. - - Огарев Н. Стихотворения. Лондон, 1858.

307. РМ. 1902, № 3, с пропуском строфы 2. - - Огарев Н. П. Стихотворения и поэмы. Л., 1956 (Б-ка поэта, БС), где опубл. по автографам ГБЛ. Огарев познакомился и сблизился с А. И. Одоевским в период службы последнего на Кавказе в конце 1830-х гг. Об отношении Огарева к поэту-декабристу см. биограф. справочник авторов.

В. Г. Бенедиктов

308. БдЧ. 1841, № 9. *Геркуланум* — город в Италии, частично разрушенный и засыпанный пеплом при извержении Везувия в 79 г. до н. э.

309. Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Спб., 1856. Т. 2.

А. Н. Майков

310—316.

I. БдЧ. 1841, № 12, под загл. «Падение». - - Майков А. Стихотворения. Спб., 1842. *Сенека* Луций Анней (ок. 4 до н. э.— 65 н. э.) — римский политический деятель, философ и писатель. *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ. *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий философ. *Фолиант* — толстая книга большого формата. Лицей — в Древней Греции название одной из гимназий близ Афин.

II—III. Майков А. Стихотворения. Спб., 1842. - - Майков А. Стихотворения. Спб., 1858.

IV. Майков А. Стихотворения. Спб. 1842. - - Майков А. Стихотворения: В 3-х частях. Спб., 1872. Ч. 1.

V. Майков А. Стихотворения. Спб., 1842. - - Майков А. Н. Полн. собр. соч.: Изд. 4-е. Спб., 1884.

VI—VII. Майков А. Стихотворения. Спб., 1842. - - Майков А. Стихотворения: В 3-х частях. Спб., 1872. Ч. 1. *Изабелла* (1451—1504) — королева Арагона и Кастилии, при ней снаряжались экспедиции Колумба (Генуэзца). *Кортесов знамя.* Кортесы — название парламента в Испании; Кортесов знамя — испанское знамя.

317. Майков А. Стихотворения. Спб., 1842, с подзаг.: «Из Проперция». - - Майков А. Стихотворения. Спб., 1858. Т. 1. Подражание XIV элегии первой книги римского поэта Проперция (ок. 50 — ок. 15 до н. э.) «Ad Tullum» («Tu licet abiectus Tiberina molliter unda»). *Тулл* — друг Проперция, к нему обращено несколько ст-ний поэта. *Лесбийский сок* — вино с острова Лесбос. *Пафос* — город на острове Кипр, где находился храм Афродиты. *Цинтия* — возлюбленная Проперция, к которой обращены многие его ст-ния. *Пактол* — золотоносная река в Лидии, области в Малой Азии. Ее золото считалось источником богатств царя Креза. *Бармы* — надевавшаяся на плечи часть парадной одежды царей и представителей высшей знати.

318. Майков А. Стихотворения. Спб., 1842, с подзаг.: «Из Проперция». - - Майков А. Стихотворения. Спб., 1858. Т. I. Подражание XI элегии первой книги Проперция «Ad Cynthiam» («Ecquid te medijs cessantem Cynthia Bais...»). *Цинтия* — см. предыдущее примеч. *Кифара* — древнегреческий струнный щипковый музыкальный иструмент.

319—320. Майков А. Стихотворения. Спб., 1858. Т. 1.

М. А. Дмитриев

321. Дмитриев М. Московские элегии. М., 1858. *Катон* Марк Порций Младший (ок. 96—46 до н. э.) — древнеримский политический деятель, народный трибун, последовательный защитник республиканских порядков, боровшийся против диктатуры Юлия Цезаря. *Аристидство* — ироническое понятие, образованное Дмитриевым от имени Аристида (ок. 540 — ок. 467 до н. э.), афинского государственного деятеля и полководца.

322. Дмитриев М. Московские элегии. *Великий Иван* — колокольня в Кремле.

323. Москв. 1846, № 2. *Зипун* — крестьянский кафтан из толстого грубого сукна. *Хоругвь* — здесь: войсковое знамя. *Августин* (1766—1819) — епископ Дмитровский, духовный писатель и проповедник.

А. А. Григорьев

324—326. «Репертуар и пантеон». 1846, № 7.

Ю. В. Жадовская

327. «Московский городской листок». 1847, 13 окт. - - Жадовская Ю. Стихотворения. Спб., 1858.

328. «Сборник литературных статей, посвященный русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина». Спб., 1858. Т. 3. - - Жадовская Ю. Стихотворения. Спб., 1858.

А. И. Пальм

329. ЛГ. 1843, 27 июля. Перевод ст-ния А. Шенье, переведенного также И. И. Козловым (см. № 245).

С. Ф. Дуров

330. Альм. «Молодик на 1844 год». Спб., 1844. Перевод ст-ния В. Гюго «Un jour vient où soudain l'artiste généreux...».

331. «Иллюстрация». 1846, 12 янв.

332. «Иллюстрация». 1846, 20 июля. Перевод ст-ния французского поэта А. Арно «Le feuille», откуда взят эпиграф. Элегия переведена также В. Л. Пушкиным (см. № 150) и другими поэтами.

333. «Иллюстрация». 1846, 14 сент.

334. «Иллюстрация». 1847, 22 марта, перевод элегии XXI из третьей книги Проперция; первый ее ст. взят эпиграфом. А. Д. *Щелков* — друг С. Ф. Дурова, музыкант-любитель. *Платон* (428 или 427—378 до н. э.), *Эпикур* (341—270 до н. э.), *Демосфен* (ок. 384—322 до н. э.) — древнегреческие философы.

335. «Финский вестник». 1847, № 11. *Толбин* Василий Васильевич (1821—1869) — знакомый С. Ф. Дурова, привлекавшийся к следствию по делу петрашевцев, поэт.

336. ЛГ. 1848, 15 янв.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

А. А. Фет

337. ОЗ. 1844, № 12, под загл. «Элегия». Положено на музыку С. В. Рахманиновым.

338. Фет А. Стихотворения. М., 1850. - - Фет А. Стихотворения. М., 1856. *Аргус* (греч. миф.) — многоглазый великан, во время сна некоторые его глаза бодрствовали; в нарицательном значении — бдительный страж.

339. Фет А. Стихотворения. М., 1850.

340. БдЧ. 1857, № 5. - - Фет А. Стихотворения. М., 1863.

341. Фет А. Стихотворения. М., 1863. Ст-ние навеяно воспоминаниями о возлюбленной Фета Марии Козьминичне Лазич (1824—1850). Роман, завершившийся разлукой и трагической кончиной М. К. Лазич, отразился во многих ст-ниях, создававшихся Фетом на протяжении почти трех десятилетий — с начала 1850-х до конца 1880-х гг.

342. РВ. 1865, № 3. - - Фет А. Вечерние огни. М., 1883.

343. «Русское обозрение». 1890, № 11. - - Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Спб., 1912.

344. «Русское обозрение». 1891, № 4.

Я. П. Полонский

345. Полонский Я. Гаммы. М., 1844. *Погибшее, но милое созданье* — отзвук ст. из «Пира во время чумы» Пушкина.

346. Полонский Я. П. Гаммы. М., 1844.

347. Москв. 1853, № 14. - - Полонский Я. П. Соч. Спб., 1869.

А. Н. Плещеев

348. БдЧ. 1846, № 4. - - Плещеев А. Стихотворения. М., 1887. Ссылка в подзаг. на «одного французского поэта», по-видимому, фиктивна.

349. Плещеев А. Стихотворения. Спб., 1846.

350. РВ. 1856, № 24.

351. РВ. 1857, № 9. - - Плещеев А. Стихотворения. Спб., 1857.

Н. Ф. Щербина

352. ОЗ. 1856, № 4. - - Щербина Н. Ф. Стихотворения. Спб., 1857. В изд.: Щербина Н. Ф. Полн. собр. соч. Спб., 1873 — в отделе «Ямбы и элегии».

353. ОЗ. 1856, № 6. В изд.: Щербина. Полн. собр. соч. Спб., 1873 — в отделе «Ямбы и элегии».

354. Москв. 1851, № 22. - - Щербина Н. Ф. Стихотворения. Спб., 1857. *Кассиопея, Андромеда, Центавр* (Кентавр), *Гидра* — названия созвездий.

355. С. 1859, № 11. - - Щербина Н. Ф. Полн. собр. соч. Спб., 1873, отдел «Ямбы и элегии».

356. Совр. 1856, № 5, подпись: Н. Н., под загл. «В черный день». - - Некрасов Н. Стихотворения. Спб., 1873. Т. 1. Ст-ние написано в связи со смертью сына поэта, умершего младенцем.

357. Совр. 1855, № 3, под загл. «Памяти приятеля», которое было вызвано тем, что имя Белинского находилось под запретом. - - Некрасов Н. Собр. соч. Спб., 1877 (серия «Русская библиотека»). *Затеряна давно твоя могила.* Могила Белинского на Волковом кладбище действительно была затеряна и отыскана П. А. Ефремовым с помощью вдовы критика в 1856 г.

358. Совр. 1855, № 5. - - Некрасов Н. Стихотворения. Спб., 1873. Т. 1. Написано под впечатлением тяжелой болезни, которой Некрасов страдал с 1853 г.

359—361. I. Совр. 1853, № 3, без загл., с подписью: **. Весь цикл: Некрасов Н. Стихотворения. М., 1856. - - Некрасов Н. Стихотворения. Спб., 1873. Т. 1. Написаны поэтом, как и предыдущее ст-ние, во время обострения болезни.

362. Совр. 1856, № 9. - - Некрасов Н. Стихотворения. Спб., 1873. Т. 1. Ранняя ред. ст-ния опубл.: ЛГ. 1938, 3 янв., по автографу ПД. Адресат не установлен. По свидетельствам современников, это была женщина, любившая Некрасова и умершая между 1849 и 1856 гг. *Другую женщину я знал.* Имеется в виду Авдотья Яковлевна Панаева (1819 или 1820—1893) — писательница, гражданская жена Некрасова.

363. «Зоря» (Львов). 1886, № 6, без загл.-- Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Л., 1981. Т. 2, где опубл. по записям А. А. Буткевич от 25—26 дек. 1876 (ПД). Т. Г. Шевченко умер 26 февр. 1861 г. Некрасов присутствовал на его похоронах. См. об этом: Гаркави А. М. Из творческой истории стихотворения «На смерть Шевченко» // О Некрасове. Ярославль, 1968. Вып. 2. *Всё он изведал: тюрьму петербургскую* и т. д. Шевченко был арестован в Киеве 17 апр. 1847 г., отправлен в Петербург и заключен в каземат, затем сослан в солдаты в Оренбургский отдельный корпус. В 1850 г. поэта снова арестовали в Оренбурге, и он был заключен в Орскую крепость. Лишь в 1857 г. Шевченко получил разрешение вернуться в Петербург.

364. Некрасов Н. Стихотворения. Спб., 1869. Ч. 2. Автором ст-ния «Не может быть» была поэтесса и переводчица О. П. Мартынова-Павлова (1832—1896). Но Некрасов отвечал этими стихами не только ей, но и всем тем, кто обвинял поэта в отступничестве, измене своим идеалам. В. И. Ленин в статье «Еще один поход на демократию» напомнил об этом ст-нии. «Некрасов,— писал он,— по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои „грехи“ и *публично каялся* в них:

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры *звук неверный* исторгала
Моя рука...

„Неверный звук“ — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 84). *Те жребием постигнуты жестоким.* Имеются в виду соратники Некрасова, ставшие жертвами царских репрессий, в частности Н. Г. Чернышевский.

365—367. «Складчина: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии». Спб., 1874. - - Некрасов Н. Последние песни. Спб., 1877. А. Н. *Плещеев* (см. о нем биограф. справку) сотрудничал в Совр. и ОЗ, на протяжении длительного времени поддерживал дружеские отношения с Некрасовым, помогал ему в издательских делах. Элегия II положена на музыку С. И. Танеевым, III — К. Ю. Давыдовым, О. К. Клемом, Ц. А. Кюи. *Повторяю стансы страстные, Что сложил когда-то ей.* Речь идет о А. Я. Панаевой (см. примеч. 362).

368. ОЗ. 1875, № 2. *Ераков* Александр Николаевич (1817—1866) — инженер, друг Некрасова, муж его сестры.

И. С. Никитин

369. Никитин И. С. Полн. собр. соч. М., 1912.

370. ОЗ. 1854, № 6. - - Никитин И. Стихотворения. Воронеж, 1856.

371—372. Никитин И. Стихотворения. Воронеж, 1856.

373. «Былое». 1906. Кн. 7.

Д. Д. Ахшарумов

374. Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний. Спб., 1905.

М. Л. Михайлов

375. Михайлов М. Л. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934, с искажением. - - Михайлов М. Л. Соч. М., 1958. Т. 1 (Б-ка поэта, БС), где текст уточнен по автографу ПД. Ст-ние отразило чувства, вызванные гонениями, которым подвергался Михайлов за свою революционную деятельность.

376. Михайлов М. Л. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934.

С. Я. Надсон

377. «Синий журнал». 1912, № 3.

378. ОЗ. 1882, № 1. Посвящено Н. М. Дешевовой, сестре гимназического товарища Надсона, в которую поэт был пылко влюблен и которая умерла в марте 1879 г.

379. СВ. 1887, № 4. - - Надсон С. Стихотворения: Изд. 6-е. М., 1887.

380. «Еженедельное обозрение». 1884, № 19. - - Надсон С. Стихотворения: Изд. 2-е. Спб., 1886.

С. А. Андреевский

381. ВЕ. 1883, № 11.

А. А. Голенищев-Кутузов

382. «Санктпетербургские ведомости». 1884, 9 дек. Положено на музыку П. Н. Ренчинским.

383. Голенищев-Кутузов А. А. Соч. Спб., 1894. Т. 2.

Д. С. Мережковский

384. РМ. 1885, № 8.

385. ВЕ. 1886, № 5. *Эдем* — в библейской мифологии страна, где обитали Адам и Ева до грехопадения, синоним рая.

386. С. Я. Надсон. Сборник журнальных и газетных статей, посвященных памяти поэта. Спб., 1887, без загл. и подзаг., с ред. примеч.: «Читано на литературном вечере в память С. Я. Надсона в Петербурге, 27 февраля 1887». - - Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. М.,1914. Т. 22. Надсон умер 24-х лет, и его судьбу часто сравнивали с судьбами других рано умерших русских поэтов. Надсон и Мережковский познакомились в 1880 г. и относились друг к другу с уважением и симпатией.

387. СВ. 1890, № 12.

К. М. Фофанов

388. «Наблюдатель». 1887, № 6.

389. Фофанов К. Стихотворения. Спб., 1889.

390. «Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к „Ниве“». 1906, № 10.

391. «Пробуждение». 1906. № 13.

392. «Исторический вестник». 1916. № 5, в статье А. А. Измайлова «Принц и нищий». - - Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1962.

Ф. К. Сологуб

393. Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1978.

394. «Новый путь». 1903. № 2. - - Сологуб Ф. Собр. соч. Спб., 1909. Т. 5.

А. М. Федоров

395. РМ. 1889, № 5.

396. ВЕ. 1895, № 11. - - Федоров А. Стихотворения: Изд. 2-е. Спб., 1909.

П. Д. Бутурлин

397. Бутурлин П. Д. Сибилла и другие стихотворения. Спб., 1890. *Парос* — остров в Эгейском море, славящийся залежами мрамора.

П. Ф. Якубович

398. «Живописное обозрение». 1891, № 46, под загл. «Оглядка на прошлое», подпись: П. Смирный. - - Якубович-Мельшин П. Стихотворения: Изд. 6-е. Спб., 1910. Т. 1.

399. «Русское богатство». 1900, № 10. - - Якубович-Мельшин П. Стихотворения. Спб., 1910. Т. 2. *Любимый город мой* — Петербург, в котором Якубович не был 15 лет. *Сфинксов каменных загадочные лица.* Имеются в виду две скульптуры египетских сфинксов, найденные при раскопках в Фивах, в 1832 г. перевезенные в Петербург и установленные на набережной Невы. *В пустыни дальние, за цепи льдистых гор.* В 1887 г. Якубович был приговорен к 18 годам каторги и этапирован в Кару, потом в Кадую и Акутай, где пробыл до 1895 г.

400. «Русское богатство». 1900, № 7. - - Якубович-Мельшин П. Стихотворения. Спб., 1910. Т. 2.

И. О. Лялечкин

401. «Живописное обозрение». 1891, № 25.

Ф. А. Червинский

402. «Труд». 1893, № 1. Навеяно ст-нием французского писателя Альфреда Мюссе (1810—1857) «Souvenir».

К. Д. Бальмонт

403. ПСН.

404. Помощь голодающим: Научно-литературный сборник. М., 1892, без загл. - - ПСН.

405. СВ. 1893, № 10. - - Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969 (Б-ка поэта, БС). Вошло в ПСН.

406. «Мир божий». 1894, № 1. Вошло в ПСН. *Клятва Ганнибала.* Ганнибал (247—183 до н. э.) дал отцу клятву оставаться непримиримым врагом Рима. И. С. Тургенев, вспоминая, что он «поклялся никогда не примириться» с крепостным правом, сказал: «Это была моя Аннибаловская клятва» (Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания // Собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 261). *Елена, Маша, Лиза, Марианна, Ася, Сусанна* — героини произведений Тургенева.

407. ПСН.

408. РМ. 1894, № 2. Вошло в ПСН.

409. Путь-дорога: Научно-литературный сборник. Спб., 1893. Вошло в ПСН.

410. РМ. 1894, № 2, под загл. «У норвежского фьорда». - - ПСН.

411—412. ПСН. Адресат не установлен.

413. «Журнал для всех». 1905, № 10.

М. А. Лохвицкая

414. «Север». 1891, № 32. - - Лохвицкая М. Стихотворения. М., 1896. Т. 1.

415. Лохвицкая М. Стихотворения. М., 1896. Т. 1.

416. Лохвицкая М. Стихотворения. Спб., 1900. Т. 3.

О. Н. Чюмина

417. «Звезда». 1895, № 33. Положено на музыку С. Г. Рыбаковым. *Яковлева* Зоя Юлиановна (1862—1908) — писательница, автор повестей и рассказов.

П. С. Соловьева

418. Соловьева П. С. Стихотворения. Спб., 1899.

НАЧАЛО XX ВЕКА

А. А. Блок

419. Блок А. Собр. стихотворений. М., 1911. Кн. 1, первая часть. - - Блок А. А. Неизданные стихотворения. Л., 1926, где оба ст-ния объединены в одно под загл. «Осенняя элегия», как это сделано в автографе ПД.

И. А. Бунин

420. «Журнал для всех». 1901, № 8, под загл. «Ночью». - - Бунин И. А. Полн. собр. соч. Пг., 1915. Т. 1.

421. «Знание». 1904. Кн. 1.

422. Бунин И. Иоанн Рыдалец. М., 1913. Эпиграф — из ст-ния Н. П. Огарева «Опять знакомый дом, опять знакомый сад...» (1856).

В. Я. Брюсов

423—435. Цикл печ. по первому изд. книги: Брюсов В. Urbi et orbi: Стихи 1900—1903 гг. М., 1903, с учетом ряда последующих дополнений.

I. Брюсов В. Urbi et orbi. М., 1903.

II. Брюсов В. Я. Пути и перепутья: Собр. стихов. М., 1908. Т. 2. - - Брюсов В. Я. Полн. собр. соч. и переводов. Спб., 1914. Т. 3. По требованию цензуры исключено из сборника «Urbi et Orbi». М., 1903.

III. «Ежемесячные сочинения». 1903, № 4, без загл. - - Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903. *Тропарь* — церковная песнь в честь какого-нибудь праздника или святого. *Путь в Дамаск.* По евангельскому преданию (Деяния святых апостолов, 9, 1—22), иудей Савл на пути в Дамаск, услышав голос Христа, прозрел и стал проповедником его учения; здесь: путь в Дамаск — путь к прозрению.

IV. «Ежемесячные сочинения». 1902, № 1, без загл. - - Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903. *Поляков* Сергей Александрович (1874—1943) — переводчик, основатель издательства «Скорпион», редактор журнала «Весы».

V. «Беседа». 1904, № 5.

VI. «Новый путь». 1903, № 5, в цикле «Предчувствия».

VII. Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903. Обращено к жене поэта Иоанне Матвеевне Брюсовой (1876—1965).

VIII. Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903.

IX—XI.

1. Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903.

2—3. Брюсов В. Полн. собр. соч. и переводов. Т. 3. В автографе (ГБЛ) цикл состоит из четырех ст-ний. Вторым ст-нием был след. текст:

Я хочу тебя обидеть,
Сделать больно, отойти,
Чтоб могла ты ненавидеть
Мной любимые пути.
Ясный взгляд твой слишком манит,
Слишком ласковы глаза,—
Пусть их бегло отуманит
Гнева горькая слеза.
Ты готова улыбаться
Всем везде и в час любой.
Мне так хочется смеяться
Над собой и над тобой.

Там же карандашная помета: 8 июня 1906 — очевидно, дата окончательной обработки.

XII—XIII. Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903.

Игорь Северянин

436. И. Северянин. Громокипящий кубок. М., 1913. *Суда* — приток Шексны неподалеку от Череповца.

437. И. Северянин. Поэзоантракт. М., 1915.

438. И. Северянин. Громокипящий кубок. М., 1913. Эпиграф — из ст-ния К. М. Фофанова «Умирала лилия лесная...» (1887).

439. И. Северянин. Громокипящий кубок. М., 1913.

440—441. И. Северянин. Громокипящий кубок. М., 1913. Эпиграф — из романа Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 2). *Шале* (фр.) — хижина, дачный домик.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ИРОНИЧЕСКИЕ И ПАРОДИЙНЫЕ ЭЛЕГИИ

Ф. А. Эмин

442. БЗ. 1859, № 17. Пародия на А. П. Сумарокова, содержит намеки на семейную жизнь поэта.

М. Пермский

443. СЧ. 1763, № 5, подпись: М. П. (криптоним М. Пермского).

М. И. Попов

444. «И то и сё». 1769, февр., без подписи.

А. Н. Нахимов

445. Нахимов А. Соч. в стихах и прозе. Харьков, 1815. «Элегия», принесшая Нахимову известность, распространялась в списках, хотя была напечатана легально. Она написана в связи с изданием по настоянию М. Н. Сперанского 6 авг. 1809 г. указа об экзаменах для чиновников, не имевших высшего образования и претендовавших на чины от коллежского асессора до статского советника. Этот указ вызвал массовое недовольство, но Нахимов, поборник просвещения, энергично поддержал его. *Повытчик* — чиновник-регистратор в суде. *Палата* — старинное название судебных и административных органов. *Акциденция* — буквально: случайность. *Думный дьяк* — высокопоставленный чиновник в органах центрального и дворцового управления в XVI—XVII вв. *Крюк* — приказный крючкотвор, изворотливый делец. *Коллежский секретарь* — гражданский чин 10-го класса. *Коллежский асессор* — гражданский чин 8-го класса.

Неизвестный автор

446. «Харьковский Демокрит». 1816, № 5. *Соколок* — ямка под большим пальцем, куда насыпают табак из рожка, чтобы сделать понюшку.

С. Т. Аксаков

447. ВЕ. 1821, № 9. Как позднее указывал автор, в его пародии выражен «протест против туманно-мечтательных стихотворений, порожденных подражанием Жуковскому» (Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания // Собр. соч. М., 1956. Т. 3. С. 51).

Неизвестный автор

448. Благ. 1821, № 11/12. В ст-нии пародируется творчество поэта-идиллика, эпигона сентиментализма Владимира Ивановича Панаева (1792—1859), у которого был псевдоним Аркадин. *Миро* — благовонное масло, употребляющееся в христианских церковных обрядах. *Сатурново правление* — мифические времена золотого века. Сатурн — см. примеч. 59.

А. Е. Измайлов

449. Остафьевский архив. Спб., 1899. Т. 2. - - Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959 (Б-ка поэта, БС). Элегия написана по поводу отставки министра финансов Дмитрия Алексеевича Гурьева (1751—1825). *В подвалах винных, в кабаках, все вопиют* и т. д. Измайлов изображает негодование тех, кто наживался на продаже вина. *Взметнев* Петр Алексеевич — приближенный Гурьева. *Обрезков* Михаил Алексеевич (1754—1842) — сенатор и генерал-майор, известный злоупотреблениями, был уволен и предан суду. *Румяны.* Обрезков румянился. *Дубинский* Николай Порфирьевич (? — 1779) — симбирский вице-губернатор и управляющий казенными винокуренными заводами, с 1825 г.— сенатор. За злоупотребления был отдан под суд и лишен звания сенатора. *Мечников* Евграф Ильич (1770—1836) — директор Горного департамента и Горного корпуса в 1817—1824 гг. *Граф* — Д. А. Гурьев. *Холмогорская корова.* Холмогорская порода крупного рогатого скота считалась одной из лучших и наиболее продуктивных в России. Первоначально разводилась в Холмогорском уезде Архангельской губ.

Н. М. Языков

450. Языков Н. М. Стихотворения. Спб., 1858. Т. 1. *Подорожная* — проездное свидетельство.

Н. А. Цертелев

451. Благ. 1823, № 3, подпись: Житель Васильевского острова (псевдоним Н. А. Цертелева).

Н. А. Полевой

452. «Невский альманах на 1825 г.». Спб., 1825. *Аристарх* (1-я пол. II в. до н. э.) — древнегреческий филолог. *Летская вода* — вода реки Леты (греч. миф.), протекающей в подземном царстве. Глоток этой

воды заставлял забыть земную жизнь. *Ливия декады* — «Римская история» Тита Ливия (59 до н. э.— 17 н. э.), состоящая из нескольких десятикнижий. *Творцы «Георгик», «Лузияды»* — римский поэт Публий Вергилий Марон (70—19 до н. э.) и португальский писатель Камоэнс Луиш (1524—1580). Квинт *Гораций* Флакк (65 до н. э.— 8 н. э.) — римский поэт. *Буало* Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма. *Омар* ибн Хаттаб (592—644) — с 634 г. арабский халиф, прославился аскетизмом и преследованиями, которым подвергал своих подданных за отклонения от предписаний Корана. «*Тилемахида*» (1766) — поэма В. К. Тредиаковского. «*Таврида*, или Мой летний день в таврическом Херсонесе» (1798) — поэма С. С. Боброва (1767—1810). *Мирамонд* — герой авантюрного романа Ф. А. Эмина «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» (1763). *Бавий, Мевий* — древнегреческие поэты, ожесточенно критиковавшие Горация и Вергилия. Их имена стали нарицательными для обозначения бездарных и завистливых писателей. *В три десть*. Десть — мера писчей бумаги, 24 листа. *Ширяев* Александр Сергеевич (ум. 1841), *Заикин* Иван Иванович (?—1834), *Глазунов* Илья Иванович (1786—1849) — книгопродавцы и издатели.

А. А. Дельвиг и А. С. Пушкин

453. Совр. 1854, № 9. - - Пушкин-2, где опубл. по автографу ПД. Анна Львовна Пушкина (1769—1824) — тетка поэта, умерла 14 окт. В ст-нии упоминаются и другие родственники А. С. Пушкина — его дядя поэт *Василий Львович* Пушкин (1766—1830), тетка *Елизавета Львовна* Сонцова (1776—1848), ее муж *Матвей Михайлович* Сонцов (1779—1847), сестра поэта *Ольга Сергеевна* Павлищева (1797—1888), его брат *Лев Сергеевич* Пушкин (1805—1852). *Красовский* Александр Иванович (1780—1857) — цензор Петербургского цензурного комитета, заслужил репутацию ограниченного, подозрительного и фанатичного чиновника.

Н. А. Полевой

454. «Новый живописец общества и литературы». 1832. Ч. 2, подпись: И. Пустоцветов (псевдоним Н. А. Полевого). Пародируется одноименная элегия Баратынского (см. № 179).

К. П. Масальский

455. СО. 1830, № 3. - - Масальский К. Соч., переводы и подражания в стихах. Спб., 1831. *Феникс* (греч. миф.) — сказочная птица, сжигавшая себя и возрождавшаяся из пепла; в литературе — символ вечного возрождения.

И. И. Панаев

456. Совр. 1853, № 11. Пародируются стихи поэта и драматурга Михаила Александровича Стаховича (1819—1858) «Пальма» и «Осень». *Твердь* — здесь: небо.

Н. А. Добролюбов

457. Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. Спб., 1912. Т. 9. -- Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1964. Т. 8, где опубл. по автографу ПД. Пародируется элегия Некрасова «Я рано встал, недолги были сборы...» (см. № 360).

А. П. Сниткин

458—460. «Искра». 1859, № 50, подпись: Амос Шишкин (псевдоним А. П. Сниткина). «Воспоминание» — пародия на ст-ние А. А. Фета «Когда мои мечты за гранью прошлых дней...»; «В Павловске» — пародия на ст-ние А. А. Фета «Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...»; «Я всё еще ее, безумный, не забыл...» — пародия на ст-ние Ю. В. Жадовской «Я всё еще его, безумная, люблю...».

II. Австрийский композитор Иоганн Штраус (1825—1895), приехавший в Россию в 1856 г., дирижировал концертами в Павловске (под Петербургом).

Н. Л. Ломан

461. «Искра». 1860, № 8, подпись: Н. Л. Гнут (псевдоним Н. Л. Ломана). Пародируется одноименное ст-ние К. К. Случевского. *Матлот* — старинный матросский танец, получивший позднее распространение в качестве бального и эстрадного. *Содружество идей* — выражение А. А. Григорьева, который высоко оценивал стихи Случевского (Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности... // «Сын отечества». 1860, № 6. С. 166—168). О Случевском см. биограф. справочник авторов.

П. И. Вейнберг

462. «Искра». 1860, № 50, подпись: Неувенчанный Поэт (псевдоним П. И. Вейнберга). Перепев ст-ния Пушкина «Элегия» (1830). См. наст. изд., № 142.

463. «Искра». 1862, № 9, подпись: Гейне из Тамбова (псевдоним П. И. Вейнберга).

П. В. Шумахер

464. Шумахер П. В. Стихотворения и сатиры. Л., 1937 (Б-ка поэта. БС). *Ведреет* — теплеет, яснеет. *Целовальники* — кабатчики, торговцы алкогольными напитками.

А. Н. Апухтин

465. «Искра». 1861, № 13, подпись: С. Сысоев (псевдоним А. Н. Апухтина). *Лазарев* Александр Васильевич — композитор. *Серов* Александр Николаевич (1820—1871) — композитор и музыкальный критик. *Иной властитель наших дум.* Реминисценция ст. из ст-ния Пушкина «К морю» (см. № 133). *Дютш* Оттон Иванович (1825—

1863) — композитор и дирижер, автор оперы «Кроатка, или Соперница», поставленной в Петербурге 9 дек. 1860 г. *Кроатка* — хорватка.

В. С. Курочкин

466. «Искра». 1861, № 1, без подписи. В изд. соч. В. С. Курочкина включается с 1869 г. *Семь тысяч триста с лишком лет* — срок, прошедший, согласно Библии, от сотворения мира. *Лишась ребра.* По библейской легенде, первая женщина — Ева была сотворена из ребра Адама. *За суп он брату уступил* и т. д. Имеется в виду библейская легенда о том, что Исав, старший сын патриарха Исаака, уступил право первородства своему брату Иакову за чечевичную похлебку. *Крестьянам грамотность — вредна.* Отклик на споры, вызванные утверждением В. И. Даля о том, что грамотность, которой не сопутствует религиозно-нравственное воспитание, может принести вред народу. *Бить или нет?* Отклик на обсуждение в русской печати вопроса об отмене телесных наказаний крестьян.

467. «Искра». 1861, № 42, подпись: Пр. Знаменский (псевдоним В. С. Курочкина). -- Курочкин В. С. Собр. стихотворений. Спб., 1869. *Печально век свой доживая* и т. д. Измененная цитата из ст-ния Вяземского «Смерть жатву жизни косит, косит...» (№ 160). *Ньютонов бином* (двучлен) — формула, выведенная английским математиком Исааком Ньютоном (1643—1727). *«Русский вестник»* — журнал, выходивший с 1856 по 1906 г. Занимал сначала умеренно-либеральную, затем открыто реакционную позицию. Его редактором в 1856—1887 гг. был М. Н. Катков.

В. С. Соловьев

468. «Новое время». 1886, 16 февр., подпись: Князь Эспер Гелиотропов (псевдоним В. С. Соловьева).

Саша Черный

469. Совр. 1913, № 4. *Участок* — здесь: отделение полиции.

Евгений Венский

470. «Бич». 1916, № 7, подпись: В. Перепев ст-ния Пушкина «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»). *Атлант* (греч. миф.) — титан, державший на плечах небесный свод, здесь: воротила, делец. *Салол* — лекарство для желудка.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК АВТОРОВ

Аблесимов Александр Анисимович (1742—1783) происходил из дворян Костромской губернии. С 1758 г. на военной службе, участвовал в Семилетней войне. Первые литературные опыты Аблесимова были напечатаны А. П. Сумароковым в журнале «Трудолюбивая пчела». Его комическая опера «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779) имела в свое время большой успех. Аблесимов написал также ряд других произведений, преимущественно сатирических жанров. В 1781 г. выпускал журнал «Рассказчик забавных басен».

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) происходил из небогатой дворянской семьи, учился в Казанском университете, служил цензором и поддерживал дружеские связи со многими русскими писателями. Аксаков вошел в историю литературы главным образом автобиографическими книгами «Семейная хроника» (1856), «Детские годы Багрова-внука» (1858). Стихи он писал лишь изредка.

Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1918) родился в семье чиновника, окончил юридический факультет Харьковского университета, служил в Петербургской прокуратуре, позднее стал адвокатом, речи которого привлекали всеобщее внимание и неоднократно переиздавались. С конца 1870-х гг. в печати появляются оригинальные и переводные ст-ния Андреевского, вышедшие в 1886 г. отдельной книгой. В них преобладают мотивы уныния, тоски, туманных воспоминаний. Андреевский — автор многочисленных литературно-критических очерков о русских писателях.

Апухтин Алексей Николаевич (1840—1893) родился в дворянской семье, учился в Петербургском училище правоведения. В молодости испытал влияние Некрасова, сотрудничал в «Современнике» и «Искре», но вскоре отошел от демократического направления. Его стихи 1880-х гг., проникнутые скорбью и неприятием действительности, характерны для эпохи «безвременья». Апухтин — автор ряда сатирических и пародийных ст-ний.

Ахшарумов Дмитрий Дмитриевич (1823—1910) родился в семье военного историка, окончил восточный факультет Петербургского университета. Ахшарумов был активным участником кружка М. В. Петрашевского. Ему был вынесен смертный приговор, замененный отправкой в арестантскую роту, а затем службой рядовым на Кавказе. После выхода в отставку занимался медициной. Стихи Ахшарумова отразили вольнолюбие, верность которому он сохранил до конца дней.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) родился в дворянской семье, учился на юридическом факультете Московского университета, из которого был исключен за участие в студенческом движении. В стихах молодого Бальмонта ощутимо влияние народнических идей. Позднее Бальмонт — один из представителей русского символизма. Его стихам присущи необычайная музыкальность и богатство аллитераций. Значителен вклад в литературу Бальмонта-переводчика. С 1921 г. жил в эмиграции.

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) происходил из известной дворянской семьи, учился в Петербургском пажеском корпусе, откуда был исключен в 1816 г. и оказался вынужден поступить на военную службу рядовым. С 1820 по 1825 г. служил в Финляндии, поддерживая тесные связи с петербургскими литераторами: А. А. Дельвигом, Н. И. Гнедичем, Ф. Н. Глинкой и др. В 1825 г. был произведен в офицеры и вышел в отставку. Первый сборник стихов Баратынского появился в 1827 г. Он открывался отделом «Элегии», куда вошло около 30 тщательно отобранных поэтом ст-ний, сгруппированных в три книги (Кн. 1: «Финляндия», «Водопад», «Истина», «Череп», «Рим», «Родина», «Две доли», «Буря». Кн. 2: «Разлука», «В альбом» («Земляк! в стране чужой, суровой...»), «Лета» (Подраж. Мильвуа), «Ропот» («Он близок, близок, день свиданья...»), «Уныние», «Размолвка», «Бдение», «Разуверение», «Падение листьев» (Подраж. Мильвуа), «Отъезд». Кн. 3: «Утешение» (Подраж. Лафару), «Поцелуй», «Элизийские поля», «Делии», «Оправдание», «Догадка», «Ожидание» (Подраж. Парни), «Возвращение» (Подраж. Мильвуа), «Коншину» («Пора покинуть, милый друг...»), «Л. Пушкину», «Эпилог»). Это была первая в русской издательской практике попытка классификации стихов элегического жанра. В 1835 г. Баратынский выпустил новое собрание своих произведений, которое уже не строилось по жанровому признаку. Оно включало и поэмы: «Эда», «Пиры», «Бал», «Телема и Макар», «Переселение душ», «Цыганка». Стихи последних лет составили сборник «Сумерки» (1842). Баратынский скончался во время заграничной поездки, в Неаполе.

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) принадлежал к старинному дворянскому роду. Участвовал в войнах с Наполеоном, в том числе в заграничном походе русской армии в 1814 г. Он был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, а позднее «Арзамаса». Батюшков считается главой так называемой «легкой поэзии», восходящей к традициям французской лирики «poésie fugitive» XVIII в., которая воспевала свободу личности, любовь, дружбу, чувственные радости. Со временем в его стихах все более звучат мотивы разочарования, раздумья о трагической участи поэта во враждебном ему мире. В 1822 г. творческий путь Батюшкова был прерван неизлечимой душевной болезнью. В 1817 г. вышло собрание произведений Батюшкова — «Опыты в стихах и прозе». Они открывались отделом «Элегии», включавшим следующие ст-ния: «Надежда», «На развалинах замка в Швеции», «Элегия из Тибулла» (Вольный перевод), «Воспоминание», «Воспоминания (Отрывок)», «Выздоровление», «Мщение» (Из Парни), «Привидение» (Из Парни), «Тибуллова элегия III», «Мой гений», «Дружество», «Тень друга», «Тибуллова элегия XI из I книги» (Вольный перевод), «Веселый час», «В день рождения N», «Пробуждение», «Разлука» («Напрасно покидал страну моих отцов...»), «Таврида», «Судьба Одиссея», «По-

следняя весна», «К Г⟨неди̇чу⟩», «К Д⟨ашкову⟩», «Источник», «На смерть супруги Ф. Ф. К⟨окошкин⟩а», «Пленный», «Гезиод и Омир, соперники», «К другу», «Мечта».

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) родился в чиновничьей семье, окончил Петербургский кадетский корпус, был на военной, а затем на гражданской службе, где сделал успешную карьеру. Поэзия Бенедиктова, совместившая романтическую традицию с потаканием вкусам «средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 6. С. 494), имела непродолжительный, но шумный успех. Стремление к оригинальности и выразительности стиха приводило к искусственному и нередко безвкусному сочетанию образов. После 1855 г. Бенедиктов стал выступать с позиций «либерального обличительства».

Блок Александр Александрович (1880—1921) происходил из дворянской семьи. Раннее детство провел в семье деда (по матери) А. Н. Бекетова, известной широтой своих культурных связей. Образование получил в одной из петербургских гимназий. В 1898 — 1901 гг. учился на юридическом факультете Петербургского университета. Знакомство с Л. Д. Менделеевой, дочерью знаменитого ученого, ставшей в 1903 г. женой поэта, послужило могущественным творческим импульсом для создания множества ст-ний, частью объединенных в книгу «Стихи о Прекрасной Даме» (1905). Блок написал немало ст-ний в элегическом ключе, но только одно из них он самим заглавием определил как элегию. Последующие книги стихов Блока: «Нечаянная радость» (1907), «Снежная маска» (1907), «Земля в снегу» (1908), «Ночные часы» (1911). Творчество Блока начиная с революции 1905—1907 гг. насквозь пронизано предчувствием крушения несправедливого и жестокого мира. После Октябрьской революции поэт пережил большой прилив творческих сил, результатом чего явились поэма «Двенадцать» и «Скифы» (обе — 1918). В дальнейшем Блок погрузился в глубочайшую душевную депрессию, завершившуюся его смертью. Перу поэта принадлежат также несколько лирических драм, поэмы «Соловьиный сад», «Возмездие», большое количество переводов.

Бороздна Иван Петрович (1804—1858) родился в дворянской семье, окончил Московский университетский благородный пансион, постоянно сотрудничал в журналах и альманахах 1820-х гг., поддерживал дружеские связи со многими русскими писателями.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) родился в купеческой семье, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Первые сборники его стихов появились в конце XIX в. Брюсов считался основоположником и вождем русских символистов, но его отношения с ними изобиловали противоречиями и разногласиями. Брюсов безоговорочно принял Октябрьскую революцию и в годы Советской власти вел многогранную и интенсивную общественную и литературную работу. Элегии, написанные Брюсовым в начале XX в., составили раздел, вошедший в его книгу стихов «Urbi et Orbi» («Городу и миру», 1903).

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) родился и вырос в дворянской семье, где сложился культ русской классической поэзии. Эти

традиции во многом определили тональность бунинской лирики, обращенной к изображению природы и психологического мира человека. За поэтический сборник «Листопад» (1901) Бунин был удостоен Пушкинской премии Академии наук. Мировую славу принесла писателю его проза. В 1920 г. он эмигрировал во Францию, где и умер. Бунин — первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе (1933).

Бутурлин Петр Дмитриевич (1859—1895) родился в знатной дворянской семье, детские годы провел за границей, учился в Англии, был дипломатом. Поэтическое наследие Бутурлина относительно невелико. В нем преобладает любовная и пейзажная лирика, а также стихи на мифологические темы. Бутурлин — автор многочисленных сонетов, выходивших отдельными сборниками.

Вейнберг Петр Исаевич (1831—1908) родился в семье нотариуса, окончил историко-филологический факультет Харьковского университета, служил чиновником в Тамбове, позднее вел педагогическую работу в Варшаве и Петербурге. Деятельность Вейнберга как сатирика и пародиста связана главным образом с его сотрудничеством в журнале «Искра». Вейнберг перевел на русский язык многие стихи Гейне, а также других западноевропейских поэтов.

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) родился в старинной дворянской семье, учился в Московском университете, затем служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Необычайная одаренность, эрудиция и личное обаяние Веневитинова поражали современников. Он был инициатором создания и главой Общества любомудрия. Определяющей чертой поэзии Веневитинова была ее философичность. Она дает себя знать и в его элегиях. Веневитинов выступал также как критик и переводчик.

Венский Евгений (псевд.; наст. имя и фам. — Евгений Осипович Пяткин, 1885—1943) родился в семье дьячка, учился в Казанской духовной семинарии, откуда был исключен и стал профессиональным литератором. Венский много печатался в «Сатириконе», писал пародии, пользовавшиеся в начале XX в. значительной популярностью. После Октябрьской революции сотрудничал в советских юмористических и сатирических журналах.

Востоков Александр Христофорович (1781—1864) был внебрачным сыном остзейского барона, учился в Петербурге, в Сухопутном кадетском корпусе, позднее в Академии художеств. Выступал как поэт и как ученый-филолог, внесший весомый вклад в изучение русского языка и стихосложения. Длительное время служил в Публичной библиотеке, изучая памятники древнеславянской письменности. Востоков был избран академиком и членом многих зарубежных академий и научных обществ.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) был отпрыском древнего княжеского рода. Ученик и приверженец Н. М. Карамзина, он стал одним из активных участников «Арзамаса» и энергично отстаивал эстетические позиции «новой школы». И в Варшаве, где Вяземский служил в 1817—1821 гг., и позднее, в период жизни в Москве, его окружала атмосфера оппозиционных настроений. Вольнолюбие Вяземского дало себя знать и в его стихотворениях «Первый снег» и «Уныние», которые принадлежат к лучшим образцам русской элегической поэзии. Он был лично близок со многими декабристами

и разделял их убеждения, хотя вступить в тайное общество отказался. Традиция закрепила за ним крылатое прозвище «декабрист без декабря». Вяземский тяжело переживал трагедию на Сенатской площади. В элегиях 1830-х гг. он передал чувства, которые испытывали люди декабристского поколения, утратившие веру в будущее, ощущавшие себя лишними и ненужными. Вяземский вошел в историю русской литературы как один из самых проницательных, теоретически зрелых и искушенных в искусстве полемики пропагандистов романтизма. Деятельность Вяземского-критика получала поддержку А. С. Пушкина. С годами Вяземский все более переходил на консервативные позиции. После вступления на престол Александра II он занимал ряд видных государственных постов.

Габбе Петр Андреевич (1797 или 1799 — после 1841) был сыном мелкого чиновника, окончил Первый кадетский корпус, служил в армии. Оказавшись в Варшаве, сблизился там с П. А. Вяземским, который стал его литературным наставником. Вольнолюбие и неблагонадежные личные связи Габбе привели к тому, что он был арестован и около года находился в заключении в ожидании смертной казни. По-видимому, тогда и была написана его элегия «Бейрон в темнице». Он был разжалован в рядовые. При посредничестве Вяземского сотрудничал в столичных журналах. Унижения и невзгоды, обрушившиеся на Габбе, подорвали его здоровье. Он оказался в больнице для душевнобольных. Дата его смерти неизвестна.

Глебов Дмитрий Петрович (1789—1843) происходил из древнего дворянского рода, образование получил в Московском университетском благородном пансионе. Глебов регулярно сотрудничал в журналах и альманахах 1820-х гг., где публиковал стихи и переводы.

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) родился в дворянской семье, в 1803 г. окончил Первый кадетский корпус. Он участвовал в войнах с наполеоновской Францией, сражался на Бородинском поле, прошел путь от Москвы до Парижа. В 1816 г. Глинка вступил в «Союз спасения», а позднее стал одним из руководителей «Союза благоденствия». В 1819—1825 гг. он возглавлял Вольное общество любителей российской словесности, находившееся под влиянием декабристов. Стихи Глинки, как и его проза, пронизаны вольнолюбием и патриотизмом. Его излюбленным жанром был, пользуясь пушкинским выражением, «элегический псалом» — стихотворение, в котором библейские образы и темы переосмысливались и насыщались революционным содержанием. После восстания 14 декабря Глинка был арестован, а затем выслан в Карелию под надзор полиции. В дальнейшем он много писал, но не играл активной роли в литературной жизни страны.

Гнедич Николай Иванович (1784—1833) происходил из украинского казачьего рода, учился в Полтавской семинарии и Харьковском коллегиуме, а позднее в Московском университете. Здесь в нем пробудились два увлечения, определившие его последующую судьбу, — театром и античной литературой. С 1807 г. Гнедич приступил к главному делу своей жизни — переводу «Илиады» Гомера. Перевод был опубликован в 1829 г. Глубокий интерес к античности отразился и в ст-нии «Рождение Гомера» (1816), где антитеза «поэт и толпа» наполняется явным политическим смыслом. Автор антикрепостнического ст-ния «Перуанец к испанцу» (1805), Гнедич отчасти предвосхитил идейно-художественные устремления декабри-

стов. Ему была близка если не их политическая программа, то их готовность к гражданскому подвигу. В канун восстания Гнедич опубликовал отрывок из «Илиады», повествующий, как Ахилл, несмотря на гибельные пророчества, бросается в бой, чтобы погибнуть или победить. Декабристы высоко ценили идиллию Гнедича «Рыбаки» (1822) и другие его стихотворения.

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) происходил из знатного дворянского рода, окончил Петербургский университет, занимал ряд видных государственных постов. Голенищев-Кутузов поддерживал дружеские отношения с композиторами «могучей кучки», особенно с М. П. Мусоргским, который написал на тексты его стихов два вокальных цикла. В поздних стихах Голенищева-Кутузова преобладали мотивы скорби и безнадежности. Как критик и публицист он отстаивал принципы «чистого» искусства. В 1900 г. был избран почетным академиком.

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) родился в семье мелкого чиновника, окончил юридический факультет Московского университета, занимался педагогической деятельностью. В историю русской литературы Григорьев вошел главным образом как критик, и лишь позднее должным образом было оценено и его стихотворное наследие. Главная тема поэзии Григорьева — психология страдающей романтической личности. Продолжая традиции «поэтов мысли» Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, он оказался близок интеллектуальной лирике XX века, в частности А. А. Блоку.

Губер Эдуард Иванович (1814—1847) родился в семье лютеранского пастора, окончил Петербургский институт корпуса путей сообщения. Был на гражданской службе, но независимый характер стал причиной трений его с начальством, отставки и нужды, которая всю жизнь преследовала Губера. Его поэзию характеризуют мотивы разочарования, жалобы на одиночество, мысли о смерти. По совету А. С. Пушкина Губер впервые перевел на русский язык «Фауста» Гёте.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) происходил из дворянской семьи, бóльшую часть жизни провел на военной службе. В начале XIX в. писал острые сатирические стихи, едко высмеивающие царя и его ближайшее окружение. В историю России и русской литературы Давыдов вошел как герой Отечественной войны, поэт-партизан. Успешные действия Давыдова против наполеоновской армии получили высокую оценку М. И. Кутузова. Стихи Давыдова и их лирический герой — лихой гусар, удалой рубака, верный в дружбе, патриот, чуждый ханжеству и двоедушию, — вызвали симпатии выдающихся современников, в частности А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова и др. Гусарский дух Давыдов стремился внести и в свои любовные элегии. Особое место в творчестве Давыдова занимает «Бородинское поле», которое заслуженно причисляется к лучшим элегиям в русской поэзии.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) учился в Царскосельском лицее, где сблизился с Пушкиным, ближайшим другом которого оставался на протяжении всей жизни. Молодой Дельвиг был вольнодумцем, членом «Зеленой лампы» — дочерней организации декабристского «Союза благоденствия». Излюбленными жанрами поэзии Дельвига были песни и идиллии, которыми восхищался Пушкин.

С 1825 по 1830 г. Дельвиг издавал «Северные цветы», самый долговечный и богатый поэтическими шедеврами русский альманах. Успех «Северных цветов» побудил группу его авторов, возглавляемых Пушкиным, создать «Литературную газету», издателем которой стал Дельвиг. Независимый характер этого органа вызвал острое недовольство властей. В дек. 1830 г. Дельвиг был отстранен от руководства газетой и вскоре после острого объяснения с шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом скончался.

Дмитревский (наст. фам. Дьяконов-Нарыков) Иван Афанасьевич (1736—1821) родился в семье протоиерея, обучался в духовной семинарии, затем в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. Артистическую деятельность начал в труппе Ф. Г. Волкова, с 1780 г. руководил «Вольным Российским театром» в Петербурге. Был близок с А. П. Сумароковым (см.), играл главные роли в его трагедиях, осуществил первую постановку комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1782), писал и переводил пьесы. С 1802 г. был членом Российской Академии.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) родился в помещичьей семье, был на военной службе; позднее — при Александре I занимал видные государственные должности, в том числе министра юстиции. Основные жанры его поэзии — песни и басни. В драматической поэме «Ермак» (1795) предпринял одну из первых в русской литературе романтических трактовок национально-исторического сюжета. Значительное место в творчестве Дмитриева занимают переводы и вольные переложения западноевропейских поэтов.

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) происходил из древнего дворянского рода. Образование получил в Московском университетском благородном пансионе. Служил чиновником, в конце жизни стал камергером и обер-прокурором московского отделения Сената. В молодости Дмитриев возглавлял «Общество громкого смеха», близкое к «Арзамасу». Полемические выступления Дмитриева 1824—1825 гг. против предисловия П. А. Вяземского к поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» снискали ему скандальную известность и закрепили за ним репутацию литературного ретрограда. Дмитриев написал большое количество од, басен, эпиграмм и произведений других жанров. В 1840-х гг. эволюционизировал к славянофильству и стал постоянным сотрудником журнала «Москвитянин». Немалый интерес представляет наследие Дмитриева-мемуариста («Мелочи из запаса моей памяти», 1854). Элегия была одним из излюбленных жанров Дмитриева. В первом издании его «Стихотворений» (М., 1830) элегии выделены в особый раздел. В 1858 г. он выпустил сборник «Московские элегии». В начале 1860-х гг. завершил создание цикла «Деревенские элегии».

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) вошел в историю русской литературы не только как выдающийся критик, но и как поэт — сатирик и пародист. Его пародии, появлявшиеся в «Свистке» и «Искре», были своеобразным продолжением его литературно-критической деятельности, они высмеивали эксцентризм и мелкотемье поэзии «чистого» искусства (см.: Добролюбов Н. А. Перепевы // Собр. соч. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 219).

Дуров Сергей Федорович (1816—1869) родился в семье отставного офицера, учился в Благородном пансионе при Петербургском

университете, затем служил чиновником. Дуров был членом революционного кружка М. В. Петрашевского, а в 1848 г. создал свой кружок, где обсуждались литературные и политические вопросы. Дурова приговорили к расстрелу, замененному каторжными работами с последующей ссылкой в Сибирь. Элегическая тональность характерна для многих ст-ний Дурова, как оригинальных, так и переводных. Дуров — автор нескольких прозаических произведений в духе натуральной школы.

Жадовская Юлия Валериановна (1824—1883) родилась в семье чиновника, училась в частном пансионе. С начала 1840-х гг. в печати стали появляться ее стихи, главной темой которых была несчастная любовь. Сборники ее ст-ний выходили в 1846 и 1858 г. Жадовская писала также повести, романы и рассказы.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) был внебрачным сыном помещика А. И. Бунина от пленной турчанки Сальхи. Образование получил в Московском университетском благородном пансионе, где и начал писать стихи. Как один из руководителей литературного объединения «Арзамас», боролся с эпигонами классицизма. В это время создаются его прославленные баллады и элегии. Большой популярностью пользовалось ст-ние «Певец во стане русских воинов», славившее подвиг, совершенный русской армией в 1812 г. С 1826 г. Жуковский становится воспитателем наследника престола, будущего царя Александра II, и на протяжении 15 лет это дело продолжает оставаться для поэта главным в его жизни. Жуковский был выдающимся переводчиком, обогатившим русскую поэзию множеством произведений. Свое влияние при дворе Жуковский многократно использовал для заступничества за деятелей общественного движения, становившихся жертвами царских репрессий (Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Герцена, декабристов). Творчество Жуковского насквозь пронизано элегическими мотивами. Многие стихи, которые современные ему поэты, несомненно, отнесли бы к элегиям, Жуковский называл песнями.

Игорь Северянин — см.: Северянин Игорь.

Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) родился в небогатой помещичьей семье, окончил Горный кадетский корпус. Издавал журналы «Цветник» (1819—1820) и «Благонамеренный» (1818—1826), игравшие заметную роль в литературной жизни того времени, позднее служил вице-губернатором в Твери и Архангельске. Главный вклад Измайлова в литературу — его басни, пользовавшиеся у современников большим успехом. Он писал также эпиграммы и другие сатирические ст-ния.

Каменев Гавриил Петрович (1772—1803) происходил из богатой купеческой семьи, учился в частном пансионе. Каменев принадлежал к так называемым «поэтам-радищевцам». Его стихи и повести появлялись во многих журналах и альманахах конца XVIII и начала XIX в. Позднее в них усматривали признаки сентиментализма и «зародыш романтического элемента», развиться которому помешала безвременная кончина поэта.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) внес многообразный вклад в историю русской культуры. В 1789—1790 гг. он совершил поездку за границу, после чего вышла его знаменитая книга «Письма русского путешественника». Карамзин обращался к различным жанрам: писал стихи, повести, рассказы, публицистические произведения, очерки, статьи. С 1804 г. он целиком посвятил себя труду, явившемуся подвигом его жизни, — «Истории государства Российского». При жизни писателя вышло в свет 11 томов. Смерть прервала его работу над 12-м томом. Эрудиция, широта мысли и нравственный облик Карамзина оказали значительное влияние на современников.

Катенин Павел Александрович (1792—1853) происходил из дворян Костромской губ., принадлежал к числу самых образованных и эрудированных деятелей русской культуры. В 1812 г. Катенин участвовал в Бородинском сражении, а затем в заграничных походах русской армии. Вернувшись на родину, он стал убежденным противником самодержавного деспотизма, членом одного из ранних декабристских объединений. «Простонародные» баллады Катенина, написанные во второй половине 1810-х и в начале 1820-х гг., принадлежали к наиболее удачным попыткам передать своеобразие русской национальной культуры и получили высокую оценку Пушкина. Немало усилий Катенин отдал русскому театру. В 1828 г. была поставлена его трагедия «Андромаха». Независимый характер, принципиальность суждений и поступков Катенина привели его к вынужденной отставке (1820), за которой последовала высылка из Петербурга (1822). После 1830 г. отошел от активной литературной деятельности. «Элегия» Катенина — его единственное обращение к этому жанру.

Клюшников Иван Петрович (1811—1895) окончил словесное отделение Московского университета. На студенческой скамье он сблизился с Н. В. Станкевичем (см.) и вскоре стал одним из самых деятельных членов его философско-литературного кружка. Несколько лет он занимался педагогической деятельностью, затем покинул Москву и до глубокой старости жил в наследственном имении на Харьковщине. Элегии Клюшникова, проникнутые рефлексией и душевным смятением, получили одобрительную оценку В. Г. Белинского.

Княжнина Екатерина Александровна (1746—1797) — первая русская писательница, дочь А. П. Сумарокова, жена драматурга и поэта Якова Борисовича Княжнина (1742—1791).

Козельский Федор Яковлевич (1734—?) — писатель, биографические сведения о котором крайне скудны. Он состоял на военной службе, а после переезда в Петербург стал протоколистом в Сенате. В конце 1760-х и начале 1770-х гг. написал большое количество элегий, посланий, од и других ст-ний. Его перу принадлежат трагедии «Пантея» (1769) и «Велесана» (1778).

Козлов Иван Иванович (1779—1840) происходил из старинного дворянского рода, был на военной, а затем гражданской службе. В 1816 г. внезапный паралич навсегда приковал его к постели, а в 1821 г. Козлов ослеп. В этом состоянии он обратился к литературному творчеству, сблизился с В. А. Жуковским, Е. А. Баратынским,

П. А. Вяземским. Успех Козлову принесла его поэма «Чернец» (1825). В начале 1820-х гг. Козлов написал несколько вольнолюбивых ст-ний. Он был одаренным переводчиком, познакомившим русского читателя с произведениями Петрарки, Тассо, Данте, Ариосто, Шиллера, Байрона, Мицкевича и др.

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) родился в семье воронежского торговца скотом. С детства вынужден был помогать отцу в его занятиях, учился и писал украдкой стихи. Талант Кольцова был замечен Н. В. Станкевичем (см.), который ввел его в круг московских литераторов. С их помощью Кольцову удалось в 1835 г. издать первый сборник стихотворений. Молодой Кольцов писал элегии, послания, баллады, но со временем главным жанром его поэзии становится песня о труде крестьянина, о его стремлении к свободе, к счастью, о природе родного края. Написанное на смерть Пушкина ст-ние «Лес» (1837), в котором элегические мотивы слились с песенной стихией и острым неприятием николаевского безвременья, — одно из высших творческих достижений Кольцова.

Красов Василий Иванович (1810—1854) родился в семье священника, учился в Вологодской духовной семинарии, затем в Московском университете, где стал членом кружка Н. В. Станкевича (см.) и сблизился с В. Г. Белинским, который ценил его стихи. Поэзию Красова характеризует обилие элегических мотивов. В начале 1840-х гг. прекратил литературную деятельность.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) родился в семье профессора Петербургского педагогического института, одновременно с Н. В. Гоголем учился на Украине в Нежинской гимназии высших наук. В 1831 г. он приехал в Петербург, опубликовал там пьесу «Торквато Тассо», принесшую ему шумный успех. Вторая его пьеса «Рука всевышнего отечество спасла» (1832, пост. в 1834) получила «высочайшее одобрение» Николая I. Затем появляется еще ряд пьес, отчасти на национально-исторические темы, отчасти о судьбах художников. В 1840-х гг. большое место в творчестве Кукольника занимает беллетристика: он пишет ряд романов, десятки рассказов и повестей. Как поэт Кукольник был типичным представителем эпигонского романтизма. Не лишены интереса песни Кукольника, положенные на музыку М. И. Глинкой, они по сей день остаются в концертном репертуаре.

Курочкин Василий Степанович (1831—1875) был сыном отпущенного на волю крепостного крестьянина. Окончив петербургское военно-учебное заведение — Дворянский полк, он несколько лет пробыл на военной службе. После выхода в отставку был тесно связан с революционным движением. В стихах Курочкина нашли выражение идеи революционно-демократической поэзии. Он выступал как сатирик и пародист, был редактором журнала «Искра». Важная часть наследия Курочкина — переводы западноевропейских поэтов, в частности Беранже.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) родился в дворянской семье обрусевших немцев. Учился в Царскосельском лицее, где началась его дружба с Пушкиным. После окончания Лицея занимался литературно-критической и издательской деятельностью.

В эти годы Кюхельбекер — приверженец В. А. Жуковского, позднее он отстаивает эстетические позиции так называемых «архаистов»: А. С. Шишкова, С. А. Шихматова и др. На страницах издававшегося им (вместе с В. Ф. Одоевским) альманаха «Мнемозина» Кюхельбекер резко выступал против увлечения камерными лирическими жанрами, особенно элегией. Став в 1825 г. членом Северного общества, Кюхельбекер проявил 14 дек. исключительное мужество, после разгрома восстания пытался бежать за границу, но был арестован в Варшаве и в кандалах доставлен в Петербург. Более двадцати лет он провел на каторге и в ссылке, перенося тяжелейшие физические и моральные муки. В заключении и ссылке была создана бóльшая часть его поэтических произведений.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) под названием «Элегия» написал лишь два ст-ния, но к этому жанру принадлежат и многие другие его произведения, ознаменовавшие новый рубеж в эволюции элегической лирики.

Ломан Николай Логинович (1830—1892) родился в дворянской семье, учился в Петербургском университете, был преподавателем русского языка и словесности. Расцвет литературной деятельности Ломана приходится на 1860—1861 гг., когда он под псевдонимом Н. Л. Гнут напечатал в «Искре» ряд язвительных литературных пародий, высмеивавших поэтов «чистого» искусства.

Лохвицкая (по мужу Жибер) Мирра Александровна (1869—1905) родилась в семье адвоката. В 1888 г. окончила Московский Александровский институт. Первый сборник ее ст-ний был в 1896 г. отмечен Пушкинской премией Академии наук. Эмоциональность, музыкальность и метафоричность ее стихов, посвященных почти исключительно теме любви, снискали им большую, хотя и непродолжительную популярность. В конце XIX и начале XX в. ее сборники выходили один за другим. Лохвицкой принадлежит также несколько драматических поэм на темы средневековья.

Лялечкин Иван Осипович (1870—1895) родился в семье бедного чиновника, учился в Петербургском Лесном институте, но и учеба и последовавшая за ней служба обременяли его. Он ощущал тягу лишь к поэзии. Стихи Лялечкина выражали острую неудовлетворенность современной действительностью. Его перу принадлежат также несколько комедий и водевилей.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) родился в дворянской семье, учился на юридическом факультете Петербургского университета. Первый сборник его ст-ний вышел в 1842 г. Поэзия Майкова характеризуется стремлением к гармонии, тонким восприятием природы. В 1840-х гг. Майков написал ряд произведений в духе натуральной школы, но позднее он становится поборником теории «искусства для искусства» и навлекает на себя резкую критику революционеров-демократов. Творчество Майкова отличает жанровое разнообразие. Поэт неоднократно обращался к исторической тематике. Ему принадлежит один из лучших поэтических переводов «Слова о полку Игореве». Он переводил также западных поэтов (Гёте, Гейне, Мицкевича и др.).

Маркевич Николай Андреевич (1804—1860) родился в дворянской семье, окончил пансион при Петербургском педагогическом институте. Получил известность не только как поэт, но и как историк и этнограф. Опубликовал, в частности, «Историю Малороссии» в 5-ти частях (1842—1843).

Масальский Константин Петрович (1802—1861) родился в дворянской семье, учился в Университетском благородном пансионе. Начал литературную деятельность как поэт. Среди его стихотворений есть пародии на романтическую лирику. На протяжении длительного времени обращался к басенному жанру. Масальский — автор многочисленных романов и повестей. В общественно-литературной борьбе занимал консервативные позиции, выступал против В. Г. Белинского и натуральной школы.

Межаков Павел Александрович (1786—1860-е гг.) родился в старинной дворянской семье. О его жизни почти ничего неизвестно. В 1817 г. он выпустил без указания своего имени сборник ст-ний «Уединенный певец». Вторая книга его стихов вышла в свет в 1828 г.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) родился в семье чиновника, окончил историко-филологическое отделение Петербургского университета. В годы учебы сблизился с кругами народнической интеллигенции. Центральную часть литературного наследия Мережковского составляют его романы: трилогия «Христос и Антихрист» (1896—1905), «Александр I» (1911), «14 декабря» (1918). Мережковский приветствовал свержение самодержавия, но Октябрьскую революцию встретил враждебно и в 1920 г. эмигрировал. В конце XIX в. Мережковский выпустил несколько поэтических сборников. В его стихах преобладают мотивы тоски, одиночества, неверия в будущее. Этим и объясняется его обращение к элегической традиции.

Милонов Михаил Васильевич (1792—1821) происходил из небогатой дворянской семьи. Учился он в Московском университетском благородном пансионе, а затем в Московском университете. В годы учения Милонов сблизился с кругом передовых литераторов, писал сатиры («К Рубеллию», «К Луказию» и др.). При всем том в творческой практике Милонов был во многом учеником Жуковского и в таких ст-ниях, как «Уныние», «Похвала сельской жизни», «Падение листьев», послание «К В. А. Жуковскому на получение экземпляра его стихотворений» и др., проявил себя как элегик, отдавший дань предромантизму. Особой популярностью пользовалось у современников «Падение листьев», строку из которого А. С. Пушкин в измененном виде включил в предсмертную элегию Ленского. Острый разлад с окружающей средой, алкоголизм и трактирный разгул стали причиной его нищеты и преждевременной смерти.

Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865) родился в семье оренбургского чиновника. Печататься начал в 1845 г. В 1846 г. переехал в Петербург, стал вольнослушателем университета, но спустя два года вынужден был из-за материальных лишений прервать учебу и уехать на службу в Нижний Новгород. По возвращении в Петербург Михайлов активно сотрудничал в «Современнике», поддерживал дружеские связи с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Михайлов был видным деятелем революционного подполья, составлял

и распространял прокламации, призывавшие к восстанию против самодержавия. Арестованный в 1861 г., он был приговорен к каторжным работам. Большой заслугой Михайлова-переводчика являются его переводы из Гейне и Беранже.

Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) родился в семье мелкого чиновника. Он закончил Павловское военное училище, около двух лет служил офицером, но, заболев чахоткой, вышел в отставку. Лечение за границей не дало результатов, и он скончался вскоре после того, как ему исполнилось 24 года. Первый сборник стихов Надсона вышел в 1885 г. и был удостоен Пушкинской премии Академии наук. Непродолжительная поэтическая деятельность Надсона пришлась на эпоху политической реакции 1880-х гг., и это во многом определило ее характер. Большинство его ст-ний пронизано неверием в будущее, жалобами на бессилие, хотя скорбь Надсона была скорбью передового человека, отвергающего мир угнетения и несправедливости.

Нартов Андрей Андреевич (1737—1813) родился в Петербурге, обучался при Академии наук, затем в Первом кадетском корпусе, был на военной службе. Один из основателей Вольного экономического общества, он многие годы был его секретарем, позднее президентом. В конце жизни — почетный член Академии художеств, с 1801 г. — президент Академии наук. Плодовитый драматург, поэт и переводчик. Переводил произведения Ф. Н. Детуша, Г. Э. Лессинга, А. Р. Лесажа и др.

Нарышкин Семен Васильевич (1731—1807) — драматург и поэт. Государственную службу завершил в чине статского советника. Его элегии, послания и другие ст-ния печатались в «Ежемесячных сочинениях», в «Полезном увеселении», в «Трудолюбивой пчеле». Нарышкину приписывается комедия «Истинное дружество».

Нахимов Аким Николаевич (1782—1814) родился в семье отставного офицера. Образование получил в Харьковском университете. Басни и другие сатирические ст-ния Нахимова принесли ему широкую известность.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877). Перу поэта принадлежат два цикла: «Последние элегии» (1853—1855) и «Три элегии» (1874). Фактом принципиального значения в истории элегического жанра было создание Некрасовым в 1874 г. ст-ния «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...»).

Никитин Иван Саввич (1824—1861) родился в мещанской семье. Учился в Воронежском духовном училище и духовной семинарии. Его первые стихи проникнуты религиозными и идиллическими мотивами, но уже в 1850-х гг. поэзия Никитина проникается социальными мотивами. Важнейшая заслуга Никитина — в правдивости, с которой он рисовал картины беспросветной жизни крестьянства и городской бедноты.

Новый поэт — см. Панаев И. И.

Огарев Николай Платонович (1813—1877) принадлежал к старинному дворянскому роду. 12-ти лет познакомился с А. И. Герценом и с этого времени почти всю жизнь прошел вместе с ним. Во время учебы в Московском университете Огарев и Герцен создали кружок с намерением продолжать дело декабристов. В 1834 г. Огарев был арестован и выслан из Москвы. В 1838 г. он общался на Кавказе с А. И. Одоевским и другими ссыльными декабристами. В 1856 г. он навсегда покинул Россию. Вместе с Герценом сыграл выдающуюся роль в деятельности Вольной русской типографии — в выпуске альманаха «Полярная звезда», газеты «Колокол» и многих других изданий. За границей Огарев опубликовал ряд важных публицистических и литературно-критических произведений. В центре романтической лирики Огарева — образ одинокого человека, разочарованного невозможностью воплотить свои идеалы в жизнь. Наряду с мотивами социального протеста его стихам присущи мысли и чувства, характерные для «лишних людей», порожденных эпохой николаевской реакции.

Одоевский Александр Иванович (1802—1839) был отпрыском древнего княжеского рода. Родство и тесная дружба связывали его с Грибоедовым. Член Северного общества, Одоевский принял участие в восстании 14 дек. 1825 г. Оказавшись после разгрома восстания в каземате Петропавловской крепости, он некоторое время пребывал в растерянности, но вскоре к нему вернулось убеждение в правоте своего дела. Лучшие стихи поэта с их верой в торжество революционных идеалов написаны в период сибирской каторги. Вершина этой лирики — знаменитый «Ответ декабристов Пушкину» — ст-ние «Струн вещих пламенные звуки...». На Петровском заводе, где Одоевский отбывал каторгу, была создана его «Элегия», заключавшая раздумья о смысле и значении борьбы, которую вели дворянские революционеры. В 1833 г. Одоевский был направлен рядовым солдатом в Кавказский корпус. Здесь он познакомился с Н. П. Огаревым и М. Ю. Лермонтовым. Через шесть лет декабрист скончался от злокачественной малярии.

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) происходил из старинной дворянской семьи, учился в Московском университетском благородном пансионе. Большое влияние на литературную деятельность Ознобишина оказало систематическое изучение языков. Он много переводил восточных, а также западноевропейских поэтов.

Остолопов Николай Федорович (1783—1833) происходил из обедневшей дворянской семьи, учился в Петербургском горном корпусе, позднее занимал ряд видных должностей в Петербурге, Вологде и Астрахани. Стихи Остолопова частию были собраны им в книге «Прежние досуги, или Опыты в неких родах стихотворства» (1816). Главным трудом Остолопова считается его «Словарь древней и новой поэзии» (1821) — первый свод сведений по теории и истории стиха.

Пальм Александр Иванович (1822—1885) родился в семье лесничего, учился в военном учебном заведении, позднее служил в гвардейском егерском полку. Был участником революционного кружка М. В. Петрашевского. Дошедшие до нас стихи Пальма написаны в 1840-е гг. Позднее он писал романы, повести, комедии.

Панаев Иван Иванович (1812—1862) родился в богатой и родовитой дворянской семье, учился в Благородном пансионе при Петербургском университете. Автор многочисленных повестей, рассказов и очерков, Панаев был одним из зачинателей и видных представителей натуральной школы. Большую популярность завоевали и его пародии, публиковавшиеся под псевдонимом «Новый поэт». В 1855 г. вышло отдельным изданием «Собрание стихотворений Нового поэта» — итог творческой деятельности Панаева-пародиста.

Пермский Михаил (?—1770) учился в Александровской семинарии, позднее в Московском университете. Был дьячком посольской церкви в Лондоне, после возвращения в 1750 г. в Россию — преподавателем английского языка в Морском кадетском корпусе. Сотрудничал в журналах 1760-х гг., где печатал, главным образом, свои переводы.

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) родился в семье священника, окончил Петербургский педагогический институт. В первой половине 1820-х гг. был известен как поэт школы Жуковского. Плетнев писал элегии, послания, баллады. В некоторых его стихах прозвучали и гражданские мотивы. В 1820-х гг. Плетнев вступает на поприще литературно-критической и издательской деятельности. С 1832 г. он профессор русской словесности Петербургского университета, в 1840—1861 гг.— ректор Петербургского университета, с 1841 г. — академик. Плетнев был причастен к изданию произведений Пушкина, который посвятил ему роман «Евгений Онегин». Один из ближайших помощников Пушкина в издании «Современника», Плетнев возглавил этот журнал после смерти поэта, печатал в нем произведения Пушкина и писателей его круга.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) родился в дворянской семье, учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, затем в Петербургском университете. Был членом революционного кружка М. В. Петрашевского и в 1849 г. вместе с другими петрашевцами приговорен к смертной казни, замененной солдатчиной и ссылкой, отнявшими у него десять лет. В элегической лирике Плещеева звучали гражданские мотивы и настроения, со временем она становится более пессимистической. С 1872 г., когда Плещеев получил возможность поселиться в Петербурге, он стал секретарем некрасовских «Отечественных записок», с 1877 г. заведовал стихотворным отделом этого журнала, а после его закрытия перешел в «Северный вестник». Плещеев — автор ряда пьес и большого количества литературно-критических статей и фельетонов, пропагандировавших демократическую эстетику. Плещеев-переводчик сделал достоянием русского читателя многие произведения Гёте, Гюго, Гейне, Байрона, Шевченко и других западноевропейских и славянских авторов.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) родился в купеческой семье. Полевой был издателем журнала «Московский телеграф», смелым критиком, одним из наиболее видных пропагандистов романтизма в России; писал он также романы и повести. Пародийные и сатирические стихи Полевого были продолжением его критической деятельности, направленной против дворянской литературы.

Полежаев Александр Иванович (1804 или 1805—1838) был внебрачным сыном помещика Л. Н. Струйского и его крепостной. Учился в пансионе, а затем вольнослушателем на словесном отделении Московского университета. За создание вольнолюбивой поэмы «Сашка» был по распоряжению царя отправлен на военную службу. Издевательства и телесные наказания, которым подвергался поэт, ускорили его кончину. Стихи Полежаева запечатлели безрадостные настроения, вызванные в душе поэта тяготами солдатчины.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) родился в дворянской семье, учился на юридическом факультете Московского университета. В 60-х гг. поддерживал связи с революционно-демократическим лагерем, его стихам не были чужды гражданские мотивы. Позднее в поэзии Полонского все большее место занимают религиозно-мистические, скорбные настроения. Полонский писал романы, повести, рассказы, статьи, а также пьесы в стихах и прозе.

Попов Михаил Иванович (1742—1790) происходил из купеческой семьи, был актером Придворного театра в Петербурге, учился в Московском университете, сотрудничал в журналах «Трутень» и «И то, и сё». Он писал элегии, притчи, эпиграммы, но главным жанром его поэзии была песня. Попов — автор первой русской комической оперы «Анюта» (1772), авантюрного романа «Славянские древности» (ч. 1—3, 1770—1771).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) отдал обильную дань элегическому жанру, особенно в ранний период своего творчества, в котором выделяется цикл из пятнадцати элегий. Семнадцать стихотворений составили раздел элегий в сборнике «Стихотворения Александра Пушкина» (М., 1826): «Пробуждение», «Мечтателю», «Увы, зачем она блистает...», «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...», «Друзьям» («Богами вам еще даны...»), «Выздоровление», «Война», «Я пережил мои желанья...», «Умолкну скоро я... Но если в день печали...», «Гроб юноши», «Простишь ли мне ревнивые мечты...», «Ты вянешь и молчишь: печаль тебя снедает...», «Погасло дневное светило...», «Сожженное письмо», «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...», «Желание славы», «Андрей Шенье». Десятки своих лирических шедевров конца 1810-х и начала 1820-х гг. поэт тесно связывал с традицией отечественной элегии. В конце 1820-х гг. и в 1830-е гг. у Пушкина исчезает потребность давать своим стихам жанровые обозначения, за исключением элегии «Безумных лет угасшее веселье...».

Пушкин Василий Львович (1770—1830) — дядя Александра Сергеевича Пушкина, родился в семье богатого помещика, получил домашнее образование, служил в Измайловском полку в Петербурге, а после выхода в отставку в 1799 г. поселился в Москве. Он поддерживал дружеские связи с В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым и активно участвовал в борьбе карамзинистов с шишковистами. Остроумные стихи В. Л. Пушкина завоевали значительную популярность. Особенным успехом пользовалась сатирическая поэма «Опасный сосед» (1811), которая не была опубликована при жизни автора, но распространялась в многочисленных списках.

Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872) родился в дворянской семье, учился в Московском университетском благородном пансионе, а затем во Втором кадетском корпусе в Петербурге. Раевский участвовал в Отечественной войне 1812 г. После Бородинского сражения был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Член «Союза благоденствия», руководитель его кишиневской группы, Раевский вел целенаправленную революционную пропаганду. Свободолюбием, ненавистью к деспотизму пронизаны элегии Раевского, а также другие стихи, написанные во второй половине 1810-х и начале 1820-х гг. Сосланный в Бессарабию Пушкин часто встречался с Раевским. В 1822 г. Раевский был арестован (отсюда его прозвище «первый декабрист»). После нескольких лет заключения его сослали в Сибирь. Он прожил более сорока лет в селе Олонки Иркутской губ.

Ржевский Алексей Андреевич (1737—1804) происходил из старинного дворянского рода. Участвовал в дворцовом перевороте, возведшем на престол Екатерину II. Позднее был на гражданской службе, занимал последовательно ряд видных постов (вице-директор Академии наук, президент Медицинской коллегии, сенатор, член Российской Академии). Ржевский писал басни, оды, эпиграммы, но преобладающим жанром его поэзии была элегия. В свое время ставились трагедии Ржевского «Прелеста» (1765) и «Подложный Смердий» (1769).

Ростопчина (урожд. Сушкова) Евдокия Петровна (1812—1858) происходила из дворянской семьи. В молодости она выражала пылкое сочувствие декабристам и веру в торжество их идеалов (стихотворения «Мечта», 1830 и «К страдальцам-изгнанникам», 1831). В 1830-х гг. написала ряд элегий, подкупающих искренностью и силой выраженных в них чувств. Балладой «Насильный брак» (1846), аллегорически изображавшей закабаление Польши царизмом, Ростопчина навлекла на себя гнев Николая I. После 1848 г. перешла на консервативные позиции. Ростопчина — автор ряда повестей и романов.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) родился в семье армейского офицера, учился в Первом кадетском корпусе в Петербурге. В 1814 г. в составе артиллерийской бригады Рылеев принимал участие в заграничных походах русской армии против наполеоновской Франции. В 1818 г. он вышел в отставку и переехал в Петербург. Стихи, написанные Рылеевым в первой половине 1820-х гг., характеризуют его как поборника и певца гражданского мужества. Большой успех у современников имел цикл ст-ний на исторические темы — «Думы» (1825). Тогда же появилась и единственная завершенная Рылеевым поэма «Войнаровский». Вступив в 1823 г. в Северное общество, Рылеев вскоре стал одним из его руководителей. Один из вождей восстания 14 декабря, Рылеев был приговорен к смертной казни и повешен.

Санковский Василий Демьянович (ок. 1741— нач. XIX в.) учился в Киевской духовной академии, затем переехал в Москву. Большое значение имело его сближение с М. М. Херасковым (см.). В 1763 г. окончил Московский университет. В 1763 г. Санковский издавал журнал «Доброе намерение»; он писал элегии, стансы, сатиры, эпи-

граммы, мадригалы и другие ст-ния. Перевел «Энеиду» Вергилия (1772 и 1775) и «Элегии» Овидия (1769).

Саша Черный — см. Черный Саша.

Северянин Игорь (псевд.; наст. имя и фам.— Игорь Васильевич Лотарев, 1887—1941) родился в семье офицера, учился в Череповецком реальном училище. Возглавлял течение эгофутуристов. Северянин смело обновлял поэтическую лексику, модернизировал старые и вводил новые стиховые формы. Поэзия Северянина, нередко грешившая манерностью и вычурностью, пользовалась недолгим, но шумным успехом.

Сниткин Алексей Павлович (1829—1860) учился на факультете восточных языков Петербургского университета. О его жизни до середины 1850-х гг. ничего не известно. В 1859—1860 гг. печатал в «Искре» пародийные и сатирические ст-ния, сотрудничал и в других петербургских изданиях.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) был сыном известного историка С. М. Соловьева, окончил историко-филологический факультет Московского университета. В историю русской культуры Соловьев вошел главным образом как философ и эстетик. Он оставил также интересное стихотворное наследие. Соловьев-поэт был одним из предшественников русского символизма.

Соловьева Поликсена Сергеевна (1867—1924) была дочерью известного историка С. М. Соловьева и сестрой В. С. Соловьева (см.). Она училась в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Большинство ст-ний П. С. Соловьевой, появлявшихся в печати под необычным псевдонимом — Allegro, — элегические медитации с преобладающими в них мотивами скорби и одиночества. Пейзажная лирика Соловьевой испытала заметное влияние Фета.

Сологуб (наст. фам.— Тетерников) Федор Кузьмич (1863—1927) родился в бедной семье (отец и мать происходили из крестьян). Образование получил в Учительском институте. Как поэт сформировался в глухую пору политической реакции 1880-х гг., и многие его стихи пронизаны мотивами тоски, меланхолии, мучительных раздумий. В годы первой русской революции сотрудничал в антиправительственных изданиях, зло высмеивал царя и его окружение. В дальнейшем Сологуб играл видную роль в кругу так называемых старших символистов. Выдающийся мастер стиха, он был также автором ряда интересных драм и романов, наиболее известный из которых — «Мелкий бес» (1907).

Станкевич Николай Владимирович (1813—1840) родился и провел детские годы в помещичьей усадьбе Воронежской губ. В 1830—1834 гг. он учился в Московском университете, где вокруг ярко одаренного юноши сложился литературно-философский кружок, сыгравший видную роль в идейной жизни России 1830-х гг. Среди его участников были В. И. Красов (см.), И. П. Клюшников (см.), В. Г. Белинский, К. С. Аксаков. В 1837 г. обострившийся туберкулез вынудил Станкевича выехать для лечения за границу, где он и

скончался. Широта кругозора Станкевича, самоотверженность его интеллектуальных исканий, высокая моральная чистота, пленявшие современников, запечатлены в его письмах — важном источнике для изучения духовной жизни 1830-х гг.

Сумароков Александр Петрович (1717—1777) происходил из старинного дворянского рода, учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, из которого был выпущен в 1740 г. В 1756 г. в чине бригадира Сумароков был назначен директором только что созданного Российского театра. В последующие пять лет многообразные заботы, связанные с деятельностью театра, стали главным делом его жизни. В 1761 г. он был вынужден уйти в отставку и с этих пор целиком посвятил себя литературной деятельности. Вельможи и придворные дельцы ненавидели Сумарокова и досаждали ему всеми средствами. Недруги писателя использовали сложности его семейной жизни, чтобы затравить и разорить его. Последние годы он провел в нищете. Наибольшую славу принесли Сумарокову его трагедии. Он написал несколько комедий, а также множество ст-ний разных жанров. Значительное место в поэтическом наследии Сумарокова занимали элегии. Сумароков начал публиковать их в 1759 г. в издаваемом им журнале «Трудолюбивая пчела». В сборнике «Разные стихотворения» (1869) элегии были выделены в самостоятельный раздел. Затем поэт существенно переработал некоторые ранее написанные элегии, дополнил их новыми и выпустил этот цикл из 12-ти ст-ний отдельным изданием под заглавием «Элегии любовные» (1774).

Тепляков Виктор Григорьевич (1804—1842) родился в дворянской семье, учился в Москве в Университетском благородном пансионе, где начал писать стихи. Был на военной службе, в 1825 г. вышел в отставку. Связи с декабристами привели к заключению его в Петропавловскую крепость и последующему переводу на жительство в Херсон под надзор полиции. С 1829 г. Тепляков получил возможность заняться археологическими исследованиями. Он много путешествовал по Кавказу и Балканскому полуострову, затем побывал в странах Ближнего Востока и Зап. Европы, написал книгу путевых очерков «Письма о Болгарии» (1833). В 1832 и 1836 гг. вышли два тома ст-ний Теплякова. Центральное место во втором томе принадлежало циклу «Фракийские элегии», привлекшему к себе сочувственное внимание Пушкина.

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1768) родился в Астрахани в семье священника. Он учился в школе католических монахов-капуцинов, позднее в Славяно-греко-латинской академии (1723—1726) и в парижской Сорбонне (1727—1730). Один из важнейших трудов Тредиаковского — «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735), где он изложил основы силлаботонического стихосложения, охарактеризовал систему поэтических жанров и дал первые в русской поэзии образцы элегии, сонета, мадригала, рондо и др. Реформа стихосложения, предложенная Тредиаковским, была завершена М. В. Ломоносовым. В обширном и многообразном наследии Тредиаковского значительное место занимают переводы. В их числе — «Езда в остров Любви» П. Тальмана, многотомная «Древняя история» Роллена, «Аргенида» Д. Барклая, «Поэтическое искусство» Буало и др.

Туманский Василий Иванович (1800—1860) происходил из украинской дворянской семьи. Учился в харьковской гимназии, в Петропавловском училище в Петербурге, а затем в парижском коллеже. Он поддерживал дружеские связи с многими петербургскими писателями, в том числе с будущими декабристами. В 1823 г. Туманский переехал в Одессу. Основная часть его поэтического творчества приходится на 1820-е гг.

Тургенев Андрей Иванович (1781—1803) — сын И. П. Тургенева, директора Московского университета. Окончив университет, он с 1801 г. возглавлял литературный кружок — «Дружеское литературное общество». В своих речах «О любви к отечеству», «О русской литературе» выступил как поборник гражданственности в литературе. Переехав в Петербург, начал дипломатическую деятельность, которая вскоре была прервана безвременной смертью. Поэтическое наследие Тургенева очень невелико: до нас дошло чуть более двух десятков его ст-ний, но одному из них — элегии «Угрюмой Осени мертвящая рука...» принадлежит заметное место в истории русской элегической лирики.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) писал стихи в начале 1840-х гг. Это были произведения разных жанров, в том числе поэмы «Параша», «Разговор», «Андрей», вызвавшие сочувственную оценку Белинского. Своеобразной данью поэзии были стихотворения в прозе, написанные Тургеневым в конце его творческого пути.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) принадлежал к старинному дворянскому роду. Окончив словесное отделение Московского университета, он, поступив на службу в Коллегию иностранных дел, на протяжении 17 лет состоял при русских дипломатических миссиях в Мюнхене и Турине. По возвращении в Россию выступает с рядом политических статей. К этому времени взгляды Тютчева приобретают панславистскую окраску. Во время жизни за границей стихи Тютчева время от времени публикуются в журналах и альманахах 1820-х гг., но они остаются незамеченными. Большая подборка стихов поэта была напечатана в 1836 г. в пушкинском «Современнике». Но подлинное признание к Тютчеву-поэту приходит лишь в 1850-е гг. В 1854 г. при ближайшем участии И. С. Тургенева был издан первый сборник его стихов. Тютчев вошел в историю русской поэзии как крупнейший мастер философской лирики. Это во многом определяет и своеобразие его элегий. Некоторые из них входят в так называемый «денисьевский цикл» (стихи, связанные с любовью поэта к Е. А. Денисьевой).

Федоров Александр Митрофанович (1868—1949) родился в семье крестьянина. Он был исключен из реального училища, вел бродячую жизнь, давал частные уроки, выступал на провинциальной сцене. Печататься начал с 1889 г. С 1901 г., после успеха его пьесы «Бурелом» в Александринском театре, полностью посвятил себя литературной деятельности. Федоров — автор романов, рассказов, статей, фельетонов. Элегии Федорова создавались в начале его творческого пути, они по-своему воплотили то состояние безысходности, неверия в будущее, которое ощущали в 1880—1890-х гг. многие представители русской интеллигенции. С 1920 г. Федоров жил в эмиграции, умер в Софии.

Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) был сыном помещика А. Н. Шеншина и Каролины Шарлотты Фет, приехавшей из Германии. Вначале он был записан сыном Шеншина, но, когда ему исполнилось 14 лет, обнаружилась юридическая незаконность этой записи, и он был лишен права носить фамилию своего отца и привилегий, дававшихся потомственным дворянством. Фет воспринял происшедшее как трагедию. Окончив словесное отделение Московского университета, он поступил на военную службу. В 1850-х гг. стихи Фета пользовались большой популярностью, но реакционность его выступлений по политическим вопросам нанесла ущерб его писательской репутации. Он почти перестает печататься, и лишь незадолго до смерти вернувшись к творчеству, выпустил четыре сборника стихов под общим названием «Вечерние огни». В любовной лирике Фета выделяется цикл, посвященный Марии Лазич. Трагическая развязка их отношений определила тональность ряда элегий Фета. Раздел «Элегии и думы», включавший несколько десятков произведений, должен был, по плану Фета, открывать «Основное собрание» его ст-ний.

Фонвизин Павел Иванович (1744—1803) — младший брат Д. И. Фонвизина, вместе с которым учился в Московском университете. Был на военной, позднее на гражданской службе, в конце жизни — сенатор, действительный статский советник. В 1784—1796 гг. — директор Московского университета, автор стихотворных и прозаических произведений, как оригинальных, так и переводных.

Фофанов Константин Михайлович (1862—1911) родился в купеческой семье, обучался в частных пансионах. Первый сборник его ст-ний (1887) был принят холодно, но вскоре популярность Фофанова стала неуклонно расти. Его нередко причисляли к декадентам и сторонникам «чистого» искусства. Но поэзия Фофанова не укладывается в рамки таких определений: его поэзии не были чужды социальные темы, мотивы гражданской скорби. Последние годы Фофанова были омрачены нищетой и психическим недугом.

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) родился в знатной семье валашских бояр. Окончил Сухопутный шляхетский корпус в Петербурге, затем был на военной и гражданской службе. Издавал журналы «Полезное увеселение» и «Свободные часы». На протяжении почти сорока лет был директором или куратором Московского университета. Херасков вошел в литературу как один из крупнейших представителей русского классицизма. Он написал несколько обширных поэм, из которых наибольшей известностью пользовалась «Россияда» (1779), ряд трагедий, политико-аллегорические романы, а также лирические ст-ния разных жанров. Элегии Херасков писал в молодости. Они были недооценены современниками и не попали в 12-томное собрание «Творений» Хераскова, выходившее в 1796—1803 гг.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) родился в дворянской семье, получил блестящее домашнее образование и в 1821 г. сдал при Московском университете экзамен на степень кандидата математических наук. Был на военной службе, участвовал в русско-турецкой войне (1828—1829). Поэтическая деятельность Хомякова приходится главным образом на 1820—1830-е гг. Один из первых и наиболее страстных приверженцев и пропагандистов славянофильских идей,

он воплотил их во многих своих ст-ниях. Поэзии Хомякова присущ ораторский пафос, философичность, декламационная патетика. Он написал трагедии «Ермак» (1827) и «Дмитрий Самозванец» (1833), большое количество богословских, философских и исторических работ.

Цертелев Николай Андреевич (1790—1869) происходил из княжеского рода. Учился в Московском университете. В историю вошел главным образом как издатель русских и украинских народных песен, фольклорист и стиховед. Выступал как поэт и критик. Занимая консервативные литературные и общественные позиции, вел борьбу с Жуковским и поэтами пушкинского круга.

Червинский Федор Алексеевич (1864—1918) происходил из родовитой дворянской семьи, окончил юридический факультет Петербургского университета и занимался адвокатской практикой. Как поэт Червинский испытал заметное влияние Надсона (см.). Выступал также как прозаик и переводчик.

Черный Саша (псевд.; наст. имя и фам.— Александр Михайлович Гликберг, 1880—1932) родился в семье провизора. Саша Черный — один из самых крупных и оригинальных поэтов-сатириков начала XX в. Он был деятельным участником журнала «Сатирикон» и других сатирических изданий. Последние годы жизни провел в эмиграции.

Чюмина Ольга Николаевна (1858—1909) родилась в дворянской семье. Ее отец был офицером, служившим в Финляндии, где прошли детские годы будущей поэтессы. Интимная лирика Чюминой ограничена кругом более или менее традиционных тем и мотивов. Она писала и сатирические стихи, а также романы и пьесы.

Шумахер Петр Васильевич (1817—1891) родился в семье чиновника, учился в Петербургском коммерческом училище, был на государственной службе. Под влиянием общественного подъема конца 1850-х гг. сблизился с революционными демократами, обратился к социально-политической сатире и стал сотрудником «Искры». В 1870—1880-х гг. политическая острота стихов Шумахера слабеет, в них все более дают себя знать колебания поэта между демократизмом и либерализмом.

Щербина Николай Федорович (1821—1869) происходил из обедневшей дворянской семьи, получил образование в Харьковском университете, затем занимался педагогической деятельностью. Стихи Щербины, написанные в «антологическом» роде, воспевавшие чувственные радости и красоту, имели значительный успех у современников. В них звучали и гражданские мотивы, однако оппозиционность Щербины оказалась неглубокой и в последние годы его творчества сошла на нет. Один из разделов сборника ст-ний, выпущенного Щербиной в 1857 г., назывался «Ямбы и элегии».

Эмин Федор Александрович (1735—1770) родился в Константинополе, образование получил в Италии, в Россию переехал в 1761 г. В литературу вошел преимущественно как романист. Стихи занимают небольшое место в его литературном наследии.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) родился в дворянской семье, учился в Горном кадетском корпусе и Институте инженеров путей сообщения в Петербурге, а позднее на философском факультете Дерптского университета. Стихи, написанные Языковым в Дерпте, отразили вольнолюбие и оппозиционные настроения передовой дворянской молодежи. Переехав в 1829 г. из Дерпта в Москву, Языков сблизился с кругом будущих славянофилов и проникся покаянно-религиозными настроениями. Тяжелая болезнь, вынуждавшая поэта подолгу лечиться за границей, тоска по родине усиливали пессимистические настроения, характерные для элегий, написанных им в конце 1830-х и в начале 1840-х гг. Языков (иногда без видимых оснований) называл элегиями стихи самой разнообразной поэтической структуры: и политические инвективы, и творческие декларации, и лирические миниатюры, и пейзажную лирику.

Якубович Петр Филиппович (1860—1911) родился в небогатой дворянской семье. В 1882 г. окончил филологический факультет Петербургского университета, вступил в тайную организацию «Народная воля» и стал профессиональным революционером. Был арестован и приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторги, которую отбывал в Сибири (Каре и Акатуе). Пережитое в те годы Якубович запечатлел в книге очерков «В мире отверженных» (1895—1898). В 1895 г. Якубовича перевели на поселение в Курган, откуда он в 1903 г. вернулся в Петербург. В годы первой русской революции вновь подвергся аресту и тюремному заключению. В последние годы жизни заведовал отделом поэзии народнического журнала «Русское богатство». В поэтическом наследии Якубовича значительное место занимают стихи, воплотившие мучительные раздумья о перспективах революционного движения, горестные мысли об ошибках прошлого, о самоотверженной борьбе, не давшей желаемых результатов.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *С. 65.* Титульный лист книги А. П. Сумарокова «Елегии любовные». Спб., 1777.

2—4. *С. 229, 231 и 242.* Иллюстрации Н. В. Ильина к изд.: А. С. Пушкин. Лирика. М., 1949:
Пушкин и гр. Н. Л. Соллогуб.
«Прощай свободная стихия...»
Пушкин и П. А. Вяземский.

5. *С. 244.* Автограф элегии Пушкина «Безумных лет угасшее веселье...». ПД.

6. *С. 291.* Автограф элегии «Притворной нежности не требуй от меня...» Е. А. Баратынского.

7. *С. 313.* Автограф элегии «Исполнились мои желанья...» К. Ф. Рылеева.

8. *С. 370.* Автограф элегии М. Ю. Лермонтова «О! если б дни мои текли...».

9. *С. 427.* Титульный лист сборника стихов М. А. Дмитриева «Московские элегии». М., 1858.

Между с. 352 и 353.

I. Офорт с рис. В. А. Жуковского (из альбома: «Шесть видов Павловска, срисованных с натуры В. Ж., оконченных и выгравированных Кларою». Спб., 1824). На рисунке изображены руины в Павловском парке (колоннада Аполлона).

II. *На обороте:* Литография с рис. В. А. Жуковского («Современник». 1839, т. 16). Сельское кладбище близ Виндзора (Англия); описано в элегии Т. Грея «Сельское кладбище», переведенной Жуковским.

III. Обложка книги К. Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе». М., 1834. Ч. 1.

IV. *На обороте.* Неизвестный художник. Романтический пейзаж. Парус в море. Ночь. Альбом А. Ф. Онегина. Музей Института русской литературы АН СССР.

V. Рис. Фаворского. Осень. «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум...». Музей Института русской литературы АН СССР.

VI. *На обороте:* Г. Н. Веселов. «Выхожу один я на дорогу...» Акварель, белила. Музей Института русской литературы АН СССР.

VII. Л. О. Пастернак. Дума (портрет Лермонтова). Сепия. 1891. Гос. музей-заповедник М. Ю. Лермонтова в Пятигорске.

VIII. *На обороте.* Неизвестный художник. Романтический пейзаж. Берег озера с кипарисами. Альбом А. Ф. Онегина. Музей Института русской литературы АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Два века русской элегии. *Вступительная статья Л. Г. Фризмана* 5

ЭЛЕГИИ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

В. К. Тредиаковский

1. Элегия I («Невозможно сердцу, ах! не иметь печали...») 51
2. Элегия II («Кто толь бедному подаст помощи мне руку?..») . . . 53

А. П. Сумароков

3. «Лишась, дражайшая, мне взора твоего...» 56
4. «Чего ты мне еще, зло время, не наслало...» 58
5. «Терпи, моя душа, терпи различны муки...» 59
6. «Я чаял, что свои я узы разрешил...» 60
7. «В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи...» 61
8. К г. Дмитревскому. На смерть Ф. Г. Волкова 61
9. «Страдай, прискорбный дух! Терзайся, грудь моя!..» 62
10. «Отчаянье мой дух как фурия терзает...» 63
11. «Все меры превзошла теперь моя досада...» 64
12. Ко С. Ф. Ушакову, губернатору Санктпетербургскому 66
13. К г. Дмитревскому. На смерть Т. М. Троепольской 67
14—25. Элегии любовные
    I. «Престаньте вы, глаза, дражайшею прельщаться...» 68
    II. «Другим печальный стих рождает стихотворство...» 69
    III. «Судьба, за что ты мне даешь такую часть!..» 70
    IV. «Надолго разлучен с тобою, дорогая...» 71
    V. «Уже меня ничто на свете не прельщает...» 71
    VI. «Не вижу я тебя и разлучен судьбою...» 72
    VII. «Уже ушли от нас играния и смехи...» 73
    VIII. «На все противности отверзлось сердце днесь...» . . . 73
    IX. «Неверная! меня ты вечно погубила...» 73
    X. «Престанешь ли моей докукой услаждаться?..» 74
    XI. «Ты только для того любовь уничтожаешь...» 75
    XII. «Веселие мое уходит от меня...» 76

А. А. Аблесимов

26. Элегия («Сокрылися мои дражайшие утехи...») 76

А. А. Нартов

27. Элегия («Как только лишь тебя глаза мои узрели...») 77

Е. А. Княжнина

28. Элегия («О ты, которая всегда меня любила...») 78

С. В. Нарышкин

29. Элегия («Лишенный вольности, терзаемый тоскою...») 79

И. А. Дмитревский

30. Элегия («Предвестия для нас плачевные свершились...») . . . 81

А. А. Ржевский

31. Элегия («Свершилося теперь сердечно предсказанье...») . . . 83
32. Элегия («При сих морских брегах жизнь в скуке провождая...») 84
33. Элегия («Ничто моей тоски не может утолить...») 87
34—36. Элегии
I. «Доколе мучиться, горя в любви, стеня?..» 89
II. «Что делать мне теперь? Весь ум смутился мой...» . . . 90
III. «Какие беды мне рок лютый посылает?..» 92
37. Элегия («От той, которая души миляе...») 93
38—39. Элегии
I. «Престрогою судьбою...» 94
II. «Иль я столь ненавидим, драгая, тобой...» 96
40. Элегия («Не знаю, отчего весь дух мой унывает...») 96

М. М. Хераскоѵ

41. «Начто тебя, начто, Кларида, я узнал?..» 97
42. Элегия («За что любезная, за что меня винит?..») 99
43. Элегия («Еще мой жар к тебе, драгая, не потух...») 100

В. Д. Санковский

44. Элегия («Пройди моя тоска, с текущею минутой...») 101
45. Элегия («К чему ты привела меня, судьбина гневна...») 103
46. Элегия. На смерть Кларисы 104

П. И. Фонвизин

47. Элегия («Что делать я хочу? И что предпринимаю?..») 105
48. «Чтобы избавиться жестокого мученья...» 107

Ф. Я. Козельский

49. Элегия I («Свершилось то со мной, о, лютых бед начало!..») 108
50. Элегия XVI («Когда тех сладких дум приходит воображенье...») 110
51. Элегия XVII («Несклонности твоей я гордость часто зрю...») 111
52. Элегия XXI («Рассудок помрачив во мне, слепая страсть...») 113

М. И. Попов

53—55. Элегии
I. «Едва тебя, мой свет, успела полюбить...» 114
II. «Прешли ласкания, напасть моя открылась...» 114
III. «Увы! едва я мысль на бедство простираю...» 116

Н. М. Карамзин

56. Осень 118
57. Меланхолия. *Подражание Делилю* 119

И. И. Дмитриев

58. Элегия («Коль надежду истребила...») 120
59. Элегия. *Подражание Тибуллу* («Пускай кто многими землями обладает...») 121
60. Элегия («Возьмите, боги, жизнь, котору вы мне дали!..») . . . 123

Г. П. Каменев

61. «Вечер любезный! Вечер багряный...» 124
62. «Бури свирепством роза погибла!..» 124

А. Х. Востоков

63. Поленька 126

А. И. Тургенев

64. Элегия («Угрюмой Осени мертвящая рука...») 127

В. А. Жуковский

65. Сельское кладбище ⟨*Первая редакция перевода из Т. Грея*⟩ 130
66. Вечер 134
67. На смерть фельдмаршала графа Каменского 136
68. Славянка 137
69. На кончину ее величества королевы Виртембергской 142
70. Море 148
71. Сельское кладбище. *Элегия.* ⟨*Вторая редакция перевода*⟩ . . . 149

К. Н. Батюшков

72. Элегия ⟨*Из Э. Парни*⟩ («Как счастье медленно приходит...») 153
73. Выздоровление 154
74. Воспоминание 154
75. Источник ⟨*Из Э. Парни*⟩ 155
76. Вечер. *Подражание Петрарке* 156
77. К Дашкову 158
78. Тень друга 159
79. На развалинах замка в Швеции 161
80. Мой гений 164
81. Разлука 164
82. К другу 165
83. Таврида 167
84. Последняя весна ⟨*Из Ш. Мильвуа*⟩ 168
85. Переход через Рейн 169
86. Умирающий Тасс 173
87. Мечта 177

Н. И. Гнедич

88. Скоротечность юности 182
89. Задумчивость 184
90. Осень 186
91. Терентинская дева (Из Андр⟨ея⟩ Шенье) 187

В. Ф. Раевский

92. К сельскому убежищу 188
93. Элегия I («Раздался звон глухой... Я слышу скорбный глас...») 190
94. Элегия II («Шумит осенний ветр, долины опустели...») 191

М. В. Милонов

95. К другу. О наслаждении в жизни 193
96. Уныние 195
97. Падение листьев ⟨*Из Ш. Мильвуа*⟩ 198
98. На кончину Державина 199

Д. В. Давыдов

99. ⟨Элегия II⟩ ⟨*Из А. де Бертена*⟩ («Пусть бога-мстителя могучая рука...») 201
100. ⟨Элегия IV⟩ («В ужасах войны кровавой...») 202
101. ⟨Элегия VII⟩ («Нет! полно пробегать с улыбкою любви...») 203
102. Бородинское поле 204

Н. Ф. Остолопов

103. К Танире 205

А. С. Пушкин

104—118. Элегии
I. «Опять я ваш, о юные друзья!..» 206
II. Осеннее утро 207
III. К Морфею 208
IV. «Любовь одна — веселье жизни хладной...» 208
V. Месяц 210
VI. «Счастлив, кто в страсти сам себе...» 210
VII. Разлука 211
VIII. Друзьям 212
IX. Слово милой 212
X. «Я думал, что любовь погасла навсегда...» 212
XI. «Я видел смерть; она в молчанье села...» 213
XII. Пробуждение 214
XIII. Желание 215
XIV. Окно 216
XV. Наездники 216
119. К *** («Не спрашивай, зачем унылой думой...») 218
120. Выздоровление 218
121. Мечтателю 219
122. «Погасло дневное светило...» 220
123. «Редеет облаков летучая гряда...» 221
124. «Я пережил свои желанья...» 221
125. Война 222
126. «Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...» 223
127. «Мой друг, забыты мной следы минувших лет...» 223
128. Гроб юноши 224
129. «Люблю ваш сумрак неизвестный...» 225
130. В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг,— напрасно я презрел...») 226
131. «Надеждой сладостной младенчески дыша...» 227
132. «Простишь ли мне ревнивые мечты...» 228
133. К морю 230
134. «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» 233
135. ⟨*Из А. Шенье*⟩ («Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...») 233
136. Желание славы 234
137. Андрей Шенье 235
138. «Под небом голубым страны своей родной...» 240
139. Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...») 241
140. «Дар напрасный, дар случайный...» 241
141. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» 243
142. Элегия («Безумных лет угасшее веселье...») 244
143. «Для берегов отчизны дальной...» 245
144. Заклинание 246
145. «Когда за городом, задумчив, я брожу...» 247

В. К. Кюхельбекер

146. Элегия («Цвет моей жизни, не вянь! О время сладостной скорби...») 247
147. Мечта 248
148. Закуп 249
149. Элегия («Склонился на руку тяжелой головою...») 250

В. Л. Пушкин

150. Листочек ⟨*Из А. Арно*⟩ 251

В. И. Туманский

151. Поле Бородинского сражения. *Подражание Тидге* 252
152. Элегия («Любовь есть жизни сладострастье...») 256
153. Падение листьев *⟨Из Ш. Мильвуа⟩* 256
154. Элегия («Недолго радость окрыляет...») 258
155. Элегия («Не озабочен жизнью я!..») 258
156. Элегия («Не ведает мудрец надменный...») 259

П. А. Вяземский

157. Первый снег (*В 1817-м году*) 259
158. Уныние 262
159. Тоска 264
160. «Смерть жатву жизни косит, косит...» 265
161. Сумерки 266
162. Осень 267
163. Кладбище 268

П. А. Плетнев

164. Гробница Державина 270
165. Разуверение 272
166. Воспоминание 273
167. Ночь 273

Е. А. Баратынский

168. «Тебе на память в книге сей...» 274
169. «Он близок, близок день свиданья...» 274
170. «Расстались мы; на миг очарованьем...» 275
171. «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам...» 275
172. Весна 276
173. Финляндия 277
174. Элизийские поля 278
175. «Пора покинуть, милый друг...» 280
176. «Рассеивает грусть пиров веселый шум...» 281
177. «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» 281
178. Элегия («Нет, не бывать тому, что было прежде!..») 283
179. Разуверение 283
180. «Ты был ли, гордый Рим, земли самовластитель...» 284
181. «Прощай, отчизна непогоды...» 284
182. «Зачем, о Делия! сердца младые ты...» 285
183. Падение листьев *⟨Из Ш. Мильвуа⟩* 286
184. «Дало две доли провиденье...» 287
185. «О счастии с младенчества тоскуя...» 288
186. «Притворной нежности не требуй от меня...» 290
187. «Решительно печальных строк моих...» 292
188. Череп 293
189. «Завыла буря; хлябь морская...» 294
190. «Поверь, мой милый! твой поэт...» 295
191. *Из А. Шенье* («Под бурею судеб, унылый, часто я...») 296
192. На смерть Гёте 296
193. «Когда исчезнет омраченье...» 297
194. Осень 298
195. «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» 303
196. На посев леса 304

Ф. Н. Глинка

197 Прощание с жизнию *(Из Жильбера)* 304

А. А. Дельвиг

198. Элегия («Когда, душа, просилась ты...») 305
199. Разочарование 306

Д. П. Ознобишин

200. Елеоноре *(Из Парни)* 306
201. Дума 307

П. А. Габбе

202. Бейрон в темнице 308

К. Ф. Рылеев

203. Воспоминания 311
204—205. Элегии
I. «Исполнились мои желанья...» 312
II. «Покинь меня, мой юный друг...» 312
206. К N. N. («Ты посетить, мой друг, желала...») 314

П. А. Межаков

207. Пустыня *(Из А. Ламартина)* 315
208. Осень *(Из Ламартина)* 316

Н. М. Языков

209. Элегия («Скажи, воротишься ли ты...») 317
210. Еще элегия 318
211. Элегия («Свободы гордой вдохновенье!..») 319
212. Элегия («Еще молчит гроза народа...») 319
213. Элегия («Любовь, любовь! Веселым днем...») 320
214. Элегия («Зачем божественной хариты...») 320
215. Элегия («Поэту радости и хмеля...») 321
216. Элегия («Она меня очаровала...») 321
217—219. Элегии
I. «Свободен я: уже не трачу...» 322
II. «Я знал живое заблужденье...» 322
III. «Моя Камена ей певала...» 323
220. Элегия («Счастлив, кто с юношеских дней...») 323
221. Прощание с элегиями 323
222. Элегия («Меня любовь преобразила...») 324
223. Элегия («Вы не сбылись, надежды милой...») 324
224. Элегия («Тот не поэт, в ком не пробудит...») 324
225. Элегия («Здесь горы с двух сторон стоят, как две стены...») 325
226. Элегия («День ненастный, темный; тучи...») 326
227. Элегия («На горы и леса легла ночная тень...») 327
228. Элегия («Опять угрюмая, осенняя погода...») 327
229. Элегия («В тени громад снеговершинных...») 328
230. Элегия («И тесно, и душно мне в области гор...») 328
231. Элегия («Есть много всяких мук — и много я их знаю...») 329

Д. В. Веневитинов

232. Элегия («Волшебница! как сладко пела ты...») 329
233. Поэт и друг 330

А. И. Полежаев

234. Злобный гений *(Из А. Ламартина)* 333
235. Вечерняя заря 334
236. Море 336
237. Грусть 337

Д. П. Глебов

238. Монастырь 338
239. Осень 340
240. Память любви 341

И. И. Козлов

241. Прости! *Элегия Лорда Байрона* 342
242. Вечерний звон 344
243. Элегия. *Вольное подражание Св. Григорию Назианзину* («Вчера в лесу я, грустью увлечен...») 345
244. Невеста. *Вольное подражание Андрею Шенье* 346
245. Элегия ⟨*Из А. Шенье*⟩ («О ты, звезда любви, еще на небесах...») 347
246. Элегия («Зачем весенний ветерок...») 347

А. С. Хомяков

247. Элегия на смерть В. К⟨иреевского⟩ 349
248. Элегия («Когда вечерняя спускается роса...») 349

И. П. Бороздна

249. Умирающий христианин ⟨*Из А. Ламартина*⟩ 350
250. Любовь ⟨*Из Э. Парни*⟩ 351
251. Умирающий Вергилий ⟨*Из Ш. Мильвуа*⟩ 351

П. А. Катенин

252. Элегия («Фив и Музы! нет вам жестокостью равных...») 353

Н. А. Маркевич

253. Родина 358
254. Исправление ⟨*Из Э. Парни*⟩ 359

Ф. И. Тютчев

255. Одиночество ⟨*Из А. Ламартина*⟩ 360
256. Бессонница 362
257. «Сижу задумчив и один...» 362
258. «Есть и в моем страдальческом застое...» 363

А. И. Одоевский

259. Элегия на смерть А. С. Грибоедова 364
260. Элегия («Что вы печальны, дети снов...») 365

М. Ю. Лермонтов

261. Наполеон 368
262. Элегия («О! если б дни мои текли...») 370
263. Опасение 371
264. Разлука 372
265. Одиночество 373
266. Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...») 373
267. Сон («Я видел сон: прохладный гаснул день...») 374
268. «Гляжу на будущность с боязнью...» 375
269. Дума 375
270. Памяти А. И. О⟨доевско⟩го 377
271. «Как часто, пестрою толпою окружен...» 379
272. И скучно и грустно 380

В. Г. Тепляков

273. Первая фракийская элегия. Отплытие 380
274. Одиночество 383

Н. В. Станкевич

275. Элегия («Когда на западе горит...») 384
276. На могиле Эмилии 385

А. В. Кольцов

277. Элегия («В твои объятья, гроб холодный...») 386
278. Лес 388

В. И. Красов

279. Элегия («Не говорите ей: ты любишь безрассудно...») 390
280. Элегия («Я скучен для людей, мне скучно между ними...») 391
281. Элегия («С шумящим потоком, с весенней волной...») 392
282. Элегия («Спокойно всё,— лишь ярко на лазури...») 393
283. Последняя элегия 393

Э. И. Губер

284. Охлаждение 394
285. Бессонница 395
286. Странник 396

Е. П. Ростопчина

287. Осенние листы 397
288. Безнадежность 399
289. В степи 400
290. Не скучно, а грустно 402

Н. В. Кукольник

291. Элегия («Я здесь опять! Я обошел весь сад!..») 403

И. С. Тургенев

292. Вечер. *Дума* 404
293. Осень 405
294. «Когда давно забытое названье...» 405
295. Римская элегия ⟨*Гёте, XII*⟩ 406

И. П. Клюшников

296. Элегия («Опять оно, опять былое!..») 407
297. Элегия («Есть сны ужасные: каким-то наважденьем...») 408
298. Собирателям моих элегий 409

Н. П. Огарев

299. Смутные мгновенья 410
300. Разлад 410
301. Осень 411
302. «Когда тревогою бесплодной...» 411
303. Ночь 412
304. «Еще любви безумно сердце просит...» 412
305. «Бываю часто я смущен внутри души...» 413
306. «Я наконец оставил город шумный...» 414
307. Героическая симфония Бетговена 414

В. Г. Бенедиктов

308. Могила любви 415
309. Тоска 416

А. Н. Майков

310—316. Элегии
I. Исповедь 417
II. «О чем в тиши ночной таинственно мечтаю...» 418
III. «Зачем средь общего волнения и шума...» 418
IV. Жизнь 418
V. Безветрие 419
VI. Мраморный фавн 420
VII. Призвание 422
317. Туллу 423
318. Цинтии 424
319—320. Элегии
I. «Как чудных странников сказанья...» 425
II. «Когда гоним тоской неутолимой...» 426

М. А. Дмитриев

321—323. ⟨Из цикла «Московские элегии»⟩
I. Взятки 426
II. Кремль 428
III. Ополчение 1812 года 429

А. А. Григорьев

324—326. Элегии
I. «В час, когда утомлен бездействием душно-тяжелым...» 430
II. «Будет миг... мы встретимся, это я знаю,— недаром...» 431
III. «Часто мне говоришь ты, склонясь темно-русой головкой...» 431

Ю. В. Жадовская

327. «Ты всюду предо мной: повеет ли весна...» 432
328. «Много лет ладью мою носило...» 432

А. И. Пальм

329. Элегия *(Из Андрея Шенье)* («Звезда вечерняя, люблю твой блеск печальный...») 433

С. Ф. Дуров

330. (Из Виктора Гюго) («Нежданно настает день горький для поэта...») 433
331. «Я, как сокровище, на памяти моей...» 434
332. Листок ⟨*Из А. Арно*⟩ 435
333. «Что в жизни, если мы не любим никого...» 435
334. Из Проперция («Я принужден наконец удалиться надолго в Афины...») 436
335. В. В. Толбину 437
336. «Как весело... идти вослед толпы...» 438

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА

А. А. Фет

337. «О, долго буду я, в молчанье ночи тайной...» 439
338. «Когда мечтательно я предан тишине...» 439

339. «Тебе в молчании я простираю руку...» 440
340. «О нет, не стану звать утраченную радость...» 440
341. Старые письма 441
342. «Жизнь пронеслась без явного следа...» 442
343. «В полуночной тиши бессонницы моей...» 442
344. «Опавший лист дрожит от нашего движенья...» 443

Я. П. Полонский

345. Встреча 444
346. «Уже над ельником из-за вершин колючих...» 444
347. Письмо 445

А. Н. Плещеев

348. Элегия (*На мотив одного французского поэта*) («Да, я люблю тебя, прелестное созданье...») 446
349. Ответ 446
350. Раздумье 447
351. «Есть дни: ни злоба, ни любовь...» 448

Н. Ф. Щербина

352. Признание пророка 448
353. Песня века 450
354. Осенняя элегия 450
355. Смерть весны 451

Н. А. Некрасов

356. «Поражена потерей невозвратной...» 452
357. Памяти Белинского 453
358. «Я сегодня так грустно настроен...» 453
359—361. Последние элегии
I. «Душа мрачна, мечты мои унылы...» 454
II. «Я рано встал, недолги были сборы...» 455
III. «Пышна в разливе гордая река...» 455
362. «Я посетил твое кладбище...» 456
363. На смерть Шевченко 457
364. «Умру я скоро. Жалкое наследство...» 458
365—367. Три элегии
I. «Ах! что изгнанье, заточенье!..» 459
II. «Бьется сердце беспокойное...» 460
III. «Разбиты все привязанности, разум...» 461
368. Элегия. («Пускай нам говорит изменчивая мода...») 461

И. С. Никитин

369. Могила 463
370. Вечер 463
371. «Когда закат прощальными лучами...» 464
372. «Когда один в минуты размышленья...» 464
373. На кладбище 465

Д. Д. Ахшарумов

374. «Судьба жестокая свершилась надо мной...» 466

М. Л. Михайлов

375. «Вечерний ветер встал и по ущельям стонет...» 467
376. «Грусть ко мне в сердце назойливей просится...» 467

С. Я. Надсон

377. «Ты помнишь — ночь вокруг торжественно горела...» 468
378. «Как белым саваном, покрытая снегами...» 469
379. «Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею...» 470
380. На кладбище 471

С. А. Андреевский

381. Раскопки 472

А. А. Голенищев-Кутузов

382. «Так жить нельзя! В разумности притворной...» 472
383. «День кончен, ночь идет,— страшусь я этой ночи!..» 473

Д. С. Мережковский

384. «С тобой, моя печаль, мы старые друзья...» 474
385. «С потухшим факелом мой гений отлетает...» 474
386. Смерть Надсона 474
387. Одиночество 476

К. М. Фофанов

388. Элегия *(Из траурных песен)* 476
389. Меланхолия 477
390. Осеннее 478
391. Элегия («Склонилась жизнь моя к закату...») 478
392. Элегия («Папироса... Еще и еще папироса...») 479

Ф. К. Сологуб

393. «Больные дни мои унылы...» 479
394. «В великом холоде могилы...» 480

А. М. Федоров

395. Элегия («Глухая ночь. Опять с страдальческой тоской...») 481
396. Осенний вечер 481

П. Д. Бутурлин

397. Элегия («Средь мечтаний сокровенных, мимолетным привиденьем...») 482

П. Ф. Якубович

398. Прощание 483
399. На родине 484
400. В плену 485

И. О. Лялечкин

401. «Мне не жаль, что ночь минула скоро...» 486

Ф. А. Червинский

402. Тени минувшего *(На мотив А. Мюссе)* 486

К. Д. Бальмонт

403. «Уходит светлый май. Мой небосклон темнеет...» 487
404. Родная картина 488
405. Фантазия 488
406. Памяти И. С. Тургенева 489
407. Зарница 491

408. Болото 491
409. «Я знаю, что значит — безумно рыдать...» 492
410. Чайка 492
411. «Я расстался с печальной луною...» 492
412. Грусть 493
413. Осень 493

М. А. Лохвицкая

414. «Да, это был лишь сон! Минутное виденье...» 494
415. Элегия («Я умереть хочу весной...») 494
416. В белую ночь 495

О. Н. Чюмина

417. Бессонной ночью 495

П. С. Соловьева

418. «В этих бледных снегах мне не видно пути...» 496

НАЧАЛО XX ВЕКА

А. А. Блок

419. Осенняя элегия 498

И. А. Бунин

420. Элегия («Стояли ночи северного мая...») 499
421. Сумерки 499
422. Могильная плита 500

В. Я. Брюсов

423—435. Элегии
I. Женщинам 500
II. Свидание 501
III. В Дамаск 502
IV. Гиацинт 503
V. Подражание Гейне 504
VI. Прощальный взгляд 505
VII. К близкой 506
VIII. Пытка 506
IX—XI. Эпизод
1. «Не правда ли: мы в сказке...» 507
2. «Зачем твое имя Мария...» 508
3. «Когда твой поезд, с ровным шумом...» 508
XII. Таинство ночей 509
XIII. Одиночество 510

Игорь Северянин

436. Элегия («Я ночь не сплю, и вереницей...») 511
437. Элегия («Я ко всем тебя ревную...») 512
438. Траурная элегия 512
439. Маленькая элегия 513
440. Янтарная элегия 513
441. Элегия («Вы мать ребенка школьнических лет...») 514

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИРОНИЧЕСКИЕ И ПАРОДИЙНЫЕ ЭЛЕГИИ

442. Ф. А. Эмин. Элегия («Пришел желанный час! Прошло уж время злое!..») 517
443. М. Пермский. Элегия («Когда не тронул я, терзаясь...») 518
444. М. И. Попов. Элегия («Увы! тоскую я, увы! тоскую ныне...») 519
445. А. Н. Нахимов. Элегия («Восплачь, канцелярист, повытчик, секретарь...») 520
446. Неизвестный автор. Элегия на потерю рожка 521
447. С. Т. Аксаков. Элегия в новом вкусе 522
448. Неизвестный автор. Элегия («Напрасно изливал я миро пред богами...») 523
449. А. Е. Измайлов. Элегия на отставку гр. Д. А. Г⟨урьева⟩ 525
450. Н. М. Языков. Элегия («О деньги, деньги! для чего...») 526
451. Н. А. Цертелев. Кладбище 526
452. Н. А. Полевой. Книжная лавка 527
453. А. А. Дельвиг и А. С. Пушкин. Элегия на смерть Анны Львовны 531
454. Н. А. Полевой. Разуверение 531
455. К. П. Масальский. Элегия («Чья эта новая гробница?..») 532
456. И. И. Панаев. Сельская тишина 534
457. Н. А. Добролюбов. «Измученный, усталый и больной...» 535
458—460. А. П. Сниткин. Элегии
I. Воспоминание 535
II. В Павловске 536
III. «Я всё еще ее, безумный, не забыл!..» 536
461. Н. Л. Ломан. На кладбище 537
462. П. И. Вейнберг. Элегия («Страшных дней подьяческие взятки...») 537
463. П. И. Вейнберг. Элегия (Один из современных вопросов с поэтической точки зрения) 538
464. П. В. Шумахер. Элегия («Славно ведреет погодушка...») 539
465. А. Н. Апухтин. Элегия («Я видел, видел их... Исполненный вниманья...») 540
466. В. С. Курочкин. 1861 год. *Элегия* («Семь тысяч триста шестьдесят...») 541
467. В. С. Курочкин. Элегия («Печально век свой доживая...») 542
468. В. С. Соловьев. Мудрый осенью 543
469. Саша Черный. Воробьиная элегия 544
470. Евгений Венский. Элегия («Брожу ль средь банковских атлантов...») 545

Примечания 547

Биографический справочник авторов 603

К иллюстрациям 626

Русская элегия XVIII — начала XX века: Сборник / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. и биограф. справочник авторов Л. Г. Фризмана.— Л.: Сов. писатель, 1991.— 640 с. 8 ил. (Б-ка поэта, Большая серия).

Р 89

ISBN 5-265-01483-7

Настоящее издание — первый свод одного из ведущих жанров русской лирики — элегии. В антологию включено свыше 440 наиболее интересных и показательных образцов элегической поэзии со времени ее зарождения в русской литературе и до последних модификаций начала XX в. Среди представленных авторов (их более 90) — выдающиеся мастера поэзии, второстепенные и забытые стихотворцы, сыгравшие заметную роль в общей картине развития жанра.

Р $\frac{4702010102-046}{083(02)-91}$ 421—90

ББК 84.Р1

РУССКАЯ ЭЛЕГИЯ

Художник В. В. Еремин
Худож. редактор Г. Г. Семенов
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректоры Ф. Н. Аврунина, Е. А. Омельяненко и Е. Д. Шнитникова

ИБ № 7696

Сдано в набор 12.04.90. Подписано к печати 05.02.91. Формат 84 × $108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 34,02. Уч.-изд. л. 34,73. Тираж 100 000 экз. Заказ № 607. Цена 7 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197110, Ленинград, П-110, Чкаловский пр., 15.